

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2025

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ

ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2025 — 4(79)

СОДЕРЖАНИЕ

К АВТОРАМ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ».....	3
КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА	
Огни Святого Эльма (рефлексия на недавно прочитанную книгу).....	4
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ	
Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа).....	20
Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантасмагория.....	35
Евгений Асташкин. Новые соседи (главы из романа «Мертвый город»).....	56
Виктор Кустов. Запах талых снегов (главы из повести).....	71
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Михаил Смирнов. У каждого своя Голгофа.....	90
Николай Макаров. Сорок лет, три года и год спустя.....	103
Евгений Скоблов. Рассказы.....	111
Вячеслав Михайлов. Пруд беспощадный.....	125
Сергей Богословский. Командировка на «дикий запад».....	130
Егор Козлов. «К озерам Первой бугрины».....	136
Владимир Спиридовон. Зайка с электричкой.....	141
Евгений Мирмович. Олимпийская медаль.....	149
Олег Рябов. В старых дворах.....	163
Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон».....	177
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Анатолий Белинский. Ночной экспресс.....	194
Александр Шерстюк. Из цикла AD ABSURDUM ДУМ.....	200
Анатолий Ливри. Алеет Запад...	204
Григорий Гачкевич. Выше боли.....	206
Кристина Денисенко. Свет.....	209
Валерий Демидов. Русский город.....	213
Анна Барсова. Из цикла «На родных просторах».....	219
Ирина Зорина. Звездная роса.....	222
Антонина Максютенко. В память поэтессы Галины Матюшиной.....	226
Галина Гаряева. Мосты вечности.....	227

Ирина Средина. Ускользающее лето.....	232
Людмила Авдеева. Осень шепчет имена поэтов.....	236
Олег Пантиухин. Наши детям.....	240
Юлия Зимина-Кондакова. Верю.....	242
Екатерина Лунева. «В мае капает дождь».....	247
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Александр Палладин. Второе французское нашествие.....	251
Яков Шафран. Хуже войны, страшнее врага.....	264
Евгений Трещев. «Запоминайте нас, пока мы есть».....	273
Валерий Маслов. 65 лет Тульской писательской организации.....	277
Владислава Васильева. Итоги работы Пятой школы критики в Ясной Поляне.....	283
Нат Весенин. Тула литературная — художественный проект тульских оружейников.....	284
Марина Покровская. Прориси горного.....	288
Игорь Карлов. Синдром перелистывания как общественный диагноз в романе Алексея Яшина «А роза упала на лапу Азора».....	291
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	295

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz

E-mail и телефон редакции: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТРО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) —
зав. отделом прозы
Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Андрей ГАЛКИН (Тула) — зав. отделом
театральных текстов
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
зав. отделом международных связей
Егор КОЗЛОВ (Тула) — главный редактор
альманаха «На крыльях Пегаса»
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТОХИН (Щекино)
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
председатель Правления АРЛ
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Евгений ТРЕЩЕВ (Щекино) — зав. отделом
краеведения
Вадим ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
Почетный президент АРЛ
Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

- журнал «Северо-Мурские огни» (Бурятия)
- журнал «Истоки» (Красноярский край)
- журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
- журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
- журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
- альманах «Московский Парнас»
- газета «День литературы» (Москва)
- поэтическое издательство «Образ» (Москва)
- журнал «Александрий» (Москва)

Журнал издается Тульским региональным отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):

<http://www.pz.tula.ru>

<http://www.tro-spr.ru>

Портал «Журнальный зал»:

<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

К АВТОРАМ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Номером 4, 2025 «ПЗ» мы завершаем Юбилейный, двадцатый год издания нашего журнала; см. редакционную колонку в № 1, 2025 «ПЗ». Искренне благодарим всех авторов и читателей, приславших нам поздравления с Юбилеем!

Хотелось бы — для целей дальнейшего совершенствования литературного качества журнала — напомнить его авторам некоторые непреложные истины скорее «технического» характера.

Журнал наш молод по историческим меркам, но он позиционирует себя именно как «журнал классической традиции», той традиции, что сложилась в русской литературной журналистике за два века, начиная от «Почты духов» И. А. Крылова, «Современника» А. С. Пушкина и особенно «Отечественных записок» Н. А. Некрасова. Тем более, что «Приокские зорь» являются всероссийским журналом, выходящим под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы... как говорится, *obligatio obligati* (положение обязывает, лат.).

В то же время ситуация такова, что в последние 20—30 лет в литературу влился мощный поток так называемых (это в ранее принятом, вовсе не обидном смысле!) *самодеятельных авторов*, особенно в жанре поэзии, то есть еще только нащупывающих свои тропы в словесности, как правило, не имеющих литературно-филологического образования и, увы, не особенно стремящихся к таковому самообразованию. Самое огорчительное для нас, редакции «Приокских зорь», что большинство из таких авторов незнакомы с упомянутой выше *традицией общения автора и журнала*. Отсюда и недоразумения, обиды — особенно у поэтов, как людей эмоционально экспрессивных — и пр. Дескать, почему не напечатали в текущем номере? на каком основании, без согласования со мной, исправили строку моего стихотворения? зачем сократили концовку моего рассказа? ...и так далее, порой с выражением малопечатных пожеланий сотрудникам редакции... Слава Всевышнему, что не обижаются на корректуру их текстов, в которых число грамматических ошибок достигает до 20—30—40 (!) на один стандартный машинописный лист, то есть 1800 знаков, включая пробелы...

Итак, напомним существенные «технические» правила классической русской литературной периодики.

Редакция имеет право, без согласования с автором, сокращать, литературно редактировать, корректировать, возвращать авторам для доработки, не публиковать, также без объяснения, переносить в последующие номера и пр. То есть, посылая свою рукопись в журнал, автор тем самым соглашается с этими, общепринятыми журнальными правилами. И пусть они гордятся, что встают в один ряд с Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским и всеми остальными титанами русской литературы, которые не роптали на сотрудников «Отечественных записок», где их (гениальные) тексты также правили, сокращали и корректировали!

И имейте в виду, дорогие наши авторы: «Приокские зорь» есть, пожалуй, единственный из новых (то есть постсоветских) журналов, имеющий полный (хотя и общественный) состав *профессионально подготовленных* редакторов, корректоров, верстальщиков, зав. отделами, членов редакции и редколлегии. А творения вашего ума, души и рук только выигрывают от их внимательного, добросердечного отношения!

...Кстати, поэтам рекомендуем сделать настольной книгой «Теорию стиха» Жирмунского, а в части отношений автора и журнала — роман Джека Лондона «Мартин Иден».

В путь!

Редакция журнала «Приокские зорь»

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ОГНИ СВЯТОГО ЭЛЬМА Рефлексия на недавно прочитанную книгу*

*Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет!*

Кито

*Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.*

Гёдай
(Пер. хокку с яп.
В. Н. Марковой)

♦ Первая мысль — в начале чтения повести: отнесение к жанру? Все же «субординация» профессионального, по литинститутовскому образованию и жизненному литературному занятию, подхода довлеет. «Во первых строках» — явно фэнтези... какое бы отвращение к нынешнему американо-нижегородскому новоязыку ни питало, но на нормальный русский язык, что по Пушкину и Далю, перевести не удается. А может это сигнал свыше? Дескать, раз не по-русски звучит и на русский не переводится, значит нам, коренным и посконным, домотканым тож, фэнтези вовсе без надобности. Тем более, вспомнил единственный некогда читанный опус этого импортного жанра. Где-то в начале девяностых, скучая в долгойдущей тульской электричке, обнаружил на лавке кем-то забытую (или тоже в отвращении выброшенную?), непрятливо изданную книжку в замызганном мягком переплете, перевод с *ихнего*, посвященную художественному — с американской дотошливостью — описанию *морфологии межгалактических летающих ящеров...*

Опять же, в прочитанной книге Барткевич все внешние признаки придуманного американцами жанра: имена-клички персонажей навроде Мэй, Лео, Айк, Дан, Кир; такие же прозвища у их наставников в живописи: мастер Эрл Тао, Рам Гор, Шэр Янг. Непременные занятия восточной медитацией под руководством мастера с тибетско-

* Елена Барткевич. Небесный художник: повесть.— Новомосковск: «Альтернатива», 2014.— 120 с.

китайчатым именем Шао Чхо. Все трехбуквенно, как в той книжке по морфологии ящеров на просторах Вселенной.

Опять-таки, полное отсутствие такого главенствующего атрибута литературной традиции, особенно и *непременно* для крупных форм, романа и повести, как любовная, чувственная составляющая сюжета. Хотя в книге и присутствуют наметки взаимной приязни персонажей Ии и Мая.

О многом говорит и год издания книги «Небесный художник» — десять лет назад; тем более проставленная автором в конце повести дата написания — уже почти двадцать лет назад. А это время еще активного «последствия» всеобщей американизации социальной структуры нашего несчастливого отечества в паскудно-лихие девяностые годы. В том числе сдачи всех культурных позиций, в литературе для массового читателя — тогда таковая, в наследство от советской эпохи, еще оставалась — в частности. Или в особенности? Второе многозначительно. И это года агрессивного, диверсионного вторжения жанра фэнтези в «пишущие перья» литераторов (писателями их назвать сложно) нового, скороспелого поколения пиар-долларового склада практического ума, а главное — в неокрепшие мозги и души потенциальных читателей этого вида рукописания, то есть молодежи. Опять же, в силу поколенной традиции, еще не разучившейся читать.

Но, повторимся, *это была именно первая мысль «во первых строках»* чтения книги автора из Новомосковска... вообще-то она знаема как добротный поэт (кажется, Анна Ахматова считала слово «поэтесса» оскорбительным?). Несовпадение внешней формы и глубинного содержания литературного произведения не редкость. Порой и вовсе намеренный художественный прием. Как тонкое коллекционное вино не теряет своего вкуса на языке гурмана, из какой бы посуды его не наливали... или, как скажут в нашу лицемерно-казенную оцифрованную эпоху: уворованные деньги на пластиковой карте не пахнут...

Все же для полной ясности поясним разночтение понятий классической фантазии и ее незаконнорожденного отпрыска фэнтези.

♦ Байрон, как творческий гений, сродни своему соотечественнику Шекспиру; любой литературовед утвердительно это скажет, а вдумчивый читатель и сам к такому утверждению придет. И мы лыко в строку вставим: как в части морфологии английский язык тяготеет к краткости, так и у названных титанов британской словесности «мысли тесно в их словесной оболочке». Кстати говоря, это видно даже из построения английских анекдотов...

Данная «филологическая» преамбула к тому, что именно Байрону, устами персонажа «Дон-Жуана», принадлежит таковое краткое по числу слов, но пространное по заложенной мысли определение фантазии в соотнесении с реальностью (передаем своими словами): *нет такой фантазии ума, которая превзошла бы факты и события реальной жизни.*

...То есть выдуманное всегда и исключительно базируется на реально бывшем, существующем. Так сложился и жанр фантазии в литературно-художественном творчестве, начиная с древнеегипетской «Книги о Гильгамеше» и гомеровских преувеличений, что и есть сущность фантазии, войны за Трою («Так говорящий, за ров перенял он коней звуконогих») и колхидских подвигов Одиссея. Оно ведь и боги Древнего Египта и Древней Греции были «срисованы» с человека земного! Преподававшая нам в Литинституте античную литературу Аза Алибековна Тахо-Годи, по учебникам и книгам которой уже близко к столетию в нашей стране знакомятся с историей, литературой и мифологией Древней Греции, так и говорила, что в античной фантазии все земного происхождения, только стрелы лучников летят подальше, боги бессмертны и живут на олимпийских высотах, а герои «мы бы одни разметали троянские гордые башни!» (Аза Алибековна произносила наизусть на языке оригинала — языке своих древних предков, а затем и по-русски).

Все мы, исключая нынешние молодые генерации, входили в мир литературного творчества через сказки — в «дописьменные» годы детства. И сказки эти воспринимались сугубой реальностью: вот вырасту, поумнею, мечом-кладенцом опояшусь, на верного коня-стригунка вскочу и уж подвигов-то свершу!.. Действительно, что в тех же русских народных сказках сверх мыслимой реальности? — Жениться на царевне, получить полцарства впридачу, совершив подвиг во благо всея, жить-поживать да добра наживать. Все житейски объяснимо.

Недалеко от древней и народной фантазии ушли и авторы «регулярной», письменно-печатной литературы. Но здесь уже классификация наметилась: (а) социальная фантазия; (б) философско-мировоззренческая; (в) научно-техническая с выделением фантазии утилитарной... классификацию можно продолжить, так сказать, специализированно, что будет выделением, дроблением, расщеплением (а), (б), (в).

Первой выделилась, обособилась в своей очерченной нише социальная философия, причем в двух вроде как противоположных, взаимоисключающих ипостасях: *утопия и антиутопия*. Первая на столетия старше: собственно «Утопия» Томаса Мора, далее творения-фантазии Кампанеллы, Мелье, Мабли, Пийо и других — Европа XV—XVIII веков по преимуществу. Довлеющий мотив социальной фантазии четко определил Л. Д. Троцкий, блестящий публицист (в книге «Литература и революция», 1923): «Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общественности...»

В трактатах Бабефа, Мюнцера, Фурье, Сен-Симона, Оуэна, наших соотечественников Герцена, Белинского, Чернышевского (вспомните памятные со школьных лет «сны Веры Павловны»!) социальная фантазия перетекает в философско-мировоззренческую. И у сугубых философов она присутствует... достаточно вспомнить «Новую Атлантиду» Фрэнсиса Бэкона и «Человека-машину» Жюльена Офре де Ламетри.

Более поздняя, порождение «апокалиптического» XX века, антиутопия, с ее классикой: «Железная пята» Джека Лондона, «Мы» Евгения Замятина, «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, — вроде как противопоставлена утопии, но, по здравому размышлению, утопия и антиутопия суть «одного поля ягоды». Так мы назвали наш очерк*, объясняющий это двуединство...

Уже не будем ссылаться на множество имен прославленных писателей, авторов научно-технической фантастики. Кто не зачитывался ею в годы взросления (и поумнения, конечно)!

Вывод все тот же: любые разновидности фантастики (а), (б), (в) не выходят за рамки реальной фактологии, но никак уже существующей, либо предполагаемой в будущем, то есть не выходящей за рамки свода законов естествознания: от биологии и физики до гуманитарных дисциплин, той же социологии, политэкономии и пр. По принципу: выше головы не прыгнешь.

♦ Совершенно иное дело фэнтези — порождение эпохи начала глобализации и расчеловечивания, то есть трансформации человека *биологического разумного в биотехнического робота*, приатка глобальной инфотехнической Мегамашины. В этот тягостный процесс человечество уже «уверенно» вступило, что более чем за полтораста лет тому назад предвидел пророчески Н. И. Пирогов («Быть хирургом: записки старого врача»): «Для меня, однако же, не менее вероятен и обратный переход человека в обезьяну, совершающийся почти на наших глазах».

Наш выдающийся врач и мыслитель имел в виду начало «превращения человека в обезьяну» в смысле падения в последней трети XIX века, то есть в период перехода

* Алексей Яшин. Утопия и антиутопия — одного поля ягоды... К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина (1884—1937) // Приокские зори.— 2024.— № 4.— С. 3—18.

капитализма в империализм — предтечу глобализации, традиционных морально-этических норм. Нынешнее же начало* биотехнической (инфотехнической) роботизации человека суть кардинальное изменение его сознания: полная управляемость им Мегамашиной глобализации, примитивизация в переходе от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому и пр., что соответствует и синонимическому «переходу человека в обезьяну».

...Задумайтесь на пяток минут, что называется «выглядните в окно», и согласитесь со сказанным.

Жанр фэнтези стоит в первом ряду «социогуманитарных вирусов», нацеленных глобализмом на уничтожение традиционной, она же выражено национальная, классическая, исторически сложившаяся и пр., художественной литературы. Такая словесность, как продукт направленного творчества, обобщающей образности, питаемая работой подсознания художника слова, хранящего в себе генофенотипическую память о всем предшествующем периоде цивилизации и культуры, наконец, поддерживающая и укрепляющая в человеке (читателе) самодостаточность мышления, есть цель «первого удара» для воинствующего, наступающего «по всем фронтам» глобализма. Ибо ему нужен лишь конечный биоробот: полностью управляемый и (см. выше). И именно из всей сферы социогуманитарной культуры, доселе традиционной, литературное художественное творчество есть тот бастион, что разделяет человека традиционного, мыслящего и грядущего биоробота Мегамашины глобализма.

Почему именно фэнтези — аккуратненькие, удобного карманного формата, малостраничные (чтобы «проглотить не разжевывая») книжки в глянцевых обложках — избраны направленным разрушителем в части литературы, традиционного базиса человеческого мышления и социального поведения?

А это все одно, что дать человеку на завтрак не бублик с маком, но дырку от бублика — фольклор всегда прав в своей краткости. Те же межгалактические ящеры с их морфологией. Итак, основные черты жанра фэнтези. Сюжетная, фабульная канва полностью отъединена от привычного, даже дополненного вольнолюбивым воображением, традиционному человеку мира. В отличии от фантазии (см. выше), условно понимаемая фактология фэнтези не только не существует в каких-то своих чертах в нашей реальности, но не может быть осуществлена в силу неадекватности базовым законом Мироздания.

Другой существенный момент: противоречие такой «фактологии» эволюционной биологической основе человека. В частности, в сюжетах литературы фэнтези, о чем уже упоминалось выше, отсутствуют сюжетные линии взаимоотношения мужчины и женщины. И полная индифферентность в части морали и этики — она в фэнтези даже не предполагается. А вот в произведениях классической фантазии все это присутствует; достаточно вспомнить «Человека-амфибию» Беляева.

Кто читал книги этого жанра, тот припомнит и другие отличия их от традиционной литературы. Мы же дарим суммирующее определение.

Санкционированное виртуальным институтом глобализации внедрение жанра фэнтези в читательский обиход на этапе предглобализации и поддержания его в последнюю четверть века преследует цель — в рамках действенности других мер расчеловечивания — отвращения человека традиционного от творческого мышления и его самодостаточности в той их сфере, что доселе исполнялась художественной литературой. «Рабочий метод» состоит в сочетании информационного шума с дискретизацией (родная сестра цифрофрении — угнетения мышления его оцифровыванием) картин и образов, естественно, ирреальных. В итоге человеку — при чтении фэнтези

* Наша научная концепция дальнейшей эволюции человечества изложена в продолжающейся серии монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (на сегодняшний день вышло 22 тома в различных издательствах Москвы, СПб, Твери, Тулы; в электронном виде см. на ведущих научных сайтах). Отдельные тома отмечены премиями Российской академии наук и Русской православной церкви.

зи — внедряется в активное сознание, при блокировании подсознания, невостребованная им калейдоскопическая информация, заглушающая творческое восприятие (при чтении), а это, по принципу взаимной обратной связи, нивелирует и собственные творческие устремления.

...Замена традиционного чтения художественной литературы «проглатыванием» фэнтези дало свои зловещие плоды. Сыпал в какой-то радиопередаче, как остеиненный педагог хвалит сегодняшнюю школьную поросль: дескать, вместо романов ушедших времен они с неподдельным интересом читают книги... ну-у, например, об образовании и перемещении облаков. Что дает среднеклассику такое чтение? — явно не творческий позыв, как при прослушивании ноктюрна «Облака» Клода Дебюсси...

У более взрослого человека остается иной след от чтения подобных фэнтези: сложившееся стойкое убеждение в бессмысленности чтения любых книг. Монстр глобализации торжествует!

И малолетние детишки не оставлены без присмотра. Чего стоит зрительный эквивалент печатного фэнтези? — бессмысленность современных мультфильмов. Как говорится: от образных, развивающих союзмультфильмовских к отупляющим нынешним уолт-диснеевским... Стародавнюю «Снегурочку» не имеем в виду.

♦ Жанр фантазии, в той или иной ипостаси активно сопутствующий реалистической — так назовем ее — художественной литературе еще в дописьменную эпоху, главной, апологической целью преследует расширение творческого воображения. Напротив, искусственно, конспирологически директивно внедряемое Молохом глобализации «фэнтезирование» преследует цель этакого механистического сужения <уже не творческого!> воображения к «контентно-брендовому» (созвучно с содержательно-бредовым...) тутику мышления. Если фантазия оперирует с реальными объектами мира, всего лишь помещая их — в качестве литературно-художественного приема — в ситуации воображаемых совершенств или несовершенств этого мира, то фэнтези суть искажение реального мира, в каковом <искажении> человек теряет черты биологического и разумного.

Сейчас же зададимся вопросом, к которому мы ишли в процессе поясняющей многостраничной преамбулы: если художественная литература в своем образно-композиционном и обобщенно-гуманитарном содержании эволюционирует синхронно с «краткосрочной» эволюцией человека, что является непреложным фактом, то насколько вероятным является возможность использования элементов фэнтези в современной реалистической литературе, как предмете творческого мышления и отражения реального же мира?

Разберем сущность этого вопроса и возможный ответ на него на примере повести «Небесный художник». Уже было сказано выше, что книга эта привлекла наше внимание именно использованием таких элементов, хотя бы и сугубо внешних. И еще существенное уточнение: *повесть Елены Барткевич не относится по ее содержательному смыслу к жанру фэнтези!* И сам автор в «условном» эпиграфе к повести вполне утвердительно ставит иной акцент на содержание книги: «...Ты напоминаешь мне тех верующих, Лео, которые вроде бы уверены в том, что Бог вездесущ, все видит и все знает. И все-таки они помещают Его где-то вовне, возносят Ему молитвы или просят о помощи. А чаще всего активно заняты Его поисками, словно Бог играет с ними в прятки. Да если человек не способен обнаружить присутствие Бога внутри самого себя — он не найдет Его больше нигде!»

Заметим, что схожее по сущности содержания утверждение о Боге внутри себя было обосновано выдающимся русским философом и духовным писателем П. А. Флоренским в главном его труде «Столп и утверждение истины». Конечно же и он далеко не первый в данной теологической трактовке истины... Главное — в нашем конкретном рассмотрении, — что речь идет о Боге, то есть (в нашей терминологии; см. выше ссылку на цикл работ по феноменологии ноосферы) о *фундаментальном*

коде Вселенной, вытекающим в своем обосновании как из метафизики Канта, так и диалектики Гегеля, что есть несомненная, хотя и не постигаемая человеком реальность, а не о какой-либо химерической конструкции в стиле фэнтези.

Так и художественная Академия в повести «Небесный художник» поначалу воспринимается именно как элемент фэнтези: учреждение это готовит художников-прикладников, говоря техническим языком. Казалось бы, что тут такого сверхординарного? Ведь то же Мухинское училище (не знаю его нынешнего названия) в Северной нашей столице с давних времен готовит таких прикладных художников. Приятель у меня был из выпускников «Мухинки», известный в нашем городе художник-график и технический дизайнер... Но таковая изюминка сверхординарного в том, что Академия готовит своих студентов, правильнее — слушателей, не к чему иному, но к последующей деятельности в сфере... управления земной погодой. Возможно и не только земной, поскольку местоположение художественной Академии и сюжетное движение в ее ареале не определено. Можно только додумывать встречающиеся намеки. Так, обсуждая способности и поведение студента Кира, директор Академии замечает: «...Когда этого юношу забрали с астрального плана и определили к нам...»

Вот и на занятиях кристаллографии ученики Академии совершенствуются в создании новых форм снежинок... Сразу вспомнился некогда с интересом прочитанный научный трактат Иоганна Кеплера «О шестиугольных снежинках» (*«Strena, seu de nive sexangula»*).

Насколько фантазийна или фэнтезийна деятельность такой Академии? Увы, это складывающаяся на наших глазах реальность, где «увы» относится к кардинальному изменению биосфера как естественной среды обитания человека биологического разумного. Человечество подошло к тому рубежу своей цивилизации, когда *все новое* в итоге своем оказывается *расчеловечивающим*, а сам человек в любой точке земной суши стремительно втискивается в железобетонную реальность антиутопий Е. Замятиня, Дж. Оруэлла и О. Хаксли — в цифровой концлагерь с электронной фиксацией каждого телодвижения и каждой, самой пустяшной, мыслишки...

Так что управление погодой в рамках биосфера Земли, ее атмосферы есть реальность не столь уж отдаленного будущего. Кстати, как (английский) боевой танк* появился раньше сельскохозяйственного трактора, а атомная бомба ранее АЭС, так и здесь, скорее всего, «климатическое оружие» (уже и название устоялось...) опередит более мирное искусственное управление атмосферными явлениями. Во всяком случае, в «вольнолюбивые» 1990-е годы много чего писалось и говорилось о том же американском проекте ХАРП — мощных антенных полях на Аляске для реализации санкционированного электродинамического управления облачными массивами, то есть всей погодой, над большими территориями... а кто сосед Аляски? — понятно.

Итак, направленность деятельности Академии в повести «Небесный художник» никакая ни фэнтези-фантазия, а неизбежная реальность далеко не светлого будущего человечества...

Иное дело — это конкретное моделирование студентами четвертого курса группы «Гамма» Академии на занятиях по кристаллографии возможных, наилучших в эстетическом плане снежинок. Это уже ближе к фантазии, хотя и вполне уместной для художественного произведения, ибо структура и форма кристаллов жестко определена и ограничена законами науки кристаллографии... теми же «шубниковскими группами», исходящими из законов симметрии.

♦ Творческое искание и есть содержание повести. И оно в полноте охвата подпадает под определение Ф. М. Достоевского: «Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную

* Кто бывал в Архангельске, тот мог увидеть его в качестве свидетельства интервенции Антанты в Гражданскую войну...

форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!» («Хозяйка»).

...А всевозможные медитации, праны, астральные пояса и прочая внешняя атрибутика — это, скорее всего, прием для «осовременивания», что называется «под читателя», описанного русским гением словесности процесса созревания художника... неважно, слова ли, холста, пластического искусства... фиксируемого в достигнутой совершенной форме своего творения.

Как пианист начинает свои репетиции с разыгрывания «школьных» еще гамм, чтобы мышцы рук вспомнили аппликатуру — что есть мнемоническая память, а художник слова ведет развитие сюжета «нанизыванием» возникающих в голове образов на временную ось движения, развертывания во многом типовой фабулы, так и живописец, взяv в руки кисть и палитру, постепенно входит в «творческий транс», в котором личное его Я бесконечно умалеется перед художественной сверхзадачей воплощения задуманной картины, как творческого осмысления реальности... даже во многом уже ирреального мира с бытием в нем человека. Вот и в повести учитель Шао Чхо объясняет своему талантливому ученику Лео сущность такой мнемоники для художника: «...Ты все равно не сможешь исправить ошибок, даже если я много раз покажу тебе, в чем они заключаются, и как нужно делать правильно. Лучше просто расслабься и вслушайся внимательно в свое тело. Уверяю тебя — когда ты поймешь принцип, по которому все построено, ты сумеешь сделать верно любое движение. Ибо принципов гораздо меньше, чем движений. И когда ты сделаешь движение верно, ты сразу же это поймешь. Тебе не нужно будет никаких доказательств, ты просто будешь знать это — и все. А словами тут ничего не объяснишь».

Так показан в повести процесс осознания себя творцом. То ли осознанно, а может и подсознательно, автор поставил себе целью показать, что и в ситуации расчеловеченного (фэнтезийного то есть) мира, в сообществе биороботов — подданных Молоха глобализации, человек-сохранившийся-творческий все же и сохраняет в себе творческую доминанту, стремится реализовать потенциал и устремление своей творческой натуры.

Творец — товар штучный, коль скоро все мы живем в эпоху «товар-деньги-товар», согласно формуле классиков политэкономии. Но все же он творец! Человек совсем недавнего прошлого, на машине времени попав в реалии нашего бытия, остолбенеет с первых же шагов по улице: люди идут и сам-один громко разговаривают. Хорошо если придет пришельцу из прошлого спасительная мысль: наверное, сегодня «день открытых дверей» в московской Кащенке, лондонском Бедламе, парижском Сальпетриере, тульском Петелино, калужской Бушмановке... в зависимости от географического места остановки машины времени подумает. Но попривыкнет ближе к наступлению ночи — подруги ума размышающего, а одной из первых мысль выскочит: возможен ли в среде таких вот расхристанных душой и телом «кешбэкистых смартфонистов» человек творческий?

Так и в мире действия повести, в среде Академии, на фоне определенной усредненности и равнозначимости, питаемой телесно в буфете искусственной едой из синтезатора (наша нынешняя генномодифицированная близка уже к ней, а в Китае налажено производство риса и яиц из отходов пластмассового штампования...), а умственно учителями, строго следующими программе подготовки специалистов по внешнему оформлению субстратов искусственного же климата, все же раскрывается талантом тот Единственный, в ком сопротивляющаяся полному расчеловечиванию эволюция разума и творчества дает уже подавленный был всплеск.

«*О, Земля, дарительница жизни, благословенно твое неистощимое плодотворное лоно, которое, разверзаясь, вновь принимает в себя все!* — думал Лео, в блажен-

ном экстазе все ускоряющий свой танец. Очертания тела словно размылись, потеряли границу; он сам был движением, сам был энергетическим потоком».

...И не будем забывать, что автор повествования о небесном художнике — поэт. И поэтическая первооснова его творчества прорывается на страницы книги стихами, так похожими на японские трех- и пятистишия (хокку и танка):

*Стонут ракиты, словно
Бредят в тяжелом сне.
Это тревога снова
В сердце вселилась мне.*

◆ Человек мыслящий не ракита, но в теперешнее время, апокалиптическое по содержанию и характеру, живет он, не исключая тягостные сны, в постоянной тревоге. На днях, открывая фестиваль «Александрия», Александр Григорьевич Лукашенко, человек предельно откровенный даже для его высокого президентского поста, так и сказал (открытие фестиваля транслировалось телеканалом «Мир»), что пусть хоть на несколько дней вас, зрителей, отпустит постоянное тревожное ощущение нашего невеселого времени... — своими словами передаю; Александр Григорьевич эмоционально жестче сказал.

Что ждет человек читающий, ныне почти что занесенный в «Красную книгу», от современной литературы? — вопрос этот задается в контексте рассматриваемого отношения между реалистическим, фантастическим и <пресловутым> «фэнтезийным» подходами. О последнем хорошо сказано в поэтических строках*:

*И перейти за бурелом,
За грань,
за здравый смысл (по Канту)?*

В анализируемой повести «Небесный художник» мы, то есть в субъективном подходе, видим гармоничное слияние названных подходов: почти что нарочитая фэнтезийная внешняя оболочка покрывает реальность творческого взросления художника — пока еще не Художника, но устремленного к таковому творческому качеству. А фантастика в данном повествовании есть не что иное, как предчувствуемая реальность будущего... как почти всех сбывшихся технических проектов Жюля Верна. Да и всех писателей фантастов двух предшествующих веков; не исключая авторов утопий и антиутопий, увы...

Но почему такой странный — на первый взгляд? — симбиоз литературных приемов и жанров все более привлекает современных писателей? Ответ представляется нам <опять же субъективно> следующим и именно «заостренным» на тягостность современного бытия человека разумного — разумного в традиционном понимании, а не нынешнего, уже успешно созревающего биоробота спешно строящейся глобальной Мегамашины *человейника*, родного брата пчельника или муравейника.

Д. С. Мережковский в своем знаменитом, популярнейшим в кругах образованных читателей начала XX века трактате «Л. Толстой и Достоевский» соотнес творчество Льва Толстого, образно говоря, с «телом» человека, отдав пальму первенства его души Федору Михайловичу. Действительно, все персонажи толстовских произведений — от всемирно признанных романов и блестящей прозы малых форм до... мягко скажем, не достигшей той же вершины драматургии (не потому ли Лев Николаевич напрочь отвергал гений Шекспира, подсознательно чувствуя в нем «удачливого соперника»? — гениальным художникам все можно простить...) — все они живут, действуют, чувствуют именно как *люди биологические разумные*, у которых плоть и разум в естественной гармонии. И не потому ли поздний Толстой, морализатор и ду-

* Из «Поэмы Боль» Елизаветы Барановой / Пусть останется секретом: сб. стихов.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2025.

ховный аскет, отрекался от всего ранее им созданного (!?), дескать, лучшее из написанного мною — притча «Бог правду видит, да не скоро скажет»...

А вот творчество Достоевского Д. С. Мережковский относит к показу души человека, для которого разум выше плоти его в поступках, действиях, мыслях. Словом то, что сухим языком науки психологии определяется как анализ социального портрета человека в соотнесении его сознательного мышления и генофенотипического бессознательного психического. Итак, в творчестве этих двух титанов русской словесности видим выраженную дифференциацию: доминанта *реального* у Льва Толстого, а у Ф. М. Достоевского *фантазия* творчества, понимаемая как творческий поиск и образное описание психики человека неординарного мышления — того же князя Мышкина, Раскольникова, Свидригайлова, главных персонажей «Бесов»... опять же братьев Карамазовых. И именно фантазия в определенном выше понимании. То есть достичь мое во времени, а у Достоевского — в человеке, коль скоро тот поставлен <сюжетом писателя> в условия, благоприятствующие или вынуждающие этим чертам характера развиться в достижимой в реальности полноте. Неважно каким чертам: архипозитивным или человеконенавистническим.

Так и в формировании в человеке творца (см. выше цитату из «Хозяйки») Достоевский пишет как последовательное развитие в нем качеств и черт познания мира, а главное — особенностей своего мышления, которые позволяют надеяться на творческое самовыражение. А это позволяет полагать: художественный анализ психологии поведения человека непременно содержит элемент *предполагаемости* высшего развития в конкретном человеке черт характера, доминанты которых заложены в нем природой и отчасти воспитанием, то есть *генофенотипически*.

А вот Сергей Есенин в «Ключах Марии», который очерк нам в Литинституте рекомендовалось прочесть уже на установочной сессии, утверждает более расширенное толкование триединства содержания человека: *душа — тело — мысль*, где ареал последней не ограничен сугубо человеческими качествами. То есть остается место для вольнолюбивых мечтаний, что есть нынешняя фэнтези-окраска в прозе и... основа поэтических образов, как говорится, «всех времен и народов». Вот и читает студент Академии Май стихотворение, посвященное картинам своего учителя, Мастера живописи Шэр Янга:

*Это снова пронзает дрожь
Нерасцветшей рябины грозы.
Это пьяный сапожник-дождь
Рьяно в землю вбивает гвозди...*

♦ Пишуший этот очерк родился, вырос — без малого два десятка лет прожил на краю света — в прямом смысле краю — на выходе из Кольского залива в Баренцево море. А это гранитные скалы без какой-либо существенной растительности, круто обрывающиеся в морскую воду, в долгую заполярную зиму с температурой — «от Гольфстрима» — в минус два градуса (не замерзает из-за высокой солености). Из окон же домов меняющегося раз в два-три-четыре года проживания нашей семьи постоянно видны гражданские суда и военные корабли, входящие-выходящие в Кольский залив, главный торный путь тех мест. В зимнюю «полярную ночь» круглосуточно они угадываются по мачтовым сигнальным огням фонарей, а в «полярный день» с его незаходящим солнцем — воочию, опять же круглосуточно.

Соответственно, любимое чтение тамошних мальчишек — книги морских писателей: от «Вокруг света на «Коршуне» адмиральского сына и революционера-народника Станюковича до «Фрегата Паллада» купеческого сына и будущего главного цензора Российской империи Гончарова. И вся зарубежная детско-юношеская классика морских путешествий и событий...

Все это читалось легко и свободно, без остановок и раздумий над сугубо морскими названиями. Что и неудивительно: жизнь «во владениях» Северного флота, где

все взрослое население, неважно, в военной экипировке или одетые по гражданке, приписано к этому флоту. Поэтому морская терминология — равноправная составная часть как служебного, так и обыденного, разговорного языка.

Из романтической составляющей этой терминологии в раннеотреческие годы особенно запали в голову *огни святого Эльма*, то есть «молния наоборот»: тлеющий электрический разряд со слабым синеватым свечением, наблюдаемый на оконечностях корабельных мачт в сырую, но тихую, штилевую на море погоду, когда воздух насыщен микрозарядами статического электричества. ... Для «сухопутных» мест, той же Средней России, схожий аналог суть предгрозовая тишина и застылость воздуха: ни ветерка, ни единого шевеления в воздухе.

Святой Эльм — это из католического обихода, явно из числа покровителей мореплавателей, и дал имя этим огням-свечениям, как оберегающим суда в ночном море от взаимных столкновений.

Предостерегающие «огни» — неизменный атрибут писательского творчества, который следует постоянно держать в уме, направляющем гусиное перо сочинителя. В то же время Эльмовы огни есть символ творческого устремления. Наконец, виртуальный образ мерцающих огней суть основа романтических и символических литературных течений. ...Как символ дождя у Мастера живописи Шэр Янга и его ученика Мая в повести Елены Барткевич:

*Радость иль печаль — все равно
Час назначенный на отсрочку.
Дождь иссяк, умолк. Стук в окно.
Значит, снова не спать мне ночью...*

(И все же лаконичность и выхваченная мгновенная образность поэта Елены Барткевич очень близка к японским хокку и танка!)

...Огни святого Эльма предостерегают, завораживают, привносят творческий импульс. Они одновременно субъекты реальности и творческого вымысла — фантазии — воображения, без чего художественная литература вырождается в сухую бухгалтерскую цыфирь, в ту же фэнтези. К чему сейчас Мегамашина глобализации усиленно подталкивает расчеловечиваемый мир.

♦ И мы внесем тягостную поэтическую лепту в предчувствие полного обнищанья литературы не столь уж далекого несветлого будущего — строками Леры, персонажа нашего романа* тех же лет написания что и «Небесный художник». Позаимствуем у Леры один из ее сонетов:

*Стояла ночь неясных побуждений.
В душе преступной сгинь или волнуй,
Украденный случайно поцелуй
С цветущей вишни, ветви наслаждений!*

*Сырой котельной бункер парохода,
А ночь пришла, беззвездна и темна.
Пылает сердце, мозг, и не до сна,
И душат растворившиеся воды.*

*Томленье страсти длится до рассвета,
И, верно, мудрость Ветхого Завета
Живет среди сырого бытия.*

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

*Грозу бы, ломаные пики молний;
Мольбу мою, внемли, Господь, исполни!
Сними удушье, грозный судия!*

...К сожалению, закон нарастания сопротивления, противодействующего силе (той же пружине сжатия), неизменен только в физике и в ее технических приложениях. В социальной же сфере действуют эволюционные законы, в числе которых «гуманизированный» закон нарастания сопротивления является сугубой частностью на вспомогательных боковых ходах эволюции; тот же закон диалектики Гегеля: по мере усиления классовой борьбы сопротивление изживаемого класса возрастает, почему-то и кем надо приписываемый Сталину в осовремененной терминологии...

Вот и литература, как одна из важнейших составляющих мировой культуры, эволюционирует в заданном эволюцией целеуказании. А всевозможные «литературные схватки» — от античной традиции «споря древних и новых» до нашего пролеткультовского «сбросить Пушкина с парохода истории» — всего лишь те самые вспомогательные боковые ходы.

А уготована литературе участь печальная... нет-нет, не подумайте, что такое утверждение исходит от «хронического пессимиста»! Как раз наоборот — только беспределный оптимист в душе возьмется рассуждать о литературе в дни-годы-много десятилетий ее нивелирования до убогости фэнтези и умаление ее роли до уровня «услады сирых и убогих», что оказались на обочине прямого пути... в расчеловечивание, в улей человейника. «Завтрак на обочине» по Стругацким. А коль скоро еще остаются подвижники литературного творчества, то дело таких оптимистов угадывать их время существования и творения. Опять же одолжим сонет у некого учрежденческого поэта-любителя*:

*Я жизнь отображаю. Не пророк,
Лишь списываю явные картины,
За ними скрыты тайные пружины,
Читающий да извлечет урок.*

◆ Жизнь сейчас не совсем удобная и имманентная литературному творчеству. Почти что рукотворное изменение глобального климата (еще одна *nota bene* к задачам Академии в «Небесном художнике»!) «дарит» нам сверхжаркие летние дни. А в относительной прохладе наступившей ночи мы не всегда слышим раскаты грома столь ожидаемой освежающей грозы... В иных местах потомки ветхозаветного народа крашут все окрест, а американцы 14-тонными бомбами (сразу вспомнился американский же шлягер на танцплощадках 60—70-х годов «Двенадцать тонн» — исповедь летчика-бомбера...) дырявят персидские горы... Итак, по всему земшару сбываются наяву предречение Апокалипсиса - напасти земные преследовать будут человека: моровая язва (*COVID-19?*), затем война и воспоследующий вселенский голод. Понятно какая война такой голод за собой повлечет... Неуточно, тягостно и безысходно.

И только художественно оформленное слово еще дает какую-то надежду, возможно и эфемерную, лишь отчасти спасающую от полного отчаяния. Еще писах — писах.

...С год назад попала в руки книга**, замечательно интересная по содержанию; более того, живо возвратившая меня в литинститутские годы: автор Константин Кедров читал нам курс фольклора — по его молодости и улыбчивости студентки заглаза именовали его Костей Сказкой; Владимир же Гусев, автор предисловия к книге, вел занятия по литературной критике. Чем-то я ему приглянулся, поначалу хвалил при-

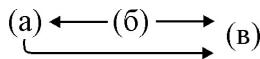
* Яшин А. А. Видение на Патмос: роман-предвидение в 6-и частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

** Кедров К. А. Поэтический космос / Предисл. Вл. Гусева; Полемич. заметки Г. Куницына.— М.: Советский писатель, 1989.— 480 с.

людно, затем обличил в верхоглядстве... В новейшие времена Кедров публиковал свои стихи в «Приокских зорях», а Владимир Иванович, возглавляя Московскую писательскую организацию Союза писателей России, наградил наш журнал орденом Г. Р. Державина... не забыл в знаках литературного отличия и его главного редактора, своего бывшего студента. Но — к сути дела от ностальгических воспоминаний.

В том самом предисловии к книге Константина Кедрова Владимир Гусев, в бытность профессором Литинститута имевший громкую (и заслуженную!) славу блестящего литературного полемиста и эссеиста, так формулирует: «*Простая эта истина (о надвигающейся угрозе самой жизни человечества.— А.Я.), на мой взгляд, состоит в том, что новейшее человечество ушло от сущности Жизни и Природы, от первоисточников своего существования; что ему надо вернуться к этим жизненным, духовным первоисточникам, которые не имеют общего названия, но всеми наими ощущаются как Сущность Жизни; что о бытии этих первоисточников хорошо знали все религии и философии мира и опирались на них... Живущие внутри нас ныне в забытом и задавленном виде; и лишь подлинное (а не прагматическое) искусство и другие моменты прозрения человечества имеют доступ к ним и освобождают их. Надо вернуться к ним и уважать их, только и всего. То есть начать надо не с того конца, с которого начинают нынешние «спасатели» (они лишь подкладывают лед под воображаемый труп), а «совсем с другого», то есть от сущностей, от Жизни и от духа, а не от внешнего. То есть надо посмотреть, может, «он» еще жив и его просто надо разбудить ото сна. Вернуть ему его сущностные силы...»*

Извиняемся за пропущенное цитирование — оно же уважение к своим литературным учителям; как в «Небесном художнике» студенты Академии почитают своих Мастеров кисти... Гусев расставляет акценты: (а) природная сущность (у него Жизнь, Природа, Сущность Жизни) социогуманизма первична в человеке биологическом разумном; (б) ныне человечество ушло от природной сущности своей; (в) истина во спасении <современного> человечества: с обращением к истории социогуманизма устремляться — в мыслях и практических делах — к возвращению человеку «его сущностных сил». Схематично выглядит так:

(Это как Константин Кедров учили нас анализировать содержание фольклора схемнологическими построениями...).

И следует из утверждения (в), в контексте наших размышлений в этом очерке-рефлексии, что вполне обосновано нынешнее *status quo* в содержании и в сущности современной художественной литературы, а именно: *практическое отсутствие (за исключением «датской» литературы) обращения нынешней художественной литературы к темам и событиям современности. Весь ее интерес обращен к событиям истории, даже если этой «истории» всего пара-тройка десятков лет от дней сегодняшних, либо же к предречению событий будущего.*

А отсюда и рояль в кустах: литература с элементами условной и безусловной фантазии, в том числе с внешним антуражем фэнтези, есть не просто литературная традиция, тем более «литературная мода» и пр., но социогуманистическая — социокультурная ниша современной литературы выйти из тупика безвременья, то есть времени расчеловечивания, хотя бы виртуально «вернуться в будущем» к природной сущности человека биологического разумного.

...Не гляди на начало, смотри последка! — гласит народная мудрость. Опять же общеизвестное: грядущее суть прошедшее, осмысливаемое сегодня.

*Я жизнь отображаю — не пророк!
Рискуя в обобщеньях повториться,*

оговаривается на всякий случай наш давешний учрежденческий поэт. И мы, следуя

его ненавязчивому совету, просим не упрекать нас, что, «привязавшись» к этой самой фантазии, мы не устаем улавливать признаки ее назначения во всех «долготах и широтах» страны художественной литературы:

Читающий да извлечет урок...

— имя-рек опять же сказал.

♦ ...Припомните из «Золотого теленка» одесских классиков в части обличительной речи Остапа Бендера перед Корейко: Остап говорил в скверной манере провинциального адвоката, что, вцепившись в какое-либо одно слово, далее беспрерывно тащит через все судебное заседание. Точно также наша вечно родная, вневременная бюрократия, направляемая в части тематической лексики <слабограмотной> масс-медиа, как привязывается к какому-либо слову, обычно американскому или калькой с такового, так и сует его куда ни попадя весь сезон «лексико-инновационной кампании», как правило, до полугода. Затем переключается на другое.

Вот только что, к всплеску жаркого начала июля двадцать пятого года, затихать начала кампания с термином «искусственный интеллект» (куда только его не всунули? — от доения коров и лечения хронических алкоголиков до галактических исследований и городских «беспилотных» троллейбусов... одно лишь табу осталось: замена этим «интеллектом» административно-бюрократических чинов; своя рубашка ближе к телу!), как на смену молниеносно разверзлась другая — с пресловутым «маркет плейсом», то есть «торговой площадкой» по-русски.

Навскидку — не менее полусотни таких затяжных компаний прошло со временем американизации — усилиями СМИ — русского языка и вовлечения России не мытьем, так катаньем в процесс глобализации. Народ наш внутренне холдеет, услышав про начало новой словесной истерии, ибо ничего хорошего для себя не ждет. Но термины эти принципиально не употребляет... чтобы не сглазить. Но вот «искусственно-интеллектуальное омовление» заставило насторожиться самодостаточно мыслящих людей. Тому есть веские основания.

Во-первых и в основных, никакого «искусственного интеллекта» быть не может онтологически, по законам Мироздания. Обоснование смотрите в различных томах серии «Живая материя и феноменология ноосферы» (ссылка дана выше). Не доверяйте вашему покорному слуге, кстати, профессору по кафедре ЭВМ? — тогда читайте книги нобелевских лауреатов: Анри Бергсона, Бертрана Рассела, Эрвина Шредингера, Конрада Лоренца, Стивена Вайнберга — и всех философов всех времен... *А есть всего лишь самопрограммируемые автоматы (нейронные сети), созданные человеком и самопрограммируемые по ключевым программам, разработанным человеком же.*

Во-вторых и также в существенных, такие автоматы уместны в технике, в том числе в военной, коль скоро без войн человечество жить не научилось и не стремится к этому. Таков вектор научно-технического прогресса. Но дьявол глобализации перехватил и направил эти автоматы на роботизацию человека и его отстранение от всего, самому же ему уготовив «местожительством» ячейку улья человейника.

...Опять же, чтобы внедрять нейронные сети в устройства техники, надо иметь развитую индустрию самой техники. А с человеком-то все проще: дал ему в руки кандибобер-гаджик смартфонистый, либо же из фирмы Илона Маска вживили тебе микросхему (чип по-ихнему) в голову и — гуляй Вася (Бейз по-ихнему), ешь опилки, пока есть на лесопилке! Не надо ни о чем думать-размышлять; как в рекламе: Илюша Обломов делает *bysiness*, не вставая со своего дивана и не заменяя любимый халат на фрак...

Ладно подчиненная Америке с ее Силиконовой долиной и Илоном Маском Европа, но ведь и в отечестве нашем множество технических задач накопилось в условиях нещадно множащихся западных санкций, однако уже полгода телерадио верещит о все новых достижениях «искусственного интеллекта» в социогуманитарной сфере.

Уже и фильм якобы художественный на нейросетях сняли, экранный балет сгомозили... все ближе и ближе к мозгам школьников и студентов подбираются...

А мы вот тоже наконец-то подобрались — с двумя страницами «идеологического введения» — к теме нашего очерка, а именно: уже откровенно оговариваемый глобализаторами — через мировые СМИ, своих поденщиков — перевод литературного сочинительства от человека к бездушным нейронным сетям. Ни много, ни мало на последнее чисто человеческое направил свой натиск Великий глобализатор!

♦ Опять же позаимствуем у *нашего* учрежденческого поэта-самоучки:

*Перелистни страницу, мой читатель,
Там это самое point sur les «i»*,
А суть вещей с собою унеси.
Перелистни, мой добрый почитатель!*

*А там — горчее валерьяны капель,
Горчей полынного экстракта строки,
Экзамены уже, а не уроки,
Готовится принять Бог-изыскатель.*

Конечно, малопочтенную роль отвел поэт из канцелярки Богу Вседержителю: эволюция низводит его любимое детище, его человека до уровня мельчайшего винтика (у Достоевского вроде как шпильки?) Мегамашины Сатаны-глобализатора, а экзамен почему-то должен принимать Бог? Если имеются в виду Страшный Суд и Воскресение, то тем более...

Тем не менее уже не одно десятилетие имеем фактор «искусственной» литературы — предтечи ее фабрикации нейронными сетями, а именно фэнтези. Каковая лишь по фонетике названия как-тоозвучна фантазии — сугубо творческому литературному приему.

Если фантазия есть продукт творческого мышления, в своей фактологии основывающаяся на «кальке с реального» (см. подробно выше), то фэнтези понимается как продукт работы нейронной сети (конечного и бесконечного автомата — машины Алана Тьюринга с остановом и без останова). Не будем вникать в литературоведческом очерке в какую-либо техническую составляющую работы нейронных сетей, дадим лишь следующую формулировку: *если литературное художественное произведение есть виртуальное отображение в мышлении человека реальности бытия человека или дополненной реальности***, то есть фантазия, причем фиксируемое в оперативной памяти и/или на материальных носителях как законченный (даже если сюжетно и незаконченное, как «Мертвые души...») по целеуказанию цикл мышления, то результатом квазитворческого «художественного мышления» нейронной сети является построение последовательности <оцифрованных> образов по лекалам с программно заданных оригиналов с дроблением (раслоением) программного же целеуказания на выходящие из сферы реальности ходы.

...Отсюда и пресловутые «художественные исследования морфологии космических ящеров», ибо работающему на таких расслоенных ходах автомatu на нейронных сетях все одно: морфология реального живого существа — лягушки, зайца или человека, — или созданного зациклившейся на взаимных переключениях «ДА — НЕТ», «ИЛИ» и так далее электронных цифровых схем виртуального ирреального существа... недотыкомки — бредового образа из романа Федора Сологуба «Мелкий бес»...

Итак, разрушение двуединого творческого воображения ↔ творческого воспри-

* Поставить точку над «i» (франц.).

** Это совсем иное, нежели устоявшийся в СМИ словесный штамп «дополненная реальность» — элемент фэнтези. У нас — дополненная по схеме: из реального в реальное.

ятия в ареале действенности художественной литературы посредством его (двуединства) перевода в виртуальную ирреальность есть текущая <сверх> задача механизма глобального расчеловечивания, решаемая посредством замены естественного интеллекта — мышления человека биологического разумного искусственными нейронными сетями с их замкнутостью на ирреальность.

«*Все это было смешно и пошло, но могло быть и хуже: всякому размышлению грозит *idola fori**, слова могут извратить намерения, окаменевшие истины грозят упрощением, и от усталости в конце концов достаешь из кармана жилетки белый флаг капитуляции*», — такими словами Хулио Кортасар, один из виднейших представитель «нового романа XX века», в своей главной книге «Игра в классики» определяет упрощение — опошление; в данном случае самого предмета художественной литературы. И мы вторим неловкими строками все того же канцелярского поэта Валентинова:

... *А то — умрет предмет литературы*
И станет чем-то вроде лигатуры:
Отживший тлен — предбывшие таланты...
И добавим «из него же»:
К концу идет повествование наше,
И скоро, скоро пропоет петух.
В печах протопленных огонь потух,
Луна вычернивает силуэты башен...

То есть пришло время завершать очерк, вызванный к печатной жизни недавно прочитанной повестью «Небесный художник» Елены Барткевич; спасибо ей за несвоевременно данный повод к размышлению. Означим и выводы.

• Неприглядность бытия человека в современном мире глобализации и начала активного расчеловечивания побуждает писателя либо обращаться к истории, либо же вносить в сюжетно-фабульную линию, в характеристику персонажей элементы фантастики — в традиционном ее понимании: *чего сейчас нет, но что непременно будет*.

• Глобальное расчеловечивание содержит в себе доминирующий элемент *творческого вырождения*, то есть подмены аналогового творческого мышления утилитарным цифровым. Значит, уже совсем скоро человек будет мысленно формулировать самую простую фразу «по крайней мере один из десяти <далее следует конкретизация>» в правилах цифровой логики: « $\vee 1010 <...>$ », где знак \vee ослабленной дизъюнкции будет фиксироваться в мышлении образом-кодом (1010 — это десятка в двоичном коде).

• Творческое вырождение в обобщенно понимаемых искусстве и культуре имеет своими предшественниками (в эволюции ничто не свершается тотчас, «с нуля», но имеет длительную по времени развития предтечу) ирреальные направления, обобщенно именуемые как абстракционизм, декадентство, «осовременивание», осознанный примитивизм (сюда не входит *образный* примитивизм тех же живописцев, например, Марка Шагала и югослава Ивана Генералича...) и пр.

• Аналогичных предшественников имеет творческое вырождение в литературе, ныне главенствующее в форме *иррационального фэнтези*. Не следует понимать вырожденчество в качестве унизительного, ругательного и пр. Это есть движение социогуманитарной эволюции, а в последней *все закономерно...* «у природы нет плохой погоды» словом. В эволюции всему свое время: разбрасывать камни и время их собирать. И если все тот же космический ящер (со своей морфологией...) есть *тупиковое мышление*, то «выходящий из моря зверь с семью головами и десятью рогами: на

* Идолы площади (ит.); здесь: опошление.

рогах его было десять (не 1010! — А.Я.) диадем, а на головах его имена богохульные» (Откровения Св. Иоанна Богослова; 13. ст. 1) суть *образное творчество* человека начальной фазы активной цивилизации и культуры. Отличие здесь не словесное, не образное, но отображающее двух различных людей, пока еще в единой биологической оболочке: один завершает творческую эволюцию человека, другой же — два тысячелетия тому назад — ее начинал... впрочем, уже опираясь на наработанный культурно-цивилизационный пласт Древнего Средиземноморья и европейской античности.

● Интерпретация не есть доказательство. Даже в математике, дисциплине сугубо доказательной, встречается интерпретация. Что уж говорить о литературном творчестве?! И мы выше всего лишь интерпретируем относительность реально отображаемого в литературных произведениях... ведь не бог, не царь и не герой?

● Вольные или невольные апологеты литературного расчеловечивания (как библейские гадаринские свиньи: вожак с обрыва в море — и все за ним...) обычно оперируют следующим утверждением: «технизация», терминологическая наукообразность и прочее, что составляет сюжетно-образное содержание «литературы будущего» с ее нынешней предтечей — фэнтези, есть естественное следствие научно-технической доминанты уже наступившей эпохи эволюции человека. Почти полтора столетия тому назад схожий вопрос ставил Н. Ф. Федоров (1828—1903), выдающийся мыслитель, стоявший у истоков философии русского космизма. В небольшой работе «Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством?»* он исходит из степени сближения трех категорий человеческого творчества (их он называет «формулами»): художественной, религиозно-нравственной и научной. Переходя от его своеобразного метаязыка «философии общего дела» (название основного философского труда Н. Ф. Федорова) к современной лексике, можно полагать, что ответ на <поставленный в названии работы> вопрос соответствует социогуманитарным взглядам того времени: своего рода антропоцентризм коллективного и разумного человечества с разумным освоением всего знания и поставлением «неорганизованных» сил природы на службу такому разумному человечеству (Мичурин и Тимирязев повторяют эти доводы...), где все три «формулы» сохраняют в гармонии свою самостоятельность.

Увы... прошедшее с тех оптимистических времен развития человечества отринуло такой антропоцентризм, в реальности показав, что не человек руководит своей эволюцией (хотя бы он и обогнал ее — по Конраду Лоренцу), но есть лишь средство движения эволюции. Вот и две составляющие, две формулы Федорова — художественная и религиозно-нравственная — не то что управляются третьей, то есть научной, но *нивелируются до ничтожного уровня артефакта*. Что мы и наблюдаем с прискорбием в части литературного творчества.

...Пока еще пишут с натуры небесные художники огни святого Эльма.

СВЯТОЕ

* Федоров Н. Ф. Сочинения / Общ. ред. А. В. Гулыги.— М.: Мысль, 1982.— С. 566—572 (Серия «Философское наследие»).

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
(главы из романа)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

14. Встреча

Когда Ивея обняла свою мать, я решил не мешать и пошел осмотреть купол, занимавший всю вершину острова. Лишь перила опоясывали открытую площадку, предохраняя от падения в пропасть.

Вскоре я увидел вход в купол, небольшой, с человеческий рост, со светящейся полосой герметика, благодаря которому внутри создавался свой микроклимат. Под огромным куполом, пронизанным солнечным светом, был тот же остров. Но заросли странным образом прорастали сквозь матовый, полупрозрачный пол, через который были видны нижние уровни, движущиеся платформы и шахты лифтов. Здесь было свежо. Видимо, так и должно быть на вершинах скал.

Я заметил Ригаса. Он задумчиво глядел на океан, сидя в кресле, полускрытым среди пышно цветущих кустов.

— Красиво,— сказал он, увидев меня.

— Разве ты видишь? — я все еще удивлялся этой его способности.

— Вижу; больше, чем ты думаешь. Сейчас я вижу все пласти времени одновременно. Теперь я знаю точно — установка находится здесь.

— И ты видишь будущее?

— Да.

— И что же будет с Эвкаифом?

— Его нет. Он уничтожен. Вот что значит мелкие игры во власть.

— Ты так спокойно говоришь об этом...

— Да. Потому что я вижу вечность, а значит, вижу все сразу.

— Неужели нельзя предотвратить трагедию, спасти людей?

— Нет, нельзя. Все идет своим чередом. Человечество не учится на собственных ошибках.

— А когда научится?

Ригас вздохнул, поднялся.

— Нескоро.

Но почему-то в этом «нескоро» мне послышалось — никогда.

В купол входили Данард, Ивея и ее мать.

15. Время — это шар

Когда они вошли, за матерью Ивеи закрылся вход и активировалась система герметизации.

— Лея, для чего такие предосторожности? — спросил ее Данард.

— Привычка. С тех пор как я поняла, что Этон больше не вернется, мне стало страшно. Меня пугает этот остров. Всю жизнь я бежала от одиночества. И все же попала в ловушку судьбы.

Лея грустно улыбнулась. Оглядела нас, словно все еще не веря в наше присутствие, и повела к лифту. Спускаясь в нем, мы видели, как сменялись уровни помещений: в основном пустые, огромные залы с ярко светящимися стенами.

— Этон что-то чувствовал, когда строил все это, — произнесла Лея. — Он хоть и не верил в гибель Эвкаифа, но, видимо, решил подстраховаться. Здесь работает та же система жизнеобеспечения, что и на Седьмом ярусе. А ведь я могла бы здесь состариться... Обезуметь от одиночества.

Ее глаза наполнились страхом. Она невольно взяла под руку Данарда.

— Ночами я вспоминала Седьмой ярус. Как бы я хотела вернуться. Даже туда, откуда бежала. Раньше мне казалось немыслимым жить там, в пустоте мертвых залов. Но здесь оказалось намного страшнее.

Лифт выпустил нас в светлый зал. Мягкий узорный мех устилал полы. Диваны, кресла, растения (росли даже карликовые деревья) делали помещение уютным.

— Здесь много комнат. Выбирайте любые. А потом я хочу собрать вас за общим столом, как это было раньше на Третьем ярусе. Как весело мы проводили время среди родных и друзей. Помнишь, Данард?

Лея обращалась только к нему, почему-то избегая Ивеи.

Мы с Ивеей выбрали первую попавшуюся комнату. Кровать устлана дорогой тканью, стены украшены картинами. Ивея была молчалива. Я почувствовал ее грусть и обнял.

— Я проделала такой путь, Адан, я так хотела увидеть маму, обнять ее, а она словно не рада мне. Она тянется к отцу. Вцепилась в него, словно боится потерять. А меня избегает. Почему?

— Дай ей время. Прошло столько лет. Ей тоже все это далось непросто.

— И отец... Он все твердит, что должен вернуться. Что за семья у меня такая! Иногда мне кажется, что ближе тебя у меня никого нет.

— У меня ближе тебя точно никого нет.

Мы приняли душ. В гардеробной сканирующий луч подобрал для нас подходящую одежду. Может, Ивея и не чувствовала себя здесь комфортно, но я испытывал предательскую радость. Все во мне твердило, что я наконец обрел дом. Хотя, конечно, это было слишком самонадеянно с моей стороны. Но избавиться от этого чувства я не мог. Да и не хотел.

Мы вышли в общий зал. К нам присоединился Ригас. В отличие от нас, он не сменил одежды. Выглядел уставшим. Только благодаря поясу держался на ногах. И вновь во мне появилось чувство жалости к нему. Я по-прежнему не понимал его. И не хотел принимать его философию. Но где-то глубоко внутри знал, что он прав. В

нем жила сила и жили знания, которые мы, обычные люди, не могли понять. И то, что Эвкаиф погибнет, не вмещалось в моей голове. Мне казалось, что даже если это и случится, то очень нескоро, в далеком будущем. Откуда-то из пола появился накрытый стол. Вышли Лея и Данард. Мать Ивеи пригласила нас к столу.

— Хочу познакомиться со всеми вами. Хочу услышать голоса.

Взгляд Леи сиял, щеки горели, движения были нервны. Она уронила вилку, Данард поднял. Он не сводил глаз с Леи, время от времени касаясь то ее локтя, то плеча, словно не веря, что она снова рядом. И не было в его взгляде ни обиды, ни злости, ни ревности. Видимо, он давно в своем одиночестве перешагнул все эти мелочные чувства. Сейчас ему важно было просто быть рядом со своей женой.

— Ты совсем взрослая, Ивея,— сказала Лея.— Моя мама была такой, как ты — маленькой, хрупкой. И глаза... красивые. Впрочем, помню, у тебя и в детстве были такие глаза. Так смутно помню. Забыла... почти все.

Лея вздрогнула, она пыталась справиться со своими чувствами. Сидела прямо и почти не ела.

— А теперь хочу познакомиться с вами,— обратилась она ко мне.

— Мы вместе, мама,— опередила меня Ивея.

— Да, да... Никак не привыкну, что ты такая взрослая,— у Леи дрогнул голос.— Простите меня. Пожалуйста, простите...

Лея встала и быстро вышла из зала. Данард помедлил лишь минуту, встал и спешил за ней.

Ивея вздохнула и отодвинула от себя тарелку.

— Я должен торопиться,— сказал Ригас.— Надо разыскать установку, пока я еще в силах держать это тело.

— Что за установка? — спросила Ивея.

Ригас рассказал ей.

— Я помню, дядя постоянно работал над чем-то. В его кабинете я видела какие-то расчеты и схемы. Я спрашивала, что это. А он шутил: «Хочу ухватить время за хвост». Ригас, ты думаешь, ему это удалось?

— Теперь, когда я здесь, я в этом уверен.

— Если Эвкаифу и вправду грозит уничтожение, мы должны это как-то предотвратить.

— Ивея, предотвратить предначертанное невозможно,— ответил Ригас.

— Ты хочешь сказать, что мы не в силах изменить будущее?

— Не в силах. Всякий раз, когда вам кажется, что вы выбираете другую дорогу, иной путь — вы выбираете лишь то, что уже свершилось в будущем. Это для вас время линейно. На самом деле время — это шар, границы которого сжимаются в него. А из ничего вновь расширяются в безграничное пространство.

— Мне сложно это понять.

— Просто поверь, Ивея.

Вернулись Лея и Данард.

— Мы с Леей возвращаемся в Эвкаиф,— сказал Данард.

— Нет, папа,— прошептала Ивея.

Она не смотрела на него. Опустив глаза, нервно сжимала руки. Она знала, что не в силах остановить его.

16. Прощание

Прощание было скрытым, грустным и быстрым. Мы все спустились на летоне к песчаному пляжу. Прежде чем проститься, Лея показала нам дорожку, прячущуюся среди деревьев. Это была добротно сделанная каменная тропа, напомнившая мне тропу жизни на Гипополам Лупус. Петляя среди деревьев и огромных валунов, она вела вверх, к самому куполу. Здесь мы простились.

— Теперь, когда Лея рядом, у меня появились силы. Ведь я не так стар. Отрезить Афара мне не составит труда. А потом я вернусь за вами,— обещал Данаард, обнимая Ивею.

— Не надо, папа. Не надо нас забирать. Слишком много мы с Аданом потратили сил, чтобы добраться до этого острова. Теперь это наш дом.

Ивея посмотрела на мать. Та все не решалась обнять ее. И тогда Ивея сама подошла и прижалась к ней. Лицо Леи изменилось. Она побледнела и произнесла:

— Хорошо, что ты похожа на свою бабушку. Это поможет тебе. Я... совсем другая. Прости!

Родители Ивеи сели в летон и направились к зависшему над водой крестоверту. Вскоре крестоверт вспыхнул огненной дугой и скрылся за облаками.

17. Взрыв

Около часа ушло на подъем к куполу. Тропа то тянулась полого, то уступами поднималась в гору. Я заметил, что Ригас отстал. Остановился и окликнул его. Но он не торопился догонять нас. Лишь махнул рукой, предлагая подниматься без него. Он шел медленно и словно прислушивался к острову. Видимо, у него был свой способ отыскать установку. Ивея, напротив, быстро шла вверх, ее порывистый шаг был нервным. Она все еще пыталась осознать очередную потерю. Первой ступила на смотровую площадку, встала там, где еще совсем недавно стояла ее мать. Только отсюда можно было различить вершину Эвкаифа, скрытого за пиками гор.

Я подошел. Ивея была бледна. Складка между бровями делала ее старше.

— Я вспомнила бабушку,— сказала она тихо.— Она держала меня на руках, качала и повторяла: «Бедная моя, бедная...». Я не понимала, почему она так говорит. Я и сейчас не хочу понимать.

Ивея отвернулась и разрыдалась, как дитя. Я, ошеломленный и растерянный, пытался найти слова, чтобы утешить, и не находил...

Всю следующую неделю Ригас обследовал остров. Я предложил помочь, но он отказался. Сказал, что ему необходимо сосредоточиться и что поиски его, в нашем понимании, на поиски не похожи.

Однажды, прогуливаясь с Ивеей по острову, мы заметили Ригаса, забравшегося на почти отвесную скалу и неподвижно сидевшего на уступе.

Когда он вернулся в купол, я увидел на его лице улыбку.

— Установка под куполом. Теперь я в этом уверен,— сказал он и пошел спать.

Ночью, в полусне, мне вспомнился чей-то рассказ о Рае. Я не помню, от кого услышал его. Это было в детстве. Может, мама, укачивая меня, шептала сказку. Она рассказывала об острове, где можно жить, не зная забот, где никогда не испытываешь ни холода, ни голода и где можно прожить счастливо всю свою жизнь. И остров этот называют — Рай. Но никто не знает, где он и как его отыскать. Да никто и не ищет, потому что люди не верят в сказки.

Мы нашли этот остров, мама. Нашли, потому что верили в сказки? Не знаю. Я верю лишь в себя и свои силы. Хотя иногда, когда я знал, что самому не справиться, я обращался к кому-то неведомому, и он спасал меня. Я не знал, кто это. Я только чувствовал, что он сильнее меня и я могу на него положиться.

Остров приютил нас. Теперь не нужно заботиться ни о жилье, ни о пище, и не хотелось вспоминать то, что довелось пережить за последний год. Он был полон боли и потерь. Часто наша жизнь висела на волоске, но нам все же удалось вырваться из этого безумия, созданного людьми. Теперь все это позади. Я верил, что придет время, и боль Ивеи утихнет, и мы заживем тихо и счастливо. Я уснул.

Проснулся от резкого толчка. Яркая вспышка ослепила глаза. Вскрикнула Ивея, схватила меня за руку. Нас колыхнуло так, словно весь остров содрогнулся. И все

внезапно затихло. Огромные стены-окна сделались белесо-серыми. Неужели такой плотный туман?

Мы быстро оделись и вышли в общий зал. Стены были освещены ярче, чем обычно. Я позвал Ригаса. Но его нигде не было. Стояла тревожная тишина.

Мы поднялись на лифте на верхний уровень в надежде понять, что же произошло. Здесь не было искусственного света. Здесь предполагалось смотреть на звезды в лунные ночи или любоваться рассветом. Было утро. Но за защитным полем купола клубился серый плотный туман. Я подошел ближе, пытаясь всмотреться и отыскать хоть малейший просвет. Но увидел черные хлопья, медленно кружасшиеся над куполом, подобно снегу, словно в каком-то нереальном сне. Выход из купола светился красным прямоугольником. Слышалась тревожная пульсация системы герметизации. Я подошел ближе и только теперь заметил Ригаса. Он сидел в неловкой позе, прислонившись к стене.

— Ригас! — я коснулся его плеча.

Подбежала Ивея:

— Нужно поднять его.

Она кинулась за ближайшим креслом. Мы с трудом приподняли обессиленвшее тело Ригаса и усадили его в кресло.

— Пояс больше не активен. Без него это тело уже ни на что не годно, — тихо произнес он.

Я подошел к пульсирующей двери. Сквозь красную дымку проступала надпись — ЗАБЛОКИРОВАНО!

— Мы что, теперь не сможем выйти? — спросил я.

— А у тебя есть желание выйти наружу? — Ригас едва говорил, он был очень слаб.

— Я хочу понять, что произошло, — сказал я.

— То, что и предсказывал Данард. Эвкаифа больше нет. Я думаю, что произошла автоматическая блокировка. Теперь нам ничего не грозит.

18. Центр управления

С каждым днем Ригас все больше слабел. Он уже едва говорил. Но его рассуждения оставались здравыми.

Смог не рассеивался, и пространство под прозрачным куполом выглядело мрачно. Не спасали ни пышные растения, ни подсветка. Уже третий день мы не можем выйти наружу и увидеть все своими глазами. И все больше я склонен верить Ригасу: Эвкаифа больше нет. А значит, родители Ивеи погибли. Сама Ивея в каком-то полуслне бродила по залу. Не хотела слушать меня, избегала, и спала, далеко отодвинувшись на край постели.

Я ухаживал за Ригасом. Помогал ему пересесть в кресло, кутал холдеющие ноги пледом. Давал пить. Он больше ничего не ел.

— Здесь есть центр управления островом. Найди его, — сказал он. — Там должна храниться вся информация. Вам с Ивеей надо знать, на что рассчитывать и какие ресурсы есть у острова.

Я принял обследовать наше убежище. Первые три уровня вниз не представляли для меня никакого интереса. Были пусты. И, скорее всего, предназначались для жилых помещений. Я заметил характерные светящиеся желобки по периметру комнат. Такие же были в Подмире и предназначались для обустройства жилья мебелью. Надо было всего лишь задать программу, и в считанные минуты пустые комнаты преображались.

На четвертом уровне характер пространства изменился — длинные, радиально расходящиеся из центра коридоры, освещенные холодным светом стен, с множеством дверей. Здесь стоило осмотреться. В каждом помещении были встроенные пане-

ли управления. Я в этом не разбирался, но догадывался, что это именно они. Нечто подобное, но меньшего масштаба было в корпорации «Облако». Эти панели обеспечивали жизнедеятельность. Можно сказать, что здесь все держалось на них. И от их работоспособности зависела наша дальнейшая жизнь. Но центр управления я не обнаружил. Коридор вывел меня в огромный зал с прозрачным полом, по которому я ступал с опаской, поглядывая на уходящие вниз концентрические круги нижних уровней. Здесь я ощущал всю грандиозность и масштаб острова. И только сеть мерцающих в полу огней давала мне ощущение твердого покрытия под ногами. В центре я заметил кресла с высокими спинками. Над ними тускло сияла пленка визона. Я сел в одно из кресел, подлокотник бесшумно выдвинул информационную панель. Пленка визона засветилась ярче, и экран ожила. И сразу же появилась первая информация. Мое тело покрылось холодным потом, и я несколько раз перечитал то, что предстало перед моими глазами.

Нам предстояло прожить под куполом около десяти лет. До той поры внешний выход не откроется ни при каких обстоятельствах. После уничтожения Эвкаифа жизнь за пределами купола невозможна. И пепел, который хлопьями кружился вокруг, это еще полбеды. Сильнейшее излучение привело к гибели всего живого на многие тысячи километров.

Благодаря прочности купола и отчасти защите гор, остров выдержал удар взрывной волны. Я вспомнил Ригаса, обессиленно сидевшего у входа в купол, и только сейчас оценил его попытку заблокировать внешний вход и тем самым спасти наши жизни. Он не смог, но, к счастью, сработала автоматическая система защиты.

Я долго сидел, ничего не видя перед собой. Десять лет! И не факт, что тогда атмосфера очистится. Как воспримет это Ивея? Она и так едва держится. Но было необходимо взять себя в руки. Я попытался сосредоточиться. Задал системе вопрос о ресурсах острова. Ресурсов жизнеобеспечения хватит на пять-семь лет. И это лишь концентраты, производимые системой острова.

Визон, не дожидаясь очередного вопроса, выдал план принятия необходимых действий. Восьмой уровень был хранилищем контейнеров с плодородной землей. Их было необходимо доставить наверх и устроить под куполом плантации для посадки фруктовых деревьев и овощей. Все необходимые условия для роста растений нужно ввести в специальную программу. После чего купол начнет работать в нужном режиме. Как все просто!

Я встал. Панель задвинулась в подлокотник, визон потускнел. На ватных ногах я пошел по коридору в поисках лифта.

19. Трое на острове

Я принялся за работу. Четыре дня ушло на то, чтобы освободить купол от ненужных теперь зон отдыха. На одном из уровней обнаружил неплохую хозяйственную базу. Здесь хранились различные инструменты и большой запас струганых досок. Отчего-то я обрадовался знакомому запаху. Я нашел несколько грузовых летонов, в том числе один, способный поднять очень большой груз. В часы отдыха искал Ивею. Обычно я находил ее в общем зале. Она сидела в глубоком кресле, поджав ноги, и смотрела панорамные визоны былого Эвкаифа. Она не желала возвращаться в реальность. Безучастно смотрела на еду, которой я пытался накормить ее. Едва касалась еды и вновь уходила в исчезнувшие навсегда образы. Мне не удавалось разговорить ее. Во мне теплилась слабая надежда на то, что со временем она справится с навалившимся на нее горем.

С Ригасом мы, наоборот, стали больше общаться. Хоть ему и трудно было говорить и двигаться, он давал советы, что предпринимать в дальнейшем. Он посоветовал разыскать хранилище семян.

— Раз есть запасы земли, должны быть и семена. Этон был мудр, и я уверен, что он все предусмотрел. И не отчаивайся, Адан, ты находишься в лучшем положении, чем мои предки. Когда они заселили Землю, им досталась выжженная пустыня. У них были семена, но не было плодородной почвы. Но у них были знания, упорство и вера.

— Кто были твои предки?

— Арды. Помнишь Древний Ард? Теперь и мне довелось увидеть его.

— Арды на самом деле были такими гигантами?

— Для вас мы гиганты, для других... Все относительно, друг мой.

— А сейчас? Почему город был пуст? — спросил я.

— Арды покинули Землю несколько тысяч лет назад. Они оставили после себя знания. Чем-то люди смогли воспользоваться. Но основные знания остались без внимания. Человечество предпочло техническое развитие, полностью проигнорировав духовное. От этого и происходит гибель цивилизаций. И это будет продолжаться еще очень долго. Увы!

Поначалу я решил засыпать землей всю площадь под куполом. Но, поразмыслив, придумал разделить территорию на участки. И доски здесь были как нельзя кстати. Два дня я грузил их на большой летон. Возвращался домой лишь для того, чтобы принять душ и уснуть мертвым сном. Я лишь два раза в день забегал к Ригасу. Ухаживал за ним и тут же перекусывал на скорую руку.

Ивея перестала приходить в спальню. Визон крутил картинки круглые сутки.

— Не знаю, как мне встяхнуть Ивею. Я едва сдерживаю себя, чтобы не начать бить ее по щекам. Иногда мне кажется, что это единственный способ вернуть ее к жизни, — поделился я с Ригасом.

— Помоги мне дойти до нее. Я хочу поговорить с ней наедине, — сказал он.

Ригас собрал все свои силы, чтобы подняться с постели, и неуверенными шагами, крепко держась за меня, добрел до зала, где сидела Ивея.

Я оставил их вдвоем и поспешил наверх. Мне предстояло соорудить несколько секций, в которые затем я собирался засыпать землю. Работы было полно, и это раздевало меня.

20. Способность Ивеи

Вернувшись ночью, я увидел, что Ригас уже лежит в своей постели. Значит, Ивея помогла ему дойти до спальни. Визон в зале не работал. Стояла полная тишина. Я так устал, что сразу же отправился спать.

Раннее утро едва обозначилось темно-серым просветом. И это было единственное отличие от ночи. Словно сутки поделились надвое — черный период и серый. От мрака и уныния спасали светостены. Они сами регулировали мощность освещения. Поэтому в спальне и других помещениях было светло.

Я в сердцах отключил визоны с внешней картинкой, чтобы сознание не возвращалось к мысли, что за окнами сейчас «обычный» конец света.

Зашел к Ригасу. Помог ему умыться. Плотно позавтракал. Сегодня предстояло засыпать землю.

— Что Ивея? — спросил я.

— Нужно время, не торопи ее.

— Я и не тороплю, — без всякого энтузиазма произнес я.

В зале тихо подошел к дивану. Ивея еще спала.

Контейнеры с землей были неподъемными. Нужно было придумать способ, как погрузить их на летон. Пришлось долго возиться, прежде чем я смог сдвинуть с места непомерную тяжесть. Здесь мне помогли доски и трубы, найденные мной на складе. С землей было проще. На контейнере опускалась боковая стенка. Я наклонял летон, и землясыпалась в деревянные секции. На один контейнер у меня ушло два

часа. Я окинул взглядом площадь под куполом, и только сейчас осознал весь масштаб предстоящей работы. Не меньше месяца уйдет на работу с землей.

Послышалась легкая пульсация лифта, но я не придал этому значения. Лишь вечером, не найдя Ивею, я понял, что она спускалась на лифте. Куда она могла направиться? Мне стало тревожно, и я поспешил к Ригасу.

— Ивея рассказывала тебе, как Этон учил ее искать тропу жизни? — спросил Ригас.

— Да.

— Я просто помог ей раскрыть свою способность. Те знания, которые она получила когда-то от дяди и которыми не могла пользоваться, теперь помогут ей найти Установку памяти.

— Ты все еще надеешься найти эту пресловутую установку?

— Пока я не выполню свою миссию, я не смогу покинуть это тело. Но время идет, и тело не вечно. Оно может умереть, и тогда я уже ничего не смогу для вас сделать.

— Для нас? — я снова злился на Ригаса. — А по-моему, ты делаешь это для себя и своих... Кто вы, арды, такие? Ты вновь подвергаешь Ивею опасности. Ты просто используешь нас!

— Отчасти. Тебе не понять масштаб катастрофы.

— Мне плевать! Мне просто нужна Ивея. Живая!..

— Все так и будет, если ты перестанешь кипятиться. Помоги мне лучше лечь на пол. И оставь на какое-то время. Я должен почувствовать Ивею.

21. Шахта

Ригас просил подождать в зале и никуда не уходить. Я готов был ринуться на поиски Ивеи, но отчего-то послушался его. В спокойных словах Ригаса чувствовалась скрытая сила. Перед ней я каждый раз отступал. Вот и сейчас я нервно вышагивал по залу, ожидая его и совершенно не понимая, как он сможет мне помочь в поисках. Разве что воспользуется своими скрытыми способностями? Сейчас я был раздражен и даже зол на него. Далась ему эта установка! От кого ее уничтожать? Остался ли вообще кто-нибудь в живых, кроме нас? Даже если и существуют где-нибудь конусы, подобные Эвкаифу, кому придет в голову искать какую-то установку? Тем более здесь, на острове.

Дверь раскрылась, и Ригас, к моему огромному удивлению, вышел. Сам. Без поддержки. Медленно, но уверенно приблизился ко мне. В его лице и движениях что-то изменилось. Он напомнил мне того прежнего Ригаса, которого я увидел впервые в Ибане.

— У меня совсем немного времени, — произнес он. — Поэтому прошу, просто иди рядом и доверься мне.

В лифте он поднес раскрытую ладонь к панели выбора уровней. Его рука едва заметно подрагивала. Казалось, будто он пытается что-то почувствовать. Рука медленно опускалась вдоль панели и замерла в самом низу у отметки «Конец шахты». Это был последний уровень, на который мог спуститься лифт.

— Этон был весьма осторожен, — сказал Ригас и запустил лифт.

Сквозь прозрачные стены я видел, как уносились вверх уже знакомые мне уровни. Вот скрылся восьмой. Под ним находились еще два — ярко освещенных, а потом мы опустились в темноту.

— Это шахта, — сказал Ригас. — Она довольно глубока. Видимая часть острога — это его малая часть.

Меня не переставала удивлять его способность «видеть», будучи слепым. Неужели Ивея отправилась в самый низ шахты? Я старался быть спокойным и молил лишь об одном — скорее бы найти ее, здоровую и невредимую.

Источником света здесь был только лифт. Я видел голый камень шахты, блестевший от струящихся потоков воды. Скорость лифта замедлилась, и я почувствовал едва заметный толчок. Лифт остановился. Двери выпустили нас в каменный грот. Здесь было темно и сыро. Звонкое эхо падающих капель, пронизывающая сырость, свисавшие с потолка тускло блестевшие наслаждения. Казалось, будто струящаяся вода вдруг замерзла в один миг, превратившись в фигуры причудливой формы. Пол тоже был усеян такими же наслаждениями, только эти росли вверх, и казалось, что верхние и нижние стремятся друг к другу, пытаясь соединиться. Подобное я видел впервые.

— Идем, — Ригас тронул меня за локоть.

Впереди виднелся темный проход. Мы вошли в него и оказались в кромешной тьме. По всей видимости, это был коридор. Я нашупал по бокам шершавые стены. Коридор был очень узок. Неужели Иве пришлось идти тут одной в абсолютной темноте?

22. Библиотека времени

Мы все шли, шли и шли... Казалось, этой темноте не будет конца. Но вот что-то блеснуло, потом еще и еще. Коридор расширился, и мы оказались в большом зале, все пространство которого было наполнено скоплением зависших в воздухе огней. Они и были источником света. Я приблизился к ним и увидел, что это наполненные светом капли воды. Они висели в воздухе на равном расстоянии друг от друга. Между ними можно было свободно ходить. Если я случайно задевал каплю, она на мгновение теряла равновесие, но тут же вновь возвращалась на место. В тишине я отчетливо слышал, как стучит мое сердце. Я медленно ходил между светящихся капель. Казалось, будто дождь вдруг застыл и капли замерли в воздухе. А еще это напоминало звездное небо. Что это? Я терялся в догадках. Вдали среди этого сияния стояла Ивея.

Я тихо произнес ее имя, словно боясь, что от звука моего голоса вся эта необъяснимая красота исчезнет. Я подошел к ней. Лицо ее озарял холодный свет, глаза были закрыты. На указательном пальце правой руки блестела капля. Умиротворенная улыбка застыла на губах Ивеи. Я осторожно коснулся ее плеча. Она не реагировала, будто находилась во сне.

Я оглянулся. Ригас сидел на корточках у стены. Бесконечно уставший, но как-то умиротворенный. Будто он, наконец, нашел то, что долго искал. Неужели это и есть Установка памяти?

Я медленно протянул руку к ближайшей капле, коснулся ее... И провалился в пустоту. Все исчезло. Первые мгновения мой разум цеплялся за ускользающую реальность, но вскоре я перестал анализировать происходящее. Внезапно меня ослепила яркая вспышка. Я невольно зажмурил глаза. Когда я открыл их, увидел багровое небо. Сизые тучи сталкивались друг с другом, огненные вспышки озаряли черные скалы, по которым стекали раскаленные потоки. Мне словно шепнуло что-то — это Земля, но нет на ней жизни.

Только сейчас я заметил каплю на своем пальце. Рука дернулась, капля слетела вниз, и я вновь стоял среди застывшего дождя.

Я коснулся еще одной капли и... Я падаю, падаю в яркий свет, и вижу множество людей, пустыню, раскаленную солнцем. На людях белые одежды, головы покрыты. Вереницей идут странные животные с двумя горбами на спине. Между горбами туки, на которых сидят люди в золотых одеждах. Десятка два людей несут странное сооружение, которому служат стенами и крышей богатые ткани. Ветер колыхнул полог, и я увидел черную женщину. На голове золотой шлем с множеством драгоценных камней. Обнаженную грудь прикрывают сверкающие на солнце украшения. Черная кожа людей блестит от пота на обжигающем солнце. Здесь все было странным: и незнакомые мне животные, и шествие черных людей. Но здесь была жизнь, в

отличие от предыдущего видения. А видение ли это? Что происходит, когда я касаюсь капли? Возможно ли, что я начинаю видеть иные времена?

Я дотронулся еще до одной капли. Во мне родилось какое-то любопытство, сродни детскому. Мне хотелось видеть еще и еще. На этот раз пустота вынесла меня в темноту. Навстречу что-то стремительно приближалось. Я увидел свет множества разноцветных огней. Они были подо мной. Я понял, что падаю в эти огни. Падение замедляется. Я стою на гладкой черной поверхности. Мимо меня проносятся летоны. Только они, в отличие от наших, не парят над землей, а передвигаются на колесах. Внутри сидят люди. Их лица спокойны и сосредоточены. Я вижу молекулы, но это не каскады, они освещены и стоят отдельно друг от друга.

Что это? Прошлое или будущее? Я не знал.

Кто-то коснулся моего плеча, я очнулся и увидел Ригаса.

— Тебе пора. Ивея ждет тебя.

— Что я видел сейчас? — спросил я его.

— Это *Библиотека времени*. Здесь собрано воедино и прошлое, и будущее этой планеты.

— Значит, ты нашел Установку?

— Тебе пора.

Я видел печаль на его лице. Он держал меня за руку, медля отпустить ее.

— Ригас...

— Иди! И не оборачивайся. Уходи!

И я пошел. Мерцающие капли слегка покачивались в воздухе. Моя ладонь еще какое-то время хранила тепло его ладони. Мне хотелось окликнуть его. Сердце сжимала неясная тоска. Но я не посмел ослушаться.

У входа в туннель ждала Ивея. Она взяла меня за руку, и мы медленно побрали прочь в абсолютной темноте. Мы не говорили ни слова. Но, я уверен, думали об одном. Думали о Ригасе. Наше сознание не хотело объяснить нам то, что тревожило сердце. И это произошло.

Яркая вспышка света за нашей спиной осветила узкий туннель далеко впереди. Вспышка была беззвучной. Мгновение — и вновь темнота. Еще чернее и глуше, чем прежде. Мы остановились не в силах обернуться. Да и не надо нам было оборачиваться и возвращаться. Все стало понятно и так. Ивея всхлипнула, не в силах сдержать себя. И крепко сжала мою ладонь.

— Ригас, — тихо произнесла она.

Эпилог

Я могу подолгу смотреть на океан. Особенно на закате. Золото облаков накладывается на багрянец неба. Смешиваясь, цвета рождают новые оттенки. Вплоть до зеленого. Я вижу, как солнце садится за горизонт. За те десять лет, что мы живем под куполом, я узнал одну верную примету. Если солнце садится в тучу — быть плохой погоде и дождю. Если солнце беспрепятственно коснется глади воды, следующий день обещает быть ясным.

Большую часть дня мы все стараемся проводить здесь, на наших плантациях, под защитой купола. Ивея и я сделались неплохими садоводами. К столу у нас всегда свежие овощи и фрукты. Мысленно я часто благодарю Тайру. Благодаря тому, что я видел ее огород, я смог устроить здесь все так же, как у нее. Двое наших сыновей вовсю помогают. Фадо уже девять. Он старший. Серьезный и рассудительный. А вот Лерак, напротив, весельчак. Не может усидеть на месте и пяти минут. Вечно что-то придумывает. Подбивает маму участвовать в его затеях. Я подозреваю, что Ивея в раннем детстве была такой же. Тогда ясно, в кого пошел наш младшенький.

Мы часто вспоминаем с Ивеей всех тех, кто прошел через нашу жизнь. Вернее,

через тот короткий отрезок, когда судьба носила нас по ярусам Эвкаифа. Никого больше нет. Лишь наша память хранит их образы. Иногда я думаю, что человеческая память намного совершеннее всяких установок времени. Наверное, мы остались в живых не напрасно. Мы с Ивеей лишь две капли из Библиотеки времени. Но мы несем в себе живую память. И все, что знаем, все, что помним, передаем нашим сыновьям. А они...

Ивея как-то вспомнила своего дядю Этона.

— Меня не покидает мысль, что он направил нас к острову не ради того, чтобы я встретила маму. Он долгие годы работал над Установкой памяти. Значит, давно уже проник в тайну времени. И мог видеть прошлое и будущее. Он видел гибель Эвкаифа, но предотвратить катастрофу был не в силах. А вот сохранить жизни двух человек мог. Вот и отправил маму на остров. А ради нее отправилась и я. А еще... Я сейчас уверена в этом — это Этон не дал маме зайти в аннигиляционную камеру. Он увидел и это. Он спас ее от гибели благодаря этой установке.

Все это было похоже на правду. Этон смог сохранить две жизни. А этого уже достаточно, чтобы нить не прерывалась.

Я помню тот день, когда мы искали Ивею. Ригас уничтожил себя вместе с Установкой памяти. Таково было его предназначение. Иначе он поступить не мог. Но прежде чем уничтожить все, он позволил Ивее увидеть наше будущее. Именно это и дало ей силы жить дальше. Она увидела наших сыновей. Она часто рассказывала мне об этом:

— Я видела Фадо и Лерака. Они были уже взрослые. И я хорошо помню, что стояли они на берегу. И я видела тебя. Вы втроем строили что-то из досок. Их было много вокруг. А у самой воды нечто большое, похожее на летон. Это то, что вы уже успели построить. Я не знаю, что это, но я знаю, что оно может плыть по воде. Я рядом с вами. И я с нетерпением и волнением жду, когда мы покинем остров, чтобы добраться до большой земли.

И мы сделаем это. Мы доберемся до большой земли, чтобы начать новую жизнь среди тех, кого мы обязательно встретим.

Словарь

1. Альфа-визор — визор, вмещающий в себя глобальную информацию о мире.
2. Аморфники — молодое поколение, не имеющее целей и ценностей, равнодушно относящееся к противоположному полу, ставящее развлечения на первый план.
3. Арданы — потомки ардов.
4. Арды — древний народ, проживавший на территории, на которой впоследствии был построен Конус.
5. Асария — лечебная трава.
6. Вдыхать «жизнь» — курить.
7. Верхнее плато — природная зона для отдыха, расположенная на самом верху яруса.
8. Вершники — те, кто живет на верхнем ярусе, по отношению к живущим на нижнем.
9. Вещатели — новостная корпорация.
10. Визард — приспособление для расширения сознания и создания иллюзий, ощущаемых на физическом и ментальном уровне.
11. Визо-но — способ передачи видеоинформации непосредственно в мозг.
12. Визон — движущееся изображение, вмещающее небольшой эпизод.
13. Визор — устройство для работы, общения, а также приема и отображения новостей и развлечений.
14. Воздушка — система связи.
15. Гипополам Лупус — страна искусственных гор.

16. Гоны — крупные насекомые. В засушенном виде — вкусное и питательное лакомство.
17. Двуликие — мужчины в образе женщин.
18. Дикие места — природная зона, не контролируемая цивилизацией, расположенная между каскадами.
19. Е-свет — устройство, готовящее еду.
20. Жак — верхняя одежда с возможностью трансформации формы, изменения размера, подогрева и охлаждения.
21. Заки — заплечные дорожные сумки. Выше человеческого роста. Для передвижения используется силовой облегчитель.
22. Запустынье — земли, находящиеся за пределами Эвкаифа.
23. Иговые струны — струны из полимерных материалов.
24. Йопол — грубое ругательство.
25. Кана — напиток.
26. Капсула — одноместный контейнер обтекаемой формы с отверстиями для головы, рук и ног. Передвигается по воздуху. Используется для содержания заключенных.
27. Каскады — в них расположены молекулы и другая инфраструктура для жизнедеятельности населения.
28. Конус — искусственное сооружение циклопических масштабов, вмещающее в себя цивилизацию, состоящую из множества народов, проживающих на его семи ярусах.
29. Короб — устройство для приема преобразованной еды. Используется на Втором ярусе.
30. Крестоверт — летательный аппарат.
31. Кулон — крупная денежная единица на Втором ярусе.
32. Лапсы — дорогое блюдо.
33. Летоны — летающее транспортное средство.
34. Мальтра — металлический сплав.
35. Мана — народ, населяющий Шестой ярус.
36. Мана — плод, произрастающий на Шестом ярусе. Самая распространенная еда жителей Эвкаифа.
37. Микроярусы — располагаются в жилых комплексах молекул.
38. Молекула — жилая ячейка для одной семьи.
39. Наро — искусственный высокотехнологичный материал.
40. Платформы — внешняя и внутренняя — движущиеся ленты для перемещения между каскадами и поездок на дальние расстояния по ярусу.
41. Порт — устройство для преобразования и доставки еды в специальный короб. Используется на Втором ярусе.
42. Презентура — орган управления населением.
43. Презренцы — сотрудники органов порядка.
44. Прикосновение — программа по подключению человека к воздушке с помощью внедрения в череп принимающего устройства.
45. Проход — искусственная реальность, созданная с помощью визарда.
46. Пуля-вход — устройство для подключения человека к воздушке.
47. Сабаны — обувь.
48. Самонаводящаяся стрела — оружие, программируемое на жертву. Преследует, пока не уничтожит.
49. Светоножницы — приспособление для стрижки газонов.
50. Светоситра — музикальный инструмент. Звуки извлекаются с помощью света и градации цветов.
51. Светостил — устройство для объемного конструирования.

52. Силик — искусственно созданный материал для производства одежды.
53. Ситра — музикальный струнный инструмент.
54. Сула — напиток.
55. Таха — крепкий напиток.
56. Трансфонабор — каталог шаблонов для создания облачной рекламы.
57. Уфон — устройство для общения на далекие расстояния.
58. Цифропакет — хранилище визонов.
59. Цифропанель — устройство для работы с информацией.
60. Цифропленка — программируемое изображение для облачной рекламы.
61. Эвкаиф — цивилизация Конуса.
62. Эхоголос — устройство, предназначенное для усиления голоса.
63. Южники — жители Третьего яруса, живущие в Южном каскаде.
64. Ярусы — дискообразные поверхности, расположенные друг над другом и опоясывающие Конус. Они вмещают в себя жилые пространства со сложной инфраструктурой. На семи ярусах обитают различные народы.
65. Z-структура — генетическая программа человека.

Оглавление

Часть первая

- Эвкаиф
- 1. Две луны
- 2. Эвкаиф
- 3. Корпорация «Облако»
- 4. Молекулы
- 5. Добровольный уход из жизни
- 6. Музыкант из прошлого
- 7. Верхнее плато
- 8. Тайра
- 9. Внизу
- 10. Рынок
- 11. Вершник
- 12. Обитель счастья
- 13. Выставка Фадо
- 14. Рыжая Дана
- 15. Облава. Презренцы
- 16. «Разбудить человечество»
- 17. Настоящий цвет облаков
- 18. Южники
- 19. Аморфники
- 20. Отталкивая, обнимаю...
- 21. Наши имена
- 22. История Дана
- 23. Бег в темноте
- 24. Разговор в темноте

Часть вторая

- Гипополам Лупус. Растиущие горы
- 1. Путь в неизвестность
- 2. Искусственные горы
- 3. В поисках тропы
- 4. Ловушка
- 5. Прижаввшись друг к другу
- 6. История Ивеи

7. Незначительное совпадение
8. Каменные нити
9. Долина
10. Лунный шепот
11. Прямые потомки
12. Шептуны
13. В деревне
14. Дети
15. Средство общения
16. Каменные люди
17. Большая голова
18. В иной мир
19. Музыка смерти
20. Подземный туннель

Часть третья

Иной мир

1. Добро пожаловать на Юг
2. Голос
3. Микромолекулы
4. Иллюзия свободы
5. Тест
6. Неожиданная идея
7. Винтовая лестница
8. Спуск
9. Стариk
10. Болезнь
11. Универсальный код
12. Дворец
13. Дядя Этон
14. Гробница
15. Письмо

Часть четвертая

Подмир

1. Карта и активатор
2. Отдых
3. Пробуждение
4. Платформа
5. На дне
6. Марафон безумия
7. Мы не должны сдаваться
8. Выход — дно — й
9. Двадцатый уровень
10. Десятый уровень
11. Безысходность
12. Побег
13. Обнаженное небо
14. Вниз

Часть пятая

Чтобы попасть в Рай, надо пройти через Ад

1. Второй ярус
2. Лабиринты
3. Лерик

4. Велена
5. Работа
6. Рассказ Велены
7. Мы вернемся...
8. О Слепом Ардане
9. Ворота
10. Паника
11. Кассы
12. Внизу
13. В пустыне
14. Песчаная буря
15. Глаз неба
16. Мираж
17. Значит, нам по пути...
18. Железная змея
19. «Там красиво и очень много воды...»
20. Терад и Аран
21. Охота на гонов
22. Чужая сила
23. Предгород
24. Среди древних исполинов
25. И путь есть жизнь...
26. Привал
27. Делион

Часть шестая

- Приближение к острову
1. Среди звезд
 2. Мир света
 3. Пятый ярус
 4. Лерак
 5. Ригас
 6. Мегакосм
 7. Идея
 8. Невидимая игра
 9. Последний аргумент
 10. Последний правитель Эвкаифа
 11. Побег
 12. Горы
 13. Остров
 14. Встреча
 15. Время — это шар
 16. Прощание
 17. Взрыв
 18. Центр управления
 19. Трое на острове
 20. Способность Ивеи
 21. Шахта
 22. Библиотека времени

Эпилог

Словарь

Борис Григорьев
(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН! **Арктическая фантасмагория**

Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Директор последнее время был не в духе.

Трудно сказать, что на него подействовало: то ли где-то в сумрачных подвалах его генетического кода ауクнулся запах душистой травки из Вологодчины, то ли ему до чертиков надоели одни и те же морды и хвосты услужливых наложниц из скотланд-ярдовского гарема, то ли зоотехник Волколупов подошел к нему не с того бока,— было не известно. Только он стал нервным, раздражительным и угрюмым, как председатель колхоза накануне перевыборов. Ему было скучно в цементно-шиферных яслях, и тогда он одной задней ногой выбивал дверь стойла, чтобы выйти на двор и подышать свежим морским воздухом. Но и там ему было неуютно: раздражали мерно катившиеся волны Зеленого залива, незаходящее солнце, гавкающие и гадящие сверху крачки, и тогда он глухо и надсадно ревел, бил передней ногой о каменистую почву, наливал кровью маленькие, как у бегемота, глазки, становился неуправляемым. Волколупов с Галкой с большим трудом водворяли его на место.

Аполлон Митрофанович тоже только физически присутствовал на Скотланд-Ярде. Мысли же его, после того как он совершил удачную сделку с американскими географами, какое-то время витали далеко-далеко в заоблачных высотах коммерческой удачливости и обеспеченности. Выманенные у проезжих туристов двести долларов превращались в его воображении в толстую пачку банкнот. Ему снилось, как он приходит в банк — не то заноханное учреждение, которое он привык видеть у себя на Украине, а настоящий Храм Денег, снимает там проценты со своих двухста долларов, превратившихся уже в кучу денег, набивает ими бумажник и идет в универмаг. Там он накупает себе всякой всячины. Дальше фантазия отказывалась работать, и чего, собственно, он там покупает, Аполлон Митрофанович сказать не мог.

И что-то оборвалось внутри у Волколупова, связывающее его с этой жизнью и подогревающее интерес к ней. Во всем оказались виноватыми эти доллары. И зачем он на них польстился? Потому что все с ума по ним посходили? И в первую очередь пустомеля Кравчена. Это он внушил ветеринару идею о материальной выгоде, которую следует извлекать из научной деятельности. Мысли-то о безбедной жизни возникали, а сердце к обогащению не лежало. Разлад внутри Аполлона Митрофановича сильно отвлекал от прежних научных планов.

Волколупов слонялся по скотному двору, но ничто там его уже не радовало. Раньше только при виде того же Директора или какого-нибудь петушка он оживлял-

ся, неутомимый мозг тут же рисовал невиданные научные перспективы, а теперь... Теперь на душе было скучно, горько и пусто. Галка, которая раньше не очень-то жаловала начальника своим вниманием, заметила перемену, произошедшую в зоотехнике, и пыталась к нему подластиться, но тот только хлопал на нее равнодушными глазами и молчал.

Аполлон Митрофанович сидел на пороге своего домика и ни о чем не думал, когда из оцепенения его вывел какой-то неясный шум, похожий то ли на гул прибоя, то ли на гомон колхозной ярмарки. Шум нарастал, в нем можно было различить отдельные звуки, и постепенно ему стало ясно, что по направлению к Скотланд-Ярду движется крупная делегация. Давненько к ним на двор никто не заглядывал! Раньше-то от гостей отбоя не было.

— Аполлон Митрофанович, к нам идут! — Галинка, разрумяненная и приодевшаяся, подбежала к нему и доложила запыхавшимся голосом. — Что ж вы сидите? Встречайте гостей!

— Гостей? Какие гости? — недовольным тоном спросил он, оставаясь в прежней позе то ли роденовского мыслителя, то ли разыскиваемого полицией вождя в шалаше.

— Как — каких? Кажись, сам батько Кравчения идет, а с ним норвежцы. Ты же видел, что в порту причалил ихний корабль, и вертолет пролетал.

— А мне-то что? — бубнил Волколупов. — Пусть их летают и причаливают.

— Как что? Надо же показывать.

— Покажем. Мы им покажем, блин, — с какой-то непонятной интонацией произнес зоотехник и ушел в дом, оставив Галинку одну.

Между тем из-за угла показались первые люди: Кравчения, Юнглинг и сопровождающие их лица. За ними сплошным косяком валила толпа — не только не рассеявшаяся после суда над шпионами, а наоборот, приумножившая свои ряды и выглядевшая на редкость внушительно. Во всяком случае, такого скопления народа Скотланд-Ярд еще не видал.

— Аполлоша! Где ты? — закричал Роман Спиридович за несколько десятков метров от ворот. Как всем руководителям, президенту было лестно показать иностранным гостям достижения подчиненного ему хозяйства, а потому ему не терпелось блеснуть ими перед сюссельманом в полную меру, как в известной сказке Шарля Перро: «Ах, какой у вас прелестный скотный двор! Чей это?» — «Это все принадлежит маркизу Карабасу!» — «А этот чудесный парник?» — «Парник тоже принадлежит маркизу!» — «А эти шахты, эти морские причалы и угольные копи?» — Это все принадлежит тому же маркизу Карабасу!».

Впрочем, Кравчения-Карабас зря старался: Юнглинг не один раз был на Скотланд-Ярде и притворяться, что ему там до чрезвычайности интересно, он не желал.

Навстречу выбежала Галинка и сказала, что «Аполлон Митрофанович дома и сейчас выйдут». Президент с сюссельманом остановились посреди двора, за ними, чуть ли не упираясь рогами в начальственные спины, «притормозила» виновница всего переполоха Бэтси, а вслед за ней прекратила движение толпа.

— Ну, где же он? Почему не идет? — нетерпеливо спросил Кравчения.

— Я не знаю.

— Так сбегай и узнай! Что ты стоишь? Разве не видишь, начальство ждет! — рассердился Кравчения. Он уже не смотрел на Галинку плотоядным взглядом, который когда-то принадлежал начальнику порта Ромке Кравчене, а испепелял ее строгими начальственными глазами.

Галинка покраснела и пошла в дом за Волколуповым. Кравчения неловко топтался на месте; норвежцы переговаривались между собой, председатель Агросовета выглядел из-за спины Юнглинга и пытался увидеть цель своего путешествия; коровка Бэтси невинно тряслась головой и пыталась вырваться на волю; толпа гудела, как пчелиный рой, напавший на сладкое клеверное поле.

Напряжение достигло своего апогея, когда Аполлон Волколупов, наконец-то, появился перед народом.

— Хеэр Волколуп! Здравствуйте!

— О, кого я вижу! Господин Петерсен! Какими судьбами!

Волколупов раскрыл объятия и пошел навстречу председателю Агросовета, нарушая все правила этикета и протокола. Они тепло обнялись, чем вызвали явное недовольство как у украинского, так и норвежского предводителя.

— Аполлоша! Ты почему нарушаешь порядок? — не церемонясь, одернул его Кравчена.

— Порядок здесь устанавливаю я. Понятно? — строго произнес Волколупов, взял под руку Петерсена и повел его за собой.

— Постой, постой! Какая муха тебя укусила? — затрепетал Кравчена всем телом.

— У нас тут мух нет, — сухо отрезал зоотехник. И правда: на архипелаге насекомые не водились.

Волколупов с Петерсеном остановились посреди двора и стали между собой переговариваться прямо без всяких переводчиков, каждый на своем языке. И что удивительно — они, кажется, неплохо друг друга понимали. Самоуправство Волколупова уже не влезало ни в какие рамки, и Кравчена решил было применить власть, но Юнглинг успел схватить его за рукав:

— Господин президент, — сказал он, иронично улыбаясь, — оставьте их наедине. Самое главное, чтобы они договорились, а мы уж тут как-нибудь подождем.

— Гостям стулья! — распорядился Кравчена, имею в виду самого себя и губернатора. Принесли два стула, и оба руководителя сели и стали наблюдать за происходящим. За спиной Юнглинга тут же выросли Андерсен и Бустад.

— А где же наши американские друзья? — обратился к ним Юнглинг.

— И правда — где они? — спросил Бустад Андерсена.

Пока Андерсен будет разыскивать взятых пятнадцать минут тому назад на поруки американцами, а коровка Бэлти и бык Директор будут решать свои проблемы на Скотланд-Ярде, последуем за нашими неутомимыми географами поневоле и попытаемся отыскать их след в Баренцбурге.

* * *

На самом деле в Баренцбурге Джима с Джеком тоже не было, и если уж искать, то искать их следовало совсем в другой стороне. Пока губернатор и местные власти вместе с коровкой шествовали на место спаривания крупного рогатого скота, они незаметно для воодушевленной толпы стали отставать, так что когда она подошла к Скотланд-Ярду, они оказались уже замыкающими. Да и кто бы обратил внимание на двух мужиков в шахтерской робе и кирзовых сапогах, которые, как все, не отвернули влево, а пошли прямо, откуда они когда-то первый раз здесь появились.

Возвращение Джека и Джима домой предусматривалось с помощью подводной лодки, которую они должны были вызвать по радио, припрятанной ими же несколько недель тому назад в Коулз-бей по пути в Баренцбург. Они шустро перебирали ногами, стараясь как можно быстрее удалиться от злосчастной Шпицбергенской Украинской республики на более безопасное расстояние.

Через два часа, утомившись после броска по сильно пересеченной каньонами, холмами и горными кряжами местности, путники вышли в назначенный район и остановились. Перед ними широким пологим спуском к морю расстилалась долина, а за ней, ослепляя их отраженными солнечными бликами, плескалось море в виде Ледяного фьорда. По ту сторону залива загадочно дымились испарениями ледники Земель Оскара II, Джеймса и Диксона; некоторые из ледников медленно — совсем незаметно для невооруженного глаза — сползали к морю и время от времени обрушивались с

крутого берега в воду, и тогда со стороны казалось, что море, как в известной сказке Корнея Чуковского, закипает от жаркого солнца, которое еще не успел проглотить Крокодила.

Такие или примерно такие образы при виде вышеописанной картины должны были овладеть любым человеческим существом — будь он хоть американским географом, норвежским рыбаком или полтавским колхозником. Но нашим географам было не до этого: перипетии последних дней, слишком частая и драматическая смена между отчаянием и надеждой серьезно подорвали авантюристичный дух, передавшийся им от пионеров освоения Дикого Запада и беспощадного уничтожения индейцев. Трудно сказать, оказались ли они более хлипкими на расправу, чем их предки, или почва для приключений стала американским трапперам не по вкусу, но факт есть факт: при виде моря Джек бесчувственным мешком хлопнулся на землю и застонал: «Наконец-то мы у цели!», а Джим молча опустился рядом с ним и спросил: «Как, по-твоему: *оны* придут или нет?»

В бухте Коулз-бей когда-то была пристань, к которой в навигацию между маем и декабрем причаливали суда мурманского и архангельского пароходства, доставляли оборудование и другие припасы, привозили и увозили шахтеров и начальство. На Большую Землю регулярно отгружали каменный уголь, добываемый рудником Груманта в нескольких километрах от Коулз-бэя. Шахтерский поселок еле размещался на узкой прибрежной полосе между морем и высоченной отвесной скалой, прорезанной узким ущельем, по которому в летние месяцы тек ручей — ручей Русанова. Здесь и была заложена в тайник рация.

Отыскать ее не составило большого труда, а привести ее в рабочее состояние — и того легче.

— Ждать, возможно, придется долго, — сказал, отдохнув, Джим, — поэтому есть смысл добраться до брошенного русского поселка. — Он махнул рукой в сторону скального массива.

Джек страдальчески сморщился и, кряхтя, поднялся на ноги. Поселок казался совсем рядом, но им пришлось ковылять до него не менее часа. Прибрежная полоса мало походила на калифорнийский пляж — она состояла из нагромождения крупных отшлифованных волнами и ветром камней. Поселок можно было угадать только по бесформенным сиротливым развалинам. Тогда, в начале шестидесятых, море коварно набросилось на берег и затопило шахту. Грумант пришлось оставить, но место из памяти людей нестерлось. Оно служило хорошим ориентиром для моряков и местом отдыха для всякого путника на попутни между Баренцбургом и Лонгейрбюеном и будет еще служить долгое время, пока вода и воздух не уничтожит его окончательно.

Более-менее сохранившимся на бывшем руднике был домик Русанова — энтузиаста Севера, сверкнувшего в этих местах метеором своего таланта и бесследно сгинувшего вместе со своей молодой французской женой где-то в Карском море, куда он на утлом суденышке «Геркулес» отправился сразу после проведения исследовательских и изыскательских работ в районе Груманта.

Море было ласковым и безмолвным, зато в воздухе стоял настоящий базарный гвалт. От резкого крика кайр, гнездившихся над головой, и носившихся над морем неугомонных чаек, невыносимо свербило уши. Сухой хруст гравия под ногами шпионов, вошедших на территорию умершего поселения, был слышен только подошвам их ног.

Они пересекли почти весь поселок и, никого в нем не обнаружив, прошли к домику Русанова, который, в отличие от других хибар без окон и дверей, сохранил на себе некоторые признаки внимания человека. Дверь домика была заперта на висячий замок, но показывающая наверх стрелка с надписью «ключ», давала возможность проникнуть внутрь всякому, у кого было желание.

Домик был пуст, в двух комнатах стояла рассохшаяся самодельная некрашеная

мебель: стол, несколько стульев, деревянные двухъярусные нары и покосившийся буфет, которые рядом с убогим очагом выглядели вполне цивильно. На полке рядом с печкой — спички, соль, лавровый лист, несколько общепитовских тарелок и пачка пшена, в загнетке — связка дров. Казалось, что все это осталось с того самого августовского дня 1912 года, в который Владимир Александрович Русанов застолбил мессторождения каменного угля в бухте Коулз-бэй и убыл на открытие Северного морского пути.

— Кто такой Русанов? — спросил Джек, присаживаясь на нары.

— Вероятно, какой-нибудь большевистский комиссар, — ответил Джим, осматривая помещение. — Да, техникой подслушивания или подсматривания здесь вряд ли пахнет.

— Не говори — мне кажется, из печки сейчас, того гляди, покажется физиономия чекиста, — мрачно пошутил Джек.

— Или одного из консульских Томов Сойеров. Как ты думаешь, Джек, ребятишки сами действуют, или их специально подготовили в Москве?

— У меня нет никаких сомнений, Джим, что их вымуштровали в какой-нибудь спецшколе. От русских всего можно ждать. Ты сам говорил — они не предсказуемы.

Джек выглянув в окно и с удовлетворением констатировал, что из окна хорошо просматривалась вся водная акватория бухты, а в пределах человеческого глаза не видно ни одной человеческой души.

— Будем ждать. Сколько сейчас времени, Джим?

— Шесть часов вечера.

— Ну что ж, можно и поспать. О-х-о-х-о-х-о! Что-то есть захотелось, — закряхтел Джек, укладываясь на голое дерево.

— Потерпи, Джек, скоро ты будешь есть жареного цыпленка и запивать его «бурбоном».

— Я предпочел бы пива из холодильника.

— Это твое право, Джек. А я бы не отказался сейчас от стаканчика виски. — Джим уставился на горбатый сосновый потолок и мечтательно вздохнул.

Они повертелись-повертелись на голых досках, но, в конце концов, усталость взяла свое, и скоро в домике Русанова раздался прерывистый и настороженный храп «ученых» из Лэнгли.

* * *

Перед убытием в Баренцбург сюссељман Юнглинг потребовал к себе «политического беженца» Мордюжу. Прошло несколько дней с тех пор, как он послал запрос в Осло относительно этого прохиндея, но иммиграционное ведомство, словно скованные с министерством юстиции, хранило молчание. Похоже, в столице королевства все, кроме Агросовета, забыли о существовании Шпицбергена.

В кабинет к губернатору ввели краснощекого упитанного бычка — только этим неприличным словом можно было назвать бывшего доходягу-шахтера и скотника. Эмиграция пошла Митьке явно на пользу. Да и действительно, как могло быть иначе: кроме сна, еды и питья и коротких прогулок по поселку, Митьке ничем заниматься не разрешали. Так что молодой и растущий еще организм на тучной почве норвежской казны встрепенулся по полной программе.

Юнглинг прочитал протокол допроса Мордюжи, учиненный Андерсом Андерсеном, и наткнулся на одно интересное место: беженец утверждал, что некоторое время тому назад, прежде чем его сослали на скотный двор, он работал в поисковой партии Назарова. Это было уже что-то. Непосредственный участник событий, даже если это был всего-навсего подсобный рабочий, мог поведать массу полезных вещей.

Вместе с Митькой вошли Андерсен и Бустад, так что вся последующая беседа происходила с помощью переводчика.

— Гу даг, гу даг,— закудахтал сюссельман, протягивая Митьке руку.— Как дела?

— Отлично, мистер губернатор,— самодовольно ответил Митька,— лучше не бывает.

— Это нас радует.

— Как там с ответом из Осло? — поинтересовался политэмигрант, наученный своими новыми друзьями по кафе.

— Пока ответ задерживается, но мы ждем его с часу на час,— сказал Юнглинг.— Мы попросили вас к себе вот по какому вопросу.— Губернатор решил не церемониться с Митькой и, сокращая околичности до минимума, приступил к допросу.— Нам стало известно, что вы в свое время работали вместе с инженером Назаровым.

— Как же, как же,— важно произнес Митька.— Было такое дело.

— Вот и расскажите, когда, в какое время вы работали в геологической партии, что там делали и что видели.

— Ну... это... Постой-постой, когда это было? Кажись, месяцев эдак семь или восемь тому... Значит, я там робил недолго, а потом меня выгнали.

— За что?

— Ну я... это... выпил, значит, в натуре, с приятелем, ну и Назаров разъярился на меня и сократил. Ага. Обидел, значит, блин, под корень. Полная дисквалификация.

— Дискриминация,— поправил Бустад.

— Точно, она самая. Почему я и сбег к вам — от дисква... дистримации.

— Понятно,— нетерпеливо произнес Юнглинг.— Какая у вас была работа?

— А я это, инструмент таскал, значит. То им это подай, то это поднеси. Замутили-замотали вконец, блин. Сами ходят и только руками машут, а мы, блин, с Вовчиком...

— Какой еще Вовчик?— насторожился Андерсен.— Вы мне о нем не говорили.

— Так это кореш мой. Его тоже сократили потом.

— Хорошо. Вы нефть видели? — не выдержал, наконец, Юнглинг.

— Нефть? А как же! Целое ведро. Смехота, она даже облила меня — ну всю морду, значит, охлюстала, ватник, штаны,— все.

— То есть как — облила? — удивился Юнглинг вместе с переводчиком.

— А так. Они, значит, бур-то загнали, а он все лезет и чавкает, лезет и чавкает. Мне, блин, любопытно, в натуре, чем это он чавкает: тавотом или ею, нефтью. Подхожу, нагибаюсь, а она, скважина-то, значит, в это время как шваркнет мне прямо в наличность, ну я весь и измазался.

— Нефть, значит, пошла? — осторожно, словно боясь спугнуть Митьку, спросил губернатор.

— Знамо дело, пошла. Цельное ведро потом набрали.

— Ведро? И только?

— Ну, это при мне. Врать не буду, что они там набрали без меня. Я поехал отмываться домой, а на следующий день загулял, в натуре, а через день меня уволили. Дисква... дистри...

— Ясно. Больше ничего рассказать не можете?

— Не-а. Да мне, если честно, все это было до лампочки. Потом я попал на ферму, и там другие дела пошли.

Юнглинг переглянулся с Андерсеном и сказал ему по-норвежски:

— Гнать его надо в шею и немедленно!

Андерсен улыбнулся и в знак согласия кивнул головой. В это время зазвонил телефон, губернатор взял трубку и стал слушать. Он слушал минуту-другую, потом положил трубку и сказал Бустаду:

— Звонили из иммиграционного ведомства. Просили беженца Мордюжу водворить на прежнее место. Интереса к нему никто не проявил. Собственно, это было ясно с самого начала. Объясни ему, что в соответствии с законом Норвегии он может

нанять адвоката и подать апелляцию на решение иммиграционных властей. Все. Вы свободны. Готовьтесь к вылету в Баренцбург.

Когда Митьке объяснили, что надо нанимать адвоката, он так испугался, что его бросило в дрожь. Друзья-норвежцы никак не могли понять, чего так испугался этот русский бедолага: ему предлагался стандартный путь решения вопроса, по которому прошли практически все беженцы, причем, пока идет процесс апелляции — а он может растянуться до пяти-шести месяцев, — беженец продолжает пользоваться теми же правами и денежными средствами, что и прежде. Но Митька наотрез отказался и от апелляции, и от адвоката. Норвежцы не знали, что в деревне, где вырос Митька, слова «аблакат», «судья», «апелляция» стоят в одном ряду с такими словами, как «черт», «дьявол» и «колдовство».

Вечером Митька пошел, как обычно, погулять, зашел в кафе, трахнул напоследок две банки пива и потихоньку исчез. Больше его в Лонгейрбюене никто не видел.

* * *

Пребывание американских пленников на насосной станции было кратким, но полезным. Тот факт, что Джим и Джек могли выражать свои мысли в координатах другой системы звуковых сигналов, произвел на Валеру и Гену неизгладимое впечатление. Как только американцев забрали посланцы ШУРЫ, Валера вспомнил, что где-то на полке, на которой хранились охотничьи причиндалы и валялся какой-то прочий хлам, пылился то ли англо-русский, то ли русско-английский словарь, оставленный для полярников на тот случай, если возникнет необходимость вступить в контакт с иностранцами. Естественно, никто на станции никогда им не пользовался, потому что единственными иностранцами, случайно забредавшими на зимовье, были норвежцы, а с норвежцами обитатели станции успешно объяснялись жестами или фразами на немецком, запомнившимися из фильмов про последнюю войну.

И вот теперь Валера, вспомнив про словарь, аж подпрыгнул от неожиданной радости:

— Генка, дело есть!

— Какое такое дело? — нехотя отозвался Геннадий, выковыривая из зубов остатки обеда.

— Учить английский!

— Да ну-у-у! Выдумал чего! — отмахнулся тот.

— Дурак, ты, Генк! — ласково возразил Валера. — Ты пораскинь своими мозгами: пока мы тут сидим и получаем зряплату, вполне свободно можем выучить английский язык. Приедем домой и наймемся в переводчики. Знаешь, они какую деньги зашибают? О-го-го!

— В гнилые интеллигенты податься хочешь? — насмешливо спросил Гена.

— Гнилые не гнилые, а учить буду.

Валерка достал с полки разбухший и почерневший от сырости темно-синий кирпичик, сдул с него пыль и демонстративно громко прочел: «Англо-русский и русско-английский разговорник, составили проф. А.Шевалдышев и С.Суворов» и тут же начал листать книгу. Генка какое-то время подтрунивал над ним, но Валера был непривычен. Час спустя Гена не выдержал и спросил:

— Эй ты, знахарь! Как будет по-английски «выпить»?

— Дринк,— не задумываясь ответил Валера.

— Иди ты! Дринкать, значит. А как сказать: «Налей мне стакан вискаря?»

— Гив ми...гив ми глясс виски,— выдал неожиданно для самого себя Валера.

— Ты что? Неужели взправду заговорил? — изумился кореш.

— А что? Я ужас какой был способный в школе,— похвастался друг Валерий.

С этого момента Генку было тоже не оттащить от разговорника. Вдвоем было за-

ниматься весело, да и время летело незаметно, а это в полярке, как и в армии, самое главное. Они основательно проштудировали вводный грамматический курс, а потом, перескочив через триста страниц, начали осваивать тему «Еда» — она показалась им самой важной и актуальной. Они спрашивали друг друга, как будет по-английски вот это блюдо, а потом другое, экзаменовали друг друга, спорили, ругались, хохотали, но дело между тем двигалось.

Через пару дней они решили разговаривать друг с другом исключительно на английском. За каждое слово, произнесенное на родном языке, накладывался штраф в размере почасового заработка. Никому не хотелось терять заработанные деньги, а потому старались изо всех сил. Правда, все, что касалось обслуживания насосной станции, обсуждалось по-русски — там заняться по-иностранныму было некогда, если не хочешь аварии. Зато все свободное время они посвящали освоению иностранного языка.

— Уэр ар ю гоуинг ту? — с искренним интересом спрашивал Валера.

— Ай эм гоуинг ту Москоу, — с гордостью отвечал Гена.

— Уэр ар ю нау? — не переставал интересоваться Валера.

— Нау ай эм ин Лондон.*

— Какой Лондон! Надо говорить: «Спитцберген», — поправил Валера.

— С тебя штраф, — радовался Гена. — Записываю.

— И с тебя тоже, — парировал Валера. — Мы квиты.

Некоторое время шли препирательства о том, кто кому должен и почему пришлось перейти на русский, но постепенно диалог по профессору Шевалдышеву возобновлялся, и под конец дня друзья так уставали, что от непривычки еле шевелили языком.

— Уи спик нау рашишн, — предлагал один из них.

— Окей, — соглашался другой и падал на подушку.

Однажды в свободное от смены время друзья залезли на перевал и, любуясь видом на вспухнувший от талой воды и посиневший лед озера Линнея, «завели английскую пластинку». На сей раз они для проработки взяли тему «Путешествия» и довольно бойко и правдоподобно разыграли сценку, в которой Валера играл покупающего железнодорожный билет чопорного мистера Смита, а Гена — вежливого до чертиков, но безымянного кассира, носильщика и кондуктора.

— Портер, плиз тэйк зиз сингз ту зе кэрридж! — приказывал Валера с надменностью лорда Маунтбэттена, покорившего для английской короны Индию.

— Йес, оффорс, сэр! — подобострастно, лелея надежду заработать паршивый фартинг, отвечал носильщик Гена.

— Хау лонг даз зе трэйн стоп хиар? — уже в вагоне спрашивал ни хрена не знающий мистер Смит.

— Зе трэй стопс хиар фор тен минитс, сэр.

— Тэнк ю!

— Нот эт олл!**

Трудно сказать, сколько друзья могли бы обмениваться любезностями, но занятия английским были прерваны самым неожиданным, самым грубым и бесцеремонным способом. Сначала умолк мистер Смит, и не только умолк, но и вообще исчез со сцены. Когда Генка, заглядевшись на парившую вдали чайку, оглянулся, Валерки рядом уже не было.

— Валера! Ты где? — спросил Гена, немедленно выходя из роли кондуктора, так и не получившего чаевые, как чья-то рука в перчатке закрыла ему рот и потянула вниз. Он скатился в ямку и увидел там друга. Кореш был не один — он находился в обществе неизвестного парня в камуфляже, и парень сидел верхом на «мистере Сми

* Куда вы сейчас едете? — Я еду в Москву. — А где вы сейчас находитесь? — Сейчас я в Лондоне.

** Носильщик, возьмите эти вещи в вагон. — Конечно, сэр. — Сколько здесь стоит поезд? — Поезд стоит здесь десять минут. — Спасибо! — Не стоит.

те» и натурально выворачивал ему руки за спину. Изо рта у Валерки торчал кляп. Потом точно такой же скоро вставили и Генке. Ему тоже тую перевязали руки за спиной и положили рядом со связанным и тяжело сопевшим Валеркой.

— Они? — поинтересовался тот, что одолел Валеру.

— Кажись, они! — тоже по-русски ответил второй камуфляж.

— Ну и ладненько! — с облегчением сказал первый и, обращаясь к Валере и Гене, строго приказал:

— Гоу! Но тихо, вашу мать, а то печенку из вас вынем? Ферштейн?

Валера с Геной начали тужиться и мычать, показывая всем своим покрасневшим видом, что мол, ребята, вы нас не за тех приняли, мы, блин, свои, русские, а английский — это так, для понта, но «камуфляжи» обращали на них ноль внимания и быстро волокли к озеру.

* * *

Временным местом дислокации батальона майор МакКой выбрал зимовку на мысе Старостина. Это была стратегическая позиция, обеспечивающая великолепный обзор и в сторону норвежского Лонгейрбюена, и по отношению к русско-украинскому Баренцбургу на десяток километров. На Шпицбергене, благодаря чистому и разреженному воздуху, прямая видимость в ясную погоду могла составлять более пятидесяти километров.

Парашютный десант выбросили в нескольких милях к югу от «Исфьорд Радио», чтобы норвежцы раньше времени не засекли операцию. Сразу после приземления МакКой выслал в северном направлении дозор, а в восточном — группу захвата. Там, по поступившим разведданным, должны были находиться два американских гражданина, арестованных «баренцбургским диктатором мистером Краутчения».

В группу захвата входили рядовые Матусевич и Залкинд, русские эмигранты второго поколения, в совершенстве владевшие русским языком. Это были опытные и серьезные ребята, способные вдвоем нейтрализовать и разоружить взвод солдат и решить другие ответственные тактические задачи. За их плечами были десятки спецопераций в Латинской Америке, Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, не одна дюжина «языков», умирающих деревень, взорванных мостов и ликвидированных человеческих жизней. Матусевич и Залкинд не за страх, а на совесть отрабатывали только что приобретенное родителями гражданство США и являлись гордостью американского спецназа. Вообще отряд МакКоя был укомплектован представителями самых различных стран и наций — коренных американцев в нем, кроме, разумеется, самого командира, было только трое: его заместитель лейтенант Фьюстер и два сержанта.

Дозор вернулся с донесением, что в районе зимовки никого нет, и вся группа пе-ребежками по два-три человека двинулась к домику. Мексиканец Мартинес первым открыл дверь и внимательно осмотрел помещение изнутри. Он славился отличным обонянием, молниеносной реакцией и непревзойденной способностью в считанные секунды оценивать обстановку.

— Шеф, — сказал он, шевеля ноздрями, нависшему за его плечом МакКою, — здесь только что побывали четверо или пятеро русских.

— Ковалчук! Пройди по следам и доложи, в каком направлении они скрылись, — приказал майор.

— Слушаюсь, сэр, — с мягким украинским акцентом ответил рядовой Ковалчук и тут же исчез, словно провалился сквозь землю.

Майор выставил охранение и, пока отряд располагался на залежке, пошел лично понаблюдать в бинокль, чтобы оценить обстановку. В Ледяной залив входил среднетоннажный сухогруз-норвежец; вдали, где угадывался Лонгейрбюен, мелкой букашкой ползал портовый буксир. На мысе Хеер, где располагался вертолетный отряд

русских, было безлюдно, зато по улицам Баренцбурга ходили толпы народа, и там явно что-то происходило. К нему подполз рядовой Ковальчук и доложил, что русские ушли в сторону норвежской радиостанции.

— Отлично. Иди отдохай,— приказал майор и взглянул на часы. Скоро должно было начаться контрольное время возвращения на базу группы захвата. Но что это такое? Над головой раздался характерный гул натруженных авиамоторов. Так могли гудеть только разведывательный или десантный самолет русских. Черт их побери! Неужели они успели собраться и прилететь почти одновременно с его отрядом? Он бросил взгляд на небо, но яркое солнце мешало рассмотреть хоть что-то в том месте, откуда доносился шум моторов. А шум все приближался и усиливался. Вот он уже над головой, а вот, наконец, вышел из-под ослепительного снопа лучей солнца и сверкнул ярко-красной звездой. Сомнений не было: русские прилетели на Шпицберген и сейчас начнут сбрасывать десант.

— Фьюстер! — заорал МакКой. — Ко мне!

Самолет сделал круг над мысом Хеер и, как на учениях, без всякой опаски, стал ронять из открывшегося люка одного за другим десантников. МакКой навел дрожащими руками бинокль на первого из них — он уже раскрыл парашют и плавно опускался на летное поле вертолетного отряда.

— Звягинцев! — закричал он, показывая пальцем через Зеленый залив. — Это майор Звягинцев! Они опередили нас! Теперь самый важный объект в их руках! Кто владеет аэродромом, тот контролирует Баренцбург! Фьюстер, черт возьми! Куда ты запропастился?

— Я здесь, сэр! — Лейтенант Фьюстер плюхнулся рядом.

— Ты видел? — чуть не плача, спросил майор заместителя, кивая головой в сторону залива.

— Да-а-а! — только и успел произнести то ли восхищенно, то ли изумленно Фьюстер, потому что к ним подполз рядовой Мартинес и доложил, что на подходе показалась группа захвата.

— Они одни? — спросил майор.

— Никак нет — с какой-то добычей!

Ну что ж, Матусевич и Залкинд, судя по всему, выполнили поставленное задание и возвращались на базу с освобожденными заложниками. Хоть на этом участке был достигнут успех!

— Фьюстер, ты продолжай наблюдать за русскими, а я пойду встречу группу захвата, — приказал МакКой и пополз на базу.

Пот тек ручьями по лицам Матусевича и Залкинда, но это их ничуть не смущало. Они приветственно улыбались стоявшему у входа в дом майору и последние шаги делали заплетающимися ногами. Они бережно сняли со своих спин добычу и положили ее под ноги майору:

— Рядовые Матусевич и Залкинд с задания прибыли! — доложили оба усталыми, но счастливыми голосами.

— Молодцы! Объявляю вам благодарность!

— Служим Соединенным штатам Америки! — отозвались молодцы. Это было не по уставу — по этой форме принято было отвечать в русской армии, но майор разрешил эту маленькую вольность юмористам Матусевичу и Залкинду.

— Вы свободны, — отпустил он обеих солдат. — Извините, господа, за возможное грубое обращение, — адресовался он уже к пленникам, — сейчас я вас освобожу. Не держите зла на моих солдат — таковы, к сожалению, правила нашей игры. Спецназ — это не смазливые сиделки из госпиталя Святого Патрика.

Он развязал пленникам ноги, потом руки и хотел было вытащить у них изо рта фирменные кляпсы, как вдруг один из них вскочил на ноги и отвесил майору оплеуху по шее.

— Не обижайтесь,— улыбнулся майор МакКой,— я же попросил у вас извинения. Издержки нашей гуманной акции.

Тогда второй пленный сам вытащил кляп изо рта и, больно стукнув майора кулаком в грудь, закричал по-русски:

— Правильно, Гена! Врежем ему, как следует!

— Господа! Постойте! В чем дело? Кто вы?

Но Валера с Геной не стали показывать майору свои верительные грамоты, а сбили его с ног и, дружно навалившись, продолжали разминать затекшие мышцы, пока тот не закричал «На помощь!».

Из дома выскошили солдаты, они кое-как оттащили от майора бешеных пленных и, заведя им руки за спину, крепко держали в ожидании дальнейших приказаний.

— Ви кто есть такое? — спросил их майор МакКой, отряхивая испачканную униформу.

— Хто-хто! Дед Пихто! — сказал Валера.— Вы за каким хреном нас сюда притащили?

— Так ви есть русски? — ответил на вопрос американец.— Матусевич! Залкинд! Кого вы мне доставили?

Появились, дожевывая пищу, Матусевич с Залкиндом.

— Вы кого, я вас, спрашиваю, приволокли мне? — заорал МакКой. От ярости он заскрежетал зубами, и по засвеколившемуся лицу у него пошли белые пятна. Это был плохой признак: майор мог схватиться за пистолет и дальнейшие его действия могли стать непредсказуемыми. Матусевич и Залкинд помнили об этом по инциденту в Никарагуа и знали, что нужно делать.

— Сэр, извините нас. Ошиблись, они говорили по-английски,— рухнул на колени Матусевич.

— Мы исправимся, сэр. Обязательно исправимся в следующий раз,— плюхнулся рядом с товарищем Залкинд.

По лицу МакКоя сиверком пробежала гримаса-судорога, он закинул голову далеко назад, набрал воздуха в легкие, сосчитал до десяти и выдохнул:

— Матусевич, Залкинд! Три дежурства вне очереди!

— Ессэр!

— Убирайтесь! Чтоб я больше вас не видел! Иначе тут же отправлю на обетованную землю ваших предков!

Проштрафившиеся солдаты не стали дожидаться исполнения этого обещания и быстренько испарились.

— Ду ю спик инглиш? — МакКой подошел к Валере с Геной и вплотную приблизил к ним свое лицо, пожирая глазами.

— А фигиши! — не испугавшись, ответил Валерка.

— Что есть «фиг-иши»? — уточнил американец.

— Присказка такая,— нашелся Гена.— А вы кто такие?

— Я понимай. Так ви говорите по-английски? — не обращая внимания на генкин вопрос, спросил американец.

— Э литр бит,— скромно ответил Валера.

— Кажинный день,— подтвердил Гена.

— Немножко? — догадался майор.— А скажите мне, любезны, где сейчас есть наши двое американски граждане?

— Это кто? Джим с Джекой? Так их давно уже увезли в Баренцбург. Они пожили у нас с недельку, понабрались лоску, а потом за ними приехали нарочные батьки Кравчени. Под суд, говорят, пошли. За шпионаж.

— Они были здоровы?

— О, мистер, можете не беспокоиться. Лопали каждый за двоих.

— Я не спрашивать, сколько они кушали. Я спрашиваль про болячки.

— Так это один хрен: раз на аппетит не жаловались, значит, здоровы. Правда, Джека...

— Что Джек?

— Он все животом маялся.

— Спасибо за сведений,— смягчился майор.— Хотите выпить?

— Йес, мистер. А вы нас не отравите?

— Что вы, что вы,— засмеялся МакКой.— как можно!

— А откудова вы, однache, прибыли к нам? Из самой Америки, небось? — догадался Валера.

— Да, да, из Америки,— согласился МакКой.— У нас тут маневры.

— А-а-а! Понятно,— сказал Валера,— война — фигня, главное — маневры!

— Тяжело учиться, легко воевать. Так, кажется, говорил ваш Суворов?

— Ага! Не хвастайся, на рать идучи, а хвастайся, с рати ползучи! — загоготал Генка.

МакКой нутром чувствовал, что русский сказал в адрес его отряда что-то оскорбительное и непотребное, но признаваться в этом не стал.

— Фьюстер! — позвал он возвратившегося заместителя.— Напоить их, накормить и глаз не спускать!

— Есть, сэр. Пошли.

Лейтенант взял под локоток Валерку и Генку и повел их в дом.

А МакКой сел на порог и стал думать о том, как можно было незаметно высадиться на противоположный берег. Думать долго не пришлось: скоро ему доложили, что их патруль, осматривающий береговую полосу, обнаружил брошенный русскими катер. На катере был поломан мотор, но починить его было уже делом техники.

* * *

Митька Мордюжа шел по тундре и горланил во всю глотку песни. На душе у него, как у всякого пленного, побывавшего в руках у врага и возвращавшегося теперь к родному очагу, было и светло и радостно.

— Ты ж менэ пидманула,
Ты ж менэ пидвела,
Ты ж менэ, молодого,
С ума-разума свела!

Он шел по узкому ущелью, по которому его весной, еще по снегу, везли норвежцы. Зрительная память у Митьки была великолепной, и он уверенно взял обратное направление домой. Примерно через час ущелье раздвинулось и превратилось в просторную — метров пятнадцать шириной — долину, в которой попадались редкие стайки оленей. Они совершенно не обращали внимания ни на Митьку, ни на скелеты своих собратьев, погибших в зимнюю бескорышицу от голода, и старательно выщипывали подросшую за лето травку.

Как Митька и предполагал, долина сама вывела его прямехонько к морю — к бухте Коулз-бэй. Он знал, что рядом с бухтой когда-то был поселок Грумант, заброшенная шахта, и что до мыса Хеер, где жили вертолетчики, оттуда почти рукой подать. Теперь можно было не спешить. Надо было подумать, что говорить начальству в Баренцбурге и как объяснить свой уход и возвращение. Эти соображения, помноженные на усталость, и продиктовали насущную надобность в технической остановке в Груманте.

До поселка, однако, пришлось «чапать» довольно долго, и Митька уже начал жалеть о своем решении. Чтобы скрасить превратности пути, пришлось напрягать весь

свой скучный песенный репертуар, и только песня о дальневосточном партизане Лазо вывела его, наконец, к цели.

Он выбрал более-менее сохранившийся дом и подошел к двери. Во, оказывается, это тот самый домик Русанова, о котором он краем уха слышал в Баренцбурге. Митька толкнул дверь, но она не открылась. Ага, заперто, надо поискать ключ. Но ключа на гвоздике, указанном стрелкой, не было. Да и замка в пробоинах на месте тоже не оказалось. Значит, дверь открыта, надо только нажать на нее посильнее. Он пнул дверь ногой, но она не подавалась. Тогда он налег на нее всем телом — результат тот же. Выходит, она либо заколочена, либо заперта изнутри.

Митька внимательно обследовал притолоку, но следов заколачивания двери не обнаружил.

— Эй, есть там кто? — закричал он.

Ему показалось, что из дома послышались какие-то шорохи, и тогда он подбежал к окну и пальцами забараанил по стеклу:

— Открывайте! Это я, Митька!

Чья-то тень метнулась к двери, и это придало возмущенному Митьке больше нахальства и смелости.

— Эй, мужики! Вы чего там прячетесь, в натуре? Не бойтесь, я один и без ружья.

Загремел засов, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель просунуть нос.

— Ви кто такое? — спросил мужской голос из-за двери.

— Так я же вам однозначно, блин, сказал русским языком: Митька я, Митька Мордюжа — без балды. Возвращаюсь из эмиграции, из гостей, значит. Топаю домой в Баренцбург. Открывайте же, я устал, мне надо отдохнуть.

За дверью пошептались, потом тот же голос спросил:

— У вас есть что-нибудь покушать?

— Пошамать? Да так, остатки с барского стола: пачка печенья, жвачка и банка колы.

Дверь тут же распахнулась, и Митька увидел двоих мужиков в знакомой баренцбургской одежде.

— Вы что, ребята, из Прибалтики что ли? Говорите по-нашему, но с картавинкой.

— Да, да, ми есть... эстонцы, — сказал один из них.

— Чтой-то я не помню, чтоб у нас в поселке проживали эстонцы. Вы недавно приехали что ли?

— Да, ми недавно, — подтвердил другой мужик. — Ученые. Экспедиция называется.

— А, ну тогда понятно, — сказал Митька, входя в дом. — И что же вашу экспедицию не кормят?

— Кормят, конечно, но мы... мы переблудились. Теперь ждем спасатель.

— Так какие проблемы? — удивился Митька. — Я вас запросто выведу в Баренцбург. Сейчас отдохну, и можем выходить.

— Нет, нет, в Баренцбург нельзя! — испугался другой эстонец.

— Как нельзя? Мне это чудно, однако, слышать. Может вы, преступники, какие или шпионы?

— О, ноу, ноу! Нет! Мы просто... нам нужно попадать другой часть Шпицберген, — объяснил тот, что просовывал нос в дверь. Его товарищ, стоявший у окна, заметно занервничал и явно тяготился затянувшейся светской беседой с незваным пришельцем.

— А чевой-то твой дружок все в окно смотрит? — спросил Митька. — Не бойтесь, ментов тут нет.

Митька подошел к окну и от неожиданности отпрянул, словно кто-то снаружи плеснул ему в лицо кислотой:

— Мужики! Что-то вы мне не то говорите. Это что там за подводная лодка всплыла?

Картине, представившейся взору добровольного репатрианта, явно не хватало кисти талантливого мариниста. Сочные голубые краски пустынного Ледового фьорда, уходящего в безбрежную даль Гренландского моря; сиренево-малиновые горы, очерченные солнечным светом и резкими складками теней и — чудище заморское, покачивающееся на волнах и ослепляющее блестящим лаком невысохшей воды! Чудище медленно приближалось к берегу, словно громадный крокодил, обнаруживший пришедшую на водопой антилопу. Сходство с африканским хищником усугублялось черной тупорылой мордой подводного судна, на которой была нарисована оскалившаяся пасть акулы.

— Чито вы говорите? — сделал изумленное лицо первый эстонец. — Не может так быть. Это какая-то недоразумений.

— Какое же недоразумение, если вон она, лодка, там из нее какие-то люди повылезли и обшаривают наш поселок биноклями? А вон они и баркасик спускают, в нем сидят трое мужиков, гребут прямо к нам. Один не гребет, а встал и делает нам какие-то знаки.

Джим тоже подошел к окну, и теперь все трое пристально смотрели на море, не в силах оторваться от захватывающего своей таинственностью зрелища.

— А скажите, милые мои, как вас зовут, — продолжал допрашивать Митька.

— Мой имя есть Роберт, — сказал Джим.

— А мой — Курт, — заявил Джек с неправдоподобностью двоичника, уверяющего учителя в том, что несколько часов сидел над домашним заданием.

— Та-а-ак, — многозначительно сказал Митька. — Вот что, ребята-демократы: на эстонцев вы так же похожи, как я на китайца. У меня в армии был кореш из Таллина, так он говорил совсем не так, как вы. Тиха-а! — Увидев, что Джим сделал движение, чтобы приблизиться, Митька отскочил от окна на середину комнаты. — Не надо грязи! Митьку не проведешь! Вы — американские шпионы! Я сразу догадался — нам тоже кино показывают. А ну-ка поднимайте руки вверх и по одному выходите наружи. Я вас поведу сдавать в наше консульство.

Выступал он так уверенно, что его обманное движение во внутренний карман куртки американцы восприняли так, как это обычно воспринимают в Америке: у человека в кармане пистолет, и они медленно подняли руки.

— Выходи! — произнес Митька насмешливо-возбужденным голосом бойца Сухова, перехитрившего главаря басмачей. — Прямо в дверь. Вот так.

Джим и Джек вышли из дома и зажмурились от яркого солнца.

Между тем шлюпка уже ткнулась носом о берег, и трое людей, жестикулируя и что-то крича на незнакомом для Митьки языке, пошли ему наперерез. У бывшего помощника скотника что-то заекало в левой половине грудной клетки, а где-то ниже пояса началось опущение внутренних органов. Одновременно сработали какие-то винтики в голове, отчего ему стало весело и немножко страшно.

— Не останавливаться! Вперед! — крикнул он Джиму с Джеком и наддал одному из них пинком в зад.

Где было «вперед», Митька и сам не знал, поэтому Джим и Джек топтались на месте, все время оглядываясь на пришельцев из океанских глубин. Люди из шлюпки между тем ускорили шаг и даже перешли на бег. Тот, что не греб, выхватил из кармана пистолет и сделал предупредительный выстрел в воздух. Джим с Джеком, как по команде бросились на землю. Митька на мгновение замешкался, и тут же поплатился за свою неловкость. Джим метнулся ему под ноги, Джек почти одновременно обхватил его за колени сзади, Митька шлепнулся наземь, к ним уже спешили на помощь подводники, и через несколько секунд поверженный на землю ловец шпионов был связан по рукам и ногам.

— Развяжите меня, гады, а то хуже будет, в натуре! — орал Митька, катаясь по гальке и извиваясь всем телом.

— Шат ап! — прикрикнул Джим. — Молчать!

Джек подошел и замахнулся было на Митьку правой ногой.

— Только тронь, мордастая сука — я тебя на том свете найду! — злобно прошипел Митька, и Джек опустил ногу.

Американцы отошли в сторонку и минуту-другую что-то оживленно обсуждали между собой. Время от времени кто-нибудь из них бросал на Митьку взгляды — речь явно шла о том, что с ним делать. Потом старший с лодки показал рукой на шлюпку и приказал матросам взять Митьку за руки и за ноги.

Митька визжал, ругался, угрожал и вырывался, но сила была не на его стороне. Американцы не обращали на него оскорблений никакого внимания. Они торопились поскорее попасть на борт лодки. Митьку, словно неодушевленный предмет, бросили на дно шлюпки, офицер выкрикнул слова команды, шлюпка зашуршила дном по камням, а потом Митька услышал — нет, почувствовал всем телом — плеск воды за тонкой перегородкой.

— Пацаны, куда же вы меня тащите? — заплакал Митька. — Меня же дома ждут. Я больше не хочу скитаться по заграницам. Мама-а-а!

— Нитшево! — успокоил его Джим. — Ми тебя снова выпускаем.

...Через пятнадцать минут любоваться живописными картинами на Груманте, кроме голодных чаек, уже было некому. Но чайки ко всей этой живописности давно привыкли.

* * *

Разведка по радио донесла майору Звягинцеву, что в Баренцбурге находится высокопоставленная норвежская делегация, которую принимает самозванец Кравченя со своими помощниками, и что в настоящее время норвежцы и славяне огромной толпой двинулись в направлении фермы. После того, как была выполнена первая часть боевой задачи, и на мысе Хеер был восстановлен конституционный порядок, предстояло перейти ко второй, самой важной, фазе операции.

Звягинцев вызвал к себе командира вертолетного отряда и без всяких предисловий сказал:

— Значит, так, начальник. Готовь к вылету два лучших экипажа. Будете выбрасывать десант. В районе фермы. Задача ясна?

— Так точно, товарищ майор.

Отряд вертолетчиков набирали в Воронеже, Липецке, Ярославле и Иванове. Все они когда-то служили в BBC, а некоторые успели повоевать и в Афганистане, так что расчет командования полностью оправдывался, и Звягинцев в своих дальнейших действиях мог полагаться на содействие вертолетной авиации.

Залогом удачи операции был фактор неожиданности. Спецназ, как ветер, налетит на Баренцбург, обрушится на бунтовщиков с неба, а там уж — дело техники. Главное — ввязаться, а ребята не подведут. Они были и не в таких ситуациях. А здесь вооруженного сопротивления ожидать не приходилось, так что, считай, успех обеспечен.

Звягинцев оставил на мысе Хеер лейтенанта Зайтулина с тремя бойцами, а остальным приказал грузиться в вертолеты. Через десять минут автобуксир выволов из ангара два желто-синих Ми-8, отвез их на летное поле, и пилоты тут же стали запускать моторы. Медленно, а потом все быстрей и быстрей завертелись лопасти подъема, потом к ним присоединились хвостовые пропеллеры, вертолеты приобрели одновременно и смешной стрекозиний, и угрожающий вид. Десантники полезли в салоны. Когда Ми-8 поднялись в воздух и на какое-то время зависли над летным полем, внизу загорланили оставшиеся дома члены остальных экипажей. Вместе с женами и детьми они подбрасывали вверх головные уборы и что-то кричали.

Но наверху их, конечно, никто не слышал.

Ми-8 начали быстро набирать высоту и сделали над мысом прощальный круг. Потом пилоты заложили вираж, вырулили на середину Зеленого фиорда. Стрекозы, словно выпущенные из арбалета стрелы, стремительно рванулись вперед и скрылись из вида провожающих.

* * *

МакКою в конце концов повезло. С трудом отремонтировав мотор на найденном катере, ему в два приема удалось перебросить часть отряда на противоположный берег Зеленого фиорда. Правда, высаживаться пришлось в районе Финнэсета, потому что в других местах высаживать десант было небезопасно: на мысе Хеер хордничали десантники Звягинцева, в баренцбургском порту стояло пришвартованым судно норвежского губернатора, так что оставался мыс Тонкий Нос — так в переводе с норвежского называлось это самое мелкое и самое узкое место Грен-фиорда.

От Финнэсета до поселка Баренцбург было близко, но МакКой все равно изо всех сил торопил своих спецназовцев, нужно было во что бы то ни стало опередить Звягинцева и оказаться в Баренцбурге раньше русских.

Американцы пробирались по берегу залива. То, что в последний момент их в районе порта могли обнаружить норвежцы или русские, уже не имело значения. Потому что этот критический момент до конца операции, согласно расчетам, отделяли считанные минуты.

* * *

Директор, наконец-то, стал проявлять неподдельный интерес к Бэтси.

Это проявилось прежде всего в том, что он для начала издал утробный рык и сделал круг почета, разогнав по углам всех зевак. Волколупов, нежно гладивший быка по холке, успел отскочить в сторону. Наблюдавший за Директором аграрий из Осло перестал улыбаться и сказал: «Оу!» Президент ШУРЫ бросил вопрошающий взгляд на сюсельмана, но тот в ответ только одобрительно кивнул ему головой: мол, все в порядке, беспокоиться не о чем. Норвежская невеста стояла посередине двора и кокетливо помахивала хвостиком. Местные жены из гарема Директора сбились за изгородью в кучу и с неподдельной ревностью следили за антипатриотичным поведением своего повелителя.

Директор сделал круг почета и приблизился к норвежке. Он понюхал вокруг нее воздух, оглянулся на своих местных подружек, и сделал еще один шаг навстречу своему моральному падению.

— Давай, давай, Директор, не робей! — подбадривал его Аполлон Митрофанович. — Это все та же материя, хоть и заморская.

Директор подошел к Бэтси и на русском языке стал ей нашептывать то ли комплименты, то ли явные сальности. От этих нашептываний у коровы закружилась голова, она слегка покачнулась и слабо замычала. Директор, не обращая внимания на женские уловки, продолжал процесс охмурения. Он перенес свои ухаживания с головы на хвостовую часть, чем вызвал явное удовлетворение Волколупова и норвежского агрария.

— Так, молодец, Директор! Начинай с богом зарабатывать тугрики!

Между тем вопрос зарабатывания твердой валюты находился в процессе утрясания.

— Вы знаете, господин сюсельман, во что обойдется вам спаривание? — невинным тоном спросил Кравченя переводчика.

— О, это не мой вопрос, спросите лучше представителя из Осло. Я просто не в курсе, — ответил Юнглинг и пальцем подозвал к себе командированного.

— Вот господин Кравченя интересуется, сколько вы заплатите ему за... за то, чтобы их бык покрыл вашу коровку.

— Я полагаю, что это должно быть в пределах таксы, существующей для таких случаев в Норвегии.

— И какова же обычная такса?

— В пределах пяти-шести тысяч крон.

— Вы слышали? — сказал сюсследельман, обращаясь к Роману Спиридоновичу.—

Наш командированный готов заплатить вам пять тысяч крон.

— Это меньше, чем тысяча долларов? — уточнил Кравченя.— Нет, господин Юнглинг, так дело не пойдет.

— Вы считаете, мало?

— Да.

— А сколько вы хотите?

— Мы хотим пятнадцать тысяч долларов.

— Вы слышали? — сказал сюсследельман, обращаясь к председателю Агросовета.—

Они требуют пятнадцать тысяч долларов.

— Но это невозможно! Это грабеж!

Бустад перевел Кравчене реакцию норвежца на поступившее деловое предложение. Члены ШУРы недовольно загудели и все разом стали говорить, что предложенная сумма — просто смешная. Директор — бык-производитель высшего класса, таких быков надо еще поискать по белому свету, практически — это единственный экземпляр, от которого может начаться новая молочно-мясная порода, а это стоит гораздо больших денег, чем пятнадцать тысяч «зелени».

Бустад перевел содержание экспертных выкладок ШУРы, после чего председатель Агросовета поочередно стал то краснеть, то бледнеть, то разводить руками и пытаться апеллировать к разуму уважаемых членов русского, то бишь, украинского правительства, но все было бесполезно — ШУРа стояла на своем: пятнадцать тысяч баксов на бочку и дело с концом.

Председатель Агросовета стал умолять Юнглинга о том, чтобы он из своих средств добавил требуемую сумму, на что сюсследельман резонно отвечал, что такой статьи расходов у него нет, что ни один министр юстиции ни за что не утвердит ему подобную выходку, и что пусть аграрий доплачивает за случку из своих личных денег.

Члены ШУРы мрачно наблюдали за перипетиями не совсем дружелюбной беседы двух норвежцев и все яснее понимали, что денег на оплату услуг Директора они не получат.

— Ну, так как, господа,— не вытерпел батько,— будем платить или нет?

— У нас нет таких денег,— перевел Бустад, разводя руками.

— Ну, на нет и суда нет! — решительно произнес Кравченя.— Волколупов, уводи Директора!

В это самое время Волколупов был занят тем, что подпихивал своего любимца сзади, чтобы тот мог более удобно устроиться на крупе Бэтси. Директор, наконец, созрел для дела и предпринимал самые усердные попытки для того, чтобы выполнить и социальный заказ, и удовлетворить зов природы.

— Аполлоша! Я что тебе сказал? — снова закричал Кравченя.— Отводи производителя! Норвежцы отказываются платить деньги!

— Да как я же теперь его отведу, если он уже взобрался на корову!

— Это не мое дело! Уводи скорей, а то он еще исполнит бесплатно.

Волколупов взял Директора за хвост и стал изо всех сил стаскивать его назад, но бык оставался на месте. Больше того — он все ближе продвигался к цели.

— Помогите мне! — обратился в отчаянии Волколупов к зрителям.

На зов прибежали два доброхота и стали вместе с ветеринаром тянуть Директора за хвост, однако ожидаемого эффекта не наступало — Директор упорно не хотел отказываться от предстоящего удовольствия. Тогда кому-то из них пришло в голову

ткнуть Директору под хвост сигаретой. И на самом деле: средство оказалось радикальное воздействие и на быка, и на всю ситуацию на Скотланд-Ярде.

Бык взревел и мгновенно спрыгнул с коровы, обратив теперь всю злость на обидчиков. От ярости у него налились кровью глаза, он стал рыть землю передними копытами и бросать ее прямо на сидевшее и стоявшее поодаль норвежско-украинское начальство. Потом он сделал резкий спринтерский старт с места и погнался за первым попавшимся на глаза участником зрелица.

В одно мгновение Скотланд-Ярд превратился в испанскую Памплону, отмечавшую день святого покровителя Фермина. Только на памплонском энсьерро участвуют много быков, их выпускают на узкие улочки и специально поддразнивают смельчаки-добровольцы. Наделав в штаны, люди мчатся впереди разъяренных животных, побеждая в себе труса и утверждаясь в качестве истинного мужчины.

Директор был единственным разъяренным животным, мчавшимся во весь опор по скотному двору, но смельчаков, желавших добровольно самоутвердиться в этой жизни путем мелькания перед его рогами, на Скотланд-Ярде в этот момент не оказалось. Тем не менее, по своей динамике и эмоциональному накалу зрелице ни в чем не уступало фестивалю в Сан-Фермин. Началась такая суматоха и паника, что хоть святых выноси! В одно мгновение зрители испарились в неизвестном направлении, словно их ветром сдуло. На арене остался Волколупов, улепетывающий от своего любимца, и группа, состоящая из президента ШУРы, нескольких его помощников и норвежских гостей, застывшая в самых неестественных позах. Ну и конечно бедняжка Бетси, которой нужно было проделать немалый путь по воде и земле, чтобы в решающий момент оставаться в буквальном смысле с носом.

Волколупову удалось скрыться в яслях и захлопнуть за собой дверь. Тогда Директор круто развернулся и направил свой победоносный и тяжеловесный бег прямо в сторону начальства.

— Ой, мама! — пискнул кто-то из членов украинского правительства.

Директор нажал на тормоза и встал, как вкопанный, в нескольких шагах от скульптурной группы, с которой можно было рисовать известное полотно «Расстрел коммунистов». Из ноздрей животного шел пар, из глаз сыпались искры, он стоял, дрожал и исподлобья смотрел на Кравченю.

Никто не произнес ни одного слова.

И в этот момент над головой застремился вертолет, потом — другой, и из них посыпались комочки парашютистов. В синем небе над Скотланд-Ярдом тут же стали раскрываться купола парашютов. Вертолеты улетели, а парашюты лениво, словно медузы на волнах, колыхались в потоках воздуха и медленно опускались прямо в центр Скотланд-Ярда.

— Боже мой! Как красиво! — прошептал Сверре Бустад.

Все, словно зачарованные, смотрели на праздник шелка, солнца и воды и совершенно забыли про Директора. Это было великолепно, такого продолжения бычьего фестиваля не было и никогда не будет в самой Памплоне. Это точно.

Парашютисты все как один приземлились на территорию скотного двора, мгновенно освободились от строп и со всех сторон окружили кучку людей с быком, направив на них автоматы.

— Не двигаться! — крикнул Звягинцев. — Мы из русского миротворческого контингента. Прибыли для восстановления законности и порядка в российском поселке Баренцбург.

Члены ШУРы подняли руки вверх. По мере того как Сверре Бустад переводил Юнглингу фразу Звягинцева, сюсельман, а за ним и все норвежские гости следовали примеру хозяев. Директор укоризненно посмотрел на людей с поднятыми над головой руками, развернулся и сквозь строй десантников пошел к себе в стойло.

— Доунт мув!* — раздалось откуда-то из-за гребня со стороны моря, и в тот же момент изгородь была взята штурмом людьми в камуфляжных формах, с перемазанными сажей лицами и с автоматами наперевес. Они создали еще одно — внешнее — кольцо окружения, в которое попали и десантники Звягинцева, и молча поедали глазами разнородное сборище русских, украинцев, норвежцев, переводя автоматы с одного испуганного представителя на другого.

— Майор Звягинцев! — с наигранной радостью воскликнул МакКой и сделал шаг вперед. — Какими судьбами?

— Майор МакКой! Какой сюрприз! — сказал Звягинцев и сделал шаг навстречу.

Обменяться рукопожатиями им не удалось.

Со стороны мыса Старостина вынырнуло одно звено бомбардировщиков, за ним другое, третье... Они со свистом пронеслись над головами, а через несколько секунд на восточной окраине Баренцбурга стали рваться бомбы и подниматься кверху черные клубы дыма. Самолеты заходили по очереди на какие-то цели, сбрасывали кассетные и фосфорные бомбы и методично, точечными ударами, уничтожали стратегические объекты: остовы бывшей голландской саловарни, домик губернатора, вертолетную площадку, обогатительную фабрику. Несколько бомб — вероятно, по ошибке пилоты выбрали на карте слишком жирную точку — разорвались рядом с портовыми причалами и теплостанцией. Потом удары были перенесены в Зеленую долину, где партия Назарова проводила свои изыскательские работы. Потом взрывы гремели непосредственно за Мирумirkой, постепенно уходя на Запад.

— Как это все понимать? — спросил Звягинцев МакКоя.

— Предупреждений диктаторски режим офф мистер Краучения. Доунт уарри**, Звяг, это есть демократически гуманный боумбз. Они не поражать живой цель.

Через час самолеты отбомбились и улетели.

Члены ШУРы и норвежцы уже давно опустили руки и с недоумением смотрели на американских и русских миротворцев. Звягинцев с несколькими солдатами подошел к Кравчене и увел его вместе с членами ШУРы в домик Волколупова разбираться в нарушениях законности в Баренцбурге.

Сюссељман опомнился и подскочил к МакКою, чтобы выразить протест норвежского правительства за нарушение суверенитета над архипелагом и нанесение непоправимого экологического ущерба хрупкому арктическому ландшафту.

МакКой лениво отмахнулся от назойливого норвежца и пошел распоряжаться на счет размещения миротворческого контингента.

Над «умиротворенным» Баренцбургом воцарилась неестественная тишина — даже птицы куда-то исчезли и не оживляли атмосферу своим беспрестанным криком.

* * *

...На мертвый поверхности Зеленого фиорда появилась маленькая черная точка. Она постепенно увеличивалась в размерах и приобретала форму уткой лодки, в которой зоркому глазу можно было различить человеческие фигурки. В лодке сидели четыре человека — бывший директор рудника Александр Коршунов, представитель треста «Арктикуголь» Степан Трегубенко, шофер Петруха и скотник Митька Мордюжа. Петруха сидел на вёслах, а Митька взахлеб рассказывал о своих приключениях:

— Вот... Подержали они меня пару часиков, а потом всплыли, выбросили, значит, за борт резиновую лодку, которая тут же сама надулась, а потом взяли меня за руки — за ноги и тоже бросили в воду.

— Ха-ха-ха! Искупали они тебя все-таки! — от души веселился директор рудника.

— Ага! Натурально меня от холода всего скожило, но жить-то надо! Поба-

* Не двигаться! (англ.)

** Не волнуйся (англ.)

рахтался в воде маленько, залез в лодку и поплыл в натуре. Гляжу — вы по бережку ходите...

— Ну, балбес, вот придем в поселок, устрою тебе форменную нахлобучку, — пообещал Коршунов. — Я тебе покажу, как родину любить.

— Осмелюсь спросить: какую родину? Российскую или украинскую? — заерничал Митька.

— Вот там и узнаешь. Завтра же пойдешь в забой подручным. Хватит вокруг молока да девок околачиваться.

Митька умолк, замолчали и его спутники.

— Это сколько же средств теперь надо, чтобы восстановить рудник! — сокрушенno вздохнул Трегубенко, с тоской глядя на еще чадящий дымом разрушенный Баренцбург.

— Ничего, Запад нам поможет! — бодро, но не очень уверенно сказал Коршунов.

— Ох, скажу я вам, мужики, сколько же кокы-колы я попил у норвежцев — слов нет выразить, — мечтательно сказал Митька. — Напился на всю оставшуюся жизнь. До сих пор в животе бурчит!

Коршунов размахнулся и дал Митьке подзатыльник.

Тroe в лодке, не считая Митьки Мордюжи, как и все спасшиеся после кораблекрушения, с надеждой впивали свои взоры в родные берега. Но берег был чужой и смотрел на них черными прогалинами на нерастаявшем снегу и глубокими воронками вокруг поселка. Отсутствовали и знакомые очертания производственных сооружений. Что стало с Баренцбургом? Куда подевались люди? Ба, да вот они! Растворившись в длинную цепочку, люди уходили из поселка на запад, к мысу Хеер, в сторону Лонгйербюена. Трегубенко, помнивший войну, высказал предположение, что пока они бродили по берегам озера Линнея, началась третья мировая война.

Они причалили к пирсу, вдыхая запах гари и жареного сала. Поднявшись по лестнице Потемкина, они обнаружили дверь столовой открытой настежь. Они прошли внутрь: столы и стулья были перевернуты, а в кухне на больших сковородах подгорало или догорало сало с картошкой. На улицах ни души и повсюду распахнутые настежь двери. Поселок был брошен, и брошен в большой спешке. Почему?

Ответ они скоро услышали и увидели. Пройдя с десяток-другой метров по улице Старостины, они услышали характерный шорох — какой-то исполинский зверь приближался со стороны гор, смачно чавкая, похрустывая и проглатывая встречающиеся на пути постройки и разбитые линии коммуникации. У всех у них зашевелились волосы на голове: через Мирумирку переваливалась огромная ледяная глыба! Она обломилась, повисев секунду-другую над гребнем, за ней высунулась еще полоса толстенного льда, и еще... Лед шлифовал вершину горы, опускался все ниже и ниже и уже не переламывался, а медленно сползал вниз. Медленно-то медленно, да не очень. Расстояние между льдом и зданием консульства на глазах катастрофически сокращалось. Лед шел со всех направлений на Баренцбург в явном намерении стереть его с лица Земли.

— Лед пошел! — дико закричал Митька Мордюжа и сломя голову кинулся обратно к лестнице.

За Митькой побежали и остальные.

— Вот бы Зингер обрадовался, — вспомнил не к месту про гляциолога Коршунов. Он простил ученого за все придирки и преследования, которым он подвергал его в течение многих лет.

А Евгений Максимович Зингер стоял на пригорке и с ужасом наблюдал за тем, как вековые ледники, измеренные и исхоженные им вдоль и поперек, встревоженные взрывом американских бомб, кончали жизнь самоубийством.

Трегубенко плакал — бежал и лил обильные немужские слезы. Баренцбургу были отданы лучшие годы его жизни. Петруха, как все ординарцы, адъютанты и слуги,

просто бежал и соображал, как бы успеть добраться до лодки, а потом — до норвежцев. Когда они сели снова в лодку и оттолкнулись от берега, то увидели, что жители поселка — кто с узлом подмышкой, кто с мешком за плечами, кто с чемоданом — бежали в направлении мыса Хеер.

...О катастрофе на Баренцбурге сообщила провинциальная норвежская газета, но ее голос потонул в мощном и хорошо сдирикционном парламентском хоре ЕвроСовета, который помаленьку начал осваивать новую тему для своих «публичных лекций» под названием: «Отсутствие демократии в новой России». В западных СМИ утверждалось, что в Баренцбурге взорвался засекреченный русский склад с боеприпасами, который Москва, в нарушение Парижского договора 1922 года, запасла на случай критической ситуации. Об этом скоро заговорил весь демократический мир.

Русским средствам массовой информации было не до Баренцбурга. Их вожди призывали сограждан дружно войти в общеевропейский дом и вкусить от пирога общеевропейских ценностей.

Всех баренцбуржцев, добравшихся кое-как до Лонгйербюена, вывезли на пароходе на материк и разместили в северной Норвегии в лагерях для беженцев. У некоторых баренцбуржцев здесь когда-то сидели отцы, только не в американских, а в немецких концлагерях.

Майор Звягинцев по приезде в Москву подал в отставку.

...Гнилозубов не смог пережить гибель Баренцбурга и умер от инфаркта.

Постскриптум 2022 года

Борьба с Украиной и за Украину напрашивалась сама собой.

Предугадать ее детали автору тогда не было дано.

❖❖❖

Евгений Асташкин

г. Омск

НОВЫЕ СОСЕДИ

(Глава из романа «Мертвый город»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова.

Все домочадцы Набережной давно притерпелись взглядом к пребывающему в застарелой заброшенности Никулинскому двору, который воспринимали как типичный пейзаж одичалости — потонувший в лебеде огород, скрытый до самой крыши в кленовой, почти непроходимой чащобе дом. Похожая на вытянутый барак постройка устала выдерживать натиск обычных в здешнем регионе огромных перепадов температур и стала проявлять явное намерение сдаться на произвол разрухи. В месте смычки правая, позднее пристроенная из самана, да так и не отштукатуренная сторона стала сверху под шифером отклоняться в наружную сторону, увлекая за собой все более проседающую крышу. Здесь и оконные проемы изначально оставались без рам, поэтому зимой внутрь задувало снег, что дополнительно усугубляло ситуацию. Еще немного — и стена из оплывшего самана самым натуральным образом рухнет.

И вдруг после первомайских праздников на соседнем дворе во всей наглядности проявилось инородное деловитое брожение: незнакомцы по-хозяйски стали приводить территорию в божеский вид.

Первой это заметила Генкина мать. Она заинтригованно прильнула к среднему окну зала, что-то высматривая:

— Ого, у Никулиных кто-то вовсю хозяйничает!..

От соседей в той стороне отделяла все та же хлипкая проволочная ограда, через которую легко можно перешагнуть в местах провисания луженого провода. Генка вышел во двор и стал издали наблюдать за происходящим у соседей. Мужланистая сухопарка лет сорока в мощно замыганных брюках защитного цвета азартно выдергивала с корнем прошлогоднюю лебеду на огороде и скидывала ее в копенку близ сарая. Паренек в простецкой рубашке с коротким рукавом, по виду года на два моложе Генки, уверенно размахивал топором, круша стреловидные, еще не заматеревшие побеги клена. Самостийные «джунгли», в которых летом любила пошастать местная детвора, редели на глазах, оскомно оголяя пространство, даже становилось жалко, настолько привыкли к этой милой заглушеннности.

Должно быть, Никулинский дом наконец-то заселили новые люди. Собственники или просто квартиранты? Если дом продан, то почему не видно было самой бабуси Никулиной? Она бы непременно зашла к Вешкиным в гости. Совсем непонятно...

Спустя неделю соседский двор было не узнать. От лебеды не осталось и следа, очищенный квадрат огорода маслянисто чернел. От зарослей осталось лишь несколько крупных кленов — в самом углу, примыкающему к Генкиному участку и улице Набережная. Теперь соседи принялись спешно разбивать грядки, которые год кормят.

Потом появился и третий жилец — крепко сбитый мужичок с сивой челкой.

Вешка видел, как тот, облаченный в спецовку, ходит вдоль дома, и теперь под ногами громоздятся откуда-то взявшимися трубы, угольники. На земле распластался неподъемный, синего цвета кислородный баллон, от которого змеится подсоединеный шланг. Ветер дозами доносит специфический запах карбира. Мужичок время от времени подносит к жерлу газовой горелки зажигалку, раздается характерный хлопок, порождая струю белого пламени. Вовсю идут сварочные работы.

Соседи целыми днями на ногах, даже не обедают, что ли? Лишь на ходу зацепят из алюминиевого бидона кружку какой-то бурды, выпьют и снова закрывают посудину откидной крышкой.

Генка даже обрадовался, предвкушая общение с новым пареньком, почти ровесником. Вместе будут ходить в школу. Пора уже знакомиться. Требуется инициатива? Нате вам, долго ли сигануть через забор...

Поймав выжидательный взгляд соседского паренька, который помаленьку корчевал оставшиеся в земле корни от вырубленных кленовых побегов, чтобы от них снова не полезли побеги, Генка в один прыжок перемахнул на соседский участок и, утопая кедами в рыхлой земле, направился в его сторону.

— Проник через государственную границу, — по-свойски обратился он к пареньку, на чумазых ступнях которого были какие-то истоптаные чеботы. Тот словно ждал этого «нарушителя», хотя не бросал занятия, подцепив штыком лопаты очередной увертливый корень. — Я смотрю, тут все в работе — с утра до поздних петухов...

— Да уж, досталась развалюха, — степенно ответил коротко остриженный кре-пыш, успевший сильно загореть на майском солнце.

В это время его жилистая мать подошла к бидону и, зацепив эмалированной кружкой непонятную жижицу, стала делать крутые глотательные движения, несколько запрокинув голову со стянутым на затылке жгутиком серо-буро-малиновых волос, тщетно дожидающихся банного дня.

— Что это вы все время пьете? — озадачился Генка.

— А, это... Обрат.

Уловив на лице гостя недопонимание, пояснил:

— Это то, что остается от молока после сепаратора. Говорят, полезно для здоровья.

Он с силой воткнул в землю лопату и жестом пригласил Вешку следовать за ним. Мать уже опорожнила кружку и, хлопнув крышкой, притулила ее сверху в выемке под скобой.

— Пусть попробует, — указал сынуля глазами на Генку. — А то не знает, что это за штука, хотя живет в общем-то на селе... Давай, черпай, не стесняйся!..

Генка заметил, что парень обращался с ним как с ровесником. Пара зеленых мух уже успела оседлать кружку. Генка отер ее края ладонью под снисходительным взглядом паренька и набрал из бидона немного белесоватой жидкости. Она оказалась кисленькой и совсем не отталкивающей на вкус.

— Вижу, вы прочно обосновались здесь, — заметил он.

— Теперь дом нашенский, — заявила хозяйка. — Но работы здесь уйма. Придется сносить правую половину и строить заново. За лето многое надо успеть.

Мужичок в пяти шагах от них гнул и варил трубы, не обращая ни на кого особого внимания.

— Наш квартирант, — опять «просветила» хозяйка. — Делает заготовки для парового отопления. Он умелый сварщик.

И тут же выведывательно обратилась к Вешке:

— Не скажешь, какие здесь бывают проблемы? О чем мы еще не успели про-знать...

— Проблемы? Пожалуй, только одна. Каждую весну настоящий потоп. Как начнет таять снег, здесь разливается целое озеро, хоть на лодке плавай. Хорошо, когда весна затяжная, тогда снег тает постепенно, и за ночь лужи успевают вымерзнуть.

— А как же вы живете в таком болоте?

— Родители построились в самой низине, хотели жить рядом с родней. Отец собирался навозить земли и поднять уровень, но зеленый змий пересилил его. Теперь вот мне приходится думать, что предпринимать. Наверно, начнем рыть канаву вдоль всего забора, а это аж пятьдесят метров, шутка ли...

— И к нам, что ли, вода заходит?..

— Больше всех тонем мы. А у вас вода идет по этому краю, до дома не достает. И так длится дней десять, пока паводок не стечет по полю в Ишим. Остатки впитываются в землю, вот до сих пор земля здесь сырватая...

— А нам никто об этом не говорил,— задумалась женщина, подозрительно собирая морщинки на лбу. И внезапно сменила тему: — Я на днях зайду к вам ненадолго. Собака не кусачая?

— Она днем всегда на привязи.

— Ладно. Меня можешь называть тетя Рая. А это Никита.

— В какой класс ты перешел? — спросил Вешка у пацана.

— В седьмой.

— А я в девятый.

Квартирант, оказавшийся Потапом, не испытывал желания присоединиться к разговору, ворочал свои железяки, порой мурлыча что-то себе под нос. Его бесформенные губы кривились почти пофигистично, словно его ничто на свете особо не интересовало — день пролетел, и ладно...

Перешагивая через кислородный баллон, Генка непроизвольно выщелил взглядом надпись на датчике давления четким шрифтом — «Маслоопасно!» Что-то непонятное. Раньше доводилось встречать лишь другие предостерегающие надписи: «Огнеопасно», «Не стой под стрелой», «Осторожно — высокое напряжение», а здесь совсем мудреное. Никита успел перехватить его взгляд и тут же стал расшифровывать.

— Удивляешься?

— Почему именно масло? Разве оно тоже может быть опасным?

— А ты попробуй замасленными руками открыть вентиль. Сразу взлетишь под самые небеса...

— Неужто? — Вешке было трудно представить, чтобы у рабочих сохранялись стерильными руки, ничуточки не запачканные солидолом.

— Слышал, что в прошлом году на кислородной станции рванул баллон? Потом, говорят, свисали с потолка чьи-то кишки. Какой-то болван полез к баллону с замусоленными руками...

Вызывало удивление, что четырнадцатилетний пацан отнюдь не размазня, не малярин сынок, как часто бывает в таком возрасте. Даже складывалось впечатление, что он в житейском смысле более стойко упрочился на ногах, нежели сам Генка.

Придется взять только что узнанное на заметку и не подходить к кислородному баллону с замасленными руками. Они часто пачкаются, когда он возится со своим велосипедом, подтягивая цепь или добавляя смазки во втулки. А то ни за что, ни про что средь бела дня разлетишься на куски...

* * *

Тетя Рая, как и грозилась, нагрянула в гости — шумно, без всяких комплексов. В эту субботу вся семья Вешкиных была в сборе — даже старшая Изольда приехала из дальнего совхоза, где она учительствовала. Подкупало то, что соседка сразу назвала хозяйку по имени,— у кого-то успела вызнать. Понятия о церемонностях у нее оказались особенными. Ни тебе здравствуйте, а сразу:

— Полина Батьковна, ты с какого будешь года? Значит, старше меня на пять лет, а я думала, тебе больше. Ну что — будем соседями! Придется...

— Так вы купили дом у Никулиной? — тут же стала допытываться Генкина мать. — Она, вроде, не приезжала...

— Я сама к ней сматалась в Пензу. Мне ее здешние родственники дали адресок.

— Боже мой, еще живая! А то от нее ни слуху, ни духу. Раньше хоть письма присыпала...

— Да как сказать... Уже совсем слабая, не встает с постели. Пришлось вызывать на дом нотариуса.

— И за сколько приобрели дом, если не секрет?

— За шестьсот рублей.

— Что?!

Генкина мать аж поперхнулась — это же почти задаром! Видно, совсем не было желающих, да и дом в таком состоянии. Но все равно уму непостижимо. Один огород чего стоит. Сараи теплые. Наверно, эта тетя Раи — знатная умелица торговаться.

— Я хотела попросить у вас на время ножовку, наша сломалась, — перешла к делу соседка и, не дожидаясь ответа, стала расхаживать по комнатам. — Н-да, понятно... Потолок у вас исполосован балками, а я люблю, чтобы он был ровным, оштукатуренным. Нет, у меня будет лучше планировка. У вас печка прямо в зале, а положено делать отдельную каморку под кочегарку.

— У нас нет водяного отопления.

— А мне сделают. Потап на все руки мастер. Я его пустила на постой бесплатно, пусть лучше отрабатывает. Я тут развернусь на всю катушку. Уже купила корову.

— Что-то мы ее не видели, — вставила словечко Изольда.

— Пока томится в сарае. Надо срочно сколотить летнюю загородку. В стадо пока отдавать не буду — это же платить каждый месяц двадцатку. Станем буренку привязывать возле старицы, там, в занижении, сочная трава. Заодно и водопой будет рядом. Еще и свинство разведу...

— Да когда вы будете все успевать? — встярал в разговор Генка. — Вы же собираетесь дом перестраивать.

— Одно другому не мешает...

Вскоре в окна зала можно было любоваться разгаром строительных работ. Сначала стали снимать шифер со второй половины дома. Никита подхватывал снизу лист, ловко балансируя им, и укладывал все в штабель возле дома. Потом Потап мельтешил на верхотуре, сматывая в рулоны рубероид. Застучал топор, срывающий доски со стропил. Сами треугольники стропил, не разбирая, спустили по очереди вниз и тоже определили в одну кучу. Потом уже принялись выковыривать саманы — их можно и нужно использовать повторно. Словом, никаких дополнительных затрат, даже гвозди можно выдернуть и выпрямить на домашней наковаленке.

Казалось, за лето трудновато уложиться с таким непомерным объемом работ. Но тетя Раи привела каких-то двух забулдыг, и дело пошло еще быстрей. Под ее окриками они выполняли, не морщась, самую грязную и тяжелую работу, а она их за это кормила чем попало.

Против всяких ожиданий новые стены выросли всего за месяц. Тетя Раи даже привезла откуда-то старые окна с коробками, на которых сохранилась прежняя покраска — видно, где-то разбирали старый барак. Окна по размеру оказались почти такими же, как и на правой половине. И здесь сэкономили.

Потап обтянул стены сеткой-рабицей ради упрочнения штукатурки. Для ее нанесения наняли двух приезжих товарок-молдаванок, которые очень ловко управлялись мастерками и терками — только мелькали руки. Время от времени молодайки зычно разражались припевом новомодной песенки: «Рулатэ-рула, ла-ла», повторяя ее с каким-то утробным азартом. Это терзало ранимый слух Вешкина, и ему хотелось по-быстрей прикрыть уши ладонями.

Удивительно — за все время перестройки не случилось ни одного ливня, чего опасались больше всего.

Пока соседи колупались, Генка тоже не терял времени даром. У Сакеновых остановились на ночь два шофера, которые возили песок из карьера в совхоз «Баранкульский». Вешка попросил привезти и к ним машину песка, сговорились за литр «Московской». На следующий день они действительно ссыпали в его огороде влажную кучу, больше похожую на суглинок.

За неделю Генка раскидал эту кучу по всему огороду. Но это капля в море. Чтобы ощутимо повысился уровень, потребуется полсотни таких машин. Жаль, что те баранкульские шоферы больше не появлялись, теперь надо высматривать другие самосвалы, которые проезжают по Набережной. Если кто-то везет песок, можно тормознуть и попробовать перекупить этот груз, направляющийся на какую-нибудь ведомственную стройку. Каждый год выгружать хотя бы три-четыре машины, и лет за десять низина станет не такой глубокой.

Мать порой в тему тоже «мечтала вслух»: пустить бы на квартиру шофера, который согласился бы возить землю с совхозного огорода, что за Ишимом; накидать лопатами плодородной землицы с самого края огорода, пока не видит бригадир, да сделать не один десяток таких рейса. Легко сказать, а на деле...

К осени сбоку Никулинского дома стало меньше всякого железа — Потап сварганил-таки водяное отопление. Еще он успел вместо жиценького штакетника, порядком изреженного шаловливыми ногами проходящей по Набережной детворы, поставить сплошной забор в рост человека — ни единой щелочки. Собирался сделать и ворота, да руки не доходят.

Генкина мать не переставала удивляться:

— Нашли же такого раба. И как у этого квартиранта на все хватает терпения?..

После того, как те мастерицы штукатурных дел избили все каблуки, тщетно выхаживая свои заработанные копейки, которые все прижимала не в меру экономная тетя Раи, посторонние стали уже сочувственными глазами смотреть на ее легковерную рабсилу. Уж больно она бесплатная, жалко людей...

С некоторых пор возле Никулинского дома стала останавливаться трехтонка с железным кузовом. За рулем, как на троне, собственной персоной восседает тетя Раи. Оказалось, что она устроилась шофером в местную транспортную организацию — АвтоТЭП. Впечатлительная мать Генки долго охала и ахала:

— Женщина — да за рулем самосвала! Интересно, хватает ли ей сил крутить рукоятку, когда заглохнет мотор? Тут и мужик надорвется. Ей надо было родиться музыком...

С началом учебного года Вешка предложил Никите вместе по утрам ходить в школу, однако ничего путного из этого не вышло. Семиклассник все время был не готов, то учебники не сложены в портфель, то тетрадь с домашним заданием запропастилась, а на часах уже без десяти минут, надо еще умудриться добежать до звонка. Позже выяснилось, что Никита все время опаздывал на первый урок — как ни в чем не бывало вваливался в класс с завидной задержкой. Классный руководитель устал выговаривать нерадивцу все, что думал по этому грустному поводу, а со временем и вовсе махнул рукой. Видно, понял: такое не лечится...

На большой перемене Никита частенько забредал в 9б кабинет, где учился Вешкин. Болтал с ним, да и с другими о том, о сем, словно ему интересней общаться с более старшими. Генку сильно рассмешило, когда тот однажды выдал как бы между прочим:

— Как заходишь в ваш класс, сразу чувствуется какой-то «взрослый» запах. В нашем классе не так сильно пахнет...

А, может, в этом что-то есть: за собой не видно, зато со стороны заметней...

* * *

Однажды тетя Раи с Потапом уехали в какое-то село выписать на зиму сена, и Никита позвал Генку к себе. Пусть посмотрит, как обделали все внутри. После при-

хожки начинался тамбур, прямо за ним небольшая кочегарка, если можно так выражаться. Аккуратная железная печурка, в нее заделан патрубок с вентилем.

— Зачем это? — не понял Генка.

Никита откинулся на дверцу печурки:

— Видишь форсунку? Топим соляркой. Через полчаса весь дом прогревается, и можно закрывать кран.

— А откуда течет солярка?

— С крыши. Давай покажу.

По приставной лесенке в углу они залезли через люк на чердак. Там стояла железная емкость, придавленная деревянной крышкой.

— Вот сюда наливаем солярку. Целый бидон.

— И на сколько хватает?

— На два-три дня.

— Так это ж сколько надо солярки? Можно разориться.

— Зачем? Пока есть где брать. Мать договорилась с военными. Привозит им взамен молока или сметаны.

Генка представил себе, как надо каждый раз корячиться, затачивая наверх трехведерный бидон с соляркой — это больше тридцати килограммов. У Сакеновых в углу возле забора тоже стоит бочка, куда хозяин завозит солярку. Ему ее дают бесплатно, как работнику «экспедиции». Вешкиным разрешалось брать из этой бочки немного для лампы со стеклом. Эта солярка у соседей долго не кончалась. А тут надо через каждые два-три дня привозить целый бидон. Морока, да и только...

Никита стал показывать обновленный дом. Планировка действительно была аховой, о такой лишь мечтать. В новой пристройке самая просторная комната окнами на восход превращена в подобие мастерской. Стоят наготове — вязальный станок, ножная швейная машинка, оверлог. Имеется отдельный чулан, где покоятся велосипед. Купили Никите, но чаще на нем ездит сама хозяйка, развозя по клиентам творог со сметаной.

В старой части дома уютная кухонька, веранда, большой зал, где окна с трех сторон. Сразу за дверью громоздится пианино траурного черного цвета.

— Это-то зачем? — вырвалось у Генки. — Кто на нем играет?

— Да мамаша заставляет ходить в музыкальную школу, а мне неохота...

— Выучил хоть одну мелодию?

Никита поднял тяжелую крышку и потыкал наугад в клавиши. Никакой мелодии не образовалось. Нет, какое-то подобие песенки проглядывало, но оно по ощущениям Генки словно было вывалаено в пыли. Тогда Никита предпринял вторую попытку:

— Меня для прикола научили вот этому...

И загрохотал разбитной «Собачий вальс».

— Правда, мамаша меня ругает за такое... Давай я лучше заведу одну хипповую пластинку.

Он включил радиолу «Рекорд» и снял с полки две пластинки — большую в цветастом конверте и миньон — кроме этого в домашней фонотеке ничего не было. Генка прочитал на крупном конверте — «Янош Кош». В первый раз слышит. Игра зашипела и после необычного вступления, гладко имитирующего гудок поезда, с неизвестным азартом зазвучало на ломаном русском языке:

*Разлучила меня, жить стало тяжело,
Так болно.
Лето была чудной, не забуду я его...*

Ударения везде безбожно нарушались, но песня тем не менее так завораживала, что ноги едва удерживались от притопывания. Звуки инструментов современнейшие, неслыханные.

— Ну как? — расплылся в улыбке Никита.

— Почти по-казахски. Где вы это достали? Я бы тоже купил такой диск...

— Где достали, там уже нету, — у Никиты была склонность отвечать на слишком конкретные вопросы прибаутками.

Дальше заиграла более медленная композиция «Хенки-пенки». Певец бесподобно играл голосом. Это ж надо так уметь — самым обычным вокалом, в скромнейшем диапазоне расходиться на славу! Слушал бы и слушал...

— Давай еще раз «Черный поезд», — попросил взбудораженный Вешкин. Он такого никогда еще не слышал. Как вообще издали эту абраcadабру — с исковерканными словами? Позволили свойскому «демократу» из Венгрии вдоволь поприкалываться...

— Проняло? Так-то! — в голосе Никиты погруживали торжествующие нотки.

В это время раздались шаги в прихожке, и тут же ввинтился в модный музон резкий голос тети Раи:

— А ну выключи эту дребедень! А то разобью пластинку! Тебе лишь бы всякие иностранные буги-вуги. Лучше бы завел маленькую пластинку.

На том мильоне оказались песни Гелены Великановой «Бубенцы», «И льется песня» — под народные романсы и под цыганщину.

* * *

Нагрянувшие морозы не застали новых соседей врасплох. Наспех восстановленный дом, хоть и с недоделками, был заново побелен. Хозяйка на ночь загоняла во двор свою трехтонку — в АвтоТЭПе некоторым водителям позволяли держать государственные машины дома, хотя имелись на предприятии просторные боксы и оборудованные площадки.

В конце декабря тетя Раи неожиданно привела к Вешкиным своего сына:

— Полина, как бы с тобой договориться?..

— О чём?

— Я хочу съездить в гости к своей ниваградской сестре. Скорее всего, задержусь и на новогодний праздник — сестра разве отпустит, давненько не виделись. Потап тоже со мной, у него там много знакомых. Пусть Никита это время покантится у вас. Сильно не надоест. Днем он будет ухаживать за скотом, учить уроки, топить печку, а на ночевку приходить к вам.

— Да ради бога! Он нас не стеснит. Изольда только на праздники приезжает, да и то не всегда.

Соседка заметно обрадовалась и тут же стала «озадачивать» Генку:

— Ты проследи, чтобы мой пострел не отлынивал от домашних заданий, а то совсем забросит учебники. Если что — и поможешь ему, там решить задачку или еще что...

— Ладно, не беспокойтесь.

— Он сегодня придет часов в девять. Калитку, если что, не запирайте...

— Да пусть запирают на ночь, — откликнулся Никита. — Я пройду через огород.

— Ну, вот еще! — заартачилась требовательная мамаша. — Пройдешься по улице, не облезешь!

Никита незаметно подмигнул Генке, мол, все равно сделаю по-своему. Собственно, что за разница, с какой стороны он придет? Но тетя Раи наверняка думала, что по улице будет культурней. Сама стремилась не выглядеть невеждой, но все ее потуги каждый раз получались, мягко говоря, нелепыми. Зато сынуле доставалось на орехи: все лето было слышно, как она его одергивает, понукает и поучает.

Заявился Никита после отъезда своих вечерним поездом довольно поздно. Постучал в окно. Небрежно бросил свой портфель в сенях. Сказал, что дома успел сде-

лать уроки и теперь свободен. Телевизора у Вешкиных еще не было, надо чем-то развлекать пацана, а то он сел в зале за стол и уставился в одну точку. Не знает, что этот стол бывает ареной борьбы между Генкой и младшей сестрой Ритой. Между ними постоянно возникали контры на пустом месте. Вредная Рита находила надуманный предлог, чтобы прицепиться к братцу и досадить ему. Он терпит-терпит, потом поставит ей щелбан, она, конечно же, нажалуется матери, что ее обижают. Рита демонстративно отказывалась готовить уроки за этим столом, если там находился Генка. Он тоже искал, где притулиться с учебником, если она раньше него усаживалась за стол. Еще не хватало, чтобы все эти воительные сцены увидел Никита.

У Риты была привычка подхватывать на лету свежие песенки, большей частью предельно глупенькие. Услышит по радио или у подружек на пластинке новинку и начинает дома напевать, пока не надоест. На сей раз к ней прилепился назойливый мотивчик в исполнении Нины Бродской. Пока не было Никиты, Рита вовсю распевала в зале:

*Я из дома убегу,
Все на свете я смогу,
Если ты словечко скажешь мне...*

Мать морщилась от таких провокационных заявочек, а потом не выдержала:

— Прекрати сейчас же! Убежит она из дома! Я тебе покажу!..

Родительница, воспитанная в домостроевском духе, восприняла новомодный шлягер как угрозу устоявшемуся ладу...

Укладываться спать было рановато, надо чем-то занять гостя. Генка призадумался: показать что ли ему тот заветный сборничек, что оказался самым дорогим приобретением последних лет? Такие продавались в киосках, поэтическая серия современной поэзии — библиотечка журнала «Огонек».

Вообще-то современная поэзия вызывала у Генки стойкое отторжение. Он когда-то нашел в сарае пыльные журналы «Юность» аж за целый год — двенадцать номеров. Остались от отца, который сам их, наверно, не прочитал, а в лучшем случае пролистал. По крайней мере, не заставали его за чтением. И для чего выписывал? Генку интересовали только стихи. Начал пересматривать эти макулатурные залежи, все сильнее ощущая изжогу. Ни одной живой строки, а за рифмы руки бы поотбивал. После хрестоматийных классиков с чеканными строками разве можно так паскудно рифмовать — женскую рифму с дактилической или вообще не в лад, не в склад. Шрифт отталкивающий — рубленый. Конечно, подписанное издание должно выглядеть современно. Даже непривычными буквами. Но лично Генку это отталкивает. Да и портреты авторов — словно первоклашка учится фотографировать самым примитивным аппаратиком за пять копеек. Стихоплеты то набычатся в объектив, то смотрят глубокомысленность на сяякином лице, то вообще непонятный ракурс, то лоб отрезан, то пропорции окарикатурены широкоугольником. Неужели у авторов ни малейшего понятия о фотогеничности? Сколько ни отыскивал Генка хотя бы один цепляющий стих, все было бесполезно — постоянно натыкаешься то на фальшивую патетику, то на зарифмованный лозунг. Однажды встретил ультрамодное обличающее новообразование в заголовке под хрестоматийного «горлана-главаря» — «Кабычегоневышлисти». Застрелиться и не жить!..

И вот ему подарили зачитанный почти до дыр киосковый сборничек в дюжину стихотворений. Серая бумага, скрепки еле держатся, но прочти пару строчек — и сердце готово выпрыгнуть наружу. Все вроде бы простенько, никаких тебе метаметафор, которые невозможно осмыслить, но умеет же автор задеть нужную потаенную струнку. Почему такое не встретишь в этих вот заофициозненных журналах, что выходят миллионными тиражами? Наверное, подобное творчество там посчитали бы слишком доморощенным, относящимся почти к дворовой поэзии.

Но нуждается ли практичный Никита во всяких версификаторских сантиментах? Не мешало бы сначала выяснить.

— Никит, как ты воспринимаешь стишкы? Нужное это или просто чепуха?

К удивлению, парнишка сразу откликнулся, уловив тему в правильном понимании.

— Моя мать иногда возьмет и прочитает прямо наизусть из Некрасова. Еще в школе учила и до сих пор помнит. Вот вертится в голове — «Плакала Саша, как лес вырубали»...

Ничего себе! И Раисе Батьковне, такой хабалистой, приземленной почти до плинтуса в своей предприимчивости, граничащей со сквалыжностью, оказываются не чужды столь тонкие вибрации души.

Вешкин, уже застрахованный от возможного недопонимания, достал с полочки потрепанную книженцию в виде тетрадки.

— Хочу показать тебе что-то. Меня прямо пробивает насквозь. Да и наши уже оценили это.

Генкина мать тоже с ожидающим выражением лица встала поближе — к проему в своем закутке. Даже Рита в дальнем углу насторожила свои ушки на макушке.

— Вот стишок, называется «Сатана».

— Ничего себе! — оживился Никита, видно, приготовившись к чему-то разухабистому.

Вешка, придвинув табуретку к столу, стал читать своим глуховатым голосом. С первых же строк всем все понятно. Мальчик и девочка жили в одном подъезде, она все время подтрунивала над ним, он в отместку тоже находил чем уязвить. Так продолжалось несколько лет, пока они не поступили в институт. Парень, уже двадцатилетний, провожал после карнавала незнакомую девчонку — сама попросила, боязно в сумерках. Это заметила старая знакомая из подъезда и как накинется на него, обнаружив неприкрытую ревность. А потом вдруг прижалась к нему:

«*Мой! Не отдам, не отдам никому!
Как я тебя ненавижу!*»

Никита оживился, глаза так и заблестели.

— Кто это написал?

Вешкин показал ему скромненькую обложку, на фото человек с черной повязкой на глазах, несколько имитирующей форму очков. Эдуард Асадов.

— Так он совсем слепой? Как же тогда сочиняет? Наверно, в уме...

Генка думал, что Никита дальше сам начнет углубляться в рифмованные столбцы, но он попросил продолжить чтение. Мать отмалчивалась, покачивая головой, а у Риты было такое выражение лица, словно она потом будет рыться в этом сборнике, что-то выпишет в свой песенник, чтобы важно демонстрировать в классе подружкам.

Далее Генка прочитал стих о «Трусихе», которая оказалась смелее своего провожатого, когда их попыталаась в темном проулке ограбить шпана. А еще о предательстве любимой — «Они студентами были, они друг друга любили...». Все стихи сюжетные. Автор находил такую тональность, что пробирало до нутряного ознона.

Самое последнее стихотворение о рыжей дворняге, бежавшей за поездом, когда ее бросил хозяин, Генка предложил прочесть самому Никите — боялся, что предательски сорвется голос или накатится горячая слеза. Сам внимательно смотрел на паренька. Вот его зрачки пробежали по предпоследнему куплету:

«*Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело.
И, стужнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...*»

Никита болезненно сморщился и отвернулся, чтобы не видели его лица. Хозяйка что-то говорила, но он не оборачивался, лишь елозил ладонью по глазам — вот как пробрало, небось, прослезился, но не хотел показывать мокрое лицо...

Тетя Рая вернулась в начале января. Еще ее не было видно, но раз Никита забрал свой портфель, значит, мама уже дома. Все бы ничего, но соседка вскоре поставила в тупик семью Вешкиных. Прискакала «на минуточку» в обычной своей замызганной одежде, отдающей запахом буренки, и сразу вврчивающийся вопрос хозяйке дома:

— Полина, тебе Никита не отдавал деньги?

— Какие деньги? — взволнованность Генкиной матери мгновенно передалась всем домочадцам, пополнившимся Изольдой, приехавшей домой на зимние каникулы.

— Я оставляла Никите десятку, чтобы давал вам на продукты.

— Нет, — развела руками хозяйка дома. — Потерялись, что ли, деньги?..

— Так он вам ничего не говорил об этом? Ну, я ему задам!..

И соседка с подозрительной суетливостью поспешила к выходу, оставив всех четырех домочадцев в полной растерянности.

— Какие деньги? — мучилась вопросом Генкина мать. — Мы же бесплатно пустили ее сынка...

— Похоже, что он «зажал» десятку, — высказала предположение Изольда, всегда отличавшаяся принципиальностью даже в мелочах.

— Но нам ведь ничего не надо от них. Подумаешь — объели нас...

Естественно, Никиту как своего сажали поужинать, но никто ему не делал и намека, что за это на него повесят «накчет». Как неловко все обернулось!..

Потекли день за днем, а соседка больше не возвращалась к скользкой теме. Этой злосчастной десяткой она и себя поставила в тупик. Вешкины долгими скучными вечерами перемалывали странный случай, словно оказались в чем-то замешанными. Трезвомыслящая Изольда остановилась на такой версии:

— Да эта Райка, похоже, и не оставляла сынку никакой десятки. Захотела бы — сама могла положить ее на стол, хотя никто ни о чем не просил. Могла бы и сейчас занести деньги — мы бы их все равно не стали брать, но хотя бы сохранила лицо, как выражаются в подобных случаях японцы. Захотела показать себя принципиальной, а получилось наоборот. Или думает, что все вокруг глупее, чем она...

— Да, теперь не знаешь, что и думать...

* * *

С наступлением лета на соседской территории снова наблюдалась нешуточная активность. За зиму возле сарай скопилась приличная куча навоза вперемежку со старой соломенной подстилкой. Потап теперь захватывал огромные навильники этого добра и распределял его вдоль общего проволочного забора, сооружая высокие грядки под огурцы и редиску. Многие делали у себя такие грядки, они более теплые: из-за прения навоза овощи вызревают намного быстрее. Но с такими протяженными плантациями соседи всех в округе перешеголяли. Проглядывался явный умысел: тетя Рая убедилась, что весеннее наводнение захватывает и ее территорию, и решила перекрыть доступ паводку на своем участке — пусть одни Вешкины тонут.

Свои запасы кончились, тетя Рая не поленилась и на самосвале привезла еще пару машин свежего навоза — выпросила у кого-то. Потап не ведал отдыха, но не роптал, словно был неутомимым. Заодно сколотил летнюю загородку для свиней, теперь они целыми днями грызли доски, поддевали их носами, пытаясь вырваться на волю и полакомиться свежей лебедой или выонком. Сопели и повизгивали, недовольные своей судьбой. Если вырвутся наружу, могут за час перепахать своими пятачками все вокруг, включая и слабо защищенный огород Вешкиных.

На всякий случай дальновидный Генка стал укреплять ограду, просовывая горбыли и ненужные доски между рядов проволоки. Тоже продемонстрировал недю-

жинное усилие и не успокоился, пока не доделал всего забора, чего от него не ожидали. Тетя Рая постоянно косилась на него и бурчала:

— Зачем так высоко городить? Пусть бы все оставалось по-старому...

Но Генка и на этом не остановился. Он принялся выкапывать вдоль забора канаву в полметра глубиной, а из вынутого грунта делал сбоку насыпь. Следующий паводок покажет, насколько уменьшится воды на огороде, если она потечет новым руслом. А ведь от самой городской бани притекает все вместе с пятнами мазута. Поэтому так плохо растет картошка на участке — мелкая, словно горох. Наверное, безбожно промыло всю почву, она засилилась и загрязнилась. Попутно требуется возить и возить на огород землю. Только титаническими усилиями можно укротить этот ежегодный разлив. А тут еще соседка вознамерилась усугубить ситуацию с весенним стоком.

Генкина мать тоже помогала — возила тачками от соседей-казахов перегной и рассыпала его вокруг, приговаривая: «Мой отец всегда нас в детстве учил не бояться никакой работы».

В один из нестерпимо знойных дней, обычных для местного климата, через наводнительную ограду перелетела на сторону Вешкиных весточка от тети Раи — с некоторой долей торжественности:

— Полина, можешь меня поздравить. Мы с Потапом расписались. Теперь я не Заикина, а Кондратова.

Вот-те фокус! Квартирант превратился в мужа. Недаром они вместе ездили в Ниваград. И как Райка его до сих пор не заездила — пашет и пашет, как вол. Не боится подорвать здоровье. А той все мало — придумывает очередную повинность, требующую недюжинной мускулатуры. Только Никита постоянно отбояривается — лишнюю обузу не хочет брать на себя. Чем больше везешь — тем больше нагружают.

Следующая весна опять показала свой неугомонный норов. Поневоле ставший бдительным Генка заранее очистил от снега канаву по всей длине до самого выхода на улицу, и сначала талый поток хлынул по ней, выплевывая воду на улицу. Там она в низине расплывалась озерцом и потом отдавала излишки в поле длинной протокой, чтобы в конечном итоге через дальний овраг спуститься в пойму Ишима. Но уровень воды неумолимо повышался, и вот она стала перехлестываться через насыпь в самом начале канавы, еще мгновение — и поток смыл целый пласт укрепления в несколько метров. Мутная вода растеклась по всей площади, устремилась во двор и стала вытекать прежним путем на улицу под воротами. Опять Генке пришлось прорубать пешней в мерзлой земле сток, чтобы летом его снова засыпать.

Нет, одной канавой не справиться с потопом. Хочешь, не хочешь, а поднимай общий уровень — на полметра, самое малое.

На счастье страдальцам во главе коммунального хозяйства оставался многоопытный Палагута, которого уже настиг пенсионный возраст. Этим же летом он занялся устройством арыка на улице Комсомольская — от бани до окопицы, это два квартала. Компактный тракторишко вгрызлся в землю ковшом, оставляя за собой ровную канавку. В этом месте не было подземных коммуникаций, и она никому не мешала. Теперь часть воды будет стекать здесь, значит, положение Вешкиных заметно облегчится. А то каждый год так и жди, что вода зайдет в дом.

Генка продолжал дружить с Никитой. С ним, таким смысленным живчиком, не скучно, он уже стал интересоваться девочками. Забавно следить за зигзагами его взрослеющего сознания. Обязательно выдаст что-нибудь этакое. Заговорили о школьных красотках, которые сводят с ума ровесников и даже более старших кавалеров. Никита рассудительно высказался в охлаждение пыла подобных воздыхательей, которым вряд ли будет подражать:

— Да, хороши смазывки, пока не вспомнишь, что они тоже писают и какают...

Приятель не боялся откровенничать, как некоторые, — постоянно опасаются, как бы не выставили на смех. И он ударял напрямую:

— Я сначала думал, когда актеры в кино целуются, между ними натягивают прозрачный целлофан...

— А в постельных сценах тоже натягивают его?

Он заметил, что Никита в последнее время все чаще называет приятеля Вешкой — услышал это от других и перенял.

Видимо, под впечатлением от Генкиного словорочества Никита вспомнил нечто, проходящее по касательной к их сегодняшнему разговору:

— У одной нашей одноклассницы, Лариски Василашки, так широко отставлены ноги — целый кулак просунется...

— Где ты это мог видеть? — навострился Генка.

— На физкультуре. У других девчат все плотно, а у нее вот так...

Генка не удержался похвалиться, как ловко он на Островке перехватил подругу Лариски — Ольгу Емелину. Василашка резкая на поворотах, а подружка более покладистая.

— Проплыл я мимо Лариски и добрался до Ольги Емелиной, такая вся приятственная. Фигуристая, маленьского росточка, прямо в моем вкусе.

— Тоже моя одноклассница. Ну и что дальше? — напряженно застыл Никита.

— Она меня даже не пыталась оттолкнуть, а я и рад стараться. У нее оказались такие упругие груди — на всю ладонь. Так и лип к ней, пока она не устала плавать.

— Видная девчонка, ничего не скажешь, — как-то постно откликнулся Никита.

Спустя недельку после этого разговора Никита поведал Генке небезынтересное. Оказывается, он успел поведать Емелиной о нем.

— Я рассказал Ольге про тебя.

— О том, как я лез к ней на речке? — переполошился Вешка.

— Нет, что я совсем того? Сказал, что ты мой сосед, пишешь стихи. А она мне: это такой беленький? Оказывается, тоже знает тебя. Видишь, говорит: беленький.

Генке стало приятно, что Емелина относится к нему с теплом, видно, понравилось, как он с ней обошелся в воде. А Никита добавил очень забавных подробностей:

— Я вчера ночью перелез через забор Емелиных и стал заглядывать в крайнее окно, где спальня Ольги. Между штор была щелочка. Ольга ходила в плавках туда-сюда, разбирала постель. Потом остановилась, полезла рукой в плавки, что-то вытащила, наверно, волосок, рассматривала в пальцах. Меня как назло застукала ее мамаша, я не успел удрать. Заругалась. Знает, что учимся вместе...

Генка сам был не прочь приударить за такой кралей, так она ему приглянулась, покладистая, характер мягкий, но стало ясно, что Никита тоже запал на нее, раз лазает под ее окнами ночами. Не дело — переходить ему дорогу...

* * *

В это лето Потап исчез. Просто испарился. Его отсутствие было ощутимым, — никто теперь не пашет во дворе, как «папа Карло». Тетя Рая снует в одиночестве, до предела озлобленная, в загородках колотит палкой то коров, то хрюшек, кроя их даже не трехэтажным, а более высотным матком — такое вывернуть не каждый биндюжник сумеет. Все это слышно далеко, даже прохожим на Набережной.

Генкина мать не удержалась и поинтересовалась исчезновением бывшего квартиранта, хоть и повысившего свой социальный статус. Тетя Рая без особого смущения призналась:

— А мы с ним разбежались...

— Что так быстро?

— Стал отлынивать...

— Да он и так понастроил всего, что можно и даже не можно...

— Я выделила ему две тысячи, и он уехал, кажется, в Ниваград. Только забрал свой инструмент.

Это было совсем не удивительно. Поражало другое — как можно было мужику постоянно находиться в таком режиме: бери больше, кидай дальше, а пока летит — отдыхай. Выдержки и здоровья бедняге хватило всего на два года. И штамп загсовский не удержал...

До семьи Вешкиных доползли слухи, что тетю Раю в городе переименовали и почему-то стали заглазно называть Чайкой. Сначала подумали, что это сообразно аналогии с птицей: порхает, не сидит на месте, словно не знает устали — сто дел на дню. Но почему именно чайка, а, допустим, не воробей или синица? Что за лирика?..

Откопать истину помог разговор с тетей Кумаш, которая не забывала заскакивать к Вешкиным, чтобы в очередной раз пожаловаться на своего благоверного Сакена, который сильно злоупотреблял и на этой почве учинял разгон в семье, несмотря на то, сколь детей у них накопилось. Не жалел мать-героиню.

Рано располневшая, приземистая тетя Кумаш, облаченная в неохватные платья, — трудно было сказать, сколько их на ней, может, всего одно, — жаловалась с лукавинкой, намеренно коверкала речь, хотя могла разговаривать гораздо правильней.

— Ой-бай, Сакен опять, шайтан, сильно пьяная. Я убежал, пусть буйнит — быстрей спать лягла бы...

Это обычный ее зacin. Потом может перескакнуть на любую другую тему — куда повернется кривая.

— Проси развод, — пытается подтрунивать хозяйка дома.

— Ия, ия! — так у тети Кумаш получается «да, да». — Пугал уже Сакена многа раз — боится нет...

— Вон Райка уже разошлась, хоть мужик был совсем не пьющим.

— Чайка?

— И ты ее так называешь?

— Она купить машина хотел. Который Брежнеп едит. Большой машин, лягкая...

— Брежнев на правительственный ездит.

— Чайка называйца...

— Точно — на «Чайке». И Райка хочет купить такую машину?

— Псем такой говорит. Куплю списанная...

— Да кто простым смертным продаст такую машину, хоть и списанную?..

— Она гаварит, любой денга есть — достать буду...

Так вот почему ее перекрестили в Чайку! Куда замахнулась — подавай ей правительенную машину...

Раз Генка проходил мимо проема на въезде во двор тети Раи. Ворота Потап соорудить не успел, да и не нужными оказались. Зимой будут больше снега задерживать, а надо загонять на ночь самосвал. На сей раз он увидел, что из поднятого кузова трехтонки что-то мягко высыпалось во дворе. Тетя Рая, бывшая за рулем, тут же унеслась по Набережной в сторону АвтоТЭПа. Сначала Генка подумал, что это дрова, но почему они не грохотали в кузове во время разгрузки? Его дружок склонился над кучей, что-то рассматривает.

Вешка подошел поближе и увидел дивную картину — высится прямо на земле среди сора целая куча книг. Откуда такое богатство? Никита склонился над кучей, роется. Он, как и мамаша, не привык здороваться. Даже не отвечал на чей-то «привет», словно считал это необязательным.

— Вот это да! — Генкины руки тоже потянулись к печатному слову. Книги, правда, не новые, многие сильно потрепаны. В руки попался неформатный том в суперобложке, который оказался на медицинскую тему. — Откуда все это?

— Там уже кончилось, — обычной прибауткой отдался Никита, когда хотел избежать конкретики.

Вешка намедни настроился собрать хорошую библиотеку, но пока в доме книг было мало — всего две небольшие полки. А тут прямо целый кузов вывалили. Стал

пролистывать книгу, что держал в руках. В ней демонстрировались чудеса восстановительной хирургии с целой массой иллюстративного материала. Вот фото человека после ужасной травмы головы — на лбу справа кошмарная вмятина, куда поместились бы целое яблоко. Страшно смотреть. Как вообще мог человек выжить после такого? Наверняка удалена часть левого полушария, рана заросла кожицей, может, пересаживали ее с бедра. Голова человека начисто побрита. Да, с таким фейсом не выйдешь на улицу — каждый встречный будет шарахаться в сторону...

На следующей странице тот же человек после операции. Ему сделали пластмассовый имплантат (тоже во всех ракурсах на маленьких снимках), которым прикрыли пробоину в черепе, иначе любая веточка могла стать причиной прободения. Теперь лицо приняло вполне нормальный вид, лишь заметны утолщения в местах присадки протеза. Фантастика, да и только!..

— Надо перетаскать все это домой, — вскользнулся Никита и стал набирать на руки стопку изданий — до самого подбородка.

— Давай я тебе помогу...

Генка тоже набрал целую кипу томов. Понесли их в дом. В коридоре перед аркой в топочную Никита повертелся и повернул налево — в сторону чулана.

— Пока сгортаем здесь, а потом видно будет...

Стали укладывать книги штабелем на давно не мытом полу. Через час образовался затор на полкомнаты. Тот медицинский том, который Генка не прочь был бы умыкнуть, утонул где-то в самом низу. Зато наверху он увидел тоже что-то интересное — надпись на обложке «Смерть меня подождет». Интригующее название. За форзацем необычный портрет автора — путешественник в камуфляжном комбинезоне Георгий Федосеев во весь рост на фоне скал, за спиной карабин.

Полистал — да это же просто находка для любителей приключений, автор облавил всю дальневосточную тайгу. Много чего повидал, наверно, не раз рисковал жизнью. Вот какие книги надо собирать.

— Даешь мне почитать? — попросил Генка приятеля.

Тот неожиданно задумался, словно его поставили в затруднительное положение.

— Надо спросить у матери...

Больно он ее слушается! Да она бы и не заметила ничего, унеси хоть целую стопу книг. Не пересчитывала же она их. Привезла валом. Что же она с ними будет делать? Не читать же...

Снова загудело на улице — самосвал лихо въехал во двор, как всегда делала хозяйка. Послышался ее голос с некоторой писклявinkой:

— Кыш отсюда, ненасытные!..

Это она шуганула гусей, которые имели привычку щипать за ноги всех проходящих мимо.

Тетя Рая, не скидывая обуви, протопала в дом, оглядела штабель.

— Вдвоем стаскали? Молодцы!

Вешка тут же:

— Тетя Рай, можно взять вот эту на пару недель — почитать?

Она тройственно сморгнула, скомкала тонкие губы и все-таки дала добро, но прежде тщательно осмотрела книгу, словно хотела ее запомнить.

Вешкины снова оказались в полном сборе, так как Изольда на все время отыха от своих сельских подопечных, дарованным летними каникулами, прибыла налегке домой. Они совместно постигали непостижимое: «Грузите книги самосвалами!» Так могла бы творчески развить юмор Ильфа и Петрова современная реальность.

Чаще всего поминалась пронырливость, столь полезная в хозяйстве. Правда, как Чайке пригодятся в хозяйстве книги? На растопку не пойдут — у нее печка топится одной соляркой. Станут устраивать дома стеллажи для книг? Но это ведь получится на всю длину стены. Словом, такое и во сне не приснится. Загадка со всеми до одного неизвестными.

— Я работала на книжном складе,— припоминала Генкина мать, которая от природы обладала, что поделаешь, малоповоротливыми крестьянскими извилинами.— Там временами списывали книги, но — не в таком немыслимом количестве.

Более продвинутая по жизни Изольда полистала принесенную Генкой книгу и тут же обнаружила синюю библиотечную печать внизу семнадцатой страницы — «Библиотека АвтоТЭП».

— Вот оно что! По всей видимости, закрыли автобазовскую библиотеку. Представляю, какой там был дележ! Все лучшее, конечно, разобрали по домам сотрудники конторы, а Райка прихватила отсев. Не пропадать же добру, вдруг пригодится. Но, судя по этой книге, даже в таких отбросах можно найти жемчужины. Я тоже с удовольствием почитаю эту книгу...

Углубиться в хитросплетения сюжета о странствиях картографов и геодезистов в малоизученных дальневосточных дебрях успел только Генка. Следующая в очереди Изольда смаковала текст очень вдумчиво, проглотит кусок, оторвется от развернутой книги, переваривая красоты стиля, потом идет дальше. Ее закладка в виде использованного листка отрывного календаря все ближе придвигалась к «экватору» пухлого томика. Но дальше продвинуться в чтении оказалось не судьба.

Внезапно нагрянула Чайка (домашние тоже чаще стали называть ее таким образом). Как всегда, в спешке, ей некогда судачить на извечную установочную тему «за погоду», едва за порог — и сразу к делу.

— Полина, я пришла за своей книгой. Гена просил ее на две недели. Где он, ушел за хлебом? Вот не успела, пусть бы прихватил и мне буханку...

— Книгу сейчас дочитывает Изольда, она в кино с подругой. Я тоже хотела бы почитать про тайгу, детство провела в глухой деревне, кругом леса непроходимые, поэтому такое мне близко...

— Но ведь время давно вышло. Договаривались на две недели. Я ждала, что Гена занесет книгу, а он и не торопится. Решила сама заскочить. Разве тебе, Поля, есть когда заниматься чтением?

— Да я бы по настроению вечерами. Свои-то книги давно прочитаны. А в библиотеку я никогда не записывалась — не до того...

Чайка вдруг облегчено вздохнула:

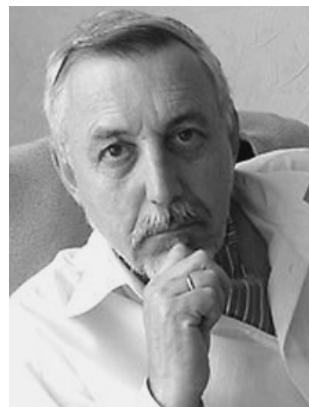
— А, вот она, на окне. В общем, я ее забираю...

Не успела хозяйка дома опомниться, как Чайка юрко протиснулась мимо нее к подоконнику, сграбастала книгу Федосеева и была такова...

❖❖❖

Виктор Кустов
(г. Ставрополь)

ЗАПАХ ТАЛЫХ СНЕГОВ Главы из повести

Наш постоянный автор.

Они вошли в прокуренный, но неожиданно тихий зал. У входа оставили в маленьком гардеробе: он — алеутку, она — пальто, представ перед ним в узких брючках и дымчатом плотной вязки свитере. И он едва сдержал восклицание: у нее была просто классическая фигура. И пока она шла по проходу, он не мог оторвать взгляд. Сели за накрытый видавшей виды скатертью столик и стали ждать, молча поглядывая друг на друга. Проиграл эту дузль он.

— Не могу избавиться от ощущения, что мы знакомы давним-давно.

— Вполне возможно,— согласилась она.— По восточной философии все встречающиеся в этой жизни — или родственники, или хорошие знакомые в прошлой.

— По восточной? — переспросил Глеб и, не ожидая подтверждения, пожаловался: — Видимо там меня окружали сверхинтеллектуальные дамы. Одна моя одноклассница, хороший мой друг,— юрист, специалист по международному праву, другая знакомая — педагог, прекрасно знает поэзию. Ты, насколько я понимаю, любитель философии...

— Нет-нет,— покачала головой Стася.— Это мне мой знакомый рассказывал.

— Один — один,— поднял руки Глеб.

Появилась официантка в белой кофточке и синей юбке, собирающейся вот-вот лопнуть на объемистом заду, шлепнула перед Стасей меню, устало-равнодушно прознесла:

— Если кушать, то только котлеты и салат.

— Не понял? — Глеб медленно повернулся.— У вас разве не ресторан?

— Если будете ждать, могут сделать бифштекс.

— Натуральный?

— Как положено.— И смилиостивившись, добавила: — Салат неплохой. И пиво свежее.

— Насчет пива — это прекрасно. Пару бутылочек,— сказал Глеб и, глядя на Стасю, добавил: — И два салата с двумя бифштексами. Нам спешить некуда.

— Пить будете? — напомнила официантка, делая вид, что стряхивает крошки со скатерти.

— Я же сказал, пару пива.

— Ясно.

Она протяжно вздохнула и не спеша ушла за перегородку.

— А может, покрепче возьмем, коньяку? — запоздало предложил он.

— Я не буду,— сказала Стася, изучающе оглядывая зал, в котором, кроме них, сидели две пожилые пары, увлеченно поглощающие салат, и в дальнем полутемном углу — шумная и дымная мужская компания.— И бифштекс тоже напрасно заказал.

— Почему?

— У меня режим.

— Зачем тренеру... А, ты играющий тренер,— догадался Глеб.— Но ведь обычно режим выдерживается во время выступлений. Или всегда? Я, признаюсь, дилентант в вашей отрасли.

— Не всегда.— У нее была мягкая и очень привлекательная улыбка.— Но на следующей неделе у нас действительно соревнования.

— И ты — мастер спорта и чемпион...

— Да,— кивнула Стася,— а посему обязана.

— Вообще, мы несвободные люди,— перевел разговор на более знакомую тему Глеб.— Того нельзя, этого нельзя, не хочешь — все равно делай. Вот я не хочу лететь в командировку за Полярный круг, а меня отправляют. Кстати, и этот салат я не хочу...

— Его еще не принесли, вдруг он тебе понравится,— перебила его Стася.

— Да я уверен, что не понравится.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что... потому что я знаю себя.

— Это здорово. А я вот совсем себя не знаю.

— Как так?

Глеб сбился. Она была не похожа ни на одну из знакомых девушек. Из совершенно неведомого ему круга. И в школе, и в институте он занимался разными видами спорта, от волейбола и пинг-понга до туризма и греко-римской борьбы, но ни в одном не достиг значительных успехов. Как только он понимал, что может это сделать, ему становилось скучно и он переходил в другую секцию. Из тех, с кем он занимался, профессиональными спортсменами стали единицы, но до самых низших спортивных разрядов докарбкалось большинство. Иногда он жалел, что у него не хватило терпения получить значок хотя бы третьего разряда. И ближе всего к пьедесталу он был в борьбе, которая, кстати, меньше всего нравилась.

Но что было, то было... Он даже не стал болельщиком, и футбольные чемпионаты и Олимпийские игры, пользующиеся повышенным вниманием соседей по общежитию, просиживал просто за компанию с остальными. И орал за компанию...

Официантка принесла салаты и пиво и избавила его от мучительных размышлений. Глеб налил в два больших фужера себе и Стасе и приглашающее приподнял.

— Банально, но — за знакомство.

— Почему банально. За встречу.

Она немного отпила и неторопливо стала есть салат. Он допил пиво и навалился на еду, не деликатничая...

Бифштекс пришлось ждать значительно дольше. Но первый голод был утолен, он попивал пиво, изредка предлагая долить Стасе и благосклонно принимая ее отказ, и говорил уже, особо не вдумываясь, обо всем, что приходило в голову. Напротив него сидела очень красивая девушка, к тому же с фигуркой — закачаешься, и она не тяготилась им. Глеб прекрасно чувствовал, когда девушкам с ним становилось скучно, но сейчас Стася внимательно его слушала и не была безразличной.

Он рассказал об институте и о секциях, в которых занимался, о практиках в Приангарской тайге, о гигантских комарах в истоках Курейки, о том, как чуть не утонул в болоте, о встрече с медведем на таежной тропе и как оба они этой встречи испугались...

...Вышли из ресторана после одиннадцати, уже как старые и добрые знакомые. Теперь он знал, что Стася — единственный ребенок в семье военных. Папа и мама — офицеры-медики. Забайкалье — их пятое место службы, и, очевидно, не последнее, но здесь они живут уже довольно долго. Она закончила медицинский институт, но еще в школе занималась гимнастикой, выступала на соревнованиях, были разряды,

призовые места, поэтому в институте продолжила занятия, вошла в сборную команду, и больше времени уходило на тренировки и поездки на соревнования, чем на учебу. Стала мастером спорта. После института ей предложили тренировать девочек в городском Дворце спорта. Родители против и сейчас, но ей нравится, она бы не смогла быть врачом, у нее настроение портится от одного вида белых халатов.

— Стасенька, это, несомненно, комплекс.

— По-видимому, — согласилась она. — Но что будем делать дальше?

Они посмотрели на табло: сверху светилась строка «Задержка всех рейсов до восьми часов московского времени».

— Надо искать место. Можно, конечно, вернуться домой, но пока я доберусь, пока обратно...

— А я не очень далеко живу, — сказала она.

— Поедешь домой?

— Не хочется. Но ни одного местечка...

Он обвел взглядом видимую часть вокзала: Стася была права.

— Ну что ж, могу только позавидовать. — Глеб еще раз вздохнул. — Пойдем, провожу до троллейбуса. «Я в синий троллейбус тебя посажу, последний, случайный...» — перефразировал он. — Тебе нравятся песни Окуджавы?

— Не все.

— А Высоцкий? — наконец нашел свою тему Глеб. — Я в восторге. «Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтобы никто не запеленговал...».

— Терпеть не могу, — поморщилась Стася. — Грубятина и пошлятина.

— Нет, ты не права, — не согласился Глеб. — Высоцкий — это рупор поколения, это...

— Ты посмотри, какой снег, — перебила его Стася и подставила ладонь под крупные, густо падающие снежинки. — Я так люблю снег...

Она вышла из-под козырька, и в одно мгновение ее пальто покрылось белым крапом.

— Мартовский снегопад — не самое лучшее, чего хотелось бы весной. Мне больше нравится зеленая травка, ручьи, запах талых снегов... — говорил он, любуясь Стасей, кружашейся в этом ослепительном хороводе, и начиная сомневаться в своих словах. — Но ты здорово смотришься.

— Я бы сейчас гуляла, гуляла...

— Так кто нам мешает, — Глеб прикинул в руке вес ее сумки. — Мы можем за оставшееся время обойти полгорода.

— Пошли.

Он шагнул к ней.

Снежинки оказались мокрыми и бесцеремонными, через пару шагов ему пришлось смахнуть их с лица и поднять капюшон алеутки. Под ногами тоже все хлябало, и он почувствовал, что начали промокать его не совсем новые ботинки. Они уже ушли от фонарей, и в полуумраке фигура Стаси не казалась столь обольстительной, но она все продолжала восторгаться, собирая снежинки в ладони, и он подумал, что руки у нее могли уже замерзнуть.

— Снег, конечно, замечательный, — сказал он, — и благодаря ему мы с тобой познакомились...

— Судьба.

Произнесла она это слово легко, не задумываясь, а у Глеба даже дыхание перехватило. А вдруг...

Но как же Татьяна...

Он попытался представить ее сейчас здесь — и не смог. Рядом со Стасей трудно было вообразить кого-то другого.

— Ты так просто все определила.

— А зачем усложнять? — Она обернулась, ее волосы блестели тающими снежинками. Продекламировала, дирижируя руками: — Все в этом мире пред—оп-реде-ле-но и не слу-чай-но... — И, глядя ему в глаза, серьезно добавила: — Надо наслаждаться каждым мгновением. Как в песне: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...». Или ты не согласен, Глебушка?

И от этого ласкового и многообещающего «Глебушка» ему захотелось петь, и он затопал ботинками по мокрому расплзающему снегу, обрызгивая и себя, и ее, забегая перед ней петухом и уже совсем не думая о мокрых ногах.

Где они шли, он уже не понимал, как потерял и ощущение времени, но троллейбусы нет-нет и проходили по пустынным ночных улицам и возвращали в реальность: к мокрым ногам, холоду, усталости и желанию очутиться где-нибудь в теплой комнате.

— За мной! Не отставай...

Стася нырнула в арку между двумя высотками, они обогнули большой двор, миновали еще несколько пятиэтажек, и вдруг, когда он уже хотел поинтересоваться, куда они идут так целеустремленно во втором часу ночи, вошла в подъезд и застучала каблуками по лестнице. На площадке третьего этажа остановилась, открыла ключом обитую коричневым дерматином дверь и, полуобернувшись, поторопила:

— Заходи.

— Ты здесь живешь, — догадливо произнес Глеб, оглядывая небольшую прихожую, отделенную от всего остального китайской шуршащей занавеской, и ожидая, когда Стася снимет сапоги и передаст ему пальто.

Пока вешал ее пальто и свою алеутку на ажурную настенную вешалку, она исчезла за занавеской.

Он с удовольствием скинул ботинки, помедлив, снял и мокрые носки, босиком пошел следом.

За занавеской оказалась кухонька, и Стася уже ставила на плиту чайник.

— А где ванная? — спросил он, не догадавшись спрятать носки.

Стася прыснула.

— Видок у тебя... Пошли.

В коридоре толкнула дверь, нашупала выключатель. Ванная тоже была маленькой и чистенькой. Похоже, Стася любила все белое.

— Советую погреться, — сказала она. — Я сейчас полотенце принесу.

— Не откажусь.

Он открыл кран с горячей водой и с удовольствием подставил руки под струю.

— Держи.

Полотенце упало ему на спину, дверь закрылась.

Глеб повесил его на голубенькие аккуратные крючки, одежду сложил на стоявшую в углу маленькую стиральную машину, быстро прополоскал под струей носки, повесил их на горячий змеевик, надеясь, что они должны высохнуть быстро, и с удовольствием залез в ванну, наслаждаясь набирающейся теплой водой...

Из ванной он вышел окончательно разомлевшим и полуспящим.

— Пей чай, меня не жди, — встретила его на кухне Стася. — И взглянула на чай: — Еще поспать успеем.

И ушла в ванную.

На столе стояли чашки, вазочка с вафлями и заварник. Он налил чаю, добавил кипятку, прихватил вафлю и прошел к окну. Напротив виднелась пятиэтажка с единственным светящимся на втором этаже окном. Глеб стал думать, кому еще может не спаться в эту ночь, но додумать не успел, вошла Стася в голубом халатике, раскрасневшаяся и сногшибательно пахнущая. Он шумно втянул этот запах.

— Нравится?

— С ума схожу...

— Правда?.. Это рижские духи, взяла на пробу. Не обманываешь, правда нравится?

— Слушай, Стася, у меня такое ощущение, что мы с тобой знакомы уже тысячу лет,— признался Глеб. Встретил ее взгляд и словно утонул в зрачках.— И я просто-напросто безнадежно схожу с ума...

— Так в чем же дело...

Она положила руки ему на плечи.

Он приобнял ее, теплую и душистую, коснулся губами ее губ, неожиданно сильных, энергичных, и уступил им, стал торопиться, окончательно теряя голову и понимая, что теперь его не удержит ничто...

Он вернулся в этот мир на белоснежной простыне рядом с самой желанной женщиной на свете, злясь на себя за нетерпение, сожалея об оставшемся в прошлом миге, но гибкое и сильное тело обвило его:

— Ты так вкусно пахнешь.

И этот шепот придал сил, терпения и они с одинаковой страстью отдались друг другу ...

— Между прочим, скоро рассветет,— прервала молчание Стася. Поднявшись, прошла к балконной двери.— Ты не возражаешь, если я приоткрою? Жарко.

— Нет, конечно.

Глеб откровенно ее разглядывал и втайне удивлялся происходящему. Это было похоже на сказку: и этот мартовский снег, и эта опьяняющей красоты фигура, и нежность женского тела...

Он слушал, как в ванной бежит вода, и ему хотелось пойти следом за Стасей, видеть ее, осязать ее кожу, вновь ощущать себя в ней...

— Проветрилось?

Она, привстав на цыпочки, прикрыла дверь, дотянулась до верхнего шпингалета, и он опять удивился тому, что это тело принадлежит ему... Сразу же обнял, как только она опустилась рядом, словно боясь, что она может исчезнуть, и согласно покивал, в ответ на ее слова:

— Надо спать, Глебушка.

И еще послушал ее ровное дыхание, пока не заснул сам...

Они проспали восемь часов по Москве, но это не имело никакого значения. И даже не потому, что снег все так же лениво падал на землю. Они начали утро с любви. Потом долго пили на кухне чай, поглядывая друг на друга и время от времени беспричинно прысая. Наконец Стася предложила все же съездить в аэропорт.

— Родители извелись.— сказала она.— Если сегодня не улечу, сдам билет. А им позвоню.

— В принципе, мне-то уже и лететь опасно. Застряну там, а послезавтра в командировку.

Мелькнула мысль о Татьяне, но ровная, нисколько не волнующая, и на смену ей пришла другая: а зачем ему лететь? Может быть, прав Паша, и не стоит тратить время и деньги на невесть что...

— Но ехать придется. Хотя бы для того, чтобы сдать билеты.

Стася поднялась, потянулась, гибкая, желанная: он не удержался и обнял, поймал ее губы, влажные, вкусные, но она вывернулась, пригладила волосы.

— Лучше потом...

Самолеты, оказывается, уже летали: вот и пойми эту авиацию, снег так же идет, а с восьми, как и было обещано, порт открылся. Но по многолюдному, нервному и шумному регистрационному залу можно было подумать, что, наоборот, все идет к закрытию аэропорта, может быть, даже к концу света: всем непременно именно сейчас нужно было попасть на самолеты. Регистрация шла у всех стоек, правда, на их рейсы регистрацию еще не объявляли.

Он вернулся к Стасе, ждущей его у газетного киоска, и, подходя, вообразил, как смотрят на нее другие мужчины. Пришел к выводу, что смотреть они могут только с вожделением, и предложил сразу сдать билеты.

— Это первая волна, а мы с тобой где-то в третьей,— привел свои доводы.— Часа три-четыре. А уже время...

— Уж полдень минул,— подсказала Стася, смеясь глазами, и прижавшись к нему, прошептала: — Я знаю, чего ты хочешь.

— Ужасно хочу,— признался он.— Я не представляю, что мы можем сейчас сесть в разные самолеты.

— У меня будет потом напряженный период, а у мамы скоро день рождения, вот хотела заранее...

— Есть идея,— возбужденно произнес он.— В таком случае мы оба полетим к тебе. Я сейчас сдаю свой билет, покупаю...

— Не фантазируй,— она приложила к его губам палец.— Во-первых, билет на мой самолет ты не купишь...

— А вдруг кто-то так же, как и я, круто меняет жизнь.

— А во-вторых,— продолжила Стася, не слушая его,— мои родители будут в шоке, если я приведу кого-нибудь без предупреждения.

— Но у тебя же были... мужчины.

— Были... Первый, лейтенант, папин ученик. Кирилл. Это еще в школе. Но об этом так никто и не догадался...

— Черт с ним, с Кириллом,— поймав себя на ревнивом чувстве, перебил Глеб.— Мы уже далеко не школьники.

— Ты не знаешь мою маму.

— Ладно, я тебя не слушаю и иду сдавать свой и добывать себе билет на твой самолет. Жди меня, и я вернусь...— вспомнил он строку из стихотворения и, не давая Стасе возможности возразить, быстро направился в сторону билетных касс...

Она была права: его билет буквально вырвали из рук, а вот все его попытки попасть на рейс Стаси оказались тщетными: в толпе таких же жаждущих он понял, что почему—то именно на этот борт было более всего желающих. Потолкавшись с полчаса, он вернулся к киоску, но Стасю не застал. Она появилась минут через пять, хитро прищурившись, подставила щеку для поцелуя:

— А снег все продолжает падать. Почему ты поцеловал просто так?

— Почему просто так... Мне нравится...

— Нет, поцелуй — это поощрение. Когда я была ма-алень-кой девочкой, мама меня поощряла поцелуями-медальками, папа — орденами.

— Как это ?

— Мама так, чмок... В щечку, в лобик, в ушко, куда придется. А папа — чвак, исключительно в лоб.

— Так у меня медалька...

— Да, получается. Хотя я вполне заслуживаю, может быть, даже высшей награды...

— В губы,— догадался Глеб.— Сейчас вручу.

— Нет, — Стася отстранилась.— Так неинтересно. Во-первых, ты не знаешь, за что, а во вторых — поздно.

— Хорошо. Я готов исправиться и раздать множество высших наград.

— Всегда должен быть повод. Я только что пообщалась с мамой по телефону...

— И?

— И сказала, что у нас нелетная погода.

Глеб обхватил ее рукой за талию, намереваясь поцеловать, но она, отстранившись, произнесла:

— Теперь пойдем сдавать мой билет.

Эта процедура не заняла много времени, и вскоре они вышли на улицу.

Снег закончился. На горизонте над крышами виднелся краешек голубого неба, выползающий из-под уже облегченных туч. На летном поле завывали самолетные двигатели, словно торопясь нагнать упущенное время.

— Прогуляемся,— предложила Стася и пошла вперед, снимая снег с перил оградки, со скамейки, с обвисших веток...— Можно было, конечно, полететь, но тогда бы ты обиделся, правда?

— Обиделся,— согласился Глеб и предложил, вытянув вперед надоевшую ему сумку:— Давай мы ее тоже сбагрим, как билет.

— Ни в коем случае. Ты что. Там у меня спортивный шикарный костюм, брюки, рубашка...— начала перечислять она, загибая тонкие пальцы.— Всякие женские вещички, духи... Французские, между прочим.

— Ладно,— вздохнул Глеб.— Но учти, за все придется платить...

Она остановилась, ожидая его. Прижавшись, коснулась губами его губ, и, чуть отстранившись, прошептала:

— Я готова.

И от этого интимного, тайного для окружающих обещания ему захотелось что-нибудь сделать, и он рванулся вперед, обогнал ее и, разбежавшись, проехал по начавшему таять снегу.

— Я тоже,— сказал он и, сжав ее ладонь, потащил вперед...

Как только за ними закрылась дверь квартиры, Глеб отбросил в сторону сумку, начал снимать со Стаси пальто, сапоги, свитер, брюки, подхватил на руки, и как был, в ботинках и алеутке, понес ее в комнату, опустил на кровать, стал торопливо раздеваться сам, а она с любопытством наблюдала за его суетливыми движениями, он видел это, но сдерживаться уже не мог, и лишь когда ее горячее тело слилось с его, перестал суетиться, наслаждаясь сладостью близости...

Они лежали, отдыхая и успокаиваясь. Молчание нарушила Стася.

— А что тебе нравится в моем теле?

— Все.

— Так не бывает. Вот мне нравятся твои руки. Они жилистые и сильные.

— И волосатые,— добавил он.

— Да.— Она провела ладонью по его руке.— А тебе моя грудь нравится? — Она коснулась указательными пальцами коричневых сосков, и он накрыл их своими ладонями, любуясь ее гибким телом.

— Очень.

— Но она же маленькая. Все говорят, что слишком маленькая.

— Кто все?

— Ревнуешь?

Она поймала его взгляд, и он не выдержал, отвел глаза.

— А ты знаешь, что ревность — это пережиток? Это атавизм. Вот нам сейчас хорошо?

— Да.

— Ты думаешь, что это продлится долго?.. Ты не прав — это миг. Минуты. Пусть даже часы, но это пройдет. Мы доставили удовольствие друг другу, и это прекрасно. Но прекрасно, пока желания будут совпадать. А если нет?

Она прошлась по комнате.

— Тогда один будет насиловать другого. То есть, оба будут несчастны. Ты согласен?

Остановилась напротив. Он не сводил с нее глаз.

— Ты любуешься моим телом? — Стася пристально глядела на него.— Тебе приятнее смотреть на мои ноги или на лицо?

— Стась, я устал от таких вопросов,— взмолился он.— Честное слово. Ты же сана сказала, нам хорошо. Иди сюда...

Он обхватил ее ногу выше колена и потянул к себе. Она неохотно опустилась на кровать, но ложиться не стала.

— Уже вечер. Пошли погуляем.

— Если хочешь, — без радости согласился он.

— Ладно, не пойдем. Ты не хочешь, и с моей стороны это будет насилие.

Она накинула халат.

— Давай лучше пить чай.

И исчезла на кухне.

Он поднялся, надел рубашку, помедлив, натянул брюки и неторопливо пошел следом.

Чайник уже стоял на плите, а Стася делала бутерброды, накладывая на тоненькие ломтики хлеба кусочки колбасы. Он уже заметил ее страсть ко всему маленькому. Трусики на ней были совсем крохотные, бюстгальтер она не носила. В книжном шкафу он видел какие-то маленькие сувениры, чайные чашечки были на один глоток.

Она вскинула глаза, неожиданно спросила:

— А ты меня сравнивал с твоими девушками?

— Когда? — растерялся он.

— В постели и так... Правда, я лучше всех?

— Несомненно. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто...

Она налила чай, положила сахар и стала размешивать, задумчиво глядя в темное окно.

— Стася, — окликнул ее Глеб и щелкнул перед ней пальцами. — Ты где?

— Извини, — повернулась она. — Так, отвлеклась, перенеслась во времени...

Ему почему-то стало обидно, и он запоздало отпарировал:

— А ты сравниваешь меня со своими мужчинами?

— Да, — отозвалась она. — Ревность, между прочим, — это уязвленное чувство самца, и не более. И возникает оно из-за комплекса неполноценности. Владея женщиной, такой мужчина просто самоутверждается, она ему нужна для решения своих проблем.

— Для меня это слишком по-медицински... Но если я правильно понял, ты сторонница свободной любви...

— Мне нравится, когда любят меня.

— То есть, тебе нравится, когда я люблю тебя, но на моем месте может быть любой другой.

— Ну почему любой, ты мне понравился. С тобой не скучно.

Он долго смотрел на нее, но так ничего и не смог прочесть в ее глазах. Улыбнулся:

— Только насчет ревности — слишком однобоко. Женщины ведь тоже ревнуют, значит и у них комплекс.

— И у них тоже.

Зависла пауза.

— Почему мы говорим о таких глупостях?

Он обхватил ладонями ее лицо, наклонился, стал целовать, — имитирующую сопротивление и нежелание и наконец уступившую, подчинившуюся полностью. И вновь появилось желание, но уже не столь острое, как прежде, и он с восторгом подумал, что у них вся ночь впереди, и еще день, и еще...

— Вообще-то у меня есть мужчина, — неожиданно сказала она, глядя ему в глаза. — И он так смешно ревнив...

— А зачем ты с ним, — сказал Глеб как можно безразличнее, хотя поймал себя на неприятном чувстве: значит, это тело может быть таким ласковым не только с тем лейтенантом из далекого и неведомого прошлого, но и с кем-то еще, совсем рядом.

Впрочем, когда Глеб впервые увидел ее в троллейбусе, он и не мечтал о том, что произошло...

— Он такой внимательный и умный.

— Слушай, а кроме него... — Глеб запнулся, подумав, что этот вопрос может испортить их отношения, и закончил: — Все это, моя милая Стасенька, полная ерунда и бессмыслица, как говорит в минуты тотального непонимания мой шеф Хохлов. Так что лучше забыть и не помнить.

Он обхватил ее за талию, развернул и стал целовать. Не сдерживая страсти, перенес на кровать, еще не остывшую от тепла их тел, и они вновь ласкали друг друга, а потом уже ни о чем не говорили, молча лежали рядом, смотрели на разгорающиеся за окном звезды и незаметно заснули.

...Он проснулся в одиночестве. Долго прислушивался, пока не понял, что Стася на кухне. Встал, на цыпочках прокралялся к двери и, прислонившись к косяку, стал наблюдать, как она нарезает тоненькими ровными квадратиками сыр. С распущенными волосами, без макияжа, в домашнем халатике, она выглядела не столь эффектно, как в одежде или совсем раздетая. Черты лица у нее были несколько удлиненные, рот великоват, нос с маленькой горбинкой, порознь все это не было столь привлекательным, как в сочетании с черными, с тайной искоркой, глазами.

— Не подглядывай, — сказала она, не поднимая головы.

— Ты меня услышала?

— У меня отличный нюх.

— А у меня не очень, — сознался он. — Но вот запах кофе я чувствую. А посему тороплюсь привести себя в порядок.

Они завтракали молча, поглядывая друг на друга. Наконец он прервал молчание.

— Сегодня воскресенье. Завтра мне в командировку...

— Далеко?

— На Север. Почти к Полярному кругу. Надо купить билет. Поедем в аэропорт?

— Мне завтра на работу, хочу поваляться, ничем не занимаюсь.

— Давай съездим, а потом вместе...

— Сегодня вечером придет мой друг, — произнесла она ровным голосом и посмотрела ему в глаза.

— Как это... Отправь его, и все. Или давай это сделаю я.

— Нет, Глебушка.

— Как же так...

Он хотел ее обнять, но она отвела его руку и сказала:

— Мы — взрослые люди. И к тому же свободные... Ты когда вернешься?

— Через две недели.

— Заходи.

Она собрала чашки, блюдечки, сложила их в раковину, открыла кран, стала мыть, словно его уже не было в комнате. Ополоснула, поставила на стол.

— Мы расстанемся? — неожиданно сорвавшимся голосом спросил он.

Она подошла, обняв Глеба, приникла к его губам... Целовала так, что он решил: никуда сейчас не поедет. Но Стася вдруг отпрянула и произнесла голосом, не терпящим возражений:

— Все. Любовью заниматься мы больше не будем. Если захочешь, заходи, когда вернешься.

— Хорошо, — сдержанно произнес он.

Вышел в прихожую и, одеваясь, смотрел на нее, стоящую в коридорчике, неожиданно отдалившуюся, незнакомую.

Остановился на пороге, ожидая последнего прощального поцелуя, но она лишь махнула узкой ладошкой, и, с трудом справляясь с неожиданной горечью, а может быть и той самойrudиментарной ревностью, он произнес:

— Я обязательно приду. Сразу же.

Она молча кивнула и, закрывая дверь, еще раз пошевелила пальчиками...

Он довольно долгоостоял за билетом. Вышел из аэровокзала, когда солнце, по-весеннему яркое, уже растопило грязные снежные валы на обочинах и улицы покрылись журчащими ручейками. Постоял на распутье, с трудом соображая, что делать. Его тянуло к Стасе. Он помнил ее тело, ее лицо... Но вернуться не мог.

...Павла дома не было.

Походил по комнате, все еще не зная, как поступить. Более всего хотелось плюнуть на гордость, поехать к Стасе, но мысль о «друге», которого он может застать, сводила с ума. Наконец он решил, что сейчас лучше всего отвлечься, посмотреть какой-нибудь фильм, и поехал в центр.

В кино не попал, не было билетов. Прогулялся по центральному скверу среди пачек, отчего еще более расстроился. Выстоял очередь в любимой всеми студентами города пельменной, съел двойную порцию в бульоне, почувствовав себя гораздо бодрее, и, игнорируя общественный транспорт, пошел домой пешком.

Было уже поздно.

Паша читал, лежа в постели. Встретил он Глеба как всегда сдержанно. Подождал, пока тот разденется, и поинтересовался, не передавали ли ему что-нибудь родители.

— Я никуда не летал,— отозвался Глеб, с трудом отгоняя мысли о Стасе.

— Как не летал?

Паша даже привстал.

— Погода нелетная,— коротко пояснил он.

— Да...— Паша подумал и уточнил: — А где же ты ночевал? Две ночи...

— Неважно.— Глеб достал из бумажника деньги, отсчитал.— Я завтра к Бычкову, билет уже взял. Ты теперь раньше меня слетаешь, отдашь долг.

— С тобой что-то произошло? — проницательно произнес тот, забирая деньги.

— Может, и произошло,— согласился он.

— Я встре-тил де-вушку, полумесяцем бровь, на щечке родинка...— фальшивя и перевириая, пропел Паша.— Кстати, Настя очень интересовалась, куда ты пропал.

— Я улетел. Для всех и надолго.

— Ладно. Передам. Ты от Бычкова рыбки солененькой привези.

Паша облизнул губы и уткнулся в книгу.

Глеб стал смотреть в потолок, стараясь думать о чем угодно, лишь бы не о том, что сейчас может быть в маленькой квартире Стаси...

...Ему повезло, в Братске с трапа самолета он успел на стоящий под винтами вертолет лэповцев, вылетающих на трассу. Они согласились сделать маленький крюк, и до темноты он был на месте.

Весной здесь еще и не пахло. Два часа, пока трещали на вертушке, внизу расстилалась заснеженная тайга.

Бычков, встретивший его у вертолетной площадки, в полушибке и теплых сапогах, иронично хмыкнул, принимая сумку, и не без скрытой зависти, под гул винтов подымающегося вертолета, прокричал:

— У вас что там, лето?

— Лето не лето, но плюс десять было, когда улетал.

Глеб вдохнул морозный воздух и по протоптанной в снегу тропинке пошел за Бычковым.

На буровой было тихо, лишь мерно рокотали дизели.

— Стоим?— поинтересовался он.

— Грызэм... Сантиметрами... А тебя зачем прислали? Опять экспериментировать?

Бычков закончил институт тремя годами раньше, во время учёбы Глеб знал его по общежитской коммуне. Посидев в коридоре экспедиции инженером полгода и женившись, он сам напросился мастером на эту тринадцатую, экспериментальную, решив, что лучше в глухом сельском поселении с деньгами, чем в городе без них. Но попутно с улучшением материального положения за прошедшее время пришел к твердому убеждению, что только мастера по-настоящему и вкалывают, а все эти научные сотрудники, инженеры из управления и прочие приезжают с одной целью: нарушать нормальный трудовой ритм.

В вагончике, довольно чистом и теплом, Бычков бросил полушибок возле двери, поставил чайник на электроплиту.

— Голодный?

— Не сытый.

— На ужин не успел. Что-нибудь сообразим... — И вышел из вагончика.

Глеб присел на лавку, стоящую возле стены, вытянул ноги, расслабляясь, и осознал усталость уходящего дня. Прислушался к ровной работе дизелей, подумал, что в принципе совсем недурно, что он очутился здесь. Будет время разобраться... во всем...

На тринадцатой он уже был, осенью. Тогда они испытывали новый рецепт промывочной жидкости на малой глубине. Испытания были долгими, он успел походить на тетеревов, которых тут немало. Тогда ему понравилось. Желто-зеленая тайга, запах листьев и хвои, изумрудная речушка, где-то далеко впадающая в Енисей... Пару раз он ловил в ней хариуса. И рыбалка ему тоже понравилась.

Вернулся Бычков, поставил на стол две полукилограммовые банки тушеники, засыпал в чайник заварки.

— Садись, ешь.

Охотничий ножом открыл банку.

— Хлеба нет. Повариха только тесто поставила.

— Обойдусь.

Глеб зацепил ложкой кусок говядины.

— Передали, что новый рецепт сообразили, — не сдержал любопытства Бычков.

— Угу, — кивнул Глеб, продолжая жевать.

— Делать нечего. Тут без этого всего хватает. Долота летят, прихваты... Месяц уже сижу здесь, домой не вырвусь. С Люськой только по рации целуемся. А Хохол твой со своими выкидышами...

— Я-то при чем? — вскинулся Глеб. — Мое дело — взять под козырек. Ему и выскажи.

— И выскажу. Выйдет на связь — прямым текстом.

Дверь распахнулась, в клубе холодного воздуха вошла девушка в летнем халатике и больших, не по росту, резиновых сапогах. Глянула на Глеба, протянула Бычкову пол-лепешки.

— Петр Гаврилович, Полина сказала, хлеб нужен. Вот, остался...

— Спасибо, Люба... Видишь, инженер прикатил, с ним тебе работать придется.

Глеб кивнул, подтверждая сказанное.

Девушка еще раз бросила на него взгляд, прикрыла ладонью матовую ложбинку в отвороте халатика и исчезла за дверью.

— Коллектор? — догадался Глеб. — Не помню. Новенькая?

— Сразу после тебя появилась. Жених у нее помбуrom. Ладно, жуй, я на мостик. Спать захочешь, спальник там же, где оставил, полати те же. — Накинул полушибок и у двери вспомнил: — Да, свое пижонское барахло сложи до города. В шкафу у меня еще один полушибок, а вот сапоги — сорок третий, не обессудь. Будешь больше на матывать.

— Все, усек, Гаврилыч.

Глеб съто вздохнул, отодвинул опорожненную банку и отхлебнул крутого чаю.

— Хорошо...

За маленьким окошечком вспыхнули прожектора, освещавшие территорию, дизели натужно взвыли, и он догадался, что начался подъем колонны. Состояние было благодушно-размягченное, но спать не хотелось. Шевелиться тоже, но он решил, что следует появиться на буровой, поздороваться со знакомыми. Нашел сапоги, накинул полушибок и вышел из вагончика.

Была уже ночь. Вышка светилась фонарями и прожекторами. Он поднялся к скважине.

На рычаге стоял Митрохин. В ответ на поднятую руку Глеба он приветственно махнул рукой в мокрой верхонке.

Помбура Глеб не знал, а верхового разглядеть не смог. Но кто наверху, спрашивать у Митрохина не стал, догадался по скорости и по тому, как стоял рядом с бурильной Бычков, что подъем идет не гладко.

Прошел в дизельную, где в привычном реве и пекле подремывал Якимов, похожий на сказочного старичка-боровичка. Он искренне обрадовался встрече, огорчился, что в таком реве не поговоришь, и спросил, надолго ли...

— Надолго. У вас что, сложный разрез? — прокричал Глеб.

— Да разлом вроде, — блеснул геологическими познаниями тот. — Я не вникал, мое дело — кони, — кивнул на дизели.

Глеб вернулся к скважине.

Свеча ползла медленно, хотя дизели пели на самой высокой ноте, и он понял, что колонну прихватывает. Наконец она выползла до муфты, помбур захлопнул замок элеватора. Митрохин с ходу раскрутил соединение, а верховой уже кидал верхнюю часть свечи на место в магазин...

Через пару свечей колонна пошла легче.

Бычков отбросил докуренную до мундштука «беломорину» и прокричал Глебу:

— Пошли! Дальше уже легче... К утру поднимут.

— Сколько? — спросил Глеб.

— Почти две восемьсот, и с двух с половиной вот такая мудатень. — Он сплюнул. — Так будем экспериментировать?

— Так вроде как раз рецепт от прихватов, — в тон ему отозвался Глеб.

И Бычков спорить не стал, спросил:

— Фляжку-то привез?

— Фляжку?.. — Глеб почувствовал, что краснеет, фляжку с коньяком, традиционный подарок всех командированных мастеру, он забыл. — Будет за мной, извини, вертолетчикам пришлось презентовать.

— Жаль, — вздохнул Бычков. — Месяц во рту ни росинки... А может, и к лучшему, голова болеть не будет.

Перед вагончиком он остановился, вслушался в напряженный гул дизелей, открыл дверь.

— Тогда ложимся. Я встану рано, на керн.

— Не возражаю, — согласился Глеб, чувствуя, что уже почти спит...

Утро выдалось морозное, но солнечное. Бычкова в вагончике уже не было, и по визгу лебедки и работе дизелей Глеб догадался, что идет спуск. Быстро оделся, накинул полушибок и вышел.

В свете дня территория буровой не выглядела такой чистой, как ему показалось вчера. Грязный снег был прошил множеством черных тропинок, только ближе к деревьям, обступавшим площадку, он становился все белее, и можно было догадаться, что за разлапистыми елями и лиственницами он еще девственно чист.

Глеб втянул бодрящего воздуха, казалось, уже подзабытой зимы, выдохнул парное облако, понаблюдал за стремительно падающей в скважину колонной, поежился

от визга лебедки: не изменился Митрохин, все так же лихачит, но колонна остановилась, как и положено, как раз под ключ, завертелась-закрутилась и замерла. Стихи дизели, и через пару минут на помосте появился Митрохин, за ним — помбур, Якимов, а сверху по лестнице загремел сапогами верховой, здоровый парень, и Глеб догадался, что заступила новая вахта, а эта — на завтрак и отсыпаться. И заторопился в вагончик, привести себя в порядок, а не стоять туристом.

С вечера Бычков выделил ему к сапогам и полушибку рабочие брюки с курткой, но, покрутив их так и этак, Глеб решил, что в столовую и в минуты отдыха все же будет ходить в своем, и бросил робу на постель.

Ополоснулся под умывальником, пристроенным возле двери, побрился, оглядел лицо в круглом зеркальце, висящем возле окна, решил, что вполне готов к встрече с трудовым коллективом, и искренне обрадовался приходу Бычкова.

Ну как? — поинтересовался он всем сразу, что могло произойти за это время.

— Нормально.

Бычков разделся до пояса, фыркая и брызгаясь, помылся под тем же умывальником, но по причине наличия бороды и усов бриться не стал и, вновь натянув тельняшку, а на нее теплую рубашку, коротко сказал:

— Потопали завтракать.

В столовой допивал чай один Митрохин. Он пожал руку Глебу, поинтересовался:

— Как там на материке, весна?

— Весна, — сказал Глеб. — Лужи. Скоро листья распустятся.

— Да-а... — протянул Митрохин. — Щепка на щепку... Когда это было в нашем климате. Зато у нас все в две недели. Не доводилось видеть?.. Но ежели надолго к нам, поглядишь.

— Ладно тебе, — появилась из-за перегородки Полина, — иди отдыхай. Завспоминался...

— А что... Давай загуляем?

Митрохин потянулся через стол, достал жилистой рукой ягодицу сдобной поварихи, шлепнул, и та, косясь в сторону Глеба и Бычкова, отмахнулась:

— Гляди, скажу Вальке.

— Ничо, сойдет, — невпопад или про что другое сказал Митрохин и вышел из вагончика.

— Кушайте, — Полина поставила перед ними тарелки с горкой наложенной картошкой с мясом. — Еще блинчики будут.

— Все уже поели? — спросил Бычков.

— Все, так что ешьте.

Бычков склонился над тарелкой, и Глеб последовал его примеру.

Добавив блинов со сладким чаем, он совсем расслабился и, поглядывая в маленькое оконце, подумал, что самое правильное сейчас было бы пойти в вагончик и подремать.

— Пошли отдыхать, — словно прочтя его мысли, поднялся Бычков. — Я сегодня с пяти колгочусь. Не выспался.

— Раствор приготовили? — поинтересовался Глеб.

— Цэ-у не было. Связь в два. Сообщу, что ты приехал. Так что законно можешь отдохнуть.

— Я выспался. Пройдусь по буровой. К коллектору зайду.

— А Люба завтракала? — уже на выходе поинтересовался Бычков.

— Была. Чуть свет. Сказала, что пробы брать будет.

— А Вовка у нее отсыпается?

— Да нет вроде, со своими пошел.

— Она толковая, но опыта маловато, — повернулся Бычков к Глебу. — Так что заодно и подучишь, все польза.

— Польза во всем будет,— не удержался Глеб, выходя вслед за ним.— Что-то ты совсем консерватором стал.

— Тут впору раком становиться. Проходки нет, прогрессивки нет, премиальных тоже. Поможет твой раствор — ящик коньяка ставлю.

— Ладно, поставишь бутылку и хватит,— сказал Глеб.— Давай, отдохай, я мешать не буду, осмотрюсь да с этой самой Любой познакомлюсь.

...Любу он нашел у емкостей. Она стояла на металлическом мостике и смотрела на вязкую массу в коробе, словно любовалась ухоженным прудом.

— Нравится? — поинтересовался он, оглядывая ее и, не взирая на резиновые сапоги, полушубок и меховую шапку, находя не такой уж и дурнушкой.

Во-первых, у нее было кругленькое чистенькое лицо. Во-вторых,— в чем он не совсем был уверен, но, припомнив вчерашний образ и сопоставив сегодняшние пропорции, пришел к выводу,— очень даже хорошая фигурка.

— Задумалась,— ответила она, рдея румянцем.— А вы приехали, чтобы раствор поменять?

— Чтобы провести испытания нового состава,— менторским тоном произнес Глеб и тоже уставился на чутко колышущуюся от вибрации массу.— Давно работаешь? — решил сразу перейти на «ты» — Кстати, меня зовут Глеб.

— Я знаю.— Она приподняла шапку, упавшую на глаза.— С осени.

— Значит, опыта маловато.— Глеб выдержал многозначительную паузу, подражая Хохлову.— Ну ничего, покажем, научим.

И пошел по мосткам на буровую, слыша позади звук шагов Любы.

У рычага стоял мужик, ему незнакомый, и помбур был тоже новый, и Глеб не стал подходить, издали махнул, постоял, понаблюдал за спуском, зачем-то прокричал на ухо Любе, стоящей рядом, что эту вахту он не знает, и стал спускаться с буровой.

Когда отошли настолько, что гул дизелей не мешал разговаривать, сказал:

— Давай, показывай свою лабораторию.

Вагончик коллекторов был разделен на две половины. В одной, так же как и в других жилых, были спальные полки, только не четыре, а как у мастера — две; во второй — на длинном и узком столе громоздились приборы и лабораторная посуда. Это был необходимый минимум для замеров, иного трудно было ожидать, но Глеб все еще продолжал играть высокое инспектирующее лицо и печально пощокал языком.

— Кстати, у вас тут когда весна по расписанию? — наконец решил он вернуться к нормальному разговору.— Признаться, я от тепла, ручейков... Не очень комфортно.

— Как всегда,— произнесла Люба, перекидывая на грудь длинную русую косу, которую Глеб только сейчас заметил.

— О, у тебя коса,— не сдержался он, вспомнив Стасю. И добавил.— Давно не встречал. Можно сказать, с детства.

— А у вас что, совсем не носят?

— Не видел,— повторил он, отмечая, что в свитерке и брюках Люба вполне может дать фору городским красавицам.— А ты никуда не поступала?

— Пыталась...

— Куда?

— В педагогический.

— Завалила?

— Балл не добрала.

— Будешь снова?

— Не знаю.— Она крутанулась, мельком взглянув на себя в зеркальце, стоящее между приборами.— Хотите чаю?

— Чаю?.. Нет, спасибо,— задумчиво произнес Глеб.

Надо было уходить, но ему почему-то не хотелось. От Любы веяло чем-то домашним, и ему было приятно наблюдать за ней.

— Ладно, я пошел, после связи определимся, что делать.

Помедлил у выхода, еще раз окинул взглядом маленькую и аккуратную фигурку и вышел, думая, что, возможно, Люба — первая красавица в поселке.

...Почти неделю он промаялся с рецептурой, анализами, согласованиями по раци с базой, а та, в свою очередь, — с институтом. Все это время ему помогала Люба. Вахта ее закончилась, но сменщица заболела, и Бычков попросил ее остаться. Они колдовали то в вагончике, то у емкостей. Наконец, рецептура, с учетом самых последних данных, была подобрена, наверху одобрена, и Бычков получил приказ готовить промывочную жидкость.

На это ушел почти день. Спуск колонны начали уже в темноте, но ни Бычков, ни Глеб с Любой уходить с буровой не собирались. Бычков опасался, что пока скважина была пустой, она могла обвалиться. Любе нужно было делать постоянные замеры, чтобы определить, как ведет себя новая жидкость на различных глубинах. Эти данные Глеб мог бы обработать и утром, но он не хотел уходить, так же как и остальные, чувствуя возбуждение и азарт от преодоления неведомо чего... Он курсировал между скважиной и емкостями, периодически заглядывал в вагончик к Любе, вместе с ней проводя замеры.

За эти дни между ними установились дружеские отношения. Они перешли на устойчивое «ты», он ей рассказал о Стасе, она ему о Вовке, который влюблен в нее, наверное, с первого класса, они учились вместе, но ей нравились всякие-разные, а Вовка не давал ей прохода и всех отпугивал. А теперь они наметили до армии, его забирают осенью, расписаться. Ее родителям Вовка нравится, она — его родителям, они тоже работают в экспедиции, дядя Саша — шофер, тетя Рита — продавщица в магазине нефтеразведки.

— А ты любишь его? — спросил тогда Глеб.

— Не знаю, — пожала плечами Люба. — Он большой, спокойный. И терпеливый. Я знаю, он сделает все, что я попрошу.

— Так уж и все.

— Да, все, — сказала она. — Я тебе кое-что сейчас расскажу, но только ты никому-никому...

Глеб кивнул.

— В восьмом классе мы с ним гуляли, я сказала, что хочу шоколадку, он сорвал замок с магазина и принес.

— С магазина, где мама работает?

— Нет, с леспромхозовского, мы в той части поселка гуляли.

— И что ему было?

— А никто не узнал. Просто кроме шоколадки ничего не укради.

— Надо же, — удивился Глеб. — У вас в деревне — прямо коммунизм. Даже замаг не воспользовался такой возможностью.

— У нас — поселок, — с обидой уточнила она. — И между прочим, не маленький и вполне симпатичный.

— Ладно, если пригласишь, может, и заеду на обратном пути.

Сказал просто так, абсолютно не желая гостить в таежном поселке, и неожиданно поймал ее долгий и ожидающий взгляд.

— Может и приглашу, — неожиданно серьезно отозвалась она.

...До полутора тысяч метров спуск шел как по маслу, потом начались сложные пласти, и Глеб решил брать пробы чаще. Теперь он бегал за ними на буровую, а Люба делала анализы. Так было быстрее, и он мысленно похвалил себя за такое решение, заглядывая через ее плечо в листок с колонками цифр.

Через час, когда встали на забой, Бычков вынужден был признать, что скорость спуска действительно стала выше и, похоже, новый состав эффективнее.

— Выходит, мы тоже не зря хлеб едим,— потирая руки, сказал Глеб.

— Рано еще радоваться, поглядим, как подъем пройдет,— буркнул Бычков.

— Согласен. Тем более, коняка у тебя все равно нет. А я бы сейчас не отказался.

— Мечтай... Пошли спать.

— Позже. Еще пару анализов сделаем.

— Ты девчонку заездил, придется ей отгулы давать.

— Ничего, молодая, выдержит. Между прочим, толковая.

— Да вот хочу ей предложить по направлению вместо педагогического на наш факультет. Пусть лучше инженером будет.

— Гаврилыч, ну ты прям такой мудрый стал,— не сдержался Глеб.

— Я мастер... Хозяин на этой буровой. И, между прочим, ученый инженер, проблемы с железками — тьфу по сравнению с теми, что люди преподносят,— отпари-ровал Бычков.— Кстати, о тебе... Ты Любку не соблазняй.

— Я и не соблазняю,— растерялся Глеб.

— Я вижу, как она на тебя смотрит.

— Это ее дело,— отмахнулся он.— Я лично смотрю на нее как и на тебя.

— Ладно уж темнить... Я — спать.

Бычков развернулся, и устало переваливаясь, пошел к вагончику.

Глеб поднялся к емкостям. Любка, не дождавшись его, сама брала пробы.

— На забой встанут — закончим на сегодня,— сказал Глеб, глядя в белеющее в темноте ее лицо. И оно ему показалось таким детским и таким беззащитным, что он вдруг наклонился и неловко поцеловал ее в краешек губ и щеку. И оправдался: — Все говорят, что я тебя соблазняю, не верят, что безгрешен, а теперь вот так и будет.

— Зачем ты...— тихо произнесла она и, приподнявшись на носочках, подалась к нему.

Он видел ее лицо, глаза, ждущие полуоткрытые губы и, неловко обхватив ее ру-кой в жестком полушибке, стал целовать уже по-настоящему.

— Зачем...— отстранившись, вновь повторила она и замерла, ожидая ответа.

— Мне с тобой так легко и просто,— произнес Глеб, стараясь не думать, чем все это может закончиться.— И тебе тоже?

Она кивнула.

Пробы стояли у их ног, и они помогли ему вернуться в действительность.

— Давай не будем больше об этом,— сказал он.— Сделаем замеры — и спать.

Скоро уже утро...

В вагончике он сразу занялся анализами, потом Любка отправила его за послед-ними пробами,— судя по гулу дизелей, колонна встала на забой.

Действительно, шло бурение, и по довольно виду бурилы можно было понять, что неплохо. Глеб не стал того отвлекать, взял промывочной жидкости прямо из же-лоба и вернулся в вагончик.

Через десять минут они закончили.

— Будешь чай? — спросила Любка.

Он задумчиво покачал головой.

Попросил:

— Распусти косу.

Она помедлила, затем, не сводя с него взгляда, перекинув косу на грудь, стала ее расплетать. Волосы растекались, закрывая маленькую грудь, Глеб попытался пред-ставить, как волосы ложатся на обнаженное тело, и Любка, словно прочтя его мысли, вдруг стала расстегивать рубашку, затем лифчик, и он увидел остренькие, вздерну-тые соски. Она уже сняла брюки, и теперь концы волос лежали на белых трусиках. И он, сбросив полушибок и свитер, подхватил ее на руки и отнес на постель. Целовал и все не решался снять трусики... Наконец отстранился, прерывисто дыша, произнес:

— Надо идти...

Почувствовал, как замерла Люба, доверчиво прильнув к его плечу.

— Да,— тихо произнесла она.

— Ты же знаешь о Стасе,— уже остыv, сказал он.— А я — о Вове. Я не хочу быть подлецом...

— Не надо...

Голос у нее был усталый и какой-то безликый.

— Ты вот что...— оживился он от вдруг пришедшей мысли, дающей возможность разобраться в самом себе.— Ты же поедешь поступать, я тебе оставлю адрес, рабочий телефон. Нам нужно будет обязательно встретиться.

— У меня скоро свадьба,— чуть слышно прошептала она.

— Свадьба? — искренне удивился он, совсем забыв об этом.— Свадьба...— И замолчал, не зная, что же еще придумать, чтобы не потерять ее.

— Хорошо,— твердо произнесла она.— Свадьбы не будет.

Села, склонилась над ним.

Ее волосы мягко накрыли его тело.

— Я приеду, Глебушка.

Он вздрогнул: она назвала его так же, как Стася, но с нежностью, которой ему никогда не приходилось слышать.

Он перебирал ее волосы, вдыхал ее запах и думал, что, может, напрасно сдерживает себя и надо обнять, почувствовать это желанное и покорное тело. И, понимая, что в следующее мгновение может так и поступить, резко поднялся. Наклонившись, коротко поцеловал ее и стал одеваться.

— Я буду тебя ждать.

— Я приеду.

Она натянула одеяло до подбородка, словно защищаясь, и он, уже одетый, с пушубком в руке, еще раз нежно поцеловал ее в горячие и немного шершавые губы и быстро, не оглядываясь и не прощаясь, вышел.

На востоке, пока невидимое из-за деревьев, поднималось солнце. Красный луч еще только-только коснулся верхушки вышки. День ожидался теплый и солнечный. Вполне возможно, первый день стремительной северной весны...

Он прилетел в настоящую весну.

За три прошедших недели на городских улицах от снега не осталось и следа. Солнце грело почти по-летнему. Он перекинул алеутку через плечо и от аэропорта пошел пешком, наслаждаясь запахом свежей травы, городских точек общепита и автомобильных выхлопов и провожая взглядом девушек, уже вылупившихся из колготок и брюк и манящих белизной своих ножек.

...Последнюю неделю Глеб просидел на буровой в одиночестве: Бычков наконец-то вырвался к семье отдохнуть, Любу сменила ее напарница, с которой Глеб и завершал исследования. Особых изменений в рецептуре за это время не произошло, но Хохлов заставил его досидеть до полного прохождения сложного пласта.

Он разгонял тоску долгими походами по снежной тайге, прихватив дробовик Бычкова, но кроме белок, по которым даже и не пытался стрелять, так ничего и не встретил, хотя, по утверждениям буровиков, дичи в округе было навалом. Зато насыпался запахами предвесенней пробуждающейся тайги.

Хотел заехать на базу и увидеть Любу, по которой вдруг затосковал, но случилась оказия с тем же лэповским вертолетом, который сел устранить неисправность на их площадку, и он полетел с ними, увидев поселок только с высоты.

В самолете начал писать письмо Любке. Но на середине пути вспомнил о Стасе, представил, как она его встречает... Мелькнуло воспоминание и о Татьяне, но уже как нечто далекое и в общем-то неважное. И Глеб отложил письмо, здраво положившись на всемогущество времени...

Была суббота, впереди выходной, и он, особо не раздумывая, пошел в ту сторону,

где жила Стася. По пути на оставшиеся командировочные купил бутылку коньяку и шоколадку.

Надавил кнопку звонка. Ждал, улыбаясь, приготовив повторенное мысленно уже множество раз: «Прими блудного...» — и чуть не выпалил это лысоватому мужчине, открывшему дверь.

Тот, стоя в проеме в спортивных штанах и майке, с улыбкой глядел на него, и Глеб, пришедший, наконец, в себя, выдавил:

— Простите... Стася...

— Стася! Киса,— мужчина обернулся,— к тебе. Похоже, тот самый соперник.— И Глебу: — Проходи, не стесняйся.— Повернувшись, пошел вперед, навстречу вышедшей из комнаты Стасе.

Та на ходу запахивала халатик.

— Глеб?

Остановилась, бросила взгляд на мужчину. И тут Глеб неожиданно для себя выдернул из сумки коньяк, протянул Стасе:

— Вот, прилетел... Только что.

— Проходи,— сказала она растерянно, а мужчина уже взял у нее коньяк и радостно произнес:

— Весьма кстати. А то в доме ни капельки не осталось. Киса, мечты сбываются.— И ему: — Проходи же, мил человек, сейчас мы развязем эту интригу... Под коньячок.

И исчез на кухне.

Не совсем понимая, как себя вести, Глеб оставил в прихожей сумку и прошел следом.

— Садись, не томись.

Мужчина ловко открыл бутылку, длинными пальцами подхватил с полки три бокала, расставил их на столе.

— Кисонька, там в холодильнике... Меня зовут Арсений... А тебя — Глеб...

Он протянул через стол руку. Та оказалась сухой и крепкой.

— Ты как, морщишься или смакуешь?

Подал бокал с коньяком, приподнял свой. Сделал глоток, никого не ожидая.

Пригубила Стася.

Глеб помедлил и залпом проглотил коньяк.

Поморщился...

— Н-да... Значит, морщишься.

Горячая волна прокатилась вниз, расслабляя, делая окружающий мир не таким жестоким. Глеб отломил кусочек шоколадки и стал разглядывать Арсения.

Тот был явно старше, но излучал энергию и какую-то легкость. Пожалуй, это впечатление создавали прищуренные карие глаза и тонкое, с правильными чертами, лицо.

— Помнится, речь шла об интриге,— вызывающе произнес Глеб и сам налил в бокалы.

Выпил.

— Ладно... Ты иди, киса, посмотри телевизор,— повернулся Арсений к Стасе.— А мы тут поболтаем... с юношей.

Стася бросила на Глеба взгляд, в котором, как ему показалось, была нескрываемая неприязнь, и послушно вышла.

— А интрига, мой мальчик, в том, что она мне рассказала о вашем флирте.

— И о постели,— с вызовом произнес он.

— Да, и о постели. И о том, что твое тело ей понравилось. Так что ты можешь гордиться этим. Но вся интрига как раз заключается в другом...— Арсений выдержал паузу и, подавшись вперед, коснулся пальцами своего лба.— Вот здесь, как и в ее

милой головке, она мне никогда не изменит. Понимаешь, мальчик?.. Тело — это просто, это легко. Это обыденно. Главное, что здесь... — Он еще раз коснулся лба. — А здесь она меня любит. Злится на меня. Изменяет телом. Винится. Развращает...

— А мне... Я хочу сам ее спросить.

Глеб поднялся. Наверное, от того, что был голоден, голова у него кружилась.

— Стася! — крикнул Арсений. — Приди, пожалуйста.

— Да... — она появилась сразу, словно ждала.

— Стася, — начал Глеб и запнулся. Подумал, что смешно устраивать какие-либо сцены, в принципе, они другу другу ничего не должны. И закончил: — Он прав?

Стася не стала уточнять, кивнула, взглянув на Арсения. И этот взгляд объяснил все...

— Ну что ж... Я действительно здесь лишний.

Глеб налил еще в бокал, выпил и вышел в коридор. Молча натянул ботинки, подхватил сумку и куртку и, не прощаясь, открыл дверь.

Не оборачиваясь, бодрым шагом начал отсчитывать ступени вниз...

Солнце уже почти спряталось за крышей соседней девятиэтажки, разукрасив красными пятнами дом напротив. И этот подсвеченный дом напоминал то ли фейерверк, то ли пожарище.

«А почему, собственно, я должен расстраиваться?» — мысленно спросил себя Глеб, и сам оптимистично ответил: «Не должен. Абсолютно... Пусть Стася остается с этим лысым стариком, пусть. Она Глебу особенно и не нравилась. Так, хорошее тепло... Вот завтра надо будет слетать к Татьяне...».

Он вывернул карманы, пересчитал монеты на ладони — нет, завтра никак, получит деньги, отгулы и слетает. Но прежде узнает у Паши, как она...

А потом лето, приедет Люба...

На остановке, кроме него, ждала троллейбус девушка. Она была совсем юной, наверное, старшеклассница, и у нее были просто сногшибательные глаза.

— Простите, девушка, я первый раз в этом районе, как отсюда выбраться поближе к центру? — Он поймал ее заинтересованный взгляд. — Кстати, меня зовут Глеб. И я совершенно свободный человек...

❖❖❖

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

У КАЖДОГО СВОЯ ГОЛГОФА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левиша» им. Н. С. Лескова.

Старуха Макелиха заметалась на кровати. Тоненько застонала, но тут же смолкла. А потом беспокойно зашарила узловатыми пальцами по впалой груди. Вцепилась в край лоскутного одеяла. Рывком сдернула с себя и прерывисто, с каким-то посвистом и похрипываниями в груди, вздохнула. Дышать стало полегче, но в то же время зазнобило, и она опять потянула одеяло на себя. Воздух в комнате сырой, холодный и такой плотный, что казалось, его можно потрогать руками. Бабка Дарья поежилась и открыла глаза. Там, в беспокойном сне, она спешила по тропке навстречу своему Федечке. С работы встречала, как в молодости бывало, а наткнулась на его потертый открытый чемоданчик с блестящими уголками. Неподалеку сверточек, наверное, остатки от обеда. В траве темной зеленью сверкнула разбитая бутылка. Рядом чернела лужица крови, а над ней мухи: зеленые, мясные, жирные. Сколько лет снится один и тот же сон, как Федора, мужика ее, паровозом переехало, когда он под составами перебирался через пути. Сама кляла мужика, но в тоже время в душе жалела его, а виду не показывала. Потому что нельзя. Потому что хуже будет. Она перекрестилась и вздрогнула, когда из-за занавески раздались хрипы, вперемешку с бульканьем и матерными словами.

Бабка Дарья взглянула на ходики и неслышно сползла с кровати. Приоткрыла дверь на веранду, которую еще в молодости пристроил Федька к бараку, где они стали жить после свадьбы. Эти бараки стояли на окраине города. Рядом шоссейка, за ней огромный луг, а в сторону взять — там депо было, где Федор работал, пока ему ноги не отрезало. Старая Макелиха оглянулась и прошла в дальний закуток. Там стояли ведра с водой. Здесь она стирала, тут же умывалась. Своей бани не было, а в городскую не набегаешься — далеко и народищу уйма. Вот и приспособилась на веранде устраивать постирушки. И в комнате не помоешься, ежели Федор пьяный. Сюда уходила, скрываясь от мужа, чтобы лишний раз не попадаться на глаза. Огляделась в закутке. Сняла рубаху, передернула худыми плечами и сразу мурashki появились. Зябко в пристройке. Не стала носить воду на кухоньку и греть ее, а сразу ополоснулась холодной, что с вечера заготовила, — аж дух занялся. Посмотрелась в тусклое засиженное мухами небольшое зеркало, висевшее на стене. Темное лицо в глубо-

глубоких морщинах. Нос крючковатый, нависший над верхней губой. Провалившийся беззубый рот. Большие складки избороздили лоб. Седые волосы редкими клочьями на голове. Откуда они будут густыми, ежели Федька, супостат этакий, с корнем повыдирали. Промеж вислых плоских грудей вился черный шнурок с простеньким крестиком. Крестик есть, а молиться не научилась. Так, что в голову придет, то и бормотала. Раньше не ходила молиться. Церковь-то была, но после революции вздували рушить. Борьба шла с попами. Рассказывали, как бомбу подложили, бабахнуло, почти во всех домах стекла повылетали, а церковь на месте, лишь штукатурка осыпалась. Хотели крест стащить, и не получилось. Крест погнули и все. С той поры так и остался, словно не в небо смотрит, а земле-матушке кланяется. Не получилось с церковью совладать — и тогда рукой махнули, плонули и сделали склад из нее. Инвентарь хранили да разное баражло. А потом пионерский лагерь открыли. Года два-три лагерь был. А потом военным отдали. Кавалерийский отряд был. И церковь в конюшню превратили, все внутри изгадили. А потом забросили, когда отряд в соседний город перевели. И по сей день она пустая стоит, никто не пользуется, но и попам не отдают. На стенах похабные рисунки, матерные слова повсюду — руки бы отсохли. Сделали из церкви отхожее место — богохульники! Когда с Федором случилась беда, она вспомнила про Бога. За ним ухаживала, а пока спал, бегала в церковь, что была рядом с больницей. Там научилась не молиться, а разговаривать с Богом. Обо всем говорила: про жизнь, про сына, Алешеньку, потом про мужа своего, Федора, и младшенького сынка не забывала, про Витяку говорила, за него просила. Выговарится, и на душе полегче становилось. Свечки ставила за здоровье. Вернется в больницу, а Федор лежит и зыркает глазищами, а сам норовит садануть при случае. А на следующий день снова отправлялась в церковь, едва мужик засыпал. И когда Федора привезла домой, тоже бывало, перед иконой разговоры вела. Опустится на колени и все рассказывает, советуется. Так и привыкла...

Бабка Дарья вздохнула. Сдернув полотенчик с гвоздя, быстро утерлась, потом юбку до пят, кофту глухую, повязала косынку по брови, взгляд хмурый и недоверчивый. Толкнула худые ноги в растоптанные тапки и заторопилась обратно в барак, по дороге заглянув в комнату, откуда слышались хрипы и бульканье. Старуха Макелиха чертыхнулась: «Лучше бы задавили, супостата этакого. Разок бы поплакала и успокоилась. За что же мне такое наказание,— и тут же заторопилась, мелко принялась креститься.— Господи, прости меня! Грех про мужа такие слова говорить. Ведь не всегда плохим был, Федечка-то, а тока опосля несчастия слетел с катушек». Пробормотала, опять прислушалась, и на кухню.

Поглядывая в окошко, старая Макелиха принялась готовить завтрак. Федор, мужик ее, когда поженились, сразу наказал, чтобы день начинался со свежего супа. С любого. Главное, чтобы свежий, с огня, чтобы хлебнул и дух занялся. Потом, когда стал в рюмку заглядывать, мало кушал, а больше изгаялся. А под паровоз попал — вообще с катушек съехал. Бабка Дарья прислушалась. Из комнаты донеслось частое бульканье, прерывистые хрипы, потом дед Федор зашелся в долгом кашле, вперемешку с чихом и протяжно-страшными матюгами. Что-что, а матюги умел пускать. Научился за семь долгих лет, покуда в лагерях за тельняшку сидел. Без вины завиноватила власть. Обходчик, сволота, подсунул в чемоданчик и шепнул охране. Федора арестовали. Власть не стала разбираться, а в назидание другим припаяли семь лет и отправили в лагеря. А Дарья осталась ждать с двумя малышами...

— Куда умызнула, паскуда? — по комнате разнесся прерывистый булькающий голос деда Федора.

Старая Макелиха вздохнула, тряпкой вытерла руки, оглянулась на закуток, где за занавеской всегда спал Федор и поспешила к нему.

— Я здесь, Федечка...

Казалось, перегар загустел, вязким облаком повис над кроватью. Еще бы, столько

времени не просыхать! Упершись в грязную, скомканную простыню, дед Федор сидел, или старался усидеть, выставив вперед короткие обрубки, которые были едва заметны из-под задравшихся обоссанных трусов — это все, что осталось от его ног.

Бабка Дарья кинулась к комоду, выхватила чистые трусы и опустилась перед мужем на колени.

— Федечка, скидывай грязные, — не поднимая головы, сказала она. — Я те чистые натяну...

— Ишь, жалельщица выискалась, — медленно, с расстановкой загнусавил дед Федор, глазами выискивая, куда бы ударить, чтобы побольнее, чтобы плачем зашлась, чтобы кровянка брызнула, и протяжно так: — Паску-у-уда! — и ткнул костлявым кулачищем.

Другая баба давно бы сбежала от этого супостата, а старая Макелиха живет, молчком сносит побои, потому что знает, что Федечка без нее пропадет. Никогда не жаловалась. Да и не принято в семье, чтобы сор из избы выносить, как говорится. Вот и терпела.

Раньше не лупил. Тяжелый характер у Федора, но руки не распускал. Наоборот, мирно жили. Правда, мало разговаривал, а еще реже улыбался. Вернулся после лагерей, стал нелюдимым. А под паровоз попал, тогда-то с катушек слетел. Стал пить почерному, сволота. Бутылку поставит на стол и пьет, а потом начинал песню горланить. Оттуда привез, из лагерей. «Черный ворон» называется. В бараке, где они жили, все соседи знали эту песню, но она почему-то не полюбилась. Тяжелая песня и мрачная, словно жизнь нынешняя. А Федор пел. Сначала тянул всю песню, старательно, во весь голос, соседей тревожил. Даже не пел, а каким-то утробным голосом тянул, а в последние годы, когда напивался, стал горланить, пока внутрь воздуха хватало. Видать, сам понимал, о чем поет, и ладно: «Чо... ...он», «Чо... ...он» и «Чо... ...ой», и так, пока замертво не валился на пол.

...За старшим сыном, Алешенькой, она не уследила. С малых лет отбился от рук. Сначала школу прогуливал. Макелиха ругалась, а сын молчал, словно бирюк. Надуется, зыркает исподлобья, а потом убегает к бабке с дедом. Так и повадился, как что-нить натворит, сразу к бабке, а там привечали, заступались. А потом вовсе школу забросил. Дарья стала жаловаться Федору, тот отмахивался — с похмелья бывал, да еще грозил, что кулака испробует, если начнет приставать с пустяками. И Алешенька вовсе распоясался. С такими же дружками, как сам, стали подворовывать из проходящих составов. И попались. Ему, как самому несмышеному, ничего не сделали. Штраф припаяли. А других посадили. Дарья ночами плакала, расстраивалась, а Федор говорил, что настоящий мужик должен испробовать все, и тюрьму — тоже. Старший, Алешка, за ум не взялся. Наоборот, как с цепи сорвался. На железную дорогу перестал ходить, зато в соседних бараках, которые стояли возле железной дороги, начал тащить, что под руки попадало, и сбывал в городе. Видели его на барахолке, когда за бесценок продавал ворованное. Ничего не боялся. Думал, опять простят, как малолетнего. Но оказалось, за все нужно рассчитываться. И он расплатился, когда убегал от милиции. Сорвался с крыши и угодил прямиком на железный штырь, торчавший из земли. В спину вошел, а из груди вылез. Говорят, что-то пытался сказать, но не получилось. Умер.

И, вернувшись с кладбища, Дарья впервые узнала, что такое мужнин кулак. Смертным боем бил. Ее обвинил, что Алешка погиб. А она не стала вину снимать с себя. Все же мать. Все же понимала, что не уследила за Алешенькой, не воспитала так, как нужно было. А расплата за материнские ошибки — это смерть сына.

— Паскуда, что торчишь, аки столб посередь дороги? — хрюпко забулькал дед Федор, одной рукой держался, чтобы не упасть, а другую протягивал к ней. — Уснула, что ль? Жрать подавай! — заревел он.

Старая Макелиха промолчала. На кухоньку пошла. Кастрюлями загремела.

Вцепившись в матрас, Федор медленно сполз на половничок. Упираясь руками в пол, ухая, воняя перегаром, который уже не выветривался, дед Федор рывком перебросил обрубок туловища в сторону кухни. Опять ухнув, внутри забулькало, заклокотало, не прекращался мат, которым награждал старую Макелиху, он выбросил обрубок вперед. И так пока не очутился на кухне, где, вцепившись в подоконник и в стол, привычно, рывком поднялся на низенькую табуретку, как на приступок, а оттуда перебрался в угол.

— Сейчас подам, — сказала баба Дарья и поставила перед ним глубокую металлическую миску, рядом ложку и придвинула хлеб. — На-кась, Федечка, покушай, полегчает... — и прикрылась руками, когда Федор ткнул кулаком.

Клокоча горлом, булькая, дед Федор трясящейся рукой старался донести ложку до впалого рта. Суп расплескивался по столу. С каждым разом дорожка от чашки и до него становилась все шире и шире. Матюгаясь, не выдержал, бросил ложку, звякнув, она улетела на пол, оттолкнула от себя чашку — суп выплеснулся на стол и, ухававившись за подоконник, опять сполз на пол.

Старая Макелиха смотрела, как дед Федор, рывками перебрасывая тело, добрался до двери, тычком открыл и, матерясь, добрался до тележки, которую загодя поставила возле входа Макелиха, взгромоздился на нее, вцепился в короткие палки и, утробно ухая, загрохотал по дороге в сторону шоссейки, на краю которой был небольшой базарчик и столовая, возле них-то и устраивался дед Федор. Там частенько останавливались машины. Кто-то из водителей торопился в столовую, а потом снова в рейс, а другие ходили по базарчику, выбирая овощи или фрукты, а то брали пару банок солений и тоже отправлялись в дорогу. И многие останавливались возле Федора, протягивали мелочишку, а бывало, что стопочку-другую наливали. И Федор вечером возвращался и лыка не вязал. Потеряет тележку или свалится с нее, но ползет домой. В снег ли, в грязь или мороз, хрипит, рычит, ползет по дороге вдоль бараков. Притихнет, а потом вскинется, и опять тело сжимается, изгибаясь, выворачивается, но движется к своему бараку. И страшно было смотреть, как руки с грязными цепкими пальцами, со сломанными ногтями, словно когти чудовищной птицы, вгрызались в землю, судорогой сводило лицо, и долгий рывок вперед — маленький шажок к дому. И так — пока не вваливался в комнату, а старая Макелиха забивалась в угол под иконы и молчала, смотрела, что вытворяет этот лиходей, или уходила в свой закуток на веранде и закрывалась. Ну, его, ирода, от греха подальше!

Поглядывая в окошко, старая Макелиха частенько вспоминала, как они жили, пока мужик не попал под паровоз. Пусть Федор был неразговорчив, вечно хмурый, но и Дарья недалеко ушла от него. Тоже была молчаливой. Все по хозяйству хлопотала. Шутка ли, три мужика в доме. И нужно всех накормить, напоить, одеть, обуть, да еще в доме порядок навести. А бралась за стирку, так не знала, с чего начинать. Сыновья росли сорванцами. Всю грязь собирают, все лужи измеряют, пока до дома дойдут. А мужину одежду возьмет в руки и думает, с какого конца стирать. Вся в мазуте, насквозь! Потом старший сынок погиб, Федор почти перестал разговаривать. Если напивался, начинал матюгаться и кулаки показывать. Не часто, но бывало, что лупил. А Дарья терпела. Никому не жаловалась. Знала, если скажет, Федор еще сильнее отмутузит. Вот и молчала, сор из избы не выносила.

Федор был живучим. Ничего не брало его. Ведь будь на его месте другой человек, помер бы еще на рельсах, когда поезд переехал, а Федька, как чурбак, скатился под откос и валялся там, пока обходчики не наткнулись. Врачи удивлялись и не могли понять, как же он остался в живых. У другого вся бы кровь вытекла, а этот же... Пока обходчики сообщили, врачи приехали, думали, что Федор умер, ах нет, он в чувство пришел, а где обрубки, там кровь спеклась, коркой закрыло раны. Врачи были уверены, что не довезут до больницы, но Федор еще дышал. И врачи сразу его на стол: резать, пилить, зашивать. У Дары, наткнувшись на засохшую кровь, екнуло

сердце, и она бросилась разыскивать мужа. Помчалась в больницу, чтобы рядышком с мужем быть. Дни и ночи не отходила от него. С ложечки кормила и поила. А Федор, едва оклемавшись, первым делом ударил кулаком по голове. Не так больно стукнул, как обидно стало, но она привычно промолчала. Федор принял обвинять, что из-за нее превратился в безногого калеку. Стал ее виноватить, а она приняла это как должное.

Несколько месяцев мыкались по больницам, потом Федора выписали. Вернувшись, он с горя запил. Крепко. Правда, бывали светлые дни, но редко, когда день-другой отлеживался, с утра и до ночи матерился и плевался, а потом опять уходил в запой. Дарья удивлялась, как до сей поры не сгорел от этой проклятущей водки. Даже хвороба не привязывалась к нему. Ведь, сколота, пока до дома докузыркается, всю уличную грязь собирает, во всех лужах побывает, а зимой, так вообще, руки обмаживал до волдырей, но утром поднимался и, как ни в чем не бывало, начинал пускать матюги. А потом взгромоздится на тележку и подается в сторону столовой. Шофера жалели его. Мало того, что задарма поили, так еще жалеючи деньги совали и чекушок или бутылку дешевого вина в карман подсовывали. И ведь ни разу не разбил бутылку, пока пьяный кувыркался по дороге, зараза такая! Вернется, влезет на табуретку, вытащит бутылку, а она грязнющая, даже этикетку не разберешь — столько проелозил по грязи да лужам, и начинает пить. Страшно пил. С бульканьем, с хрипами, рычал, словно зверь, матюги во все стороны разбрасывал и подзывал Дарью. А она подходила. Молчком склонялась, и тогда он хватался за редкие волосы и начинал ее таскать, все норовил головой ударить об стол, бил кулачищами, куда ни попади, а она ойкала и прикрывалась, но молчала, не перечила ему. А Федор опять брался за стакан. Давясь, клокоча, допивал бутылку. Долго сидел, склонив голову к плечу, словно прислушивался, что внутри него делается, потом встрепенется, зыркнет глазищами и начинал петь любимую песню «Черный ворон». Да и сам был похож на него. Нахохлившись, сидел за столом, плечики приподняты, крутил башкой, глядел исподлобья круглыми безумными глазами, пальцами, словно когтями, держался за край стола и ревел во всю глотку, аж лицо багровело и перекашивалось: «Чо... ...он», «Чо... ...он» и «Чо... ...ой». И до той поры горланил, пока не падал с табуретки. Тюкнется башкой об пол, трепыхнется, пытаясь подняться, а потом притихнет. Все, уснул. Старая Макелиха торопливо крестилась, подхватывала его под мышки, волоком тащила до кровати, сдирала грязную одежду, на матрас закатывала и прикрывала одеялом. Все, будет дрыхнуть до утра, а потом снова потащится водку жрать, паскуда. Изо дня в день. В любую погоду. Все годы, как стал калекой.

Так и сегодня, как всегда было. Суп расплескал, изматерился, саданул несколько раз кулаком, куда ни попади, и потащился на базарчик к столовой. А бабка Дарья привычно уселилась возле окна и стала поджидать, когда он вернется. Видела, как Федор наклонялся, вгоняя штыри в землю, и рывками елозил по ухабистой дороге, что протянулась вдоль старых бараков. И теперь жди его, к вечеру вернется на бровях и начнет куролесить, сколота.

Весь день в поселке выли собаки, словно беду предвещали. Бабка Дарья плевалась, а потом начинала креститься. А в сумерках распахнулась дверь. На пороге стоял милиционер и соседка. Они-то и сообщили, что дед Федор попал под машину. Не уберегся. А может, судьба устала. Грузовик сдавал назад и наехал на него, а может, сам сунулся под колесо — никто не видел. Голова целой осталась, а самого вдавило в тележку.

Сосед, Леонтий Чердынцев, сладил гроб. Старая Макелиха дала доски. По слуху приобрела у командировочного. Соседей попросила, чтобы на чердак подняли, подальше от Федора, иначе пропьет. Долго хранились, пока беда не пришла. Леонтий Чердынцев уговаривал, зачем большую домовину делать, доски портить? Хватило бы и маленького, под его размер, а старая Макелиха уперлась. Что ни говори, а Федор

был мужиком и домовина должна быть настоящей. В последний момент, когда Федора обмыли, одели и уложили на мягкую подушку, набитую запашистой сосновой стружкой, бабка Дарья исподтишка сунула новые ненадеванные ботинки. Вдруг пригодятся там. Тележка-то дома останется, а ходить нужно. И сунула. Один ботинок упал, а второй в углу затопоршился. Федор лежал на подушке, причесанный, побритый, а лицо светлое-светлое, лишь небольшая хмурая морщинка возле глаз пробежала. «Вот и все, успокоился мой Федечка» — пробормотала старая Макелиха и неловко погладила по жестким седым волосам, а потом обняла его и заплакала. Сгорбилась, плечики затряслись.

— Дуреха, почто плачешь-то? — зашептала соседка, отвела Макелиху в сторону и посадила на лавку. — Радуйся, бабка Дарья, отмучилась. Всю жизньюшку на кулаках носил. Как еще терпела-то, супостата этакого...

— Не я, а мой Федечка отмучился, — прижимая ладошки к впалому рту, сказала старая Макелиха. — Он с горя пил, с горя кулаки распускал, потому что хотел казаться мужиком, а не колодой с глазами. Не меня, а его жизнь давила, неподъемным камнем к земле прижимала, а он до последнего дня противился... И, видать, не выдержал — сломался. А теперь лежит спокойно и ничего ему не нужно.

И опять плечики затрясились.

Поминали дома. Младший сынок приехал. Всяких продуктов понавез. Еле допер полные сумки. Хотел, чтобы в столовой поминали, но бабка Дарья уперлась. Где жили, там и помин будет. Заходили соседи, шептались старухи, крестились, поглядывая на старую икону, усаживались за стол, перешептывались и ждали, когда перед ними поставят тарелки. Неторопливо хлебали, жевали беззубыми деснами блины, пробовали кутью, и хвалили Федора. А некоторые молчали. Правда, сосед, Васька Гонтарь, подвыпив, стал требовать, чтобы бабка Дарья сию же минуту вернула деньги, какие ейный мужик занимал на опохмелку, но ойкнул и притих, а потом быстро подхватился и смотался с поминок, когда младшенький сынок, Витенька, под ребра ткнул кулачищем. Испугался Гонтарь.

Вечером, когда все разошлись по домам, младший сынок тоже засобирался.

— Мамка, может, все-таки, к нам переедешь? — сказал он, собирая сумку. — Комнатку освободим, а ежли хочешь, с ребятишками в спальне поселим. Все веселее, чем одной. Заживешь, как у Христа за пазухой. Будешь лежать и в потолок поплевывать. Подумай, мамака...

— Куда же я поеду отсюда, Витяйка? — привычно усевшись возле окна, сказала старая Макелиха, и пристально всмотрелась в пустую дорогу, словно своего Федечку ждала. — Здесь наш дом, тут отца и Алешеньку схоронили. Мои родители лежат. И бабка с дедом лежали, а теперь на месте старого кладбища дома построили. Куда же я от своих-то уеду? Нельзя, это не по-людски будет. А завтра пойду на кладбище, твоего папку проведаю, покушать отнесу ему, как принято. Видишь, нельзя мне ехать. Я тут нужна — им нужна. Да, что хочу сказать-то... — она встрепенулась. — Сынок, когда помру, рядышком с отцом положи. Я давно mestечко приготовила. Всю жизньюшку вместе были, и там не станем разлучаться. Не забудь... Да, еще... Досочки для домовины на чердаке лежат. Соседи покажут. Пусть дядька Леонтий Чердынцев домовину сделает, он много не запросит. Сколько дашь — этому рад. А Петряй Чалый — хапуга! Не соглашайся, если первым прибежит и станет уговаривать. Ежли что, лучше к Чердынцеву загляни. Здесь он, рядышком живет, через два барака. Любой покажет...

— Тыфу ты, напридумывала же! — не удержался, чертыхнулся Витька, а сам сощущенно качнул головой, заметив, как сильно сдала мать за последние дни — маленькая стала, сухонькая. — Хватит болтать, мамка. Живи, пока живется! Ты скажи Вальке Макаркиной, пусть денька три-четыре поночует, а то одной-то тоскливо будет вечерами сидеть. А вдвоем все же повеселее. Я гостинчик ей привезу. Ладно?

Бабка Дарья промолчала.

Чуть погодя, сын подошел. Постоял рядышком. Потоптался, не зная, куда руки деть. Потом неловко погладил по плечу, и снова руки плетьми повисли.

— Ладно, мамака, я пойду,— сказал он, направляясь к двери.— Сейчас автобус будет. Не опоздать бы. Утром на работу. Я еще приеду. Ты держись.

И вышел, притворив дверь.

Валька Макаркина три дня ночевала. А утром четвертого дня недуром соскочила с кровати, все крестилась, глядя на икону, потом сказала, что дел невпроворот, и засобиралась. Долго отнекивалась, все топталась возле порога, когда старая Макелиха протянула новый цветастый платок с кистями — таких сейчас не делают. Глаза разгорелись от жадности, а брать-то стыдновато — что люди скажут. Но все же жадность перевесила. Стыд — не дым, глаза не выест, и Валька, схватив платок, сунула его за пазуху и заторопилась — корова не доена стоит. Да и вообще... Она еще раз перекрестилась, мельком взглянула на кровать, где эти ночи спала, и за собой захлопнула дверь. Ушла.

Старая Макелиха привалилась к подушке. Устала за последние дни. Не заметила, как задремала. Что-то непонятное снилось. Какие-то цветные обрывки мелькали перед глазами, снова бежала по лугу, ромашки срывала и тут Федор заявился. Стоит на тропинке и смотрит, потом к ней потянулся. Бабка Дарья аж вскинулась, когда в темноте кто-то погладил по голове. Недуром рявкнула. Вздула светильник, отмахнулась, глаза протерла, думала, спросонья показалось, а потом снова взглянула и ойкнула — Федька перед ней сидит и глядит опечаленно. Не привалился, как всегда к стенке или к спинке кровати, а прямо сидит и смотрит, глаз не отведет.

— Федечка,— старая Макеловна перекрестилась, и прижалась к спинке, прикрываясь одеялом.— Ты же...

Она неопределенно помахала рукой.

И вдруг его голос услышала: с бульканьем, с хрипами и, перепугавшись, отшатнулась.

— Плохо мне, Дащутка,— и так ласково сказал, непривычно, а сам опять потянулся к ней и захрипел: громко, протяжно — страшно.— Я пришел. Собирайся. Ждут нас...

Она отпрянула. Заблажила с испуга, аж сердце захолонуло, зажгло внутри, неровно забилось, с перебоями, того и гляди остановится. Съехала с кровати, грохнулась на колени перед старой темной иконой, уж лика не видать, истово принялась креститься и бессвязно шептать, опасаясь оглянуться на кровать, где видела мужа своего, Федечку.

Развиднялось. Она оглянулась. Федечки не было. Ушел или ей почудился, что был — бабка Дарья не знала. Долго ходила по дому. Умаялась. Опять взглянула на окно. Серые предутренние сумерки. Бабка Дарья решилась подремать. Легла, укрылась лоскутным одеялом, едва закрыла глаза, как опять почуяла, что ее погладили по голове. Путаясь в просторной рубахе, сползла на пол и, как была на коленках, так и поползла к иконе. Решила, видать, много грехов на ней, ежли покойный мужик приходит. И принялась отбивать поклоны и креститься.

Успокоилась, когда вдали петухи загорланили. Поднялась с колен, на улицу пошла. Весь день квелая бродила, на лавочке сидела, с соседями говорила, а в барак опасалась заходить, вдруг опять Федечка объявится. Сама боялась, но в то же время думала, что такого не может быть, потому что оттуда же не возвращаются. Но почему она видела его и слышала, даже руку его чуяла, когда он погладил по голове?! Видать, расхандрилась. Бабка Дарья задумалась...

Солнце на закат повернуло. Душа тосковала, томилась. Старая Макелиха поглядывала в оконце, поглядывала, а потом спохватилась, взяла свою клюку и пустилась в сторону железной дороги, по тропке, словно Федечку решила встретить, как рань-

ше бывало, когда он с работы возвращался. Сама не могла понять, почему туда потянуло. Уже слышны были гудки, шум и грохот проходящих составов, она мимо кусточек прошла, повернула в сторону депо, глядь, а на тропке цветок лежит. Ромашка, чуть подвявшая, даже горчинкой от нее повеяло, когда старуха Макелиха подняла ее, а потом оглянулась, глазам не поверила — осень поздняя, день-другой — и снег полепит, а на тропке — ромашка. Откуда взялась, ежели тут никто не ходит, вон, позаросла тропка-дорожка, до самого горизонта темная пожухлая трава, а цветок лежит, словно недавно сорвали его и положили на самый вид, чтобы она наткнулась. Бабка Дарья подхватилась и пустилась к дому. Сама торопится, оглядывается. Что-то подсказывало, что неспроста потащилась сюда, неспроста ромашку нашла. Неужели... И бабка перекрестилась на ходу, потом приостановилась, поклоны стала отбивать, поглядывая на заброшенную старую церковь с покосившимся крестом, что виднелась неподалеку от базарчика, куда ее Федечка каждый день мотался.

Долго крутилась на кровати старая Макелиха. Все боялась глаза закрыть. Чуть начинается дремота, она вскакивает. Вот показалось, что лампадка слабо освещает. Сползла с кровати. Закряхтела, полезла на табуретку, достала из-за иконы пучочек церковных свечей. Подпалила, приткнула в блюдце, чтобы держалась, и поставила на табуретку возле кровати. Сама прилегла, прикрыла ноги одеялом, глядит на огонек, и в голос разговаривает с Богом, как привыкла делать за долгую жизнь. Все не так страшно было на душе. Не молилась, а просто беседовала, как она привыкла. Долго разговаривала. А потом сморило. Уснула-таки. И опять приснилось, будто бежит по тропинке. А вокруг цветы. Разные. Много. Вечернее солнце яркое и теплое. Распустило лучи, а они дорожками разбежались по лугу и улеглись, полеживаю на цветах. Смотришь вдаль, до горизонта цветы. И так хотелось раскинуть руки, разогнаться, взлететь над цветами и помчаться далеко-далеко по солнечному лучу, как по дорожке, и закричать: громко, протяжно и восторженно. Она рванулась, но увидела, как тропка повернула к железной дороге, а там, между рельсами, опять кровь черная-пречерная и зеленые толстые мухи кружатся. И снова донесся голос. Звал ее, жаловался. Тихо так, больно, аж сердце захолонуло, заболело в груди, огнем полыхнуло. И опять Федор окликнул, за собой позвал.

Вскрепнула старая Макелиха, открыла глаза. Ночь на дворе. Свечечка не горела. Хотела было подняться и вдруг опять почуяла, словно по голове погладили. Вскрикнула. Подняла руку, чтобы перекреститься, а рука тяжелая, неподъемная. Испугалась. Закричала громко, аж в ушах зазвенело. Крутилась на кровати, как только может крутнуться старуха, сползла на пол и на коленях подалась к иконе. Долго крестилась, поклоны отбивала. Не оглядывалась. Боялась. Рассвет занялся. Повсюду птицы загомонили. Осмелела бабка Дарья. Повернулась, а ее Федечка вцепился в одеяло, съехал по нему, как раньше бывало, укоризненно покачал головой, что не захотела с ним поговорить, а потом к двери направился и исчез. Дверь даже не скрипнула. Старая Макелиха глядела ему вслед и плакала: долго, тоненько и больно...

Ополоснув лицо холодной водой, бабка Дарья утерлась полотенчиком и направилась на кухню. Громыхнула кастрюлей. Поставила на огонь, принялась чистить картошку, а потом бросила ножик в очистки, присела на табуретку возле окна и заплакала. Горько было на душе. Впервые за долгие годы она не стала готовить привычный утренний суп. Некому.

А к вечеру занедужила. Залихорадило. Старая Макелиха сидела, куталась в старую кофту, озноб не проходил. Наоборот, еще больше стало лихоманиТЬ. Голова в огне, да внутрях все поджилочки тряслись. Громыхнула чайником. Вскипятила. В кружку листья малины, травки набросала. Духмяно запахло, вкусно. В другой бы раз старая Макелиха с удовольствием бы травяной чай посыпала да еще с баранками или пряниками, а сейчас налила в кружку, поставила на стол, рядом банка варенья из малины. Откуда-то сынок привез. Здесь, на окраине города, почему-то малина не ро-

ждалась. Квелая была. Год-другой постоит в огородиках, что были возле каждого барака, и засыхает. Не приживалась малина. Вот Витюшка и привозил каждый год. Баловал мамку.

На улице смеркалось. Бабка Дарья сидела, мелкими глоточками отпивала настой. Как склонила Федечку, с той поры, кроме воды, ничего в рот не брала. Не хотела. Видать, час ее подходит. И сейчас, вон, варенье на столе, а она ложкой цепляла чуточку, лишь бы губы помазать и все. Почмокает — вкусно, и опять нахохлится, поглядывая в окно, словно продолжала ждать, что сейчас, вон из-за того барака, что на повороте стоит, появится Федор и начнет перекатываться, ползти по грязи, и станет материться: громко, хрипло, с проклятиями, и опять полночи дым коромыслом будет стоять дома, пока с табуретки не свалится. Но было тихо. Непривычно. Это страшило. Бабка Дарья поднялась. Опять громыхнула чайником. Повернулась к столу и выронила кружку. Ойкнула и прижала сухие морщинистые ладони ко рту. В углу, на своем привычном месте сидел дед Федор. Сгорбившись, руки на столе, даже видны черные каемки под ногтями, хотя его обмывали хорошо. Она это помнит, а гляди ты, все же грязь осталась. Видать, въелась за долгую жизнь, пока по грязи ползал. Он сидел, молчал и хмуро, исподлобья наблюдал за старой Макелихой. Она обмерла, боясь шевельнуться. Смотрела на мужа, хотела прочитать молитвы, с Боженькой поговорить, но не могла ни единого слова вспомнить, лишь губы шевелились, и рука дернулась, чтобы перекреститься, но вновь повисла плетьью.

— Дашутка, пошли со мной,— она услышала голос Федора.— Плохо мне. Пойдем, а? — и так жалобно, так больно сказал, аж сердце у нее захолонуло, зажгло внутри, заколотилось неровно, с перебоями.

— Федечка, уходи,— шевельнулись губы Макелихи.— Хватит измываться. При жизни изгаялся, как хотел, и теперь продолжашь. Устала я, измучилась. Уйди...

Говорит, а своего голоса не слышит. Хотела крикнуть, и не получается. Руку подняла, чтобы сделать крестное знамение, а она плетью повисла.

— Дашутка, я не измываюсь,— сказал Федор.— Я тоже устал от этой проклятой жизни. Пошли, а? Вдвоем веселее будет.

— Сгинь, сгинь,— зашептала бабка Дарья, и мысленно сделала крестное знамение.— Уйди, ирод!

В коридоре барака громыхнули тяжелые неторопливые шаги. Медленно открываясь, заскрипела дверь. Старая Макелиха закричала.

— Дарья, что вориши, как оглашенная, аж на улице слыхать,— раздался голос соседа.— Что впотьмах сидишь? Хоть бы свет зажгла,— и было слышно, как он зашарил рукой по стене.

Бабка Дарья зажмурилась, когда вспыхнула неяркая мутная лампочка, и взглянула в угол. Федора не было, а на краю стола лежала подвядшая ромашка, такая же, какую она нашла на дороге.

На пороге стоял двухметровый сухопарый старик в засаленных штанах с пузирями на коленях, в выцветшей телогрейке, из-под которой выглядывала серая незврачная рубаха, и в руках держал драную, кроличью шапку. Подслеповато сощурившись, посмотрел по сторонам.

— Что разоралась? — опять спросил он.— Не боись, не трону, не кровопивец.

— А тебе какое дело: хочу горло деру, хочу частушки распеваю, а могу барыню сплясать,— буркнула старая Макелиха и поправила платок, повязанный по глаза.— Что притащился, что надо? — недовольно сказала она, зная приставучий характер соседа.

— Это... Я что пришел-то...— он снова стал осматриваться.— Слыши, Дарья, а где Федькина тележка?

— А на кой тебе сдалась? — искоса взглянула Макелиха.— Ишь, не успели снести Федора на мазарки, как прибежал, хапуга! Что удумал?

— Это...— запнувшись, сказал сосед.— На ней флягу буду возить. Поставил и таши себе, в ус не дуй. Там подшипники стоят заместо колес. Края обобью железом, вечная тележка будет, не сломается. Отдай, все равно никому не нужна. Федька-то не вернется. Будет валяться его тележка, пока не стниет или ребятишки утащат, а я бы в дело приспособил. Банку молока дам. Ну, хочешь, сметанки добавлю, кусочек маслица. Мне гостины из деревни привезли...

— А вдруг,— перебивая его, прошамкала бабка Дарья,— вот сейчас завалится Федька, по шеям накостыляет тебе, оглобля ходячая, а заодно мне попадет, что чужого мужика в дом пустила и без спросу его вещи разбазариваю.

— Да ну, городишь всякую ерунду — Федька вернется,— хохотнул старик и отмахнулся, потом ойкнул и торопливо оглянулся — позади никого не было. Он задумчиво посмотрел по сторонам, почесал лысину, потоптался и неуверенно сказал.— Знаешь, Дарья, я лучше на днях зайду. Башку затуманило, какая-то ерунда чудится,— и неопределенно покрутив в воздухе рукой, крепко стукнулся лбом о низкую притолоку, чуть ли не вдвоем сложился и торопливо выскочил, захлопнув дверь.

Под окнами раздались громкие долгие матюги и донеслись быстрые шаги.

— О, шалопутный,— бормотнула старая Макелиха и опять стала кутаться в кофту.— Что-то лихоманит меня. Как бы ни разболеться...

И снова ночью пришел ее мужик, Федор. Присел в ногах. Прислонился к спинке и глядит жалобно так. Опять стал звать с собой. Да странно так и долго, будто на одном дыхании тянул: «Пошли со мной... пошли со мной... пошли со мной...». Звал, а губы не шевелились. Страховито стало...

— Ну что пристал, как банный лист к заднице? — не выдержала бабка Дарья.— Вот настанет мой час и приду. Мимо не прокочу. Все там будем.

— А я знаю, что ты уже в дорогу собираешься,— сказал Федор.— Не боись, Дашутка. Приходи. Встречу тебя, и никогда уже не расстанемся. Дураком был, что тебя лупил. Это жизнь заставила. Сломала меня, как многих других, кого повстречал там. Не выдержал. Был мужиком, а превратился в калеку. Не хотел, чтобы няньялась со мной. Поэтому руки распускал. Не к себе прижимал — от себя гнал, отталкивал, чтобы не жалела. Не обижайся, Дашутка,— ласково назвал, как бывало в молодости.— И сынок наш, Алешенька, тоже ждет. Он хороший, добрый. Знаешь, там все есть — тебя не хватает.

И бабка Дарья не выдержала, ладошками прикрылась, ткнулась лицом в подушку и захлюпала носом. Долго всхлипывала, вспоминая слова Федора, а когда открыла глаза — растерялась. За окном было светло. Девятый час на ходиках, а она на кровати бока отлеживает. Закряхтела, поднялась. Ноги еле шевелятся, словно пудовые гири привязаны. Весь день ходила, нет-нет, а сама на кровать поглядывала, нет ли там Федора. А может, почудилось... Вон как голова разламывается — страсть! Но сама разговор вспоминает, каждое слово перебирает и думает...

На девять дней, а потом и на сороковины соседи поминать приходили. Сынок приезжал. Опять стал уговаривать, чтобы к ним перебралась. Уже комнатку освободили. Веселенькими обоями обклеили. Загородную кровать поставили, и телевизор на комоде. Как на курортах заживет — ни забот, ни хлопот. А комнату в бараке нужно продать — лишняя обуза. Бабка Дарья отказалась. Как же уедешь, разве можно оставлять дом родной. Здесь всю жизнью прожила с Федечкой. Сами пристройку сделали, где она купалась да стирала. И печка хорошая. Вроде немного дров положишь, а так жарит, аж дышать нечем. Это ее Федечка печь поставил. Все соседи завидовали. И здесь сынки родились. Себя винила — не Федора, что старший сынок погиб. Отсюда младшенького в жизнь отпустила. Женился. Хорошую девку взял. Добрую. Не лаются. Вон какой гладкий да чистенький перед ней стоит — обзавидуешься. Хорошо живут, в ладах. Не хочется обузой быть в его семье. Да и жить-то осталось всего ничего — она чуяла. Бабка Дарья промолчала, не стала говорить сы-

ночку, что внутри все сгорело, что есть-пить перестала, когда Федора схоронила, что он каждую ночь приходит, за собой зовет. Не стала ему рассказывать. В себе утаила. И долго не отпускала Витяйку. Сидела за столом, обо всем расспрашивала и словно невзначай наказывала, чтобы с женой не лаялся, детишек воспитывал, а главное — в бутылку не заглядывал, потому что вся беда через нее приходит. Говорила и глаз с него не сводила, словно хотела каждую черточку запомнить. Хотя и так знала. Каждый шрамик помнила, каждую ссадинку. Все наставления давала, а сама просила, чтобы на денежек-другой задержался, с ней побыл, что-то еще хотела сказать, но не решилась, а лишь смотрела, смотрела и смотрела на него... А Витяйка собрался и уехал, наверное, дома заждались, как он сказал, а бабка Дарья долго стояла возле бара-ка и глядела ему вслед, но сын торопился, ни разу не обернулся.

Старая Макелиха, напоследок помахав сыну, когда он скрылся за поворотом, еще долго сидела на лавке возле своего барака. О чем-то думала. Смотрела в никуда, а взгляд светлый-светлый. Потом, словно решившись, вернулась домой. Нагрела воды. Помылась. Набросила широченную ночнушку. Покопалась в комоде. Достала стопочку белья и положила на табуретку на видное место — это смертная одежка. Вытащила картонную коробку. Открыла. Достала просторные тапочки. Полюбовалась. В магазин завозили. Старухи сразу же раскупили. Одни брали, чтобы в них щеголять, а другие к последнему дню готовили. Вон какие красивые да легкие. В них будет удобно. Поставила коробку рядом с табуреткой. Выключила свет. Легла.

Долго лежала. Не спалось. Думала про жизнь, про детей и мужа. И все же, хоть и лупцевал Федор, а они хорошо прожили жизнь. Да, лупил. Бывало, что сильно. Но это из-за своей слабости. Не мог себе простить, что обезножил, не захотел быть обузой. А ведь раньше-то, если вспомнить, каким мужиком был — все бабы завидовали. Хозяйственный! Много не говорил. Вернется с работы, стопочку опрокинет, навернет чашку-другую, аж пот в три ручья, и сразу берется за работу. То крышу надо подлатать, то забор поднять, то уголь привезти и разгрузить. Так и крутился до ночи. Вернется, ребятишки уже спят. Холодной водой умоется. Ляжет рядом, прижмется, аж дух захватывало, а сам что-то на ухо нашептывает, усами щекочет и прижимается все сильнее и сильнее. И здесь не выдерживаешь, к нему повернешься и... «Этъ, старая карга! Помирать собралась, а мысли-то греховные!» — пробормотала бабка Дарья. Вздохнула, и опять задумалась...

И снова закрутились мысли. Семь лет прождала Федора, когда его посадили за тельняшку. Даже слушать не захотели. Не стали разбираться, что не он своровал, а ему подсунули. Взяли и оправили в лагеря. Семь долгих и тяжелых лет прождала. Одна ребятишек поднимала. Кто-то старался помочь, а некоторые носом тыкали, что Федька — ворюга. Ну, да Бог им судья, каждый ответит за дела свои, никто не уйдет от этого, а она уже давно всех простила. Туговато жилось, пока Федора не было. Гододно. На затиухе держались, где на траве или на пустом супе, но все же выжили. Ничего, дождались отца.

Федор вернулся молчаливым. Так-то приходилось клещами каждое слово вытягивать, а потом вообще стал молчуном. Буркнет — и все на этом. Как хочешь, так и понимай его. И злым вернулся. Слово против не скажи, сразу в кошки-дыбошки. Затрясется весь, белый, словно полотно, глаза бешеные, того и гляди кинется. Злость в нем от лагерей. Хоть и не рассказывал, как жилось в лагерях, но было видно — через многое прошел. Поэтому озлобился. А пружинка треснула внутри, когда старшенький погиб. Бабка Дарья понимала его и давно не осуждала. Жизнь его сломала, не он сам. Грузом неподъемным навалилась на него, придавила, а он не выдержал, щелкнула пружинка внутри и все — нет человека.

Старая Макелиха продолжала лежать. Сложила руки на груди и опять стала перебирать жизнь. Это бабы терпеливые. Сколько ни грузи бабу, а она тащит на себе. А мужики послабже будут. Некоторые сразу ломаются, а другие еще терпят, потом они

не выдерживают и щелкают пружинки, превращая людей в пьяниц и лютых зверей. Так и с Федечкой случилось. Подкосила его смерть сына. Стал в бутылку заглядывать. Все чаще и чаще. Но еще держался. А потом, когда под поезд попал, пружина не щелкнула — она на мелкие кусочки разлетелась. И Федор в зверя превратился. В страшного зверя. Но все равно, Дарья давно простила его и не осуждала, потому что жизнь его сломала и растоптала, а он уже не смог выпрямиться — духу не хватило. Внутренний стержень сломался, который в человеке сохраняет человека. И покатился Федор под откос. И с каждым днем все быстрее и быстрее. И катился, пока не попал под машину. Страшную смерть принял. А может, для него нынешняя жизнь была намного страшнее, и смерть воспринял как освобождение от всех бед, свалившихся на него в этой жизни. Скорее всего... Никто не знает, как Федор погиб. Может, не задавили, а сам сунулся под колеса, потому что другого выхода не видел, а бороться — устал, да и силы не было. Решиться на смерть не каждый человек сможет. Слабый не сможет — это точно. А Федор сделал. Значит, Федору хватило смелости, он шагнул за порог жизни, чтобы превратиться в прежнего Федечку, но в ином обличье и другом месте — в том месте, куда рано или поздно уходят все. И она уйдет.

Старая Макелиха устала лежать. Бока заболели. Она поднялась. Опустила легкие ноги с кровати. Ночная рубаха большая. В прорезь видна обвисшая плоская грудь. Чего-то не хватает. Бабка Дарья наморщила и без того морщинистый лоб. Ох, Божечка мой! Она цапнула себя за грудь и метнулась за занавеску, где мылась. Громыхнул таз. Включила свет. Перебрала вещи. Крестик лежал на полу. Впопыхах не заметила, как он соскользнул, когда мылась. Надела. Прижала рукой. На душе стало покойнее и светлее.

Побродила по дому. Останавливаясь возле каждой вещи. Стояла, вспоминала, как покупали. Это целое событие, к которому долго готовились, по копеечке собирали деньги, покупали, дома насмотреться не могли, каждую пылинку сдували, пока опять не покупали новую вещь. А что можно было сделать своими руками, Федор делал сам. Хорошая мебель, добротная, хоть и неказистая с виду, но еще сто лет прослужит, ежли не выбросят. Витяйка выкинет. Этот может. Вон у них вся мебель фабричная, словно зеркало. Зачем ему нужна старая. На дрова пустит, в печке сожжет. Бабка Дарья завздыхала. Жалко стало мебелишку-то. Ведь это память, Федор делал, а ее выбросят. Нет, так дело не пойдет. Нельзя. Старая Макелиха громыхнула ящиком и принялась искать листок бумаги с карандашом. Темно. Щелкнула выключателем и, слюнявя кончик карандаша, принялась медленно выводить каракули в старой тетрадке. Сыну давала наказ, чтобы не смел выбрасывать отцовскую мебель.

Едва прилегла, как опять поднялась. Забыла простирануть кофту и юбку. Сраму не оберешься, если соседи увидят. Ну и что, что помирать собралась. Потом начнут выговаривать сыну, а еще хуже, если за глаза примутся осуждать. И заторопилась на кухоньку. Взглянула на окно — еще темно. Нагрела воды в ведре. В тазу простиранула, сполоснула и развесила на веревке. Пусть белье сохнет. Потом кто-нибудь снимет. Присела на кровать. Поглядывает по сторонам. Валька Макаркина приходила. Попросила кадушку для себя. Федечка бондарила. Давно на нее засматривалась, завидовала. Хорошо огурцы в ней засаливать или капусту квасить. Сколько лет, а она не рассыхается. Добрая бочка! Ладно, пусть забирает. И корыто возьмет. Можно белье постирать. Удобно. И в записке написала сыну, чтобы вещи раздал. Все, какие найдет. Пусть соседи заберут все, что захотят. Не жалко. Кровать хорошая. От бабки досталась. Крепкая — страсть! Сейчас таких нет. Старая Макелиха поелозила по матрасу. Глянула на подушки. По перышку собирала. Сама делала. Вон, какие огромные! И перину сделала, Витяйке отдала, когда женился, а они спрятали ее. Говорят, что сейчас не модно. Хе-х, слово-то, какое чудное — модно! Почти, как морда... Тыфу ты! Бабка Дарья чертыхнулась. Посмотрела на окно, потом на ходики. Тьма за окном, но скоро начнется рассвет. А она же собралась помирать. Надо торопиться. Боженька осерчает, если обманет его.

Нет, Боженька не осерчает. Боженька ждет. Он любит всех и бабку Дарью — тоже. Макелиха чуяла, что помрет. Давно готовилась к этому. И Федечка звал, а там сыночек старшенький ждет. Все ждут ее. Как же друг без друга? Нельзя! Все ушли туда, а она до сих пор небо коптит. Пора бы... А вчера Федечка был. Ни слова не сказал. И взгляд у него был не жалобный, как обычно, наоборот, радостный. Она впервые за долгие годы увидела, как Федечка улыбнулся, так, всего лишь чуть-чуть, но на душе сразу стало празднично. Он поманил к себе, закивал головой, а сам будто по воздуху поплыл и исчез. Видать, знак подал, что время пришло. И она поднялась, а на душе светло. Все, дождалась своего часа. Весь день — как круговая овца. Вот уж не думала, что так долго будет собираться. Казалось, ляжет в кровать, рученьки сложит и все на этом. Ах нет! Оказалось, столько дел не завершила — страсть Господня! Замоталась. Силы никакой. Весь день проколготилась. Наставления Вальке дала. Сынку, Витяйке, наказ приготовила. Все, наверное, от всех дел освободилась.

Старая Макелиха вздохнула, посветлела лицом. Взгляд чистый, покойно на душе, легко стало. Улеглась. Прикрылась одеялом. Руки сложила. Закрыла глаза, поворочалась и принялась ждать. Долго лежала. И опять перед глазами закружился хоровод из цветных пятен, и замелькало огромное поле. Бескрайнее. Вокруг цветы: яркие, красивые, как те ромашки, которые Федор приносил. Вовсю кузнечики стрекочут. Солнце: теплое, огромное, и лучи, словно дорожки, протянулись по цветам. И там, на солнечной дорожке, дождался ее Федечка. Красивый. Молодой. Она раскинула руки и закричала: тоненько, восторженно и протяжно. Шагнула в яркий свет и пошла, нет, побежала по светлой дорожке между цветами, над бескрайним лугом, над землей — навстречу своему Федечке. И полетела в луче, в солнце и ярком свете.

А за окном занимался серый рассвет.

❖❖❖

Николай Макаров
(г. Тула)

СОРОК ЛЕТ, ТРИ ГОДА И ГОД СПУСТЯ...

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...Второе августа — святое для старшего Николая — День ВДВ: более двадцати лет в Войсках Дяди Васи.

Поэтому вопрос о дате марш-броска (естественно, на автомобиле Николая-среднего) «в деревню, в глушь, в Саратов» — родное село Ново Тарбеево (в нынешней интерпретации — Новое Тарбеево, что сути не меняет) — раз и навсегда установили: встреча трех Колек — только после Ильина дня, по счастливой случайности — тоже второго августа.

Маршрут «Москва — Тула... и далее везде» ничем не отличался от прежних маршрутов, исключая — ну, не проливной, но надоедливый непрекращающийся дождь до конечного пункта назначения — дома Николай-младшего.

Хотя... хотя, не успев как следует устроиться в машине, Николай-средний достал телефон и озадачил — считай, поставил задачу — Николаю-младшему:

— К нашему приезду чтобы настоящие деревенские щи стояли на столе! — через секунду. — Со всей надлежащей атрибутикой, — затем, — можешь принять стойку «вольно», но не расслабляться.

...Подъезжая к деревне Кытино (до 1965 года — Кобылинка Ефремовского района, недалеко от границы с Липецкой областью) рассказал соседу за рулем, что 20 февраля этого года на стене местного Дома культуры принимал участие в открытии мемориальной доски третьему командующему Воздушно-десантными восками генерал-лейтенанту Ивану Ивановичу Затевахину, уроженцу этой деревни.

На открытие прибыли из Москвы сыновья Командующего: бодрячки-старички Игорь (89 лет — исполнилось 20.02.2025), Виктор (82 года).

Пустячок, а приятно: именно с моей подачи, подарив в библиотеку Музея оружия книгу о знаменитых десантниках Тульского края и, естественно, упомянув не одной строчкой Затевахина, способствовал, чтобы раскрутился маховикувековечения памяти на малой родине третьего Командующего ВДВ.

— Считай, не зря прожил жизнь, — подытожил мои воспоминания Николай-средний...

...Проезжая через поселок Доброе, опять нарушили традицию — не остановились на местном рынке для покупки шашлычного мяса.

— Замаринованный шашлык с полведра — в багажнике, — пояснил рулевой машины легковой. — Купил «задок» — жена раскритиковала и послала за «шнейкой», а зять — мастер по шашлыкам — довел полуфабрикат до нужной кондиции.

...Перед последним километром до долгожданной встречи заехали, как обычно,

на сельское кладбище, где покоятся родители Николая-младшего и Николая-среднего, чтобы оценить масштаб работ следующего дня по облагораживанию места захоронения.

— Колюха! — усаживаясь в машину, Пузанок (с детства пристал этот «псевдоним» к Николаю-среднему за его чрезмерно упитанное тело) как бы мимоходом обронил, — здесь же лежат и наши учителя-фронтовики.

...Обнимашки, то да се — и мы за праздничным столом.

— Готовь грудную клетку для занесенья выговора за неправильно приготовленные щи, — Николай-младший пытался что-то возразить, а остальные Николаи перед тем как опрокинуть первую стопку зачерпнули по ложке из только что поставленных тарелок с пылу, с жару тех самых деревенских щей.

— Не ожидал, — Николай-средний — ходячая энциклопедия истории нашего села нашего детства — повернулся к застывшему как соляной столб повару, — не ожидал: щи — на шесть с плюсом по пятибалльной шкале, настоящие деревенские щи: капуста, картошка, морковка, говяжьи ребрышки. Шедевр!

И...

— За нас!

Мы выпили, закусили деревенскими щами, конечно же, и потекли-потекли разговоры-воспоминания.

Трем Николаям и примкнувшему к ним Сашке Сухареву, однокласснику Климанова (Николая-младшего), было что вспомнить. И несмотря на то, что эта встреча — четвертая, из памяти всплывали все новые и новые, не повторяющиеся моменты из нашего деревенского прошлого.

...В восьмом или девятом классе Николай-средний (*Пузанок*) и его двоюродный брат Сашка Баев затащили соседского огромного черного козла на урок математики и посадили его между собой на последней парте. Подслеповатый учитель Владимир Дмитриевич Бородин до конца урока так и не заметил нового ученика. Надо отметить, что «новый» ученик за весь урок не произнес ни одного слова, то есть ни одного бляния, сидел безропотно все 45 минут и хрумкал морковку.

— Все совершили без злобы, — Николай-средний протягивает тарелку для добавки, — выражаясь нынешним молодежным сленгом, прикола ради.

— Да, слабенький был математик, — Николай-младший наливает всем добавку, — но один из девяти наших учителей-фронтовиков.

— Макаров, — это Николай-средний обращается ко мне, — ты же будешь писать об этой встрече — обязательно упомяни и наших учителей-фронтовиков. И я подброшу пару-тройку строк о каждом.

Я засомневался: Пузанок и пара-тройка строк?

...Где бы мы не находились в родном селе — на речке, в магазине, просто на улице — Николай-средний с первым или первой встречной-поперечной, как говорят в народе, цеплялся языком. Через пару минут оказывалось, что эти встречные-поперечные являлись Николаю какими-то дальными или даже ближайшими родственниками. Виртуозно вспоминая кого по прозвищу, кого по имени, он выстраивал безукоризненную цепочку родословной, подробно рассказывая биографию каждого из этой цепочки вплоть до места жительства и места работы.

Поэтому, естественно, парой-тройкой строчек он явно не отделается.

...Все наши встречи и меня, и Николая-среднего поражал высочайший глухой забор вокруг соседнего участка: сам участок, громадный навороченный дом (типа — дача) и половина дома (родительского дома, надо отметить) Николая-младшего.

— Серега, мой младший брат-двойняшка, — за забором, — с каким-то глубинным надрывом поясняет Климанов. — Разошлись с ним давно, еще в училище. Сейчас не то что с ним не разговариваем, даже не здороваемся, и детям своим — моим племянникам — он не разрешает со мной общаться.

Вот те раз!?

— Сто процентов — замешана женщина, — с «высоты» своих лет и опыта предыдущих поколений заявляю безапелляционно, — давай, колись.

— Не поспоришь — женщина, — добавляет Николай-средний.

— Наверное, вы правы, — Николай-младший предается воспоминаниям. — Еще в школе, мягко говоря, оказывал внимание однокласснице: то, да се, танцы-шманцы, и она, видимо, имела на меня большие планы. Как же — сын учителей (!), спортсмен (!!), будущий офицер (!!!). Считай, мечта любой сельской девчонки.

— Это точно! — дуэтом двух Николаев подтверждает железобетонный факт.

— Поступая в училище, помог брату и... моя бывшая подруга тут же выскочила за Серегу.

— И пошли козни, — Николай-средний комментирует дальнейшие события.

— Отвергнутая женщина — страшнее атомной войны! — добавляю.

— Так и живем — врагами, — подводит черту Николай-младший. — Господь им судья.

— Помнишь, — меняет тему, примкнувший к нам Сашка Сухарев, полковник в отставке, — ты и меня ведь тренировал.

— Сань, извини, — совсем не помню, — пытаюсь наморщить репу, — даже не помню по какому виду тренировал.

— Благодаря тебе завоевал «бронзу» по прыжкам в высоту в Тамбове.

...Учителя физкультуры Мичуринской средней школы № 8 Анатолий Сергеевич Григорьев и Николай Петрович Сабитов, уезжая на сессии в Смоленский физкультурный институт, оставляли меня за главного тренера школьной сборной по легкой атлетике.

Все-таки какой-то опыт плюс четыре курса медицинского института просто обязывали меня на том первенстве Тамбовской области по ДСО «Урожай» взять под опеку и нашего «колхозника» Сухарева и Витальку Аносова, студента Мичуринского ВУЗа.

До высоты 185 сантиметров дошли двое: мой друг, товарищ, однопартиец (четыре года сидели за одной партой) Виталька и какой-то студентик из Тамбовского сельхозинститута.

И этот «студентик», почти на голову выше моего друга, с первой попытки преодолевает 185 см.

У Витальки ничего не получается: первая попытка — планка сбита, вторая попытка — планка сбита.

Небольшой отдых.

— Соберись! Что тебе не хватает?

— Курнуть бы!?

Мы поднимаемся на самый верхний ряд, где расположилась его жена Люда Орлова, он быстро достает из спортивной сумки пачку «Опала» с одной сигаретой, бросает ее в зубы, закуривает, делает две глубокие затяжки и...

— Я готов!

Третья попытка — с большим запасом высота взята.

Следующая высота — 190 сантиметров, первый разряд.

Все время «мастериившийся» и всем своим видом показывающий кто хозяин в секторе для прыжков студентик из Тамбова первую попытку заваливает.

Виталька опять с большим запасом берет и 190 — студентик деморализован, опять заваливает и вторую, и третью попытку.

Судьи ставят 195 сантиметров.

— Не, не возьму — сигарет больше нет!

Оказывается, иногда и сигареты помогают преодолевать не только высоту, но и себя. Главное, чтобы тренер знал о всех нюансах жизни своих подопечных.

— И мы, «колхозники» Мичуринского района, ведь тоже тогда завоевали «золото», — оживляется Николай-младший. — Твоя «коронка» — первый этап эстафеты 4x100 метров.

— За два года до этого привозит Макаров из Тамбова такой крутой значок — «Чемпион области общества «Урожай», естественно, за эстафету 4x100, — продолжает Климанов, — и я выпросил хотя бы подержать его в руках.

— Ага, и держал целый год.

— Жалко, что ли? — наконец «братские» воспоминания отхлынули от него, и он смеется. — Аккурат это случилось после твоего четвертого курса — ты забрал у меня этот знак, чтобы красоваться перед медсестричками в больнице.

— Да, — поясняю несведущим, — после четвертого курса две недели рано утром мчался на велосипеде в Горитовскую участковую больницу, чтобы успеть к обходу. Проходил, так сказать, фельдшерскую практику по терапии.

— Значок-то теперь где? — не унимается Климанов.

— Затерялся во времени и пространстве.

Отдохнув после дороги и двух порций (на каждого) деревенский щей, пошкодыляли на речку по грязному после недавних дождей проселку.

Заросли кустов и травы стали еще гуще: ни тира, сработанного учениками школы, ни школьного сада за стеной разросшихся дикоросов совсем не видно.

...Школьный сад.

Не знаю, но по чье-то прихоти две яблони, последние в крайнем ряду, приносили каждый год (я больше нигде и никогда не встречал такого) размером с полкулака медовых прозрачных — косточки видно — яблок «Золотая китайка».

И не по пацанским понятиям считалось, идя на речку, пройти мимо, яко бы гуляячая, не сорвав десятка-два яблок-объедений.

Так-то оно — так. *А недремлющий школьный сторож дядя Матюша с огромной суковатой палкой?*

Как всегда — «голь» оказывалась на выдумку хитра. Два-три пацана демонстративно, громко разговаривая, имитировали проникновение с противоположной стороны сада в ста метрах от «запретного плода». Естественно, сторож мчался на очередную провокацию и основным силам ватаги ребятни хватало времени, нет, не обчистить под корень яблони, а нарвать вкуснятины по две-три штуки на каждого.

Повздыхали, поохали убеленные сединами трое дедков-Николаев с примкнувшим Санькой Сухаревым и поплелись к намеченной цели.

— Смотри, — обращаю внимание попутчиков, — даже на неугодиях неплохая пшеница выросла. Правда, вперемешку с сорняками.

— Это поле моего соседа-фермера, — Климанов выматерился, — только и говорят, что надо развивать в селах фермерство, а по факту — им и достаются вот такие, практически не пригодные буераки и овраги. Еле-еле сводят концы с концами, но «план» дает.

— Хватит о грустном, — Николай-средний, раздеваясь догола, благо на пляже кроме нас никого не наблюдалось, и входя в реку зовет остальных: смелее, вода — как парное молоко.

Подхожу к кромке воды, в шаге от меня в реку впадет ручей и... зловонье шибает в нос от этого ручья.

— Один залетный «крутяк» выкопал для себя родимого пруд и запустил карасей, — поясняет Климанов, — но ни золотая цепь в два пальца толщиной, ни золотые гайки почти на каждом распальцованным пальце (надо запомнить) законов физики не изменили. Воду насосами накачал из речки, а из пруда-то эта самая вода вверх-то не течет. Поэтому — застой воды и далее по тексту.

...В классе пятом-шестом, искупавшись в реке, сидел на крутом берегу аккурат у

устья ручья, впадающего в Воронеж. Надо отметить, что устье ручья представляло мелководье (воды — по щиколотку) шириной пять-шесть метров.

Вдруг на этом самом мелководье вода забурлила, закипела, ничего не понимая, одним махом оказавшись у кромки, увидел, как, касаясь брюхами дна, во всю свою рыбью прыть стремится к большой воде Воронежа огромный косяк карасей.

Крикнув пацанам, еще купающимися в реке, стал выбрасывать рыбины на берег ручья.

Та еще рыбалка: всего за каких-то десяток минут — не то, что удочкой. Более двух десятков тридцати-сорока сантиметровых карасей принес домой.

Как впоследствии выяснилось, в далеком колхозном пруду, более чем в пяти километрах от реки, прорвало плотину и... караси по извилистым ручьям и неглубоким озерца, преодолевая все препятствия на своем пути, ринулись к «большой» воде...

Сейчас толком и рыбы-то половить негде, — вздыхает заядлый рыбак Николай-младший, — река практически вся заросла. На торфяных выработках рыбы много, очень много, но берега кишат гадюками — не подступишься.

— Что — берега? — добавляет Сухарев, — и в прошлое лето, и сегодня гадюки постоянно выползают погреться на солнышке на сельские улицы. Сколько их прогонял на своем пути — не счесть.

— Природа берет свое, — резюмирует Николай-средний.

Придя с речки, принялись за шашлыки, полведра которых Николай-средний презентовал честной компании. Опять воспоминания — как без них-то?

...После девятого класса в летние каникулы Грезнев работал на колхозном комбайне — косил на ближайшем от села поле кукурузу на силос. Загрузив очередную машину, видит, как по скосенному участку поля к нему с полным ведром какой-то темноватой жидкости подходят его двоюродный брат Сашка Баев и наш старший товарищ Толька Жданов — Бэн Джойс (курсант военного училища на каникулах).

Грезнев спускается из кабины комбайна, и ему протягивают полную 350-граммовую кружку темноватой жидкости, только что наполненной из ведра.

Портвейн «Три семерки»!?

Махом опрокинув чуть сладковатую жидкость, горе-комбайнер нагружает очередную машину скосенной кукурузой, заглушает комбайн и... рабочий день оканчивается. Тем более, что план давно выполнен и перевыполнен.

И, естественно, троица идет за Макаровым.

— Не помню, откуда они тогда надыбали это ведро портвейна, — прожевывая очередной кусок шашлыка комментирует Николай-средний.

...Не успел начаться второй урок, как в дверях класса появляется директор школы Алексей Дмитриевич Макаров и обращается к преподавателю:

— Климанова-старшего с вещами — на выход!

Николай в недоумении выходит из класса.

— Бегом к Бэну, — директор школы проясняет ситуацию, — там тебя заждались.

У Бэна же за накрытым столом сидят приехавшие в родное село на зимние каникулы «стюденты» — Макаров (четвертый курс Рязанского мединститута), Грезнев (второй курс Рязанского сельхозинститута) и во главе стола — сам Бэн (Толька Жданов — курсант военного училища).

Вся «королевская рать» — в сборе!

— Я вначале испугался, — Николай-младший берет очередной кусок шашлыка, — хотя, по большому счету, кого-кого, а бояться Алексея Дмитриевича — абсурд, его одного в школе никто не боялся. Уважали — да!!! Но как он узнал про застолье у Бэна?

— Еще до начала занятий в школе Бэн заходит к нам и приглашает меня и отца на утренние «посиделки», — проясняю для всех ту давнишнюю, покрытую сединой встречу. — Отец-то не мог весь день сидеть с нами — уроки, вот и «вырвал» Климанова для полного кворума.

— Да, были люди в наше время! — цитирует Лермонтова Николай-средний. — Я сегодня на кладбище предложил Макарову в очередной книге про нас обязательно упомянуть, а лучше — подробно написать о наших учителях-фронтовиках.

— Согласен, — мы дружно встаем с пенечков, заменяющих нам табуретки, поднимаем рюмки третьего тоста. — За фронтовиков! За наших отцов!

...С Красной Звездой, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» закончил войну старший сержант Василий Иванович Грязнев.

Ему бы пойти опять — как в довоенные годы — в председатели колхоза «13 лет Октября», но Партия приказала — Комсомол, в нашем случае, Иваныч ответил «Есть!» и возглавил ближайший к селу лесхимучасток. Более ста работников денно и нощно собирали жижицу — смолу с огромных, как на картинах Шишикина, корабельных сосен.

Кто не знает: кора деревьев надрезается V-образным способом в несколько рядов, и сосновая смола — жижица — стекает по срединной бороздке в специальную железную воронку. Затем работники вытряхивают жижицу из каждой воронки в большую емкость, и собранная смола отправляется по назначению для химической промышленности.

И надо же такому случиться — Грязнев, находясь в Тамбове на совещании, узнает, что загорелся лес в Липецкой области — рядом, «за углом», рукой подать от его участка. Естественно, пожар уничтожил несколько сотен гектаров соснового леса.

Она на — за «вредителем», «шипеном» нескольких иностранных разведок далеко иходить не нужно. Вон он, награжденный Грамотой, сидит, заседает, понимаешь, в третьем ряду.

— Ату его! Взять!! К стенке незамедлительно!!!

Хотя Ежова давно расстреляли, «ежовые» рукавицы-то остались.

Только вмешательство второго секретаря Тамбовского обкома КПСС, лично знавшего Василия Ивановича, спасло его, ну, нет, не от расстрела же, конечно, но от длительного срока где-нибудь на Колыме или Магадане — это точно.

Николай-средний тяжело вздыхает:

— Поэтому отец и ушел из жизни так рано — в 1964 году.

Повздыхали, поохали — пора и честь знать, пора и по домам расходиться. Грязнев остается у Климанова, чтобы завтра с утorka пораньше отправиться на кладбище наводить порядок на родительских могилах. Мы с Сухаревым «попытили» на другой конец села: он — к себе домой, я — в гости к Ткачевой.

Опять обнимашки, радость встречи, застолье... Нет, нет — застолья, в прямом смысле, как раз и не было. На столе — полная, с верхом большая тарелка терунов — мой недельной давности телефонный заказ.

Настоящие деревенские теруны (по научному, кулинарному — драники) — настертая сырья картошка с приправами, пожаренные в русской печи, а рядом — миска густой сметаны.

Наш разговор-воспоминания прерывает телефонный звонок.

— Младший сын на байдарках спускается по какой-то речке в Рязанской области, — поясняет Нина, — все у него в порядке, готовится ко сну.

Лучше бы он этого байдарочного похода не совершил.

Утром следующего дня, переделав домашние дела-хлопоты, садимся с Ниной чаевничать с оставшимися тернами-драниками, махину которых вчерашним вечером не смогли осилить.

Около 12 часов — телефонный звонок и... истощный вопль раненой оленихи, бесконечный страшный вой и громогласные стенания-рыдания: утонул сын...

После вчерашнего вечернего телефонного разговора Нинин младший сын пошел покурить на крутой берег той злосчастной реки, потерял сознание и упал в воду. Только на третий день водолазы нашли тело.

На девятый день по телефону уже из Тулы выразил соболезнование, убедившись, что с подругой детства все в порядке. Хотя какое там «в порядке» после потери сына — каково родителям хоронить своих детей.

...На «автопилоте» пронеслись-пролетели оставшиеся два дня до нашего отъезда. На «автопилоте» с Пузанком съездили в Мичуринск за великолепием Козловского сала, на «автопилоте» заехали в Новоратбееевский питомник за Мичуринскими яблонками.

Ближе к Туле немножко «оттаяли», решив на следующий год не изменять традиции и вновь навестить наше родное село.

— И чтобы в новом издании книги,— Николай-средний если за что брался, всегда доводил дело до логического завершения,— чтобы про учителей-фронтовиков...

— А то ж... Будем жить!..

СЕЛО НОВО-ТАБЕЕВО (НОВОЕ ТАРБЕЕВО)

Координаты: 52°50'15" с. ш. 40°15'02" в. д.

Страна: Россия; **Субъект Федерации:** Тамбовская область; **Муниципальный район:** Мичуринский; **Сельское поселение:** Староказинский сельсовет.

Почтовый индекс села Новое Тарбеево: **393746**.

Расположено на реке Воронеж, в 18 км к западу от райцентра Мичуринска.

Улицы: Большая дорога, Интернациональная, Лесная, Луговая, Молодежная, Набережная, Полевая, Поперечная, Почтовая, Садовая, Центральная.

В официальном документе село **Новое Тарбеево** упомянуто впервые в 1719 году. Село Ново-Тарбеево, видимо, основано в канун первой ревизии 1719—1722 годов. В нем числилось 9 домов однодворцев (23 человека), дом священника, дом помещика и 10 душ дворовых и крепостных крестьян.

В 1762—1767 годах в селе Ново-Тарбеево проживали однодворцы и крепостные крестьяне. Однодворцев зарегистрировано 50 человек в 10 домах, крепостных крестьян — 202 человека в 37 домах. Они принадлежали трем помещикам: Ивану Магомегову, Тихону Колобову и Николаю Хрущеву.

НОВОТАРБЕЕВСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА

История Новотарбеевской средней школы — это история развития Российской школы. О первых годах работы школы, ее учениках, учителях в архивах района почти ничего не сохранилось.

Школа в селе Новое Тарбеево начала работать с 1890 года. Это земская двухклассная школа для крестьянских детей. Первые ученики этой школы — в основном мальчики разных возрастов, девочек — мало. В первые годы работы школы происходил большой отсев учащихся: не в чем ходить, обуви никакой, кроме лаптей. Кроме того, надо помогать родителям по хозяйству, работать в поле.

В первые годы Советской власти (1918) школа преобразована в единую начальную.

После преобразования первый директор начальной школы — Утешев Михаил Андреевич, первая учительница — его жена, Утешева Мария Никандровна, учителя и воспитатели, как говорят, от Бога. В 1937 году Утешев Михаил Андреевич репрессирован.

Начальная школа в селе Ново-Тарбеево функционировала с 1918 года до начала 1930-х годов. Несмотря на небольшой контингент учащихся, школа жила полнокровной жизнью страны. В стране зарождалось молодежное движение.

Первый пионерский отряд в школе создан в 1922—1923 учебном году. Первые пионеры — ученики начальной школы Сухарев Николай Семенович, Дмитриев Николай Алексеевич, Милованов Сергей Михайлович, Милованов Иван Васильевич,

Поляков Александр Васильевич. Первая вожатая пионеров школы — комсомолка Мурлина Екатерина Сергеевна, проживавшая в селе Ново-Тарбеево.

В 1934 году в Ново-Тарбееве произошло важное событие: в селе открылась школа II ступени с 7-летним сроком обучения. Увеличение количества классов требовало расширения территории школьного здания.

С 1 сентября 1935 года обучение началось в новом двухэтажном здании.

В 1939 году в селе открыта средняя школа с 10-летним сроком обучения. Долгие годы — единственная в округе от Ярка до Лаврова. В ее классах обучались дети Ярка, Старой Казинки, Гаритова, деревни Падворки Петровского района, Старо-Тарбеево и деревень Малое и Большое Лаврово. Первый выпуск окончивших 10 классов состоялся в 1942 году.

Первые выпускники школы ушли на фронт в первые дни войны. Многие из них погибли смертью храбрых.

Гуськов А. И. повторил подвиг Александра Матросова.

Всего село за годы войны потеряло больше половины мужского населения. Смертью храбрых погибла и Родина Екатерина, выпускница Ново-Тарбеевской школы.

Ушли на фронт и учителя школы: Богоявленский Михаил Андреевич, Бородин Владимир Дмитриевич, Власов Сергей Павлович, Грэзнев Алексей Сергеевич, Климанов Григорий Иванович, Макаров Алексей Дмитриевич, Поняев Федор Петрович, братья Чекановы Петр Ильич и Сергей Ильич.

В августе 1941 года по почину московских и мичуринских школьников ученики нашей школы собирали вязаные шерстяные носки, варежки, готовили кисеты с ма-хоркой, носовые платки и отсылали на фронт бойцам Красной Армии. Такие подарки они готовили систематически.

В селе они помогали семьям фронтовиков — пилили и кололи дрова, носили воду, помогали в уборке урожая с огорода. Ученики участвовали в сборе металломолома, собирали деньги на строительство пионерских танков.

За годы своего существования с 1935 года по 2006 год школа подготовила и выпустила более 2000 учащихся. Из них 34 медалиста. Среди выпускников школы есть доктора наук, видные ученые, кандидаты наук, писатели и поэты.

СЛОВА

Евгений Скоблов
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

КОРПОРАТИВ

Выезд на шашлыки!

На природу! Прочь из душного офиса, подальше от Интернета и решения нескончаемых вопросов, больших и малых бумажных проблем...

Конец мая и Природа зовет детей своих к себе, на траву под тень деревьев, неподалеку от кольцевой дороги. Вдохнуть свежего воздуха, вперемешку с дымом выхлопных газов бесконечной вереницы автомобилей и заманчивым запахом поддумывающегося мяса на шампурах. Легкие напитки, легкая музыка, непринужденная болтовня...

Ох! Да это то, что нужно в субботу нашему маленькому коллективу. И дело зашло уже в пятницу: организованы закупка мяса, сбор денег, определение транспортных средств для доставки участников и все такое прочее... Собственно, рабочая пятница и была посвящена нерабочей субботе, никто не работал, все радовались всеобщей суете и ощущению приближающегося праздника.

И... я отказался от участия. Вернее, поначалу, когда менеджер по персоналу Кира Демьянова сообщила мне о решении руководства «сделать людям праздник», я согласился. Но... что-то там, в самой глубине, засомневалось... и выползло в виде нескольких вопросов.

Ну вот, один из них. А нужен ли мне этот шашлык? Может быть и не нужен, как таковой. Мне нельзя жареного мяса. Но как участие в мероприятии, которое проводится лично руководством нашего маленького предприятия, очень даже может быть. Кто знает, какая реакция может последовать в отношении «отказников»...

В общем-то, мне не пришлось придумывать каких-нибудь «правдоподобных» отговорок. Проблемы и так на виду: семья, здоровье. Да и староват я уже, по правде говоря, для участия в подобных делах развлекательного плана. Потому как почти все участники годятся мне если не в дети, то в очень младшие братья и сестры, исключая гендиректора и его первого зама. Это так же означает, что говорить вне работы о каких-то вещах, не связанных с работой мне будет с ними не очень легко. И чтобы не выглядеть просто старым дураком, мне предпочтительней будет молчать. То есть, почти все время молчать и глупо улыбаться. Так и это еще не все. Вполне возможно кому-нибудь на пьяную голову обязательно взбредет затеять какие-нибудь игры или шутки (все же дети), и я вполне могу оказаться одним из главных их участников, в смысле, главным смешным героем. Потому что, несмотря на возраст и опыт, должность у меня все же смешная, а зарплата еще смешнее. В таких условиях удержать

ситуацию в руках будет очень непросто. Хотя все это лишь предположения. Может быть, все будет мило и пристойно, без всех этих штук, о которых я только что думал. Очень возможно, что все наоборот будут относиться ко мне даже преувеличенно внимательно и крайне вежливо, тем самым опять же подчеркивая, что я, по сути, старый, бедный и заслуживающий жалости и снисхождения. Однажды поэт сказал: «Не стоит подходить к чужим столам, и откликаться, если окликуют...». Может, этот корпоратив и есть для меня «чужой стол», хотя я вроде бы и не чужой в нашей маленькой фирме. Но... ведь меня могут весело и непринужденно заставить жарить мясо, таскать вещи, пить водку и рассказывать анекдоты. Все это, в общем-то, вещи приятные, но в среде близких мне по духу, а главное по возрасту людей, и никак не среди тех, кто составит основу завтрашнего мероприятия. Вполне вероятно, что может возникнуть вариант, когда на месте сбора выяснится, что всем мест в машинах не хватит, и мне будет предложено добираться до стоянки самостоительно, общественным транспортом или на маршрутке. Это, конечно, почти невозможно, но кто его знает...

Вы не подумайте, что таким образом, используя все эти аргументы, я сам себя убеждаю в том, что прав, отказавшись от участия. Вроде бы мне очень хотелось побывать на «шашлыке» вместе со всеми, тем более при участии руководства, а я спасовал и теперь мне это не дает покоя. Совсем нет, хотя какая-то крупица сомнений все же имеется. Просто настало такое время, у меня во всяком случае, когда лучше трезво смотреть на вещи, оценивать обстановку с точки зрения объективной реальности, нежели поддаваться чувствам и скрытым желаниям вроде... шашлык, водка, девочки, ну и все такое прочее.

Очень возможно, что результатом моего отказа могут стать косые взгляды гендиректора и некоторых сотрудников, точнее, сотрудниц, которые желали бы меня видеть на корпоративе (а есть и такие), и разочарованных тем, что меня не было. И мне предстоит некоторое время делом искупать свою вину и доказывать, что... В общем, что-то доказывать. Дескать, не я виноват в том, что не смог присутствовать в мероприятии, проводимом руководством фирмы, а обстоятельства, которые, впрочем, волнуют моих соратников в той же степени, что и курс российского рубля крокодилов в дебрях Амазонки.

Но... это будет потом, чуть позже, в понедельник, во вторник на следующей неделе.

А сейчас я сижу дома и думаю о том, что лет десять-пятнадцать назад всех этих забот не существовало бы изначально, а я, веселый, розовощекий, радостный от немалого количества пива и женских улыбок, мчался бы сейчас на зеленую поляну с шашлыками, водками и музыкой, и мне казалось бы, что все очень здорово, а все еще лучшее будет впереди.

Собственно, особенность текущего момента в том и заключается, что я могу позволить себе все это представить, расслабиться и получить удовольствие от осознания того, что мог бы сейчас быть там, среди ребят, и особенно, среди девчонок.

МАТРЕШКИН ДЕНЬ

К Международному женскому Дню в нашей организации, как правило, проводились праздничные мероприятия: поздравление женщин коллектива от первого лица (короткий доклад Генерального), награждение грамотами, вручение цветов и сувениров, и, конечно, праздничный концерт.

Подготовку комплекса мероприятий поручили нашему отделу, впрочем, как обычно к любому государственному и ведомственному празднику. Необходимо было подготовить текст доклада и видеопрезентацию к нему, проект праздничного распоряжения Генерального директора и, собственно, организовать концерт. Для проведения концертных выступлений всегда приглашались профессиональные и полупро-

фессиональные исполнители. При этом предусматривалась подготовка Почетной грамоты от коллектива, закупка цветов (для вручения артистам в ходе концерта) и подарок-сувенир на добрую память о выступлении у нас.

В общем-то, все это было обычным, хотя и несколько хлопотным делом, и мы начали подготовку к празднику. В этот раз в качестве главной (и единственной) звезды концерта была приглашена известная исполнительница русских народных песен и романсов, заслуженная артистка России Варвара Кольцовская. Когда основные подготовительные мероприятия были завершены, шеф, выслушав мой доклад, изобразил усталость на широком лице.

— Что будем дарить Кольцовской? — спросил он.

— Пока неизвестно. Нет денег, — ответил я, — грамоту подготовили и подписали у Генерального, цветы покупает отдел снабжения, а вот...

— Так найди деньги, — перебил меня начальник, глаза засветились желтизной, как бывало всегда, когда он был чем-то недоволен, — с деньгами любой дурак сможет купить подарок.

Шеф тупил, как всегда, вторая часть его речи противоречила первой, но он знал, что я прекрасно его понял. Дескать, если бы деньги были изначально, то и проблемы бы не было. Но теперь он вроде еще и ставил мне в упрек, что я ему докладываю такие глупости. По его мнению, я должен был разыскать средства и доложить ему предложения в виде списка предполагаемых сувениров заслуженной артистке Кольцовской.

Я пришел в общий кабинет, собрал ребят, и за чашкой чая мы пришли к выводу, что кроме как из нашей «черной кассы» деньги взять неоткуда. Ежемесячно мы сдавали в «кассу» взносы на общие нужды — общественные чай-кофе-сахар, проведение маленьких посиделок в честь дней рождения сотрудников. Наскребли немножко, а конкретнее, выгребли все, что было. Теперь вопрос заключался в том, что покупать. Подарок должен был быть «хорошим и большим», как любил приговаривать шеф, когда речь заходила о подарках вообще. Поэтому я больше опасался не угодить с подарком самому шефу, нежели непосредственно артистке. В случае, если подарок ему не понравится, я рисковал месяц, а то и два выслушивать его нытье и дурацкие намеки по поводу моих «организаторских» способностей.

Разъезжать по Москве в поисках подарка было уже некогда, да и деньги в моем кармане были «очень смешными». Поэтому я спустился в подземный переход на Комсомольском проспекте, недалеко от фирмы, в то время там было много сувенирных киосков. Как часто и бывает в подобных случаях, ничего подходящего («красивого и большого») на глаза не попадалось. Я уже в третий раз обходил каждый киоск, но там все было либо слишком маленьким, либо слишком дорогим. Кроме того, по мнению начальника, подарок должен был быть еще и «нужным». И я знал: чтобы я ни выбрал, шеф все равно задаст свой дежурный вопрос: «А зачем это ей нужно?»...

Я еще раз пошел по ряду киосков, внимательно оглядывая каждую витрину, буквально забитую всяческими сувенирами, но не находя ничего подходящего...

И вдруг на верхней полке в глубине очередного магазинчика мне на глаза попалось нечто крупное, красочное и... относительно дешевое. Это была большая, размером с пятилитровый бочонок, очень красивая, с преобладанием ярких золотистых и голубых красок, очень нарядная Матрешка. Честно говоря, я буквально замер от такой красоты, потому что раньше как-то не очень обращал внимание на подобные сувениры (когда мы с женой бывали на Вернисаже, например), а мои домашние матрешки были стандартного размера, правда, тоже очень красивые. На витрине она стояла в «разборе», и я насчитал двадцать стоящих в один рядок уменьшающихся в размерах матрешек. Самая маленькая, размером, наверное, с детский мизинчик. Я уже знал, что куплю эту Матрешку, потому что это было то, что нужно. Кольцовской, как прекрасному исполнителю русских народных песен и романсов, просто не может не понравиться такой подарок! Я вдруг представил рядок матрешек где-

нибудь в интерьере столовой на подмосковной даче, где проводятся чаепития, исполняются песни под гитару, собирается творческая интеллигенция, в общем... Но главное! Главное — той жалкой суммы, что лежала у меня в кармане, хватало и на Матрешку, и на подарочную упаковку с красными, синими и белыми ленточками. Девушка-продавец тоже обрадовалась моему выбору, она ловко, аккуратно и красиво упаковала подарок в прозрачную обертку, так что Матрешка была видна во всей своей красе, и с улыбкой протянула мне. Я поздравил ее с наступающим праздником, и мы рас прощались.

Шеф остался недоволен подарком. Коронный свой вопрос он задал три раза подряд. Потом сморозил, по-моему, полную глупость: «Это что, намек на что-то?», и я, разумеется, не смог найти подходящего ответа на такое предположение. Все оставшееся до начала праздника время мой начальник обсуждал «неудачный» подарок с кем попало, то есть с некоторыми начальниками и заместителями начальников других подразделений нашей фирмы. Что-то так, полуслуши, полу серьезно: «Вы только подумайте, что мои «гаврики» купили в подарок Кольцовской... матрешку, блин! Ничего поручить нельзя!»

В сущности, это было в духе нашего начальника. Таким образом он готовил почву для того, чтобы переложить ответственность с себя на своих подчиненных на тот случай, если подарок не понравится... нет! Не Варваре Кольцовской, а Генеральному директору! Директор будет читать доклад, вручать подарки женщинам и, конечно, присутствовать на концерте. Поэтому мой шеф очень опасался, что Генеральный снимет с него очень толстую стружку, если вдруг что не так. Он, например, спросит (очень-очень строго спросит): «Вы что, не могли порядочный подарок найти для заслуженной артистки России?» И дальше (грозно) — об уроне престижа организации, об авторитете некоторых начальников и о соответствии некоторых руководителей занимаемой должности...

Я чувствовал себя скверно. Но если честно, то где-то в глубине души у меня теплилась надежда, что все обойдется. Уж больно мне самому понравилась Матрешка!

Торжественное собрание и концерт проплыли перед моими глазами как в тумане. Кольцовская была великолепна, она прекрасно отработала свою программу, аплодисменты подолгу не смолкали после каждого номера, цветы вручались после каждого очередного выхода на сцену. Она умело «зажигала» публику в зале, а в некоторых номерах ей дружно подпевали. Во время исполнения романса «Утро туманное» она спустилась со сцены в зал и под аплодисменты повальсировала с нашим шефом (он сидел в первом ряду, рядом с Генеральным).

Наконец, концерт подошел к концу, и для меня настал момент истины. Или, точнее, час расплаты. Первый заместитель Генерального директора вышел на сцену говорить слова благодарности Варваре Кольцовской. Рядом цепочкой выстроились мой шеф с Почетной грамотой от нашей организации (для артистов, и даже заслуженных, такие грамоты и дипломы были очень необходимы), другие лица и я, с цветами и Матрешкой.

Первый заместитель поблагодарил артистку коротко, ясно и красиво. Я, честно говоря, не ожидал от него таких способностей, обычно он общался лишь на повышенных тонах, частенько с употреблением ненормативной лексики. Шеф подал ему Грамоту, роскошный букет, и сделал шаг в сторону. Я передал ему Матрешку. Внутри меня все клокотало, сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

Варвара на мгновение замерла. Затем передала цветы и Почетную грамоту кому-то из своих музыкантов, и очень бережно, обеими руками взяла подарок. И вдруг прижала его к груди и поцеловала сквозь прозрачную обертку. В глазах засверкали слезинки...

— Это моя самая любимая игрушка, — сказала она в микрофон, — с самого детства! Как вы догадались? За это большое спасибо вам, дорогие мои!

Зал снова взорвался аплодисментами, все встали и проводили заслуженную артистку России стоя.

На следующий день начальник объявил мне выговор за неисполнение в срок какого-то документа.

МОЯ ПЕСНЯ

Шеф недоволен.

Не знаю почему, а вернее, догадываюсь, но не хочу пока об этом думать, потому что...

Потому что шеф недоволен мной. И даже не столько мною, как моим поведением во время пятничной дружески-коллективной попойки по случаю м-м-м... по случаю... По случаю.

Организовалась вполне интеллигентная «посиделка», с закусками, участием почти всех членов коллектива, в первую очередь женщин. Поскольку их среди нас — большинство. Так почему же я делаю вывод, что шеф недоволен, если учесть, что его самого там не было? В пятницу он «слинял» пораньше, вернее, уехал на совещание в Департамент после обеда, не возвратился оттуда и «мы запомнили его веселым», и все такое... К тому же, в пятницу никто толком не обедал, именно потому, что все знали, что все самое главное в этот день начнется немного позже. Это никак не было связано с отсутствием шефа и его убытием на «совещалово» в верхние эшелоны, потому как он лично — постоянный активный участник такого рода мероприятий, и даже, более того, направляющая и руководящая роль принадлежит именно ему.

И все же, почему он может быть недоволен? И почему я думаю, что это как-то связано со мной? Предварительные размышления, которыми я занялся после того, как почувствовал неладное сегодня утром при разговоре с ним (что-то в выражении лица, жестах и пр. привело меня к мысли, что, скорее всего, кто-то, как-то, о чем-то ему... доложил).

Что доложил конкретно (это уже второй этап моих соображений), можно условно разбросать на три направления:

1. Я перебрал немного и говорил не то.
2. Я перебрал много, и что-то хотел от кого-то из женщин.
3. Я напился «в свинью» и пел.

Вот, вот оно, это самое. Только без «перебрал немного» или «в свинью». Без этого, и точка, потому что я этого никогда себе не позволяю, и даже если бы позволял, то не у нас и не во время коллективного мероприятия, пусть даже с закусками. Потому что человек я относительно новый, а шеф (когда брал меня на работу) наслушался «песен» от тех, кто меня рекомендовал, о том, каков я молодец — и чтец, и жнец, и т.д. И в том числе в отношении выпивки. Точнее, о моем отрицательном отношении к этому делу.

Посему положение умеренного во всем и инициативного зама обязывает меня быть примером везде, всегда, и особенно во время дружеских пятнично-предпраздничных мероприятий. Теперь, если все так и есть, как я вам тут растолковал, и вопрос о том, что я просто тупо нажрался, отпал, наступает момент истины, откровения, итогов моих умозаключений. А именно, ответ на главный вопрос современности: почему же все-таки недоволен шеф.

Все же, наверное, не тем, что я наговорил лишнего, ибо я не говорю почти ничего в новом коллективе — так поступают все умные и опытные люди. А самые умные вообще всегда помалкивают, то есть поступают так, как учила мама чемпиона мира по боксу Дэвида Хэя: «Если нечего сказать, лучше помолчать».

О том, чтобы что-то говорить женщинам, а тем более чего-то от них хотеть, тоже речи быть не может. Все по той же причине: меня еще никто толком не знает. За два

месяца можно только хорошо выучить как меня зовут, а уж о том, чтобы кто-нибудь из женщин посмотрел на меня с интересом... Нет, вот тут я, наверное, ошибаюсь. Но ведь и мне на кой пылесос попадать в глупое положение, даже если несколько пар интересных глаз поглядывают в мою сторону не без интереса?

Значит, остается то, что остается. А остается вот что...

На этой вечеринке я пел. И потом шефу об этом доложили. Сейчас не важно, кто именно доложил. В нормальном коллективе так и должно быть, и даже обязательно должно быть. Доклад шефу (детальный и беспристрастный, как сама правда), что и как было в действительности тогда, когда его самого не было. Кстати, поведение почти всех участников застолья во многом выстраивается именно с учетом этого будущего негласного доклада. Как ветеранов коллектива, так и новичков, вроде меня. Это — нормально. Это — необходимо. Это — оправданно. Шеф должен знать изнанку, иначе он не очень-то и шеф, а просто Первый.

Значит, все же он недоволен тем, что я позволил себе петь на этой вечеринке. После пары бокалов шампанского. Нет, мы уже сняли алкогольную составляющую недовольства шефа. Просто потому, что пел...

Да, я пел. И не «давил песняка» в группе подвыпивших соратников («там ктой-то с горочки спустился»), а солировал. Лично и под гитару. Я это сделал, потому что мне пришлось это сделать: они меня заставили, и деваться мне было некуда.

Когда ведущая вечера Элла Семеновна (организованный отдел, ведущий специалист) объявила мой номер, те несколько пар заинтересованных глаз заискрились в ехидном ожидании... предвкушении. Во всяком случае, мне так показалось. Кроме всяких предвкусительных приятных штучек в этих глазах читался вопрос: а что ты, собственно, из себя представляешь, и не как зам, а как мужчина? Как исполнитель, раз уж тебя объявили... Блин! Мы так не договаривались, ни с Эллой Семеновной, ни с кем другим, но... «мгновенно мне гитару дали в руки...» — и отступать было некуда.

Потому что я вспомнил, что пропустил мимо ушей, когда за день до события Оля Никанорова (та, что собирала деньги на стол) сказала мне, что на вечере все новые сотрудники, и я тоже, должны «представиться коллективу». Или, как здесь принято говорить, «прописаться», исполнив что-нибудь музыкальное или поэтическое. Или «хотя бы что-нибудь». Я, просматривая срочные документы, сдал ей, не глядя, тысячу рублей на стол, и еще пятьсот как новый член коллектива, и сказал, не вдумываясь в смысл ее обращения и своего ответа, что «прописаться, мол, всегда готовый я». Значит, художественно выступить на людях.

Вспомнил об этом я только тогда, когда Элла Семеновна... и т.д. До меня, правда, один прочитал басню И. А. Крылова «Певчие», второй прогундосил что-то из Есенина. А Ольга... не помню, как отчество, отбила под фонограмму чечетку (все это проходило уже после пятого тоста). Вот почему мне отступать было некуда и некогда. Я настолько растерялся, что забыл, что сам же говорил, что когда-то исполнял куплеты под гитару. А иначе с чего они взяли, что мне нужна гитара?

Все, как по команде, замолчали: еще бы, лично замдиректора взял гитару! Надо сказать, что теперь чисто внешне я не очень похож на тех, кто исполняет куплеты, да еще и под гитару.

Внешность, как всегда, обманчива. Сейчас все это кажется довольно глупым, но тогда я решил, что должен, просто обязан что-нибудь спеть. Иначе будет очень неловко, это раз, и не пройду прописки в новом коллективе, это два-с.

Я набрал воздуха в легкие и запел. Запел первое, что пришло на память — песню Трофима «Скажи мне, милая». Единственное, что пришло на ум в тот момент. Во всяком случае, единственная песня, слова которой я знал до конца. Я не видел лиц своих слушателей, просто бренчал аккорды и пел: «Скажи мне, милая, куда ты дешешься?» Я не думал о том, что возможно замы директора здесь раньше не пели под

гитару. Хотя бы потому, что потом, когда будет не до песен, все, в особенности те, кого по долгу службы придется, скажем так, отчитывать, будут видеть во мне не заместителя директора, а того, кто на развеселой вечеринке пел: «...ну что ж ты бываешь, словно бабочка в окне?»

Я не думал и о том, что когда шефу об этом доложат, то он, шеф, сначала не будет знать, как на это реагировать, поскольку в его отсутствии я — главный в кабинете, и особенно во время мероприятий с употреблением. А главный никак не может распевать под гитару, плясать джайв, рассказывать бестолочки с рюмкой у носа. Это несолидно, и опять же не задача главного.

«О чём ты маешься, на что надеешься?» — продолжал я, и боялся только одного — забыть слова.

Может быть, мне стоило предусмотреть, что так или иначе все эти вопросы, которые терзают меня теперь, возникнут, и не браться за гитару? Сослаться хотя бы на боль в горле или в животе...

«...и что ты хочешь доказать себе и мне?»

Я, наконец, закончил свое выступление, и даже сорвал аплодисменты, а парочка красавиц из административно-хозяйственной части запищали: «хотим еще». Но на этом все закончилось. Я скромно поклонился, и даже не почувствовал, что кровь прилила к лицу и я стал красный, как «селедка под шубой».

Вот что произошло на пятничной дружеской вечеринке по случаю.

И, наверное, поэтому мне кажется, что шеф недоволен. Он, конечно, не скажет мне, что, дескать, брал я тебя на это место не для того, чтобы... а для того, чтобы... Он вообще ничего не скажет, пока. Но в будущем, очень возможно, припомнит: «Скажи мне, милая, куда ты денешься». Потому что работа состоит не только из дружеских пятничных вечеринок, шампанского и песен под гитару. А из кое-чего еще, того, что занимает главное место в работе, за что платят деньги, и, между прочим, неплохие.

Кстати, только что позвонили из приемной. Секретарь шефа Ирочки сказала: «Сергей Дмитриевич зайди просят»

Интересно, чего изволят Сергей Дмитриевич?

НЕПОЛНЫЙ СПИСОК

В свой День рождения Николай Иванович Шерстков пришел на работу раньше обычного. Он всегда приходил раньше, чем все, и уходил после третьего напоминания начальника дежурной смены охраны снизу. Но сегодня был особый день, торжественный, и надо было заранее быть готовым к поздравлениям — как искренним, так сказать, от всей души, так и проходным, протокольным.

Он накрыл приставной столик: коньяк, конфеты, минеральная вода, вазочки с цветами. Затем открыл большую рабочую тетрадь и разделил красным фломастером страницу на две половины.

В левой части он аккуратно записал фамилии сотрудников, товарищей, друзей и знакомых, то есть тех, кто, по его мнению, должен был его поздравить однозначно — либо зайди, либо позвонить. Правую половину оставил чистой, для внесения в список дополнительных лиц, кого не учел в левой части, — всех ведь и не упомнишь. Ну и, конечно, незапланированные люди, начиная с подхалимов из подчиненных организаций, заканчивая уважаемыми коллегами из вышестоящих структур.

В течение дня постоянно звонили и по рабочему, и двум мобильным телефонам, от поздравлений не было отбоя. Заходили с поздравительными адресами от имени отдельных коллективов и с личными подарками, угощались коньяком. Николай Иванович был очень доволен вниманием, которое ему оказали товарищи родного объединения. Все желали доброго здоровья и дальнейшего служебного роста, театрально удивлялись, почему в свой День рождения он все еще на работе и трезвый. Николай Ивано-

вич благодарил за поздравления, скромно намекал, что работник он в целом востребованный, а в кое-каких направлениях деятельности даже и незаменимый.

К концу рабочего дня, который Николай Иванович с разрешения своего непосредственного начальника решил сократить на один час, в левой части поздравительного списка против всех фамилий (кроме одной) стояли галочки. В правой части появились несколько незапланированных имен, среди которых были и два руководящих лица. Вот как уважают! Если такие важные люди вспомнили о его скромной персоне, значит, он действительно кое-чего стоит! От этого на душе было сладко.

К половине пятого телефоны умолкли, на приставном столике стояла пустая бутылка и коробка с остатками конфет. Николай Иванович стал собираться домой, о чем сообщил жене по мобильнику. В гости придут соседи и родственники, чтобы отметить событие в узком кругу. Он отключил компьютер, убрал со столика, и на последок еще раз просмотрел список тех, кто его поздравил. Опять приятные ощущения: благость, елей, мед и что-то еще...

И все таки...

Все же, почему не позвонил Белов? Он ведь не просто знакомый или какой-то временный, проходной сослуживец. Большим другом или даже просто другом Белов, конечно, считаться не мог, но к разряду хороших приятелей-должников его вполне можно было отнести.

Николай Иванович даже расстроился, как в детстве, когда договорился о встрече с другом, а тот не пришел. Николай Иванович присел в кресло и (несмотря на строгие правила, установленные в главном офисе) закурил, что делать ему категорически запретил терапевт.

Почему не позвонил Белов? Забыл, что ли? Может быть в отъезде? Непонятно. Вот он про Белова не забыл, внес в список под вторым номером. То есть, получается, что Николай Иванович всегда о нем помнит, даже когда это совсем не обязательно. А этот...

А ведь сколько же он сделал для Белова в свое время — всего и не перечесть. Можно сказать Николай Иванович лично участвовал во всех выдвижениях и продвижениях Белова, а он взял и все растоптал! Растоптал и унилиз. Небось, помнит, что у Николая Ивановича почти что юбилей, знает и специально не звонит. Ждет, что Николай Иванович позвонит сам и, скажем, пригласит его на торжество...

Стоп.

А когда они в последний раз общались? Полгода, год назад? «Может, Белов умер, а я тут сижу и костерю его почем зря» — вдруг устыдился Николай Иванович собственных размышлений. Ведь он, Белов, обязательно позвонил бы, он всегда раньше поздравлял, а еще раньше всегда приезжал лично, и обязательно с подарком! Ну что ж, история печальная, если Белов все же умер. Хотя, почему умер? С чего это ему умирать, если он на четыре года моложе? Николай Иванович усмехнулся и отогнал эти мысли.

И пришли другие, не новые. Белов — неблагодарная свинья, и что-то затаил на него, или может быть за что-то в обиде — хотел больше, дали меньше, так бывает. Николай Иванович прикурил новую сигарету, и, сам того не желая, достал из портфеля старую записную книжку. Полистал, отыскал номера рабочего и домашнего телефонов Белова. Мобильного почему-то не значилось, а почему, Николай Иванович не помнил. Белов — определенно сволочь, какими иногда становятся старые друзья по прошествии времени. И вообще все знакомые, кто не звонит и не поздравляет с Днем рождения.

Николай Иванович набрал рабочий телефон Белова. Сейчас он ему выскажет все, что думает и по конкретно этому поводу, и вообще. Не прямо, конечно, но так, чтобы Белов понял, кто он есть на самом деле! Надо же, взял и вот так запросто испохабил такой День!

Телефон Белова не отвечал. Николай Иванович набрал еще раз, результат тот же, длинные гудки. Николай Иванович положил трубку, опять закурил, и тут же почувствовал легкие уколы в области сердца.

Как же так, опять накачивал он себя, все поздравили, и не просто все, а более того, а Белов не поздравил! «Ну ничего, я в его День рождения тоже ему устрою, я такую петицию ему, мудаку, составлю, что мало не покажется, я его гада...».

Николай Иванович тяжело поднялся с кресла, взял портфель подмышку и направился к выходу. Он даже прикусил губу от обиды, было такое ощущение, будто его предали. Еще три-четыре года назад он вообще не обратил бы внимания: ну не поздравили, да и хрен с ним. Ведь это же, в сущности, пустяк. Но вот теперь что-то зашло. Или уже дело движется к закату? Что за такая реакция, словно случилось непоправимое?

Он потоптался в дверях, раздумывая: может, набрать домашний номер Белова?.. Надо же как-то закончить это недоразумение, а то весь оставшийся вечер, а то и вся ночь — испорчены. Дался этот Белов! Николай Иванович почувствовал, как боль в сердце усилилась. «Ладно, из дому позвоню», — наконец решил он, и вставил ключ в замок.

В этот момент заверещал телефон на его рабочем столе. Николай Иванович оставил портфель и опрометью бросился к аппарату.

— Николай Иванович, — снизу звонил начальник дежурной смены охраны, — к Вам тут приехали, просят пропус...

— Случайно не Белов? — перебил Николай Иванович.

— Да, Белов Илья Сергеевич, ну что, пропускать?

Николай Иванович почувствовал, как бешено заколотилось готовое выскочить из груди сердце и что-то вроде облегчения — как когда долго болит печень и вдруг отпускает. Он быстро справился с собой, глубоко вдохнул, и, насколько мог, холодно сказал:

— Да, пропустите, пожалуйста. И побыстрее с формальностями.

Затем открыл сейф, вытащил резервную бутылку коньяка и плитку горького шоколада.

Теперь список был полный.

СИМПАТИЯ. PART II

В основе наших взаимоотношений, помимо чисто делового общения, лежит глубокая и тщательно скрываемая нами обоими симпатия.

Мужчина и женщина. Она — делопроизводитель, я — заведующий отделом. Она приносит мне документы с резолюциями отцов фирмы для изучения и исполнения, вот уже в течение пяти лет.

Она входит в кабинет, как обычно без стука, и молча стоит у дверей, если я говорю по телефону. На мои жесты и мимику, приглашающие присесть, отрицательно качает головой, давая понять, что ей рассиживаться особенно некогда. Надо успеть обойти всех исполнителей и раздать документы, кои в большом количестве лежат в ее красном пластиковом портфельчике.

Периодически мы встречаемся в начальственных коридорах, и я, увидев ее силуэт в другом конце коридора, прибавляю, а она замедляет движение. Мы случайно сталкиваемся, и я, пытаясь взять ее за руку, улыбаюсь и говорю всякие маленькие приятности. Ей не очень нравятся мои прикосновения. Однажды, на заре нашего знакомства, она так резко отстранилась, что чуть не сбила с ног проходившего мимо сотрудника (у нас очень узкие коридоры власти). При этом смущилась, покраснела, очевидно, придав моему жесту слишком глубокий смысл.

И я точно помню, когда между нами вспыхнула искра. Произошло это у входа в

актовый зал, где мы случайно встретились и рядом никого не было. Мы привычно улыбнулись друг другу, как обычно что-то глубоко внутри у меня шевельнулось, и я, неожиданно для самого себя, вдруг прокламировал: «*Ужель та самая Татьяна, которой он наедине...*». Я проговорил это, когда мы уже пошли, каждый по своим делам. И... я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она...

Татьяна остановилась, и несколько мгновений стояла не шелохнувшись, потом обернулась...

Искра вспыхнула.

После этого мне удавалось пару раз заманить ее на кофе, пока мой сотрудник был в командировке, хотя если учитывать, что мы всегда и всем, кто заходит к нам в кабинет, предлагаем кофе, то дело не в отсутствии сотрудника. А пусть бы он и был на месте... Но получалось как в детстве, когда родителей дома нет, и мы, опьяневшие свободой, приглашали друзей, подруг.

Мы болтали с Татьяной о всякой чепухе, аккуратно минуя опасные территории, в особенности, что касалось жен, мужей, детей. Нам было уютно вместе в моем кабинете в рабочее время. Я тогда еще думал: хорошо, что моя Симпатия не из нашего отдела, ведь тогда пришлось бы встречаться каждый день, все темы для обсуждения были бы исчерпаны уже в первую неделю и пришлось бы решать, что делать дальше. Да и не очень-то пообщашься в удовольствие, если постоянно отвлекают то дела, то не в меру любопытные сотрудники. А тут вроде случайно встретились, организовалась случайный перерывчик, в отсутствии Кости Шушки, моего заместителя. Результатом этих встреч стало более близкое знакомство (мы сидели рядышком, за чайным столиком) и мое разыгравшееся воображение. Наверное, легко представить, какие мысли приходят в голову мужчине в расцвете лет, когда рядом сидит женщина, элегантно отпивает кофе из чашки и промакивает губы салфеткой... и никто не тревожит ни по мобильной, ни по проводной связи...

Во вторую встречу мы выпили по две чашки кофе, и я рассказал ей о двух книгах по истории изобразительного искусства, которые недавно прочитал. Мне показалось, что она слушала с интересом, но как только я закончил, деловито поинтересовалась, нет ли у меня просроченных документов. У меня все документы были исполнены и сданы в делопроизводство, о чем я, немного смущившись, ей доложил.

После этого выпить вместе кофе и поболтать как-то не получалось, зато мне удалось навести справки о моей Симпатии (да простят меня мои более порядочные коллеги). Я узнал, например, что за Татьяной пытались ухаживать многие уважаемые товарищи из нашей организации. Она никого не отталкивала, но была неприступна и холодна со всеми, при этом сохраняя общительность и доброжелательность. Мне также стало известно, что Татьяна вот уже в течение почти пяти лет находится в состоянии развода со вторым мужем, хотя проживают они в одной квартире. А как-то за пивом Шушик мне поведал, что Татьяной из делопроизводства («ну ты ее, конечно, знаешь») интересуется наш непосредственный начальник. Я не придал этому значения, уже зная, что ею интересуются многие. Так почему бы и нашему начальнику не поинтересоваться? Она женщина интересная, все при всем, так почему бы и нет? Мы посмеялись, выпили еще по пиву и на этом разговор был окончен.

Это что касается поэзии. А вот и суровая проза...

Сегодня меня пригласил Требух, наш непосредственный начальник (тот, который интересуется), и мы вместе пошли к заместителю директора объединения Шмакову Валерию Николаевичу. На всякий случай я взял все документы по текущим делам, ибо причина вызова была неизвестна. Я правильно сделал, что взял документы, потому как Валерий Николаевич и завел разговор о моих текущих делах, для начала. Требух сидел за столом напротив и рассеянно поглядывал в окно за моей спиной.

— Ну что ж,— сказал Валерий Николаевич, выслушав мой краткий отчет и бегло просмотрев некоторые бумаги,— очень хорошо, Александр Евгеньевич. Разрешите

мне от дирекции объединения и от себя лично выразить Вам благодарность за Вашу работу. Вы просто молодец.

Мы привстали и он пожал мне руку. Потом продолжил.

— У нас есть мнение, что со своей задачей в должности заведующего отделом Вы справились. Пора бы подумать и о дальнейшем продвижении. Что бы Вы сказали, если бы мы предложили Вам должность в отделе заказов и снабжения?

Я призадумался. С чего бы это, ни с того ни с сего? К тому же, заведующим отделом заказов был Вася Черепков, мой дружок еще с института, и, кстати, недавно назначенный на эту должность.

— А куда же Черепкова? — наивно поинтересовался я, и Валерий Николаевич улыбнулся.

— Вы за Черепкова не беспокойтесь, дорогой мой. Он хороший работник, специалист своего дела и вполне нас устраивает. Но именно на своем месте. Я Вам говорю о должности заместителя заведующего отделом заказов и снабжения. То есть заместителя Черепкова. Там как раз уходит на пенсию Борис Адамович. По сути, на нем и держалась половина направлений, которые ведет отдел.

Теперь я и вовсе был сбит с толку. Мне предлагают перейти с должности заведующего отделом на должность заместителя заведующего отделом. Что за ерунда?

— Дело в том, — предупреждая мой вопрос, продолжил Валерий Николаевич, — что мы не можем оставлять Черепкова одного в такой ситуации, не мне Вам объяснять, какие задачи возложены на этот коллектив. А Вам (именно Вам, и никому другому в объединении) под силу взять на себя эти нагрузки. Мы Вас проверили в деле...

— Я не согласен, — твердо сказал я, — во-первых, я там буду получать меньше...

— А во-вторых, — строго перебил меня заместитель директора и поднял указательный палец к потолку, — это личное решение Леонида Петровича! Ваш оклад по прежней должности будет Вам сохранен, и закончим этот разговор. Если Вас это не устраивает, мы будем вынуждены рекомендовать Вам поискать другое место. Ясно?

Яснее некуда. Я молча смотрел в стол, Требух тихонько барабанил пальцами по этому столу.

— Но, уважаемый Александр Евгеньевич, — уже более мягко продолжил Валерий Николаевич, — могу Вас заверить, что должность заместителя заведующего отделом заказов и снабжения это лишь очередная ступенька в Вашей карьере. Не скрою, мы в Вас заинтересованы и, возможно, через годик-два, в зависимости от того, как Вы себя зарекомендуете на этом месте, Вас ждет повышение. Говорю это с полной уверенностью. Поверьте, Леонид Петрович очень ценит тех, чья работа дает реальные результаты...

Ну что ж, похоже, деваться мне некуда, выбора нет. Если Генеральный так решил, то все — брыкаться бесполезно. Не идти же посреди мирового финансового кризиса искать себе новую работу. И что я скажу дома?

— Ладно, — сказал я, и краем глаза заметил облегчение на лице Требуха, — я согласен, Валерий Николаевич. И вообще, я верный сын нашего объединения, как говорится, буду работать там, куда пошлет партия.

Валерий Николаевич улыбнулся, встал, снова пожал мне руку:

— Я так и думал, Александр Евгеньевич. Вы на правильном пути, и поверьте, все самое интересное в Вашей работе только начинается.

Мы вышли из кабинета заместителя директора, и я сказал Требуху, что сегодня вечером есть смысл пропустить по маленькой в честь моего назначения. Сходил в магазин напротив, взял бутылку коньяку, пару плиток шоколада и минеральную воду. Потом вернулся к себе — готовиться к передаче дел Шушику и «переезду».

После обеда дверь кабинета открылась и появилась Татьяна — мечта половины «поэтов» нашего объединения. Вот она стоит, стройная, как новогодняя елочка, сверкает сережками, стекла очков блестят, отражая свет люстры.

— А... а... а,— протянул я неопределенно,— это Вы, Татьяна, я очень рад. Кстати (я сделал многозначительную паузу), имею честь пригласить Вас сегодня вечером на чисто символическое мероприятие по случаю моего ухода...

Татьяна улыбнулась, пожала плечами, поправила прическу. И... как мне показалось, совсем не удивилась моему сообщению. Ни «куда», ни «почему»... вообще никаких слов. Просто стояла и смотрела на меня, как будто видит впервые, мне даже стало неловко. И я сказал:

— Ну, ладно, я понимаю, Вам неудобно, но как решите, так и решите, я все равно жду... Что ж, давайте документы. Посмотрю в последний раз, потом их будет смотреть уже кто-то другой.

Она снова улыбнулась и мягко произнесла.

— Нет-нет. Наверное, все же, сегодня надо будет *мне* просмотреть ваши документы. Чтобы, так сказать, быстрее войти в курс дела. Собственно... я и назначаюсь на Ваше место, Александр Евгеньевич. Официально меня представит завтра Леонид Петрович на общем собрании. А сегодня, чтобы не терять даром времени, я бы хотела посмотреть текущие дела и заодно подготовить свое новое рабочее место.

Вот и все. Вот оно, мое фиаско... Видимо, ей все же симпатичен кто-то другой, что и понятно. Теперь.

Шушик, открыв рот, удивленно смотрит в нашу сторону. На моем столе звонит телефон, но я не снимаю трубку.

Татьяна продолжает улыбаться.

Искра погасла...

СТАРЫЕ ПРИЯТЕЛИ

Однажды, относительно недавно, мне на рабочий телефон позвонил один старый приятель. Настолько старый, что сразу и не сообразил, кто это. И долго не мог представить себе, как он выглядит сейчас. Да и как он выглядел тогда, когда мы были еще новыми друзьями, я припомнить тоже не смог, поначалу.

Потом вспомнил. Когда-то, относительно давно, мы вместе, образно говоря, вспахивали одно непаханое поле в одном занимательном учреждении одной отнюдь не занимательной структуры и были немного ближе, чем просто знакомые по работе. Я имею в виду, что мы не только сидели в одном кабинете, но иногда вместе курили, обсуждая те или иные казусы, пили пиво по дороге домой, обсуждая всякие несурпризы, тут и там происходящие в структуре. Одно время даже образовалось некое подобие дружбы, и даже семьями, два или три раза. Скорее всего, это все же была видимость дружеских отношений с элементами действительности.

В итоге, как это часто случается, мы надоели друг другу, и не просто, а до таких штук, что стали считать, кто кому и сколько должен, кому кто и чем обязан и все такое прочее. Каждый из нас считал себя правым, а когда отношения выстраиваются таким образом, ничего дельного уже быть не может. Что уж тут поделешь... Хотя я слыхал и о случаях противоположного характера, и по хорошему, по белому завидую тем, кто сумел сохранить и даже укрепить сочетание дружеских и деловых отношений.

Когда пришла пора расставаться, все внешне выглядело вполне прилично. Сначала я накрыл маленький столик по случаю моего ухода для самых близких. Потом он закатил фуршет, больше напоминавший банкет, и для близких, и для дальних, и для тех, кто просто проходил мимо. И на моем, и на его мероприятии мы сохраняли видимость дружеских отношений, сдержанность и интеллигентность в общении между собой, несмотря на большое количество выпитого, и рас прощались с миром.

С тех пор, а прошло уже... много, в общем, прошло, мы не встречались и не искали встреч. Нам не хотелось встретиться, раздавить бутылочку и вспомнить былые

денечки, поделиться соображениями насчет дней нынешних. В общем, пути наши разошлись и я забыл о нем.

Мой новый путь привел меня туда, где я сейчас пребываю в должности помощника Генерального директора. Начинать, правда, пришлось со скромной должности сотрудника рекламного отдела, но постепенно, шаг за шагом, посредством упорного труда... и т.д., и т.п.

И вот звонок раздался.

После вежливых выяснений, кто звонит, зачем звонит (голос мне показался знакомым, но я сделал вид, что нет), я, наконец, немного театрально обрадовался: «Ага! Это ты?! Ушам своим не верю! Ну ты даешь! Куда пропал! И т.д.! И т.п.!». Пока я порол всю эту необходимую для начала разговора старых приятелей чушь, в голове крутился вопрос: откуда он узнал номер моего рабочего телефона...

Валерий не стал ни удивляться, ни радоваться, а перешел сразу к делу, как бывало, когда мы... и т.д., и т.п. Видимо, он, как человек чрезвычайно занятой, решил, что и у меня со временем туговато. Правильно решил.

Суть его звонка состояла в том, что ему срочно понадобилась новая работа, а я, как старый приятель, должен ему с этим помочь. Вообще-то, хороший ход: не просыбла, но требование, винь и положь, как говорят сейчас. На том основании, что а) мы старые друзья, б) я (то есть я) знаю, как он «умеет работать», он же помогал мне всегда, когда в этом была необходимость в те времена, когда мы...

Поначалу я немного растерялся. Вообще-то Валерий — калач тертый, но по всему — уж слишком пообтерся, раз вот так, без разведки (что, да как), ломит напропалую. Наверное, прижало.

Он говорил быстро, будто строчил из пулемета, не давая опомниться, повторяя каждую фразу по два раза, буквально вбивая слова мне в ухо. И наконец умолк. Мне надо было что-то отвечать.

Что я мог ему сказать?

Сказать, что мест пока, и в обозримом будущем, в нашей фирме нет,— слишком банально. Так ответил бы почти каждый на моем месте. Каждый, кто не хотел бы связываться с таким делом, как устройство старого знакомого в контору, где трудится сам. В случае такого ответа вопрос закрывается сразу: извини, брат, рад бы помочь, но не могу...

Сказать, что сам под большим знаком вопроса: дескать, грядет очередное сокращение, и все эдакое, в связи с кризисом, который никак не хочет заканчиваться,— это тоже чепуха. Одна из отговорок, очень похожая на первую.

А может быть сказать, что в нашей организации категорически запрещено приглашать на работу родственников, друзей и особенно бывших сотрудников? Дурнее быть ничего не может, но может и прокатить, именно потому, что глупость...

А можно, как это заведено во многих солидных учреждениях, сказать, что я очень рад его звонку и обязательно займусь его просьбой. А он пусть перезвонит через неделю, а лучше через две, чтобы уж точно... Точно — что? Получить ответ? Дудки! Через пару недель надо будет позвонить еще через пару недель, а потом еще, и так далее, пока вопрос не отпадет сам собой, а старый приятель не отвянет.

Но я знал, что он не отвянет. И будет звонить ровно столько раз, сколько я скажу, и в итоге мне все же придется заняться его делом. Я же ведь пообещал...

Обо всем об этом я размышлял две-три секунды, и когда он нетерпеливо кашлянул в трубку, сказал:

— Я, конечно, мог бы тебе помочь, Валерий. Но видишь ли в чем тут дело... Как бы это попонятнее сказать... В общем, мест пока на фирме нет. Я и сам в подвешенном состоянии, сам знаешь, везде сокращения. Но это еще туда-сюда. Тут дело такое, что наш Генеральный не выносит, когда кто-нибудь протаскивает своих родственников или друзей. Но знаешь, я все же попытаюсь что-нибудь сделать... Ты бы лучше

перезвонил через недельку, а лучше через две, а я пока проработаю вопрос, дело-то не одного дня, сам знаешь...

— Да, да, конечно,— с готовностью отозвался Валерий, и стал говорить, несмотря на то, что и у него, и у меня времени в обрез.

Он говорил обо всем подряд, что приходило в голову. Воспоминания о делах былых, вперемешку с деталями и подробностями дел какого-то бывшего нашего общего знакомого, какие-то старые новости со старого места нашей общей работы и т.д., и т.п. Я его не слушал. Я смотрел в экран компьютера и думал о том, что если все же возьмусь за его устройство, то часть его проблем станут моими проблемами и прибавятся к тем, что уже имеются по моим функциональным обязанностям.

Сначала все будет хорошо, с месячишко — с два, пока он пообвыкнется. Потом, возможно, начнет филонить, потому что у него друг в руководстве фирмы. Возможны также конфликты с сотрудниками, опоздания на работу и все в этом роде. И я ничего не смогу сделать, поскольку... поскольку не смогу, если вдруг события пойдут по такому варианту. Валерий, насколько я вспомнил, не из тех, кого можно быстро привести в порядок или быстро и бескровно уволить. Он сам кого хочешь...

— Ты слушаешь меня, Саша? — Валерий продувает свою трубку, опасаясь, что связь прервалась, а он не успел рассказать мне самое интересное, после того как уладил основное дело.

— Угу-м,— промычал я, и встрепенулся,— все, Валера, мне тут на совещалово надо бежать. Давай, звони. Да... слушай, и пробуй другие варианты. Я, конечно, со своей стороны сделаю все, что смогу, но сам понимаешь, время какое.

— Да, да, Сашок, заметано. Значит, через неделю?

— Значит, через неделю,— я не стал напоминать о двух неделях, потому что вспомнил, что через неделю буду уже три дня находиться в солнечном городе Тамбове, и еще на две недели вперед,— в общем, пока.

Разъединение.

По-моему, вовремя я вспомнил про командировку в Тамбов.

А там видно будет.

❖❖❖

Вячеслав Михайлов
(г. Москва)

*Наш постоянный автор и друг журнала
«Приокские зори».*

ПРУД БЕСПОЩАДНЫЙ

Не успевшие утром позавтракать Тимка и Жека стойко выдержали лекцию, семинар, лабораторное занятие и в кафе сбежали только с заключительной лекции. Навернув по две тарелки гуляша с жареной картошкой и пирожное на десерт, плелись довольные, разомлевшие в общагу вдоль большого пруда, начинавшего заметно оттаивать. Конец марта, лед уже отступил от берега — где на полметра, где на полтора, — и легкий плеск прибрежной водички, солнышко, набирающее силу, приятно напоминали о скором тепле, близком лете.

— Недели две назад полно было рыбаков, — лениво кивнул Жека на пустынnyй серо-молочный пруд. — Теперь даже фанатов ярых нет... Хотя, — встременелся он, вглядываясь, — один есть, кажется, на той стороне пруда... Нет, это не рыбак — идет кто-то через пруд.

— Где? — заинтересовался Тимка. — Не вижу.

— Вон, вон, — показал пальцем приятель. — Там деревьев стена у берега — он с ней сливаются... Точно, через пруд шагает мужчина, в нашем направлении примерно... Нашел?

— Да, вижу теперь.

— Идет, похоже, привычной тропинкой... — той, что зимой ходил.

— Он, что, с берега на лед через воду прыгнул?

— Не прыгал он — там теневая сторона, лед еще одно целое с берегом.

Студенты задержались и с любопытством наблюдали за ходоком, гадая, чего занесло его на лед в такую пору.

— Спешит, что ли, куда? — сказал Тимка. — Не знает, что здесь вода у берега?

— Знает, не знает... Что лед слабый, наверняка знает. Если поперся на него, значит с головой непорядок: либо бухой, либо это... аффект... Болван природный — тоже не исключено.

— Может, просто человек рисковый, любитель острых ощущений?

— Вряд ли.

Льдопроходец между тем миновал середину пруда, и его уже можно было немногого рассмотреть. Одет вроде вполне прилично, даже ярко: меховая шапка, пальто строгое светло-коричневое, зеленый шарф. Шел теперь явно медленнее, чем в начале пути, и Тимка, не отрывающий от него глаз, вполголоса участливо поторопливал: «Поднажми чуточку, поднажми, метров сто тридцать еще», а Жека, чуть помолчав, мрачно пробормотал: «Лед под ним рыхлый, ноги вязнут. Сейчас провалится».

Только он договорил, как мужчина ухнул под лед, успев выбросить руки в стороны, и студенты разом громко ойкнули.

Дыра во льду оказалась, видимо, невелика, голова льдопроходца в шапке торчала из нее поплавком, по грудь он был в воде, удерживаясь распростертыми руками за целый лед.

Взволнованный Тимка машинально стал ходить из стороны в сторону — два-три шага влево, два-три вправо, не переставая следить за бедолагой, точнее, за его головой в шапке, и восклицая:

— Ну, ты даешь, Жека, ну даешь! Как же так?!. Ну, пруд! Беспощадный!.. Почему выбраться не пытается?! Как пень застыл!

— Может, пытался — нам не видно... Боится, наверно, лед обломать вокруг себя — опору потерять.

— На помощь не зовет — язык проглотил?!

— Может, и так... Ты в ледяную воду окунался?

— Нет.

— Я как-то в мае — теплый был денек — нырнул в речку, перед девчонками по-выпендриваться. Так скрутило, сдавило — жуть, вздохнуть не могу. Вода не прогрелась, градусов десять. Виду подать нельзя. Хотел пошутить — водичка, мол, супер. Рот открываю, звуков — ноль. Как рыба. А тут подо льдом не больше трех градусов... Похоже, крепко он застрял. Надо звонить.

Жека достал телефон, набрал службу спасения, сообщил о происшествии, назвал место. Тимка же продолжал нервно расхаживать туда-сюда и расспрашивать.

— Сколько он может продержаться так?

— Минут двадцать... — от человека зависит.

— Какая там глубина, как думаешь?

— Метра три, наверно.

— Все! — выпалил решительно Тимка, остановившись.— Нефига тут топтаться! Помочь ему надо — ко дну пойдет, пока спасатели приедут... Запрыгнем на лед — вон там легче будет, осторожно подберемся, подползем к этому ослу. Айда!

— Сдуруел что ли?! — побледнел Жека и схватил за руку шагнувшего к берегу приятеля.— В воду прыгнем, чума,— точно лед не выдержит! И как мы можем помочь, даже если подберемся? Ни доски, ни веревки... даже палки нет приличной под рукой. Без этого в одной польнье с ним окажемся.

— Попробуем, вдруг получится,— упорствовал Тимка,— свяжем два шарфа, еще что-нибудь.

— Не получится, тебе говорю! Бежим к пляжу,— потянул приятеля за собой Жека.— Там кафе летнее, киоски, скорее всего сторож есть, веревку найдем, доску. И точка спасателей там может быть — летом я их видел. Не дури, догоняй — пять минут всего-то.

Жека побежал, и Тимка, помешкав мгновение, припустился за ним.

В своем закутке при кафе пожилой худощавый сторож стоял с бокалом у шумевшего электрочайника, жуя что-то аппетитно, когда к нему ворвались запыхавшиеся студенты.

— Чайком балуетесь, а у вас человек тонет! — сердито гаркнул с порога Тимка.

— Какой человек? — поперхнулся опешивший сторож.— Где тонет? Вы кто такие вообще?

Жека опередил приятеля, готового взорваться:

— На пруду мужчина провалился под лед. Тут есть спасатели?

— Есть, есть, позади кафе их бытовка,— поняв, в чем дело, сказал сторож.— Но они обедать пошли.

— Обедают, а тут! — возмутился Тимка, но Жека, дернув его за рукав, спросил спокойным голосом:

— Вы с ними на связи? Можете позвонить, сказать, что беда на пруду?

Сторож быстро набрал номер, переговорил, и довольный доложил:

— Скоро будут — Леха сказал. Он главный. Оказывается, диспетчер их уже известил. Вот-вот будут.

— Спасать только некого будет,— не выдержал Тимка.— Веревка у вас есть какая-нибудь?

— Нет, — зачем мне здесь, — пожал плечами сторож.

Тимка обвел глазами закуток, проворно сгреб разложенный на полу трехметровый удлинитель, отключив от него электрочайник и маленький телевизор, и рванул наружу. У двери забрал еще швабру с длинной ручкой, стоявшую в углу, и бросил на ходу приятелю:

— Идем!

Жека уныло направился следом, пообещав растерянному от такого нахальства сторожу вернуть взятые вещи.

У берега Тимка посмотрел внимательно на середину пруда, прикрывая ладонью глаза от солнца. Шапка и голова виновника переполоха были на месте, и студент поспешил к одной из трех прогулочных лодок, лежащих вверх дном на потемневшем снегу в десяти шагах, взмахом руки подзываая приятеля:

— Перевернем, вытолкнем к берегу, в воду, до льда — не тяжелая она. С нее на лед сойдем.

Жека обреченно стал помогать Тимке, нет-нет оглядываясь — не видно ли спасателей.

За несколько минут навели мост между берегом и льдом, и Тимка первый начал перелезать с лодки на лед, ощупывая его одной ногой на прочность. В этот момент сзади раздался резкий приказной окрик:

— Парни, назад!

Со стороны кафе к лодке подбегали двое небольшого роста спасателей в гидрокостюмах и гидроботах, соединенные страховочной веревкой; передний держал в руках хрупкую на вид, но, должно быть, прочную короткую лестницу.

Жека упал на лодочное сиденье, шумно облегченно выдохнул и в пять секунд, радостный, выскочил на берег, прихватив удлинитель и швабру. За ним двинулся с кислой физиономией Тимка, огорченно спросив: «Помочь вам, может?». В ответ получил твердое: «Нет» и «За переправу спасибо».

Спасатели быстро перебрались по лодке на лед, скользящим шагом, местами ползком, приблизились к льдопроходцу, окоченевшему совсем, подвинули к нему лестницу, а когда тот за нее зацепился, вытянули страдальца из ледяной ловушки. Привезли его на лестнице-выручалочке, как на санках, искупав у берега напоследок.

Синюшный лицом, едва живой бедолага непонятных лет, не вымолвивший ни единого слова, был доставлен спасателями и студентами к прибывшей уже машине скорой помощи.

ВЫСТРЕЛЫ В ВОЗДУХ

На большой перемене, в просторном и светлом школьном коридоре старшеклассники поочередно играли в настольный теннис; одна пара игроков сменяла другую. В ходу была короткая партия — до одиннадцати очков, и за перемену успевали сразиться три-четыре пары. Мишка из девятого «А» очередь не занимал — порезвился вдоволь накануне, только наблюдал за состязаниями с дружком Никитой — тот готовился играть следующим, лихо, нетерпеливо перебрасывал ракетку из руки в руку и нет-нет имитировал удары по шарику.

Тут вдруг суровая математичка, шедшая мимо со стопкой тетрадей, позвала Никиту за собой: вчера он мучился у доски с решением задачки по геометрии, а она пообещала объяснить ему на днях поподробнее, что и как — вот и попался бедняга. Делать нечего: опасно перечить, кочевряжиться за месяц до выставления годовых отметок, и скинувший Никита сунул ракетку Мишке, буркнув: «Сыграешь за меня», побрел понуро за учительницей.

Когда текущая партия закончилась и настроенный уже на игру Мишка двинулся, не торопясь, к столу, его опередил рослый, медлительный обычно Лева Колпаков из девятого «Б», один из лучших учеников старших классов, большой любитель настоль-

ногого тенниса, равнодушный к иным видам спорта, не в пример Мишке, игравшему в футбол, баскетбол, во все, что можно, и успевавшему притом неплохо учиться.

— Куда, шустряк?! — возмутился Мишка и придержал за плечо Леву, собравшегося подавать.— Я играю сейчас.

— Как это? — удивился искренне Колпаков.— Никита ушел, я за ним.

— Ушел и мне очередь передал. Ты что, глухой?

— Сам глухой,— процедил начинающий сердиться Лева.— Не слышал, тебе говорю. Ушел, меня не предупредил. Так что играю я.

— Перебьешься,— воскликнул зло Мишка, уверенный, что Колпаков валяет дурака, вызывающе его игнорирует; с силой оттолкнул наглеца от стола и начал игру.

Едва он сделал подачу, как получил болезненный хук в правую щеку, чего никак не ожидал от этого флегматика Колпакова. Разъяренный такой гнусностью — был гад исподтишка! — Мишка мгновенно бросился на обидчика, осыпая его беспорядочными неприцельными ударами. Лева пытался отбиться и ответить, стоявшие рядом ребята кинулись разнимать схлестнувшихся игроков, а Вовчик, Мишкин одноклассник, известный в школе подстрекатель поединков, бегал вокруг с горящими глазами, предвкушающими захватывающую драку, и приговаривал: «Хорош здесь бодаться, хорошо — учительская рядом! Щас все сбегутся! За школой после уроков — один на один! За школой!». Растигенные, разгоряченные Мишка с Левой рвались навстречу друг к другу, бранясь и обещая разделаться нещадно, но чуть остыв, не возражали продолжить после учебы — так и порешили. Удовлетворенный Вовчик вовсю подзадоривал Мишку, идя с ним в класс: «Вздуй, как следует, — совсем оборзел Колпак, страх потерял. Не жалей».

На последних двух уроках Мишка то и дело прокручивал в памяти вспыхнувший конфликт, без горячки раздумывал над ним и потихоньку, нехотя вынужден был признать, что сам первый начал ершиться и силу применил, что Левка и вправду мог не слышать Никитиных слов. «Но он ведь тоже мог меня оттолкнуть в ответ,— оправдывался тут же Мишка,— нет, ударил, говнюк. И схлопотал по соплям... Без толку теперь копаться — все решено».

За школьным двором, в прикрытом пожилыми ветвистыми каштанами безлюдном mestечке, поглязеть на поединок собралась приличная орава: девятиклассники, ребята из других старших классов, затесались даже несколько смелых девчат, неравнодушных, по-видимому, к Мишке или к Леве, а может к обоим.

Соперники вышли в центр большого круга, образованного зрителями-болельщиками под управлением самозваного Мишкиного секунданта Вовчика, и站ли друг против друга на расстоянии двух метров с приподнятыми слегка кулаками.

Круг умолк и замер в ожидании, но ни Мишка, ни Лева не атаковали, только подавали друг другу призывные знаки мимикой, руками: давай, мол, налетай, бей — встречу как надо; готовность к бою оба выражали и демонстрировали, но в глазах их не было уже ни злости, ни огня, а лишь напряженная бдительность.

Время шло, из публики потянулся досадливый гул, раздались ворчливые реплики: «Чего ждете?», «Начинайте уже», «У вас что, дуэль глазами?». Но противники упорно оставались на своих местах. Наконец, знатный местный забияка десятиклассник Вадим, уходя и сплюнув в сторону, надменно скривился:

— Не будут они — не хотят... Податься нормально не могут — пацифисты, блин.

Вслед за Вадимом молчаливо тронулась и вся разочарованная публика. Довольными казались одни девчата. Побрели восьмови и пацифисты. Колпаков вид имел невозмутимый, бесстрастный, а Мишка, напротив, смущенно-виновато посматривал на расходившихся, осознав теперь только, что именно его перво-наперво винить станут за глаза в несостоявшемся поединке, именно ему наверняка адресованы будут заглазные издевки, ибо он рассматривался фаворитом, от него ждали инициативы, напористости.

Почти всю следующую неделю Мишка был необычно угрюм, немногословен, рассеян: в школе на уроках и переменах, дома, во дворе.

— Что с тобой такое? Болит, может, чего? — спросил в один из вечеров отец.

Мишка забыл уже, когда последний раз беседовал с ним о своей школьной жизни, — нужды особой, да и желания не возникало, но тут не утерпел, рассказал о своей ссоре с Колпаковым, нездавшемсяся поединке, взволнованно, порывисто проговорив в конце:

— Понимаешь, братва школьная считает, что я дал слабину, а может и струсили. Точно! Меня эта мысль истерзала, покоя нет! Сам виноват — драться надо было.

Озадаченный последними отчаянными словами отец прикрыл дверь в комнату:

— Тебе кто-нибудь сказал, что струсили?

— Нет. Но я ж замечал эти косые взгляды, подсмеиваются будто... Вовчик, пройдоха, сострил как-то в классе — меня не заметил: «Колпаков так Мишку загипнотизировал — с места он не мог сойти, не то что ударить».

— Накручиваешь ты себя, по-моему.

— Немного есть, — кисло улыбнулся Мишка. — Не на пустом же месте.

— Вот скажи, почему ты первым не лез в драку, когда вы один на один вышли?

Мишка замялся, задумался, бесконтрольно разминая пальцы рук.

Отец мягко положил сыну ладонь на плечо.

— Ты сомневался в своей правоте, что касается вашего столкновения у теннисного стола... и чувствовал, может подсознательно, что конфликт исчерпан этой стычкой, что не стоит его продолжать, — не в этом ли причина?

— Похоже на то, — чуть помолчав, кивнул сын.

— Я думаю, и Колпаков первым не начинал по той же причине приблизительно. Если бы не твой пройдоха Вовчик, не было бы этого выхода один на один.

— Но он был! И провалился!

— Нет, вы оба выстрелили в воздух.

— Кто эти нюансы замечает?

— Успокойся — не дал ты слабину, не струсили.

— Вызову Колпакова один на один, подерусь и успокоюсь.

Отец вытаращил глаза, полные недоумения:

— Ну, ты даешь!.. А если он пошлет тебя куда подальше?

— Пощечину ему дам при всех — попробует пусть отказаться.

Глаза отца через несколько мгновений внезапно повеселели и он раскатисто расмялся:

— Да, разгулялось самолюбие, из берегов выходит.

— Тебе смешно, а мне не до смеха, — насупился Мишка, отвернувшись к полкам с книгами.

— Не сердись... смеюсь потому, что повторяется семейная история: я тоже много шишек набил по молодости с таким вот хворым самолюбием. Знаю, какая это неотвязная штука... и непобедимая — осадить только можно худо-бедно.

— Как осадить?

— Начнет допекать, стоять над душой, гони сразу: «Брысь под лавку» или что-то подобное. И переключайся на что-нибудь. Не сработало, дай пинка, упирается — еще поддай. Не миндальничай. Известный способ, проверенный.

На три дня отец уезжал по делам, а когда вернулся, смекнул, что сыновняя драма если не сошла на нет, то явно утихла, не просматривается: за ужином Мишка охотно, беззаботно болтал о том, о сем, дурашливо показывал пальцами на столе, какой курьезный гол забил на городском турнире по мини-футболу среди школьных команд, потом, напевая, помогал маме убирать посуду, играл азартно и шумно то с братишкой, то с котом. Поддался он успешно с Колпаковым или успокоился без этого — интересоваться не стал, просто тихо радовался, поглядывая на сына.

Сергей Богословский
(г. Тюмень)

КОМАНДИРОВКА НА «ДИКИЙ ЗАПАД»

Сергей Богословский (Иван Иванович Нестеров) родился в 1964 году в Тюмени. Окончил геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института. Работает в научной организации геологической направленности. Публикуется в научных изданиях. Печатался в литературных журналах «Бельские просторы» (Уфа), «Врата Сибири» (Тюмень), «Начало века» (Томск), «Тобол» (Курган), альманахе «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Это его первая публикация в «Приокских зорях».

Самолет заходил на посадку. Лайнер вспугнул слегка припорошенную снегом взлетную полосу и, подняв вокруг себя небольшую пургу, проследовал к месту стоянки. Через несколько минут стало ясно, что к декабрю 1995 года новая демократическая жизнь вступила здесь в свои права на полную катушку. Самолет окружили «Волги» и «Уазики», в которых уместились почти все вышедшие из Як-42 пассажиры. Еще лет пять назад привилегиями передвижения по летному полю на автомобиле пользовалась только партийная номенклатура. К середине 1990-х в элиту местного общества кроме администрации города и руководителей предприятий вошли также крупные частные предприниматели, уголовные авторитеты, жулики средней руки и ближний круг всех перечисленных категорий.

До здания аэропорта мы доехали на ржавом автобусе, издающем при движении неприятный скрежет. Мы — это я и Серега Винников, командированные в здешние края за информацией по приобретенному недавно нашей небольшой нефтяной компанией участку для разведки и добычи нефти.

В здании аэропорта нас встретил Григорий Клепочкин, бывший секретарь райкома КПСС, которому в новой администрации места не нашлось, зато сыскалась должность в нашей фирме в качестве специалиста по налаживанию контактов с местной публикой. Он знал всех нужных людей и поддерживал с ними связи.

Надо сказать, что на наш участок был и другой, более могущественный претендент, который в отместку за неудачу на аукционе по своим каналам распорядился не давать высокочке никакой информации.

— Поселок — в пяти километрах от станции, — знакомил нас с ситуацией Клепочкин, с которым мы пересели в поезд. — Этот геморрой в советское время придумали, чтобы получать надбавки за полевые условия. Если бы рядом с железной дорогой построились, денег бы меньше платили людям. Доставка работников и грузов только автотранспортом. Зимой мороз, весной грязь. С одной стороны, головная боль, с другой — зарплата больше, да и привыкли все...

Мы сидели, слушали, не перебивали. На станциях из вагона не выходили — по перрону шныряли назойливые попрошайки, от которых разило перегаром.

— Начальник экспедиции — мой большой друг. Сейчас худо дело у них. Заказов

нет, работы нет, денег тоже. Старую систему там наверху сломали, новую еще не построили. «Весь мир насилия мы разрушим до основанья, а затем...», — напел строчку из «Интернационала» списанный секретарь райкома.

— Чем сейчас занимаетесь?

— Личным хозяйством, здоровьем, — переключился на новую тему Клепочкин. — Курочек развозжу, два-три яйца в день мне несут. — Тема эта больше других занимала бывшего партийного руководителя, и он оставшуюся часть пути рассказывал нам о своем приусадебном хозяйстве.

* * *

Поселок геологов представлял собой два ряда одноэтажных деревянных домиков, к которым от дороги вели тротуары из струганных досок. Между домами бродили стаи голодных собак. Крупные одинокие псина лежали рядом с мусорными контейнерами, размещенными на некотором удалении от жилых построек. Сфера влияния были распределены — стаи животных не приближались к мусорным бакам, индивидуалы контролировали каждый свой, не покушаясь на соседние.

Начальник экспедиции встретил нас на крыльце главной конторы, дружески обнял Клепочкина, отвесил нам с Винниковым по рукопожатию и пригласил внутрь.

— Ждем вас с нетерпением! — широко улыбался он.

— Как дела? — дежурно поинтересовался Клепочкин.

— Загибаемся помаленьку. Ждем заказов.

Мы с Винниковым остались в отделе и, как могли, поддерживали диалог на тему свалившейся на всех новой жизни. Начальник экспедиции увел бывшего секретаря в свой кабинет, и через полчаса они вышли в приподнятом расположении духа.

— Передайте ребятам все по их списку, — распорядился начальник экспедиции. — Вообще-то мне настоятельно рекомендовали вам ничего не давать, — шепнул он в нашу сторону. — Надеюсь, зачтется, когда подрядчика будете выбирать на бурение, — посмотрел он пристально в глаза Винникову.

Серега Винников был небольшого роста, стриженый, толстый, в очках, и его принимали за главного среди нас двоих. Я был моложе его на десять лет, худой, высокий и кудрявый — на начальника не тянул.

— А ты ничего нам и не даешь, — приобнял его за плечо Клепочкин. — Никто ничего не видел, — хитро посмотрел он на работников отдела, потом на нас с Винниковым.

Сотрудники экспедиции выдали нам все, что требовалось, мы же пообещали, что дома быстро скопируем документы и вернем оригиналы с нарочным. Задание по командировке было выполнено.

В это время в здание конторы ввалился грузный мужичок лет 45, снял шапку, отряхнулся от снега.

— Володя, отдай мне своих гостей, ждем с нетерпением, — обратился он хрипловатым голосом к начальнику экспедиции. — Гриша, знакомь, — пошел он обниматься с Клепочкиным.

— Сурин Василий Егорыч... дирек... леспромх... — находясь в крепких дружеских объятиях вошедшего, сдавленным придушенным голосом представлял его бывший секретарь, — передово... предприя... гордости района...

— Да брось ты, все в прошлом, — махнул рукой Сурин, ослабив хватку.

— Представители компаний, выигравшей право разведки и добычи нефти на том самом участке, — показал, откашлявшись, Клепочкин рукой в нашу сторону и отвесил поклон.

— Как же мы вас ждем! — крепко жал нам руки директор леспромхоза. — Представляю, как жизнь здесь заиграет по-новому! Поехали в наш поселок ко мне в контору. Володя, не в обиде, что я их у тебя забираю?

— Забирай, ты же не отстанешь...

* * *

В конторе леспромхоза Сурин увлек бывшего секретаря в свой кабинет, оставил нас с Винниковым вести светские разговоры с секретаршой в приемной. Через полчаса старые приятели вышли из директорского кабинета, заметно повеселев.

— Поехали,— махнул нам рукой Клепочкин,— Егорыч дом покажет, который для нашей фирмы приготовили. Там же заночуем.

Дом, ожидающий нефтяников, стоял на краю поселка. Это был солидный однотажный деревянный особняк с несколькими спальными комнатами, просторной кухней, гостиной, совмещенным санузлом и небольшой сауной.

Мы проследовали в гостиную, где устроились на диване и двух креслах вокруг низенького столика. Сурин достал бутылку водки из шкафа, рюмки, несколько вилок, тарелку, банку квашеной капусты с клюквой.

— Три леспромхоза в поселке было. Жили, работали. Сейчас я железной дороге должен заплатить за перевозку пустого вагона больше, чем стоимость леса, который мы отгрузим в него,— рассказывал он, разливая по рюмкам водку.— Железная дорога совсем оборзела!

— И что вы сейчас делаете?

— А ничего не делаем. Все работы убыточны. Вас ждем, когда нефть у нас начнете добывать.

— Мы этой нефтью всех вас зальем! — убедительно заявил Клепочкин.— Давайте за нее, родимую, выпьем, чтобы второе дыхание открыла для поселка!

Все чокнулись, выпили. Винников спросил, где туалет, Сурин показал направление, и Серега проследовал по коридору в санузел.

— Давно вас ждем,— ухмыльнулся Сурин,— дом во какой отдаем! А пока вас нет, мы здесь сами собираемся, отдыхаем, телевизор смотрим. А надоест смотреть — я его питания лишаю,— Сурин выложил из кармана на стол пистолет Макарова.— Кабель простреливаю — неохота с дивана вставать.

Я посмотрел в сторону телевизора. Он стоял у стены, чуть выше — розетка, вокруг нее — с два десятка пулевых отверстий.

— И чем дольше вы будете собираться, тем больше дырок будет в стене,— строго посмотрел он на меня.— Так что вы это, не тяните...

— Слышишь, Гриша, пригвозди к косяку вот пачку,— высипал на стол сигареты Сурин,— покажу, как я это делаю.

Клепочкин взял со стола перочинный нож и пригвоздил им картонную пачку из-под сигарет к дверному косяку, ведущему в коридор в направлении туалета.

— Все, уходи! — заорал Сурин.— В сторону! — лицо его перекосила зловещая гримаса. Он схватил пистолет и сделал первый выстрел.

Уши заложило сразу.

Винников соскочил с унитаза, натянул штаны и слился с дальней стеной туалетной комнаты. Выходить было безрассудно — коридор находился на линии огня.

Сурин разрядил обойму. Одна пуля попала в центр пачки, но она по-прежнему висела на ноже. Тогда из другого кармана он извлек второй пистолет — с длинным тонким дулом.

— Зачем перезаряжать, когда другой есть,— он прицелился и несколько раз выстрелил.

Звуки выстрелов, по сравнению с грохотом пистолета Макарова, звучали как хлопки пистонов.

Винников продолжал стоять в туалете, вжавшись в стену.

Пачка все-таки полетела вниз, и остаток обоймы председатель леспромхоза разрядил в пол, стараясь добить несчастную мишень.

Клепочкин разлил водку по рюмкам, Сурин принялся перезаряжать пистолеты.

Винников высунул из дверного проема прикрепленное к швабре белое полотенце, удостоверился, что больше не стреляют, и через несколько секунд вышел.

В дверь постучали. На пороге появился низкорослый паренек.

— Егорыч, я понял, что ты перезаряжаешь, — улыбнулся он. — У тебя гости?

— Откуда узнал?

— Обижаешь. Если до меня новости не будут доходить — значит, в нашей системе сбой.

— Достроил сауну?

— Угадал. Поехали! Я за вами и за гостями, — паренек первый раз окинул нас с Винниковым взглядом. — Меня Лехой зовут. Место шикарное, сразу за поселком.

— Леха, у меня вопрос по твоей части будет, — Клепочкин приготовился говорить дальше, но тот его перебил.

— В сауне поговорим. Поехали, нас ждут.

* * *

Уже минут через двадцать мы сидели за длинным столом в просторном предбаннике, на столе было много бутылок водки и коньяка. Сурин сидел во главе, слева от него Клепочкин, справа — мы с Винниковым, дальше расположились Леха и с полдюжины здоровых хлопцев.

— Хочу поднять тост за Алексея Павловича, — взял слово Сурин. — Он хоть и молодой, но авторитетный человек в нашем районе. Поэтому я и называю его по имени-отчеству. Мое уважение!

Алексей кивнул, все выпили. Потом пили без тостов и очень часто.

— Леха, — повернулся к нему Клепочкин. — Директора магазина грабанули на прошлой неделе. Чья работа?

— Обижаешь, Гриша, — ухмыльнулся Леха. — Ты меня про авизо спроси — я с тобой поговорю. Кражи — не наш профиль.

В дверь ввалился запыхавшийся парень восточной наружности.

— Во, Алихана спроси, — кивнул на новенького Леха, — он про домашников лучше знает.

— Думал, опоздаю, — отряхивался от снега Алихан, — смотрю, все в сборе, — окинул он взглядом сидящих за столом.

— Тебя только не хватало.

— Гостям особый привет! Давай четко знакомиться. Алихан, — протянул он руку Винникову, потом мне. — Че, понты колотите? — посмотрел он на Леху.

— Да так, порожняк толкаем, — ответил тот.

— Алихан, директора магазина квартира — твоих ребят дело? — пристально посмотрел на него Клепочкин.

— Волком не смотри, секретарь, на дурняк не прокатит, — сморщился Алихан. — Залетные хату бомбанули.

Сурин поднял рюмку, намереваясь произнести очередной тост, но Клепочкин схватил его за руку, от чего почти вся водка выплеснулась на физиономию директора леспромхоза. Бывший секретарь не сразу обратил на это внимание, потому что отвернулся, разговаривая с Алиханом и продолжая трясти за запястье Егорыча.

Сурин наступил, на носу у него повисла капля водки, брови нахмурились, глаза сужались.

— Сейчас такое время, — сквозь зубы прошипел он, — что за это только смерть! — последнее слово Сурин произнес громче остальных.

Клепочкин замурлыкал «Интернационал», все остальные за столом молчали.

Следующим по логике шагом должно было стать извлечение из кармана пиджака одного из пистолетов. Что будет дальше — не хотелось даже представлять.

Клепочкин пристально посмотрел на старого друга, сопоставил кисть своей руки,

сцепленную с запястьем Сурина, почти пустую рюмку в руке Егорыча и его мокрую недовольную физиономию.

— Ты че, обиделся? — уставился он на Егорыча. — Ну прости меня, дурака, — Клепочкин налил полную рюмку водки и вылил ее содержимое себе на голову. — Так нормально?

Лицо Сурина прояснилось, морщины на лбу разгладились, в глазах блеснула искра.

— Дай сюда, — бывший секретарь вырвал рюмку с остатками водки у директора и выплеснул их себе на голову.

— Это совсем другое дело, — капля водки упала с носа Егорыча, вместо нее в уголке глаза навернулась другая — пьяная слеза радости.

— Гриша, убери ветки*, — разрядил обстановку Леха. — Пошли косточки пропарим.

Сауна представляла собой просторное, почти квадратное, примерно 7 на 8 метров, помещение. В центре находилась печь с каменкой, с одного края возвышались несколько полок для любителей париться, у входа стояла скамейка, над ней вешалки, в дальнем углу шахматный столик.

Вся компания, одетая в белые простыни, рассредоточилась по обширной площади. Сурин с Клепочкиным, обнявшись за плечи, сидели на нижней полке. В свободной руке директор леспромхоза держал пистолет Макарова, в руке бывшего секретаря райкома сверкал перочинный нож.

— Эй, уважаемый, — подозвал Сурин одного из Лехиных хлопцев, — воткни-ка ножик во-он в ту стенку. Гриша, дай ему, — и Егорыч показал, как надо втыкать. — Нам разрядиться надо.

Паренек отправился с ножом к противоположной стене, Сурин поднял пистолет.

— Давай быстрей! — зарычал он страшным голосом.

Парнишка занервничал, у него не сразу получалось воткнуть нож в стену под нужным углом.

— Быстро в сторону! — кричал Леха.

— Давай, давай! — орал Сурин.

Хлопец дергался, чувствуя на своей спине нацеленный ствол. Воткнув, наконец, нож в стену, он резко отскочил в сторону. Егорыч начал пальбу.

— Братва, ховайся за печку! — кричал сквозь грохот выстрелов Леха, — от ножа срикошетит!

Патроны закончились. Сурин с Клепочкиным поднялись и, по-прежнему обнявшись, стали прохаживаться вокруг печки. Леха подозвал меня, усадил на нижнюю полку, сам сел выше. На Лехиной груди синело несколько куполов.

Напротив нас на скамейке устроился парень в полушибке. В сауне было жарко, и вид тепло одетого человека резко диссонировал с обстановкой даже на очень пьяный взгляд.

— Аля-улю! — щелкнул пальцами Леха, поднял и опустил руку. — Поехали.

Полушубок был чуть распахнут, и в его проеме загорелась маленькая красная точка. Леха протянул мне рюмку коньяка и начал задавать вопросы.

— Кто из вас старший, ты или он? — показал Алексей на Винникова, которого расспрашивал парень из Лехиной свиты.

— У меня чуть выше должность.

— Ваша фирма частная или государственная?

— Есть частная доля, есть государственная, в каких пропорциях — не знаю.

— Где еще работаете? Другие лицензии есть?

— Вроде, нет больше.

— Когда нефть добывать начнете?

— Это не быстрая история. Первую скважину забурим не раньше следующей зимы.

* Ветки — (жарг.) руки.

— Какой уставной капитал?

— Понятия не имею.

— Численность?

— В головном офисе человек пятнадцать, в других местах — не знаю.

— С кем дружите на уровне администрации?

— Это не ко мне.

Вопросы у Лехи закончились. Он махнул рукой, огонек под полушибком погас. С видеокамерами я был знаком, поэтому по красной лампочке понял, в чем дело.

— Все наружу! — скомандовал Леха.

Хлопцы, подталкивая впереди себя гостей, высыпали на улицу. Клепочкина, Сурина, меня и Винникова они дотолкали до сугробов и, распределившись по двое, принялась закидывать снегом.

— О-ох! У-ух! — покрикивали участники экзекуции.

— Розы гибнут на морозе, юность гибнет в лагерях, — старательно растирал снег на моей спине Леха.

* * *

Сурин на своем «Уазике» довез нас до домика-особняка, где мы начали укладываться спать. Только Егорыч уехал, как к дому подкатил милицейский «бобик», из которого выпали два милиционера. Оба были пьяные вдребезги: водитель-сержант и пассажир-лейтенант.

— Эй, гости, принимай гостей! — заорал лейтенант.

Они довольно бесцеремонно прошли в гостиную, скинув по дороге полушибки, и уселись за стол.

— Ладно, не бойтесь, — сказал лейтенант, достал пистолет из кобуры и положил перед собой. Сержант тоже достал свой и положил рядом.

«Понеслось...», — закатил глаза к потолку Винников.

— Когда уже вы начнете у нас нефть добывать? — попытался состроить строгую мину лейтенант.

— Мы этой нефтью всех вас зальем! — повторил главную фразу дня Клепочкин.

— А что нам от этого будет? Машина новая будет?

— Получите УАЗ последней модификации, — сочинил на ходу секретарь.

Стражи порядка мечтательно заулыбались.

— Точно будет?

— Точнее не бывает.

— Смотри мне! — лейтенант помахал в воздухе пистолетом перед тем, как сунуть его в кобуру. — Ладно, мы поехали. Давайте, работайте, то есть это — отдыхайте.

* * *

К вечеру следующего дня мы с Винниковым добрались до аэропорта, где не было света, и пассажиров без досмотра допускали на рейсы. Багаж и ручную кладь тоже не проверяли.

— Как себя чувствуешь? — спросил я Серегу перед взлетом.

— Дикий Запад какой-то, — качал он головой. — Меня чуть вальты не накрыли в туалете, да и в сауне тоже.

— Ты только мурку не води*, — показал я на папку с бумагами, — быстрее копирий.

— Ладно, начальник, все будет на мази, без балды.

СЛОВА

* Водить мурку — (жарг.) затягивать время.

Егор Козлов
(г. Тула)

«К ОЗЕРАМ ПЕРВОЙ БУГРИНЫ» (История из детства моего дедушки)

Nаш постоянный автор.

*Виктор Шмелев. Старотомниково,
Моршанский р-н, Тамбовская область.
1950-ые годы.*

— Фы! — неожиданно раздалось из зарослей, стоило переступить сухие листья раскидистого типчака, торчавшие из сугроба.

Испугавшись незваного гостя, мне навстречу вылетел крохотный зяблик. Оранжевый комок пулей пронесся мимо и поспешил скрыться от нарушителя спокойствия в дальнем лесу.

— Фы-фы-тья-чуррриу... — прощальное пение прозвучало где-то вдалеке, отвлекая мои думы.

«И как только его угораздило не улететь на юг и отсидеть тут всю зиму!» — подметил я с удивлением, вновь едва не оступившись.

Но замешкался я только на миг. Каждая минута была на счету!

Шагая по невысоким земляным кочкам, коих здесь хватало с лихвой, я прошел на север еще метров двести, прежде чем решился на очередную внеплановую остановку. Прохладный ветер стихал. Облака, гонимые с юга, проскользили над бескрайним болотом — и собрались у горизонта где-то над старым руслом реки Цны. Туда-то мне и нужно!

Интересно, но вопреки студеной погоде, земля под ногами по-прежнему громко хлюпала. Наверняка сказывались обильные дожди, еще осенью выпавшие над всей Тамбовской областью. Осеню Цырыкль так вообще разлилась не на шутку, отчего даже самые увесистые трактора не решались проехать по привычному маршруту! Что уж тогда говорить о болоте!

Лес Сюрьки словно выныривал из-под снежных барханов. Липа сердцевидная, ясень обыкновенный, клен остролистый, калина, лещина, шиповник... Большой частью лиственный, лес надежной стеной прикрывал наше село с севера, что не раз спасало от холодных арктических ветров. Спасало по осени, ведь сейчас эти ветра могли в любой момент ударить в полную силу! Но ветер молчал — а я шагал дальше.

Еще одна птица пролетела мимо, не удостоив меня даже намеком на пение. Наверняка сизоворонка — у нас их немало летало в прошлом году. Впрочем, кто его знает... Не отставая от намеченного графика, я преодолел еще несколько высоких холмов и вышел к западной оконечности лесного массива. Здесь, недалеко от Свято-го озера, наконец-то показался надежный ориентир: покосившийся от времени дом лесника. Ну, теперь точно — пути назад нет.

И все-таки... какой невероятный простор! А ведь, казалось бы, обыкновенное Носиновское болото — только ходи и плутай, пока где-нибудь не утонешь... К счастью, ориентироваться в здешних краях меня научил отец. Едва окончив первые классы, я

каждый сезон косил тут траву — вместе с отцом и дедом. Большая низина, поросшая осокой, «лещугом» и другими травами, не славилась чем-то особенным и мало кого привлекала. И все же одним важным свойством она отличалась: прекраснее места для охоты на птиц во всей округе не сыщешь!

Это и стало причиной для моей сегодняшней вылазки...

Топкая почва привычным хлюпаньем отозвалась снизу, когда я повернулся на запад, чтобы обойти Сюрьки и выйти к безлюдным пойменным землям. Опустелый, но не безжизненный пейзаж встретил меня редкими обледенелыми озерцами да зарослями молодых камышей. Вдруг гулкое завывание ветра пронеслось с юга... Словно повинувшись команде, от одного из водоемов оторвалось несколько крупных птиц. Кажется, я на месте.

Когда-то давно здесь протекала Цна. Теперь, когда река сменила направление, старое русло превратилось в цепочку изолированных озер и прудов — излюбленные угодья перелетных птиц. Но как к ним подступиться?

Одно средство я знал хорошо. Зная, что неподалеку растет густой орешник, первым делом я двинулся прямо к нему. Небольшую рощицу даже рощицей нельзя было назвать — так, молодая поросль, которой и три десятка не насчитать. Срубив (а у меня было с собой все необходимое) штук семь таких вот стволов, я счистил с них листву и ненужные ветки и перетащил поближе к крупному водоему. Долгая работа, надо сказать! Впрочем, согнуть тонкий орешник в дугу — дело нетрудное. Сложнее было превратить этот незамысловатый каркас в надежное укрытие от зорких глаз. В этом мне помогла дерюга, которую я накинул сверху. Эх, и провозился я с ней! День близился к полудню, когда я наконец-то справился с задачей и довершил последний штрих: набросал собранное по округе сено, прибитое водой к берегу. Теперь я мог надежно затаиться в своем невысоком шалаше, в оставшем полагаясь на удачу...

Надо сказать, она не всегда поворачивалась ко мне лицом... Носиновское болото располагалось не так далеко от нашего дома. Тем чаще мне удавалось наведываться сюда за трофеями. Пока еще молодой охотник, я все же знал свое дело неплохо. А сколько воспоминаний с этим болотом и близлежащим лесом уже было связано! Взять хотя бы ту охоту с подсадной уткой, когда мне пришлось остаться на ночь, почти без света, чтобы добыть нескольких крупных селезней. Милорд — наш пес — часто помогал нам с отцом в этом нелегком деле. А как иначе, если подчас подбитая птица пролетала порядка пяти километров, прежде чем сваливалась на землю? Собака — верный спутник, и четыре ноги всегда обгонят две самых быстрых...

— Хрр... — донеслось из-за спины, но шансов повернуться, не нарушив целостность шалаша, у меня не было.

Что это за звук? Смахивает на кабана... Нет, точно нет — в такие места они не заходят. Вот в лесу или на Кирпичном овраге — запросто! Там мы с отцом часто их брали: тогда-то он и научил меня издавать громкий звериный хрюк, чтобы обмануть зверя и заманить его на себя. Что пару раз чуть не обернулось кошмаром — крупный кабан запросто может порвать тебя как Тузик грелку, если замешкаешься!

Хрюк не повторился. «Померещилось», — сказал я себе, осторожно возвращая ружье в горизонтальное положение. Несмотря на снега и льдины, только-только давшие первые трещины, холод не докучал. Напротив, на редкость безоблачная погода сменила собой утреннюю дымку, и пойму стало видно на много километров вперед. Разве что Первая бугрина прикрывала вид на горизонт с юга. Но поросший осокой холм я в расчет не брал — следить за озерной гладью он не мешал.

Эх, а в деревне тем временем уже заканчивался обед... Наверняка мать приготовила отцу щи с кислой капустой, и теперь они уплетают их за обе щеки. Признаюсь, я не так уж и любил это блюдо, но и скобежливостью не отличался. Вот кто был скобежливым, так это городские — тем только и подавай мясо на каждый обед! Мы, деревенские, в этом деле неприхотливее...

Минуты проходили долго — и незаметно. За ними пошли часы, и время обеда

постепенно перетекло в вечернюю солнечную зарю. Да какой там! Светило запылало так, что я едва не ослеп — ведь мой шалаш открывался прямо на запад. Однако жалеть о неудачном расположении не было ни времени, ни желания — да и полагаться только на зрение охотнику не пристало.

Помню, как однажды охотился на тетеревов — все в том же Носиновском болоте... Смотрю, слежу, всматриваюсь в небо, несмотря на яркое солнце... И тут вижу — они! Идут, да еще так высоко... Ну я не стал мешкать: зарядил картечи штук пять или шесть и приготовился. Интересный, смотрю, номер: один впереди летит, два косяком позади. И все — только трое. Ну все, думаю — пора! Поднял ружье, прицелился вверх и...

БА-БАХ!!!

Смотрю, один отделился, ниже, ниже летит, потянул и... И чертова солнце снова вмешалось! В тот раз я его так и не нашел... Да я даже не пошел за ним — думаю, он упал километра за три-четыре, а посыпать Милорда вслепую я не решился...

И вот я снова на охоте! Сижу и сижу, словно волк в ожидании своей добычи... А добычи все нет и нет — лишь только отдаленное пение птиц да все тот же пресловутый ветер. И как же не хочется возвращаться домой ни с чем! Даже малым мальчишкой, я и то не любил подводить родителей! И когда такой же ранней весной мы с ребятами ходили за сорочими, вороньими или ястребиными яйцами, я всегда первым лез на высокую сосну или дуб, чтобы не оставаться с пустыми руками. А ведь добиться до гнезда — та еще проблема!

«И неужели сегодня я так и останусь не у дел...» — задумался я, как вдруг... тишину над Первой бугриной нарушил гусиный гогот.

Крепко держа ружье и готовясь в любой момент действовать, я тут же устремил взор в небо и увидел... так и есть! Два серых гуся! И летят прямо на меня!

Пора действовать!

Не мешкая, я сразу же взял мелкой дроби, а потом той, что покрупнее — и засыпал ею второй и третий ряд, не забывая и про пыжи. Секунда, еще одна — гуси совсем близко. Вот-вот уйдут!

Тогда-то я и показал себя! Рывком сбросил с себя шалаш, вылез из укрытия и дважды выстрелил в сторону ничего не подозревающих птиц.

Бах!

Бах!!!

Словно гром, выстрелы сорвали с поймы вечернюю тишину и разорвали ее в клочья. Еще миг, и мне вновь удалось разглядеть пролетавших гусей. И... все получилось: подбитый, один из них развернулся и, бросив второго, полетел вниз. Все ниже, ниже и ниже — пока, наконец, не угодил прямо в ледяную воду. Но радость оказалась преждевременной, ведь теперь меня и сбитую птицу разделяли целых пятьдесят метров холодной водной глади...

Я выругался. Стряхнул со спины остатки сена и принял единственно верное решение: идти до конца. Тотчас на землю полетели все вещи: сапоги, куртка, рубашка, штаны... и даже трусы! Понимая, что иначе я попросту замерзну, я остался в чем мать родила — голым, без тени сомнения прыгнул в обжигающий холод водоема. Дыхание перехватило — но что такое пятьдесят метров для того, кто почти каждый день, на спине, плыл в школу через реку Цну, держа обувь, одежду и школьный портфель над собой, чтобы те не промокли?

Впрочем, то было теплое время. А сейчас... Последние метры дались с трудом. Эх, сейчас бы сюда Милорда!.. И все-таки такой собачий холод способен выдержать только человек. И вот я у цели — и держу заветную дичь, отталкиваясь от льдины.

Скорее назад!

Не помню, как я доплыл до берега. Да я даже не заметил, как снова оделся, — все случилось на автомате. И вот, минут пять пропрыгав на морозе, я наконец-то отогрелся после непредвиденного заплыва. Взглянул на гуся, на ружье и остатки шалаша и понял, что... снова пропал.

Охотничий азарт разгорелся не на шутку. Что такое одна птица за целый день? Ерунда! Вот если бы я принес три. Или хотя бы две...

Сказано — сделано. Быстроенько собрав стволы и дерюгу, я восстановил шалаш, приготовил ружье и снова засел в ожидании добычи. Конечно, уже темнело, и шансы попасть в цель медленно, но верно приближались к нулю. Однако отец всегда подавал мне пример своей настойчивостью — и заразил меня ею, видимо, тоже он. Согреваясь под настилом и продолжая неистово всматриваться в темнеющую даль, я ненароком вспомнил наши с ним осенние и зимние походы за утками. Владимир Афанасьевич считался заядлым охотником даже по меркам нашей деревни. Втроем — с отцом и Милордом — мы часто затаивались в зарослях рогоза, поджиная крякв и ярких селезней. И пусть по сравнению с отцом я их почти не добывал, в зимний период, вместе с его племянником Александром Ивановичем и другими охотниками, мне частенько перепадала хорошая доля зайцев-русаков. И это я не говорю о лисах и волках...

К чему это я? К тому, что вот она — настоящая жизнь. На природе, вдали от шума и пыли, где все определяешь только ты сам. Но буду ли я вспоминать эти дни в глубокой старости как одни из самых счастливых в своей жизни?

Наверняка.

— Та-та-та-та... — пролилось надо мной, едва я отошел от воспоминаний.

Вот она — удача! В виде нескольких ищущих ночлега уток — и снова над «полюбившимся» мне водоемом! В этот раз отточенные действия помогли мне добиться желаемого еще быстрее. Увидев, как от стаи отделяется крупный селезень, я снова зарядил ружье. Разрушил свое укрытие. И одним громким «бахом» сбил ничего не подозревающую добычу. Накренившись, птица вошла в пике, полетела, полетела... и — о, чудо! — пронеслась мимо воды! Падение в каких-то двадцати метрах от шалаша еще раз подытожило удачный день: прошагав по некрупным земляным кочкам, я перешагнул обширный подтопленный участок берега, едва не соскочил в воду у подножия холма и наконец поднялся наверх, где и обнаружил сбитого селезня.

Крупный же мне попался экземпляр, ничего не скажешь!

Взял его с собой, я ненароком огляделся. За последний час тень от Первой бугрины удлинилась раза в три или четыре — закат вот-вот должен был закончиться. Что же делать? Часа полтора в запасе у меня еще были, да и не впервые возвращаться по темноте...

— А, была — не была! — произнес я, возвращаясь к шалашу, с которым уже успел сродниться.

Да. Такой вот я человек — очень уж хотелось впечатлить родителей хорошей добычей. Да и куда торопиться — все равно на ужин уже не успеть...

В третий раз водрузив на себя громоздкое укрытие, не чувствуя усталости, я засел с чувством сильнейшего предвкушения. А что если в следующий раз мне удастся сбить сразу двух птиц? У отца такое бывало — может, и мне повезет?

Солнце тем временем совсем исчезло из виду. Огненный шар перекатился за горизонт, оставив озерную гладь и одичалые холмы в одиночестве темнеть перед темной ночной сменой. Где-то там, за ними, протекала широкая и прекрасная Цна. За ней, на другом берегу, стояло несколько деревень, куда более крупных, чем наша. Носины, Новотомниково, Княжево — с ними нас соединяли несколько понтонных мостов да возможность самостоятельно переплыть реку. И все же я иногда им завидовал: как-никак, они были первыми, получившими электричество в свое распоряжение...

Но даже если учесть, что я теперь учился там, за рекой, и жил...

Стойте... Что-то не так...

— Что такое?! — спросил я у мертвой тишины, почувствовав всем телом нарастающий, сковывающий каждую жилу холод.

Да здесь же вода! И не просто вода — целый потоп! Похоже, увлекшись охотой, я потерял голову и забылся вконец. А как иначе объяснишь прорвавшееся в мой ша-

лаш ледяное озеро, которое я заметил не сразу? Только тогда, когда у меня в нем оказался весь живот, на котором лежал...

Кажется, прав был отец: ничто не бывает вечным, а удача — тем более.

Охота окончена. Не скрою, я не был этому рад, но и плавать тут вместе с лягушками и своей добычей не собирался. В последний раз скинув с себя шалаш и уже не заботясь о его сохранности, я вылез из водного капкана. Собрал дерюгу, вдогонку гусю закинул в корзину и утку — и поспешил домой. Наверное, только сейчас я понял, что все-таки задержался: прдорогший, грязный, промокший почти насквозь, я представлял собой жалкое зрелище. Одно хорошо: уже стемнело и никто в деревне не заметил бы заблудшего охотника, идущего с трофеями к родной берлоге.

Вечер клонился к ночи. Темнота, в которую погружался наш край, наполняла его пронизывающей до костей стужей. До настоящей весны было еще далеко... и все же она уже подступала. Перелетные птицы мало-помалу возвращались из дальних стран, лежавших к югу. Ледяной щит, сковавший Святое озеро, треснул следом за белым покрывалом широкой Цны. Закаты приходили позднее... Природа просыпалась, и сегодня, испытав за один вечер тоску, ностальгию, прилив адреналина, радости и досады, я как никогда ощущал себя ее частью.

Носиновское болото осталось далеко за спиной — вместе с лесом и Первой бугриной. Огни Воронцовки замаячили в окнах домов, деревянный сруб которых казался сейчас еще одним темным и неприступным лесом. Нахаловка, Старотомниково, Крюковка — деревенские наверняка уже попрятались в своих домах, давно угнав с пастищ скотину. Найти в такой темноте, при отсутствии фонарей, свой дом — та еще задачка!

Рядом замычала корова. Затем еще раз, метрах в двадцати. Еще в ста шагах к югу заклокотали куры... Значит, все правильно.

Я вышел на центральную улицу и свернул налево. Миновал несколько брошенных домов, большой соседский амбар и сваленные в кучу дрова, коих после зимы осталось совсем мало... Сухой шиповник, тропинка, забор... и, наконец, оно — заветное оконце.

Я дома!

— Виктор! Где ж ты измазался так?! — тотчас воскликнула мать, не дожидаясь приветствий.— Да еще и вымок до нитки!..

Не найдя лучшего способа ее успокоить, я передал ей в руки корзину с добычей. Она бы рассказала обо всем куда лучше.

— У, молодец! — отец, появившийся в сенях, первым нарушил молчание.— Гуся и селезня за раз! Молодец, добыл нам дичи!

Ну, думаю, теперь мать точно не будет меня ругать, раз уж отец так хвалит. Так и случилось: и, как и следовало догадаться, за сытным ужином дело несталось. Мама постаралась на славу, отец то и дело нахваливал, хотя и старался быть объективным, а я... уже грезил о новом походе на Носины.

Охота, природа и безграничный простор. Нигде и никогда я так не ощущал волю к жизни, как там — где лесные массивы отвоевывали себе место на топких берегах Цны, а каменистые склоны оврагов привлекали к себе группы диких, задиристых кабанов. Там, где в глубинах березняка, прятались десятки грибов «обойденышей», а «дикий» лук только и ждал, чтобы мы с ребятами отыскали его на раскидистом, зеленом лугу...

И пусть впереди нас ждало еще много походов... Пускай однажды молодой охотник станет опытным советским офицером, увидит большой мир и займется охотой на зайцев в самой ГДР...

...все это будет потом.

Но сегодняшний весенний день — такой суетливый, холодный и бесконечно простой — останется в моей памяти на всю жизнь.

СЛОВА

Владимир Спиридов
(г. Омск)

ЗАЙКА С ЭЛЕКТРИЧКИ

Родился в 1958 году в Омске. Окончил курсы Школы юнкоров при редакции газеты «Молодой сибиряк», позже высшую Хабаровскую школу милиции МВД СССР. Повести «Приключения Лакки из шоколадного племени и ее друзей», «Коронки золотые», «Так рождается фашизм» и «Роковая встреча» публиковались в литературных альманахах и журналах. Полковник милиции в отставке. Председатель творческого литературного клуба «Пегас».

За окнами электрички слегка пуржило. На стыках рельс монотонно — «тыдытыдык» — раздавался перестук колес. Изредка с грохотом проносились мимо встречные поезда, от чего Смирнов с неудовольствием просыпался и, чертыхаясь, вновь старался погрузиться в прерванный сон. Плавное покачивание постепенно убаюкивало, отгоняло прочь посторонние мысли, заставляя ни о чем не думать. Все волнения и рабочие условности позади. Лечение в ведомственном санатории «Приморье» неподалеку от Владивостока помогло восстановиться и полностью прийти в себя. Находясь здесь, Смирнов старался поменьше вспоминать о своей непростой службе. Ночные подъемы с выездами на места происшествий, допросы подозреваемых и обвиняемых, встречи с арестованными в следственном изоляторе, жесткие рамки сроков следствия, которые необходимо было неукоснительно соблюдать — все это отошло на задний план.

Очередной отпуск... Здорово, что он есть! Радостные чувства переполняли Смирнова с первого дня долгожданного отдыха. Не надо рано просыпаться, торопливо мыться, бриться, одеваться и спешить на службу, чтобы не опоздать на утреннюю планерку к начальнику.

Незаметно пролетели две недели. В эту субботу он решил пожертвовать лечебными процедурами и съездить во Владивосток, чтобы посетить места, которые стали ему по-своему дороги. Площадь Борцов революции, центральный универмаг, музеи, фуникулер на склоне сопки «Орлиное гнездо», окрестности бухты «Золотой рог», Корабельную набережную с легендарной подводной лодкой С-56* и прочие достопримечательности.

В этом городе по окончанию высшей школы милиции ему довелось несколько месяцев постигать азы следственной работы. Повезло влиться в замечательный дружный коллектив настоящих профессионалов следствия, у которых было чему поучиться. Все это было в прошлом, причем, весьма приятном для него.

За окном электрички мелькали столбы электропередач. Живописные места южного побережья Амурского залива ласкали взор и вызывали восторг. На душе было

* Подводная лодка С-56 — мемориальная гвардейская краснознаменная лодка-музей. Открыт 9 мая 1975 года, в день 30-й годовщины со дня Победы над фашистской Германией.

светло и приятно. Климат, не хуже Сочинского, вполне устраивал, радовал всех прибывающих сюда гостей. Сплошные удовольствия! Чего еще желать следователю милиции в отпуске?!

Повинуясь законам природы, предрассветные сумерки неумолимо рассеивались. Мартовское утро, все заметнее вступая в свои права, поджидало солнце, чтобы брызнуть его яркими лучами и осветить необъятные просторы с сопками, вдоль которых пролегала железная дорога.

Уронив голову на грудь, Смирнов заснул безмятежным сном. Неожиданно его разбудил громкий женский голос:

— Приготовим билетики и проездные документы для проверки.

«Вот так всегда... ни уважаемые граждане... ни здравствуйте вам, а внезапно и сразу, как с разбегу в телегу, нахраписто и по-деловому», — с неудовольствием отметил для себя Смирнов появление контролеров-ревизоров. Открыв глаза, он увидел двух женщин: одна из них — высокая и полная, другая, в противоположном конце вагона, худощавая, невысокого роста.

«Щука и селедка», — почему-то сравнил Смирнов их с рыбами. На головах обеих черные форменные шапки с кокардами железнодорожников. «Что ж, облава по всем правилам, чтобы ни один «заяц» мимо не проскочил. Надо же, ведь придумал кто-то такое меткое прозвище безбилетным пассажирам, которые боятся быть пойманными и оштрафованными. А все потому, что дрожат, как зайцы, с перепугу. Но уж мне-то в такой ситуации ничего не грозит», — спокойно рассудил Смирнов. Служебное удостоверение во внутреннем кармане куртки придавало уверенности. По «Закону о милиции»* все аттестованные сотрудники пользовались льготой бесплатного проезда в электричках.

В столь ранний час пассажиров в вагоне было мало. Через проход от Смирнова, у противоположного окна, расположились супруги-старички с баулом на детских санках. Дальше молодая женщина с девочкой лет шести, паренек в спортивном костюме с лыжами и два мужика в обмундировании путейских рабочих. На их принадлежность к железнодорожникам, помимо ярких оранжевых безрукавок, прямо указывал стоящий в ногах металлический инструментальный ящик, на котором лежал большой путейский молоток для забивки в шпалы крепежных костылей.

Старички, как и Смирнов, посапывая и пряча носы в воротники шуб, до появления контролеров мирно дремали. Женщина что-то объясняла ребенку, указывая пальцем на рисунки в детской книжке, которую держала в руках. Лыжник с интересом поглядывал в окно, любуясь природой. Путейцы, не обращая ни на кого внимания, о чем-то негромко спорили. По отрывкам фраз Смирнов понял, что один из них, недовольный каким-то распоряжением, «моет кости» своему начальству, а второй пытается оправдываться и защищать это самое начальство.

Потревоженные пассажиры покорно предъявляли проездные, которые блестительно порядка проезда на железнодорожном транспорте со строго-невозмутимым видом пробивали компостером. «Селедка», пристально изучив удостоверение Смирнова, уважительно кивнула головой и, пожелав ему счастливого пути, повернулась к старичкам, над которыми уже, как айсберг, возвышалась ее напарница.

Дедок замешкался в поисках билетов и в растерянности обшаривал свои карманы. Ничуть не смущаясь, «щука» с язвительным бессердечием перешла к нападению.

— Ну что, дед, делаем вид, что билетики потерялись? — возопила она на весь вагон, — а сам, поди, их и не покупал?

— Да нет же! Были у меня билеты, и свой, и женки моей, но куда я их задевал, не помню, — обиженно, с чувством собственного достоинства буркнул в ответ старичок.

— Мне с вами церемониться некогда! Еще в трех вагонах таких же, как ты, про-

* Статья 32. Бесплатный проезд сотрудника милиции. Утратила силу в 2004 г. — *Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ.*

верять. Плати штраф, раз нет билетов, или высадим обоих на первой же станции,— наседала «щука».

— Вы не имеете права... Я ветеран Великой Отечественной!

— И труда тоже! — встремля в разговор старушка-жена.— Почему вы тыкаете и грубите ветерану-фронтовику? Разве так можно с пожилыми, уважаемыми людьми?

— Смотри-ка, заступница нашлась! — не сдавалась «щука».— Ветеранам у нас почет и слава! А безбилетникам стыд и позор!

«Однако непристойно себя ведут со старицами эти зарвавшиеся особы»,— подумал Смирнов. Он уже ощущил в себе порыв вмешаться, но тут дедуля радостно вскрикнул:

— Слава Богу! Вот они, билеты-то. В варежке у меня были, оказывается.

С лица контролерши исчезла злорадная ухмылка. Было видно, что она расстроилась, не ожидая такой развязки. Сердито проворчав:

— На будущее рекомендую знать, где у вас находятся документы на право проезда,— она с монументально-оскорблением видом направилась к выходу.

Вслед за ней молча поспешила «селедка». Поравнявшись с путейцами, поздоровались, как с давними знакомыми. Прощебетав напоследок им что-то приятное, отчего мужики дружно рассмеялись, покинули вагон.

Вокруг вновь воцарились тишина и спокойствие. Смирнов собрался было заснуть, но вспомнилось детство. Когда ему, мальчугану Вовке, отроду было всего четырнадцать лет, случилась неприятность, врезавшаяся в память и оставшаяся там черным пятном на всю жизнь. Родители с младшим братом тогда уехали по путевке в Дом отдыха. Его оставили на попечение родственников. Врученные на прощание отцом деньги истратились быстрее, чем ожидалось. Надо было как-то продержаться еще три дня. Кто мог выручить и снабдить деньгами? Конечно же, сердобольная, любимая бабушка! До дома, где жили родные старички, было пять остановок. Топать пешком, да еще в мороз, далековато. Стоимость проезда автобусом — медный пятак, а денег ни копейки. Решил все же ехать на автобусе. Может, повезет, кондуктора в нем не будет? Ну а если не повезет — оставалась надежда, что пожалеют, как несовершеннолетнего и не высадят на мороз. Не повезло... Кондуктор-женщина, на беду, попалась далеко не добрая. Обирав всех пассажиров, приблизилась к нему вплотную и потребовала плату за проезд. Чтобы выиграть время и проехать как можно дальше, стал рыться в карманах. Там завалялся старый полтинник тысяча девятьсот двадцать четвертого года выпуска. Запомнилось, что на аверсе монеты изображен молотобоец. Нашел случайно на улице — по дороге домой из школы. «Какие никакие, но все же деньги»,— с надеждой подумал он, желая разрулить неприятную ситуацию.

— Ну, будем оплачивать проезд или нет? — гаркнула на весь автобус кондукторша, обжигая его взглядом.

— Тетенька, у меня нет других денег,— жалобно пролепетал мальчишка, протягивая устаревшую монету,— только этот полтинник.

И в полной растерянности стал оглядываться по сторонам, ожидая поддержки пассажиров. Но у взрослых дядь и теть, за редким исключением, были невозмутимо каменные лица. Их ничуть не заинтересовала и не озабочила судьба подростка. Никто слова не произнес в его защиту. Ни от кого не поступило и предложений оплатить за него проезд. Более того, у одного из мужиков откровенно читалось на лице: «Да кончай ты с ним церемониться, едем скорее дальше».

— Нет денег — ходи пешком! — злобно рявкнула кондуктор. По ее требованию водитель остановил автобус. Поправив на животе кожаную сумку с выручкой, она демонстративно схватила юного безбилетника за воротник куртки и вышвырнула на обочину. Следом в сугроб полетела никчемная монета, затерявшаяся там до весны, пока не растает снег. Двери с лязгом закрылись. Тогда во всех автобусах старого типа

были такие. Выпустив из выхлопной трубы облако сизого дыма, автобус поехал дальше, оставив замерзать на заснеженном тротуаре расстроенного парнишку.

Чтобы не испытывать судьбу дважды и не схлопотать пневмонию, следующие четыре остановки он преодолел бегом. Морозный воздух рвал легкие кашлем. Приходилось останавливаться, — перевести дух, отышаться в воротник болоньевой куртки, которая задубела и хрустела на морозе, как фольга...

В том далеком прошлом Смирнов Вовка сполна испытал чувство стыда и горькой обиды на весь белый свет. Вся эта история всплыла в памяти, как будто вчера случилась. Былого разочарования и дискомфорта в его душе уже не было, но осадочек остался. Ну ладно бы сам зарабатывал деньги. Как состоятельный человек имел бы их на карманные расходы, в том числе на оплату проезда. В то же время, как ни крути — закон на то и закон, чтобы его соблюдать! Нет денег — ходи пешком, а в транспорт не суйся! С безбилетниками во все времена поступали строго. А как же иначе? Вспомнился рассказ родного деда, как в тысяча девятьсот тридцать девятом году Гитлер озабочился экономическими потерями по вине любителей бесплатного проезда. Позвал своего поверенного — шефа гестапо Мюллера — и спросил, каким образом, причем, быстро, можно покончить с безбилетниками? Ответ был коротким и лаконичным. Вначале нужно объявить решение и предупредить население о последствиях. После чего принять жесткие меры, вплоть до расстрела на месте. Понадобится всего лишь десять автоматчиков. Сказано — сделано! Через пять дней штурмовики остановили в Берлине трамвай и высадили безбилетников. Затем довели до ближайшей стенки, где и расстреляли. С той поры любителей бесплатного проезда в Германии не стало. Едет с работы в трамвае заснувший от усталости какой-нибудь рабочий, а в пальцах, у всех на виду, как драгоценная реликвия, зажат проездной билет.

— Жестокие времена были, однако, — усмехнулся своим мыслям Смирнов, встал и направился к выходу.

Электричка гигантской змеей не спеша вползла на конечную станцию и замерла у вокзала в ожидании высадки пассажиров. Выйдя из вагона на перрон, Смирнов огляделся. Решил подняться на виадук, который выводил пешеходов сразу на привокзальную площадь. С него были видны все близлежащие окрестности. Невольно залюбовался сверху представшей его взору картиной, но спустя мгновение услышал все тот же крикливый голос с электрички. Обернувшись, увидел, что его догоняют «щука» с «селедкой». Он удивился, но не их появлению, а тому, что «щука», накинув себе на плечо длинный ремешок чужой дамской сумочки, крепко вцепилась в него своей рукой, как клешней. То, что сумочка была чужая — не было никаких сомнений. Рядом с ней, понуро опустив голову, шла и краснела симпатичная молодая девушка, прижимая к своему боку эту самую сумочку.

— Привыкли ездить без билетов, а нам железнодорожникам потом зарплату платить нечем, — драли глотку «щука», стараясь как можно больше привлечь к себе внимание пешеходов.

— На содержание дороги средств не хватает, а им халаву подавай, прокатиться в свое удовольствие, — разоряясь, вторила ей «селедка».

При каждом их высказывании девушка вжимала голову в плечи, чувствуя себя преступницей в глазах окружающих. Ее лицо от стыда стало пунцовым. «Ведут как воровку, только руки еще не заломили», — проникся к ней сочувствием Смирнов. Он уловил в поведении, взглядах прохожих то же самое равнодушие, какое когда-то испытал сам, подростком, за безбилетный проезд в автобусе.

«Неужели все очерствели душой настолько, что безразличие к чужому горю уже становится нормой жизни? Ведь вполне очевидно — ведут в свою диспетчерскую, где после разбора придумают наказание. Наверняка сообщат по месту работы или учебы. Сфотографируют, а фото вывесят в людном месте на доске позора. Ну, и еще что-нибудь в этом же роде. А как же тогда основной принцип коммунистической

морали — «человек человеку — друг, товарищ и брат»? Ведь ежу понятно, что у девчонки просто нет денег. Одета простенько. Демисезонное пальтишко не по погоде, которое в марте нисколько не греет. На голове шапочка-самовяз. Да и сапожки на ногах далеко не новые. Владивосток — приморский город, и потому народ здесь привык одеваться солидно.

Смирнов расстроился. «Но ведь кто-то должен ей помочь! Дать шанс не утратить веру в добро, чтобы не погасла искра человеческого сердца. Чтобы не испарилась вера в хороших людей, готовых всегда прийти на помощь и выручить из беды. Чтобы не укрепился в ее сознании господствующий с рабовладельческих времен принцип «человек человеку волк». Надо, обязательно надо выручать девчонку!»

Он задумался, каким образом это можно сделать. Однако дальнейшие события произошли сами собой и быстро. Он обратил внимание, как румянец внезапно исчез с лица девушки. Заметно побледнев, она выпустила из рук свою сумку и неожиданно для всех бросилась бежать в его сторону.

— Нет, вы только посмотрите на нее,— скривив в усмешке рот, заорала «щука».

— Вот так всегда! Ведешь их куда следует, а они в бега... — не без ехидства и так, чтобы все вокруг услышали, заметила «селедка».

«Почему же они не побежали за ней? Почему не догоняют и не просят помочь у прохожих, чтобы поймать ее? А-а-а, вот в чем дело... Сумочка-то у них осталась. Хорошая такая, элегантная, из белой кожи. И если в ней нет паспорта и других важных документов, то наверняка она достанется этим двум рыбинам», — осенила Смирнова догадка.

«Не-е-е-т, так не пойдет!» Он раскинул в стороны руки и поймал беглянку. Та обреченно и судорожно забилась в его объятьях, как запутавшаяся в силах птица.

— Тихо, тихо, тихо... Успокойся, милая! Я помогу вам! — скороговоркой выпалил Смирнов.

Услышав, что ей хотят помочь, девушка перестала вырываться и, смирившись со своей участью, сразу обмякла.

— Ну что, убежать хотела? От нас не убежиши! — со злорадной ухмылкой буркнула подошедшая к ним «контролерша-щука». Но тут же осеклась, увидев, что Смирнов, прикрывая собой девушку, выступил ей навстречу.

— Я сотрудник милиции, — представился он. — Мы уже встречались с вами в электричке, когда предъявлял свое служебное удостоверение. Могу еще раз показать, если не верите.

— Ну почему же? Верим! Помню — лейтенант милиции. Следователь... — улыбаясь, подтвердила его признание «селедка», — и что дальше?

— А дальше я хочу знать — какова сумма штрафа за безбилетный проезд?

— Три рубля, — выпалили в один голос ревизорши.

— И если пассажир не в состоянии его оплатить, — продолжила «щука», — или уклоняется от уплаты штрафа на месте, то мы согласно действующей инструкции обязаны его высадить на первой же остановке электропоезда или доставить для разбора и принятия соответствующих мер в диспетчерскую.

— У нее нет денег, — кивнув головой в сторону девушки, с сарказмом пропыхтела «селедка». — А задержали, когда уже подъезжали к городу.

— Все ясно, — перебил ее Смирнов и тут же озабоченно уточнил:

— Могу ли я оплатить за нее штраф?

— Можете. А вам это надо? — насмешливо фыркнув, подковырнула его «щука».

— Надо!

Подавая ей купюру, Смирнов непререкаемым голосом решительно произнес:

— А теперь, пожалуйста, выпишите квитанцию об оплате штрафа и верните девушке сумочку.

Немногочисленные прохожие, с интересом наблюдавшие чем же закончится эта суматоха, стали расходиться.

— Ну, ты даешь, паря! — услышал Смирнов за спиной грубый мужской голос.— Поди, глянулась телка, вот и стараешься!

Он обернулся. Позади в трех шагах стоял верзила под два метра ростом лет сорока и ухмылялся. На пальцах тюремные наколки в виде перстней. Одна из них, на большом пальце левой руки, в виде ромба на решетке в крупную клетку*. Девушка вновь побледнела. Надеясь на защиту своего спасителя, опять спряталась за его спину.

Два года патрульно-постовой службы, а также учеба в милиецком вузе много-му научили. «Главное не робеть и взять инициативу в свои руки. По-другому — никак! — решил Смирнов.— Иначе все может окончиться сопротивлением, как сотруднику милиции или дракой».

— Товарищ, во-первых, мы не знакомы и чай вместе не пили. Поэтому попрошу мне не тыкать, и тем более обзывать непристойными словами девушку,— переходя в наступление, со сталью в голосе начал Смирнов.— Во-вторых, вы давно от «хозяина», да еще с особого режима? Новых приключений захотелось?

Такое напоминание о местах лишения свободы всегда отрезвляющее действовало на дебоширов и хулиганов.

— Ладно, начальник, будет вам... Нет проблем. Я все понял. Вижу, что подкованный, палец в рот не клади.

— Зато вы пока научитесь держать язык за зубами — они у вас, похоже, выпадут,— парировал его выпад Смирнов.

— Да пошел я уже, пошел... Ухожу!

— Вот, так-то лучше,— примирительно согласился Смирнов и снова повернулся к контролерам, которые уже покончили с формальностями по оформлению штрафа.

«Щука» возвратила девушке сумку с паспортом и вручила квитанцию. Напоследок обожгла ее взглядом и прогундосила:

— Благодарите своего заступника-покровителя, гражданка Василькова. А то наплакалась бы еще!

Смирнов, желая, чтобы верзила и контролеры отошли подальше, многозначительно подмигнул незнакомке. Она поняла его намек и не торопилась.

— Как вас зовут, прелестное создание? — глядя на девушку с улыбкой, спросил Смирнов.

Она посмотрела на него из-под черных длинных ресниц глазами-васильками, которые полностью соответствовали ее фамилии, и, смущенно улыбаясь, произнесла:

— Мама Людмилой назвала. Можете называть меня просто Люда. Как мне вас отблагодарить? Денег, и вы это знаете, у меня с собой нет. Хотела у девчонок в нашем студенческом общежитии одолжить на пару дней до стипендии, но не успела.

— Да-а-а-а...— с иронией протянул Смирнов.— В большой город, и без финансов на электричке — это верх неблагородства! А отблагодарить вы меня сможете и без денег, если расскажете свою историю, кто вы и откуда?

— По-вашему я неразумная глупышка?

— Не-е-т. Ну что вы?! Такие красивые девушки, как вы, неразумными не бывают.

На лице Людмилы появился заметный румянец. Поправив на плече ремень сумочки, она произнесла:

— Ну, тогда слушайте. Учусь на втором курсе медицинского института. Отпросилась в деканате домой в Кипарисово, навестить больную маму. У нее проблемы с сердцем. Отца у меня нет и не было. Вернее, был давно, но я его не помню и не знаю. Он оставил нас и ушел к другой женщине, как мне рассказали мама и бабушка. Поэтому помочь нам ждать неоткуда и не от кого. Остатки своей стипендии я оставила

* Наколки на пальцах в виде перстней — по сложившимся воровским традициям имеют зашифрованный смысл и сообщают биографию преступника. Конкретизируют: за что был осужден, какой преступной профессии привержен, и в каких условиях отбывал наказание.

на продукты с лекарствами бабушке, которая ухаживает за мамой. Думала, доеду нормально, а тут такая неприятность.

— Да уж, с контролерами шутки плохи,— хмыкнул Смирнов и спросил,— не боитесь новых нежелательных происшествий? Может, вас проводить?

— Зачем вам утруждаться и терять время? Не стоит! Вы и так потратили его на меня предостаточно. Мне тут совсем недалеко. Лучше скажите, где вас найти, чтобы я могла вернуть деньги?

— Возвращать ничего не надо. Я приезжий из другого города. Так что вам будет не просто разыскать меня. А сейчас собираюсь посетить во Владике некоторые места. Ну, теперь, кажется, все выяснили. До свидания, Людок-vasilek и глаза-vasильки?

Смирнов был рад, что ему удалось помочь этой красивой девушке. Что она повеселела и глаза ее светятся счастьем. А еще подумал: «Повезет кому-то с женой. Хорошая, скромная, ласковая, добрая».

— Можно я вам задам еще один вопрос? — немного стесняясь, обратилась к нему Людмила.

— Да, пожалуйста, но только один,— с веселой ironией уточнил Смирнов.

— Как вас зовут и почему вы решили помочь мне? Ведь другие этого не сделали?

— Ну вот, вместо одного вопроса задали два,— рассмеялся Смирнов.

— Дам ответ только на второй, который вам может показаться несколько странным. Хотя он полностью соответствует действительности. Помог потому, что я однажды сам побывал в похожей ситуации. Столкнулся с черствым отношением и равнодушием окружавших тогда меня людей. А еще по долгу службы и как человек по-другому поступить не мог. Вы, наверно, удивитесь, но когда я работал постовым милиционером, прохожие, иногда обрачиваясь, шутливо и по-доброму говорили нам вслед: «МММ... и тут же ласково добавляли — моя милиция меня бережет! Мне и моим товарищам по службе чертовски приятно было слышать от людей эти три слова на букву «М» со словом «бережет». На мой взгляд, не должно быть безразличных людей к чужому горю и особенно в милиции.

Смирнов смотрел на девушку и поймал себя на мысли, что ему вовсе не хочется с ней расставаться. «Пригласить прогуляться? Но тогда грубиян-рецидивист окажется прав, что запал на нее. А Люда может подумать, что пристаю к ней с намерением навязать свою дружбу. И чем тогда я лучше его? К тому же она отказалась в проводах, а я скрыл свое имя, чтобы не искала».

— Вы так интересно все рассказываете. Случайно стихи не пишите? — прервала она его раздумья.

— Нет, тут вы не угадали. Хотя хорошие стихи люблю и даже иногда запоминаю. У моей землячки, Елены Кофановой, в одном из стихотворений есть такие строчки:

*Дай мне силы не очерстветь
В потоке людском безразличном.
Поддержать и понять суметь,
И не стать в душе pragmatичным.*

*Дай мне силы добро творить,
Людям верить и улыбаться.
И найти путеводную нить,
Человеком чтоб оставаться...*

— Хорошие стихи. Мне понравились. Они учат добру. В них, наверное, ее обращение к Богу?

— Точно не знаю, но думаю, что да. Когда у нас возникают житейские проблемы или начинаем стремиться к какой-то важной цели, товольно или невольно вспоминаем Всевышнего.

— И со мной такое иногда случается,— соглашаясь с его мнением, призналась девушка.

Она с интересом окинула его взглядом и улыбнулась ясной, открытой, благодарной улыбкой, от чего Смирнов немного растерялся. Но тут же взял себя в руки, и, сосредоточившись, решительно произнес:

— Ну, Людмила — всем людям мила, теперь уже точно все. Прощайте, милая «зайка» с электрички! Честь имею!

— До свидания, товарищ лейтенант милиции! Товарищ следователь. Я всегда буду вас помнить!

Провожая ее взглядом, Смирнов вдруг осознал, что теряет что-то особенное, дорогое и желанное. А вся его дальнейшая жизнь без этого будет скучной, никчемной и неинтересной. Припомнил неповторимый, дурманящий аромат лаванды волос беглянки, когда сжимал в своих объятиях. Улыбку, сравнимую с солнечной, теплой весной.

«Вот так расстаться, и все?» — пронзила его мозг запоздалая мысль.

— Люда! — словно опомнившись, негромко окликнул он...

СЧЕСТНО

Евгений Мирмович
(г. Санкт-Петербург)

В прошлом офицер, подполковник; один из редакторов литературного портала «Изба-читальня». Выпускник литературных курсов при Литинституте им. Горького. Лауреат различных литературных конкурсов. Публиковался в литературной периодике.

ОЛИМПИЙСКАЯ МЕДАЛЬ

В начале прошлой зимы мне подарили новые лыжи, и я решил пробежаться по еловому лесу, наслаждаясь чистым морозным воздухом. С непривычки темп я взял неправильный. Да и дистанцию себе наметил не по силам. В общем, через пару часов я полностью выдохся и повернулся к дому. Чтобы сократить себе обратный путь, я махнул через заброшенный пионерский лагерь. Пустые полуразрушенные корпуса, разбитые окна, тишина. Людей не видно, но дымком откуда-то потягивает. Значит, кто-то есть.

Через минуту на меня выскочила большая лохматая черная собака. Она остановилась метрах в десяти и с рычанием преградила мне путь. Я замер в ожидании. В это время со скрипом отворилась дверь маленькой деревянной бытовки. На пороге появился сторож. Небритый мужик в засаленной телогрейке и валенках. Он оглядел меня с ног до головы и подозвал к себе собаку.

— А, лыжник. Не бойся, пес не кусается,— сторож погладил по голове собаку и присел на скамейку возле бытовки.

— Не возражаете, если проеду по вашей территории? А то в обход далеко, а я сильно устал.

— Проехал уже. А устал, так садись, отдохни,— он указал мне на скамейку возле себя и достал из внутреннего кармана жестянную флягу,— будешь пятьдесят грамм?

— Нет, я чайку лучше хлебну,— я снял со спины рюкзак и достал термос.

— Еще бы ты не устал,— продолжил сторож, отпив из своей фляги,— ты же неправильно коньком идешь. Кто тебя так учил?

— Меня вообще никто не учил. Я дилетант,— ответил ему с усмешкой.

— То-то я и вижу. Ты когда маховую ногу отправляешь в прокат, переноси на нее центр тяжести. А руки не должны уходить за спину при толчке. На уровне бедра толчок заканчивай. И на палках не виси.

Он подошел ко мне и показал мои ошибки.

— Как же я за всем этим одновременно услежу?

— Тренируйся. Сразу не уследишь. Старайся контролировать, потом войдет в привычку.

Я опустился на скамью рядом с ним и налил себе чаю. Сторож тут же извлек флягу и поднял ее, отвинтив крышку.

— Меня Палыч зовут. Будем знакомы! — Он отхлебнул из фляги и потрепал лохматого пса, который улегся у его ног.

— Ты спортом раньше занимался? — поинтересовался я, разглядывая его заросшее щетиной опухшее лицо.

— Занимался, занимался. Будь он неладен. Лучше бы работал. Глядишь, не сидел бы сейчас тут.

— Чем же тебе спорт в жизни так помешал?

Он не ответил мне. Достал флягу и снова приложился к горлышку. Из приоткрытой двери бытовки пахло грязным бельем и подгоревшей едой. Черный пес перестал помахивать хвостом и жалобно заскулил. Мы молчали. Палыч пристально смотрел вдаль, будто пытаясь там кого-то разглядеть, и вовсе не собирался отвечать на вопрос.

Я понял, что мое любопытство останется неудовлетворенным и поднялся со скамейки.

— У меня было две жизни,— неожиданно заявил Палыч,— одна в спорте, другая после. Я ведь интернатовский. Сирота. В спортивном интернате вырос. Потом олимпийский резерв. Затем сборная. Вся жизнь — сплошные тренировки, сборы, спортивные базы. У меня и дома-то своего в той жизни не было. А я и не грустил. Куда надо отвезут, заселят, накормят.

Я присел обратно на лавку. Палыч приложился к фляге. Пес перестал скулить и, вскочив на скамейку, улегся рядом с Палычем.

— Потом за границу начали возить,— продолжал Палыч,— не жизнь, а сказка. Тогда за кордон не каждый мог попасть. Наши ребята оттуда все чемоданами везли, а мне ничего не надо было. Им родня списки давала, что купить. А у меня родных нет. Кому привозить? Да, впрочем, дело не в барахле. Жил я как у Христа за пазухой и думал, что всегда так будет. А оказалось, все это — мираж. Растратил лучшие годы. Вот и все. Ничего не осталось.

— А как же победы, медали, звания? Это ведь остается навсегда. Неужели ничего?

— На Олимпиаде в Альбервиле я семнадцатым пришел. Это единственное, чем я горжусь. Остальное мелочи. Мы тогда тоже под олимпийским флагом выступали. Только-только союз рухнул. Февраль девяносто второго года. Сборная была еще из бывших союзных республик, но проблемы уже начались. Женщины наши тогда сильно выступили. Лазутина, Егорова, Вяльбе. А у нас — полный провал. Потом травмы меня замучили. Не сложилось дальше.

Палыч снова вынул флягу, но она оказалась пустой. Дверь бытовки поскрипывала, болтаясь на ветру. Лохматый пес положил голову Палычу на колени и закрыл глаза.

— А я ведь, знаешь, когда из спорта ушел, как с луны свалился,— продолжал он,— мне квартиру дали, а я не догадывался даже, что за квартплату платить надо. Не знал, как еду приготовить. Сколько в магазине хлеб стоит — не представлял. Вижу, написано десять рублей, а сказали бы сто — я бы поверил. За меня всю жизнь все решали. Мое дело тренироваться. А тут на тебе, живи — как хочешь. Я даже макароны приготовить поначалу не мог. То переварю, то сырье съем. До сих пор толком не умею готовить, вон опять картошку спалил,— он махнул рукой в сторону бытовки.

— Чего же ты на тренерскую работу не пошел с таким опытом?

— Какая там тренерская? Ты же помнишь, что в стране творилось. На завод пошел сборщиком. Три месяца поработал — предприятие закрыли. Денег не дают. Мастер сказал, трубы там из нержавейки остались. Можно вынести и продать. Мы забрали и сдали на лом. А через неделю нас с ним в кутузку. Получили по году условно. Потом шабашил в разных местах. Выпивать начал потихоньку. По пьянке в драку ввязался. Сломал нос одному негодяю. Опять судимость. В общем, чем дальше, тем хуже,— Палыч набрал в ладонь снега и растер им лицо.

— Послушай, Палыч, у меня сын с друзьями этой зимой собирался за колледж выступать по лыжам. Они в прошлый сезон на студенческих соревнованиях неплохо откатались. Парни крепкие, но вот беда, физкультурник у них — бывший пловец. Физически он их подготовил, а по технике — сам понимаешь. Может, ты бы их погонял за небольшую плату?

— Что ты? Я отродясь никого не тренировал. Со мной давно все ясно,— он опять достал свою флягу, но, вспомнив, что допил, убрал ее обратно. Разбуженный пес зевнул и лениво побрел в бытовку.

— Ну хотя бы объясни ему то, что мне показал,— попросил я.

— Пускай приходит,— равнодушно ответил он, помахивая пустой флягой...

Вечером я рассказал сыну о Палыче и благополучно забыл эту историю. Спустя некоторое время я стал часто видеть у нас в доме друзей сына. По выходным они мазали в гараже лыжи, и в их разговорах я мимоходом услышал про Палыча. «Значит, согласился все-таки,— подумал я и почему-то в душе обрадовался.— Впрочем, разберется как-нибудь без меня».

В конце зимы сын похвастал мне, что свои студенческие соревнования они выиграли с огромным преимуществом над соперниками. Золоченая медалька на трехцветной ленте заняла свое почетное место на стене его комнаты. Я поинтересовался, помог ли Палыч?

— Конечно! Если бы не он, мы, как в прошлом году, были бы вечно четвертыми. Палыч вообще зверь. Все говорил, что, не зная наших соперников, ему тренировать невозможно, а все же старался. Он очень грамотный, только бухает все время, к сожалению.

— Надо вам обязательно отблагодарить его,— предложил я.

— Нет, папа, ты его не знаешь. Палыч денег не возьмет. Мы ему уже предлагали. Хочешь, сходи к нему, пообщайся. Он тебя не раз вспоминал.

— А скажи мне, дружище, тебе сама эта медаль очень важна? Ты ведь знаешь, что добился поставленной цели. Это пройденный этап. Сама медаль лишь формальность.

— Хочешь ее Палычу подарить? — догадался сын,— я не против. Это ведь и его победа. Только ты сходи сам. У меня же сейчас сессия, времени совсем нет.

— Что же он и не знает, что вы победили?

— Так Палыч же телефон свой потерял. Как мы ему сообщим? После сессии заедем как-нибудь.

Я взял медаль и отправился к Палычу. На мое удивление он был трезв и угрюм. Сидя на скамейке, Палыч зашивал какую-то тряпку. Мое появление его нисколько не удивило.

— Здорово,— буркнул он себе под нос, не отрываясь от работы.

— Здравствуй, Палыч, я тебе подарок принес.

— Я не буду, я в завязке,— ответил он равнодушно.

— Ты не понял. Ребята победили. Понимаешь, Палыч, твои ребята,— я достал из кармана медаль и протянул ему.— Это и твоя победа, старик! Твое мастерство сделало из них команду. Это твой сегодняшний результат. Не из прошлого, а из настоящего. Пойми, Палыч,— ты не сторож.

Он, широко раскрыв глаза, не мигая смотрел на меня. Отбросив в сторону свое шитье, Палыч двумя руками схватил медаль. Теперь он так же изумленно смотрел на нее, как будто в его руках было олимпийское золото Альбервиля, не доставшееся ему в девяносто втором. Он молча встал и, держа двумя руками медаль, вышел из бытовки. Я последовал за ним. Палыч медленно уходил прямо в тапках по снегу все дальше и дальше, держа медаль перед собой. Мне хотелось окликнуть его, но я не сделал этого.

Я не стал его трогать и отошел за ворота лагеря. Через двадцать минут я вернулся

в бытовку. Палыч сидел за столом, обхватив голову руками, и раскачивался всем корпусом. Он всхлипывал и бессвязно произносил какие-то слова, среди которых слышались ругательства.

На следующий день я зашел проведать Палыча. На бытовке висел навесной замок. Следов на свежем снегу не было. Не появился Палыч и через неделю. Я перестал ходить в лагерь и начал о нем забывать.

Уже летом мы пошли купаться на озеро, что рядом с базой военного института физкультуры. По дороге мимо нас, тяжело дыша, пронеслась группа курсантов в одинаковых спортивных костюмах. Позади них я вдруг услышал знакомый голос.

— За дыханием следим, один цикл на шесть шагов. Стопу мягче ставим...

Палыч еле поспевал за своими парнями. Я не стал его отвлекать.

«ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ»

Полусгнившая желтая маршрутка, пахнущая грязной ветошью и соляркой, тряхнула кузовом и завелась, подрагивая под мерный рокот не убиваемого японского дизеля.

— До города доеду? — спросил я, открыв переднюю дверь кабины.

— Конечно, доедешь, мой дорогой, садись, — ответил бородатый брюнет с легкой проседью в густых волосах и добродушной улыбкой.

Пока я рылся в бумажнике, оплачивая проезд, маршрутка пополнилась еще несколькими пассажирами, и мы поехали. За окнами понеслись вереницы темно-зеленых кипарисов, маленькие покосившиеся домики, утопающие в зарослях винограда, а вдалеке, за холмами, виднелись заснеженные вершины гор, сияющие на фоне прозрачного синего неба.

Бородатый водитель бесцеремонно курил в кабине и оживленно разговаривал по телефону. Все существо его изнемогало от потребности жестикулировать. Руки были заняты, и чтобы выпустить эмоции, он раскачивал головой, добавляя к своей речи восклицания, которым каждый раз придавал разный оттенок. Его протяжное «ай» то имело характер возмущения, то радости, то сожаления.

— Гоча, возьми за проезд, — послышалось из салона. Водитель протянул назад руку с телефоном, и свободным пальцем подхватил протянутую ему купюру.

— Тебе у больницы остановить? — спросил Гоча, не оборачиваясь.

— Да, к дяде Артуру еду, — ответил голос.

— Скажи ему, пусть перестанет валять дурака и натирает колени настойкой из адамова яблока, а то его не выпишут и к свадьбе Марьяны. Дай Бог ей вырасти первой красавицей!

— Обязательно передам. Брату твоему привет! — пассажир выскочил, хлопнув дверью.

Гоча обогнал двух вальяжно лежащих прямо на дороге темно-бурых коров, и мы снова помчались меж кипарисов. Бородач по-прежнему беспечно болтал по телефону, успевая постоянно сигнализировать в знак приветствия проезжающим навстречу машинам. Заметив на обочине сгорбленную спину старика с котомкой в руках, Гоча резко принял вправо и остановился. Дед, кряхтя и чертыхаясь, забрался в маршрутку.

— Ох, спасибо сын. Возьми вот, пожалуйста, — дед протянул водителю измятую бумажку.

— Да что ты, отец? Тебе не надо платить. Скажешь, где выходить, я поближе подвезу.

— У дома Серго мне надо выйти. Знаешь? У водокачки.

— Конечно, знаю. Присядь, отец, сейчас быстро поедем.

За окном вновь замелькали деревья и горы. Наговорившись вдоволь по телефону, Гоча запел. Сначала тихо, как будто бы только для себя, сбиваясь и хрипя, потом все

громче, чисто и с душой. Покачивая головой, он выводил протяжный и грустный на-пев. Я не понимал слов, но если бы мне нужно было подобрать слова к этой мелодии, то это были бы слова об утраченном счастье, потерянной любви или далекой родине.

Внезапно за моей спиной подхватил женский голос. Он бережно встроился в мотив, будто обивая мужской вокал, как лоза винограда обвивает прочный ствол дерева. Через мгновение еще несколько голосов слились в песне, сделав ее широкой полноводной рекой.

Мне, столичному жителю, привыкшему к людской разобщенности и равнодушию, казалась добрым, сладким сном эта страна белоснежных гор, остроконечных кипарисов и простых, открытых людей, не ведающих высокомерия и взаимной вражды.

— Гоча, останови у старого вокзала,— послышался женский голос.

— А у вас здесь что, еще и новый есть? — усмехнулся Гоча, недовольный тем, что пришлось прервать песню.

— Нового вокзала не увидят даже мои внуки,— послышалось в ответ,— но этот-то весь развалился, значит, он старый.

— Пусть будет по-твоему. Сейчас подъеду к самому вокзалу.

У вокзала вышло большинство пассажиров, и мы с Гочей остались в маршрутке вдвоем. Вдоль дороги замелькали полуразрушенные постройки, корпус завода с выбитыми окнами и серый ангар с надписью «Автомойка», где буква «й» была написана с перекладиной в обратную сторону. Возле надписи, уткнувшись в мобильные телефоны, сидели на корточках два молодых парня.

Я невольно усмехнулся, заметив забавную неграмотную надпись. Гоча недовольно хмыкнул в ответ на мою улыбку.

— А что ты хотел? Они после войны родились. Школы все разрушены. Где им было толком учиться?

— Понимаю,— ответил я сочувственно.

— А тебе куда ехать-то? — спросил Гоча через некоторое время.

— Мне к дому доктора Давида. Знаешь?

Гоча от удивления перестал следить за дорогой.

— Ты с ним знаком? Он же никого к себе не пускает.

— И я не знаю, пустит ли. Читал его книгу. Написал ему письмо. Он ответил, что будет рад, если я заеду. Вот и все.

— У нас не каждый может похвастаться тем, что видел доктора Давида. Он что-то вроде отшельника, почти святой.

— Возможно, я не все знаю, но у него очень интересная книга о войне. Я читал ее, и хотел встретиться с автором лично.

— Люди говорят, что Давид лечит гипнозом. Правда, я в это не верю. Но если ты пойдешь к нему и он тебя пустит, разреши мне пойти с тобой. У меня зуб по ночам ноет уже вторую неделю. Может, Давид снимет мне боль.

— Да, пожалуйста.

Еще какое-то время мы ехали молча. Потом внезапно Гоча сбавил скорость и начал протяжно сигнализировать. Я осмотрелся по сторонам, но никакой аварийной ситуации на дороге не заметил. Машины, следующие по трассе за нами, проделывали ровно то же самое. Сбрасывали скорость и сигналили.

— Что это значит? — спросил я из любопытства у Гочи.

— Вертолет,— спокойно ответил он.

— Где вертолет?

— Здесь. Ах, да, ты не местный, не знаешь. Во время войны враги сбили в этом месте наш вертолет. В нем перевозили женщин и детей подальше от линии фронта. Там было тридцать восемь женщин и детей. Убийцы знали об этом и все равно сбили. Вот здесь они все и погибли,— Гоча указал рукой на пригорок.

Оставшуюся часть пути мы не разговаривали. Вершины гор были, как прежде, величественны и прекрасны. Я смотрел на них и испытывал искреннюю симпатию к этому простому, открытому и дружелюбному народу, заплатившему немалую цену за свою независимость.

Через некоторое время мы подъехали к маленькому дому из красного кирпича, обвитому виноградом. Его окно, выходящее на улицу, было открыто. В нем развивалась на ветру белая занавеска. Кирпичная стена вокруг оконного проема была вся сплошь изрешечена следами пули. Видимо, по этому окну долго, хотя и не слишком прицельно, работал пулемет.

Мы вышли из машины и подошли к маленькому, увитому плющом крыльцу. На пороге нас уже встречал невысокий человек лет семидесяти с белой от седины головой и большими живыми и невероятно глубокими черными глазами. Его взгляд не был враждебным, но был строг, печален и как будто заведомо знал о нас все. Поверх его плеч было накинуто длинное черное пальто, полностью скрывающее под собой фигуру.

— Меня зовут Евгений, я писал вам о встрече,— начал я, протягивая руку для приветствия.

Давид ответил мне лишь неуловимым одобрительным движением глаз, но руки не подал. Гоча, увидев мою протянутую ладонь, поспешил меня одернуть за рукав. Не зная местных обычаев, я отнесся к этому спокойно. Давид пригласил нас в дом, и мы прошли в маленькую, чисто убранную комнатку, с железной кроватью и накрытым белой скатертью столом. В углу тлела лампада возле иконы Богородицы, а на стене висели несколько пожелтевших фотоснимков советских времен.

Мы сели за стол. Я заметил на лице Гочи сильное волнение. Он смущенно убрал свои руки под свисающую со стола белую скатерть и нервно подергивал губами.

— На меня произвела большое впечатление ваша книга,— начал я, обращаясь к Давиду.

— Выбрось ее, я написал дрянь,— сухо ответил Давид, но взгляд его оставался приветлив.— Если бы я не читал твоих рассказов, то вообще не стал бы с тобой на эту тему разговаривать.

— Я хотел спросить у вас, Давид, об эпизодах, которые, как мне показалась, не вошли в книгу.

— Послушай, ты же из Питера? — глаза Давида ожили при этих словах и даже немножко помолодели.

— Да.

— Я окончил Ленинградский медицинский институт в семьдесят шестом году. Мы очень любили гулять белыми ночами после экзаменов. Какое это было время, если бы ты знал! Одна гитара и пятнадцать голосов со всех республик союза. Пели по ночам песни Визбора на стрелке Васильевского острова,— взгляд Давида устремился поверх моей головы и потерялся за окном.

На пороге комнаты появилась молодая женщина. В ее руках был поднос, на котором стояли три стакана красного вина.

— Давид, мне кажется, что-то помешало вам написать в своей книге все, о чем хотелось? Или у меня сложилось неправильное впечатление? — спросил я, желая вывести хозяина на интересующую меня тему.

— А ты сможешь ли написать? — воскликнул Давид.— Ты тоже не напишешь то, что нужно писать об этом.

Давид сделал глазами знак женщине с подносом и та подошла ближе. Она поставила один стакан перед Гочей, другой передо мной, а третий продолжала держать в своих руках.

— За мирное небо над вашей Россией. Мудрости вашим детям и здоровья вашим старикам,— произнес Давид.

Женщина поднесла стакан с вином к его губам.

Он запрокинул голову и выпил до дна. После этого его плечи дернулись, и черное пальто упало на пол. Я обомлел. Вместо рук висели худые обрубки, которые заканчивались чуть ниже локтя.

— Ты спрашиваешь, о чем я не написал? А о чем вообще говорить? Я — врач. Я не воевал. Больницу, которую я создавал много лет, сравняли с землей. Раненых с фронта везли прямо ко мне домой. Я оперировал здесь, в этой комнате. А там,— он указал глазами на соседнее помещение,— был морг. Я работал по двадцать часов в сутки. В моем саду хоронили наших ребят, которых я не сумел спасти. Эти доски на полу пропитаны их кровью насквозь. Кровью наших мальчишек.

Давид резко встал и подошел к иконе, висевшей в углу. Он стоял ко мне боком, но я видел, как двигаются его губы. Гога был бледен и не смел пошевелиться.

Через некоторое время Давид вернулся за стол и продолжил.

— Ты хочешь знать, о чем я не написал? Ты чувствуешь, что я не сказал все? Так я тебе расскажу. Писать у нас об этом нельзя, но говорить мне никто не запретит. Когда наши ополченцы отступали, я не смог уйти с ними. В доме оставалась моя парализованная мать, которую я не мог бросить. Все произошло быстро, за один вечер. Передо мной появились эти люди. В такой же, как у нас, форме, с таким же оружием. Они волокли за собой раненых бойцов. Я не успел вымыть здесь пол, как в моей операционной уже лежали их покалеченные парни. Это были обычные мальчишки, понимаешь?

Давид встал и нервно заходил по комнате.

— Они точно так же, как и наши, были изуродованы осколками. У них точно так же торчали переломанные кости из-под обгорелого, прилипшего к телу окровавленного камуфляжа. Они так же звали на помочь своих матерей и плакали, не желая умирать в девятнадцать лет. Понимаешь ты меня?

Давид снова подошел к иконе и плечи его задрожали. Спустя минуту он резко обернулся ко мне и продолжил:

— Я окончил Ленинградский медицинский институт. Я давал клятву лечить. А они умирали на моих глазах. У каждого на шее был крестик и оберег, повешенный матерью в надежде на спасение. И я спасал. Я работал, как прежде, по двадцать часов в сутки. И их тоже хоронили в моем саду. Вот там,— он указал глазами за окно,— я не знаю, сколько в этом саду наших, а сколько чужих, мне некогда было считать.

Лицо Давида стало багровым, и большие черные глаза наливались какой-то неистовой злостью. Казалось, он был готов воткнуть нож в сердце войны, если бы у нее было тело. Если бы оно было, Давид точно нашел бы в нем сердце, для меткого удара штыком.

— Мой отец был хирургом на Сталинградском фронте,— продолжил Давид.— Он говорил, что безошибочно отличал дезертира от героя при операции. Немецкие пули и осколки отличались от наших. Ему не составляло труда определить — выстрелом из какого оружия был ранен боец. А я вынимал одинаковые пули из людей, одетых в одинаковую форму, говорящих на одном языке. Из людей одной веры, которую все они предали, потому что люто ненавидели друг друга. Кто-то запустил эту цепочку злодяйний, и ненависть стала настоящей. А я перестал видеть между людьми разницу. Я лечил их, выполняя свой человеческий долг, и был жестоко наказан за это...

Я заметил, что женщина, приносившая вино, вернулась в комнату и присела у порога. Только теперь я увидел, что вся левая сторона ее лица искажена последствием глубокого ожога.

— А потом вернулись наши,— продолжил Давид, и я почувствовал сарказм в его голосе,— вернее, наших там было уже меньше половины. Остальные наемники из других стран. Они сожгли всех, кто оставался в оккупации предателями. Жгли дома, стреляли всех без разбора. Их ненависть не имела границ. Среди них я узнал одного лейтенанта, которого оперировал полгода назад после тяжелого ранения. Теперь он

был полковником и командовал расстрелами на футбольном стадионе, где казнили всех, кто казался им подозрительным или просто возражал против грабежа и насилия. Я же, лечивший врагов, был предателем номер один. Моя участь была решена,— глаза Давида задергался и он отвернулся в сторону.

Года нервно мял кисти рук, не находя им места. Он поглаживал ладонями колени, потом бороду, и снова сплетал дрожащие пальцы в тугой узел.

— В моем доме оставались двое тяжело раненых бойцов,— произнес Давид сдавленным голосом,— враги попросту бросили их при отступлении. Мне приказали отвезти их на тележке в парк культуры, где зарывали трупы, и сбросить в яму. Затем дали в руки лопату и приказали закапывать. Тот самый спасенный мною молодой полковник приставил дуло автомата к моему затылку и посоветовал лечь в яму к своим пациентам, если я не захочу взять в руки лопату. А из ямы на меня смотрели с ужасом глаза человека, самочувствием которого я интересовался несколько часов назад. Человека, которого еще утром я укорял за не вовремя принятое лекарство и радовался, что его состояние стабилизировалось. Теперь я смотрел на него сверху, и в моих руках была лопата. А в его глазах была жизнь, за которую он цеплялся из последних сил, умоляя взглядом не убивать его. И я цеплялся за свою жизнь, потому что я не герой. Как все люди, я боюсь смерти, тем более глупой и напрасной. У меня не хватило духа лечь в яму рядом с ним, и я, зажмурив глаза, начал закапывать. Песок был сырьим и тяжелым. В нем попадались камни, и я слышал только лязг моей лопаты, ударявшейся о них. Этот звук до сих пор стоит в моих ушах. Иногда я слышу его по ночам, и тогда я бужу Динару и заставляю ее громко петь мне.

Присевшая на пороге женщина с обожженным лицом молча кивнула в подтверждение его слов.

— А после меня отволокли на проспект Героев. Он и тогда так назывался. В честь павших героев Великой Отечественной, когда и мы, и наши теперешние враги были по одну сторону фронта. Там меня, как и многих других, привязали к фонарному столбу. Мои руки были связаны с обратной стороны столба проволокой. Командовал все тот же полковник, вчерашний лейтенант. А я вспоминал, как собирали по частям его ногу, вынимали осколки из живота и зашивали кишечник. Я до сих пор четко помню его кишечник. Помню каждый сантиметр его бедренной кости, собранной мною на последнем оставшемся в моем доме штифте. А теперь он командовал расстрелом и не обещал нам легкой смерти. Все, кто висели на столбах левее меня, поэтапно были облиты бензином и подожжены заживо. Когда загорелась привязанная рядом со мной женщина, я понял, что жизни не спасти, и лучше было принять смерть, оказав сопротивление в самом начале. Но разве я мог знать все заранее?

Женщина с обожженным лицом, сидевшая на пороге, прикрыла глаза руками и поднялась с места.

— Не слушай меня, Динара. Незачем.

Динара с тревогой посмотрела на Давида и молча вышла.

— В тот момент, когда я это понял, начался ураганный обстрел. Выбитые из города враги работали по нам «Градом». Я тогда уже отличал эту смертельную машину от других по звуку. Где-то сзади прогремел разрыв. Я увидел красные отблески в окнах дома напротив. Тут же эти окна стали пустыми, а меня как будто что-то ужалило сзади. Словно огромная собака укусила мои связанные за столбом руки. В ту же секунду я упал на землю лицом и потерял сознание. Потом, в госпитале, мне говорили, что фонарный столб сохранил мне жизнь, прикрыв мою спину от осколков. Но руки так и не сберегли. Хотя я говорил этим коновалам, что нужно было делать.

Давид снова вскочил и нервно зашагал по комнате.

— Они прислушались к моим словам, лишь когда спасали женщину, обгоревшую на соседнем столбе. Она осталась жива. Подойди сюда, Динара. Я не стану больше ничего говорить. Помоги мне надеть пальто.

Давид поднялся из-за стола и направился к выходу. Мы, как заговоренные, последовали за ним.

Во дворе дома, возле умывальника, были прибиты к стволу дерева опасная бритва и расческа.

— Я многое делаю сам,— заявил Давид в ответ на удивленные взгляды при виде приколоченной расчески.

Динара обняла Давида за плечи и прижалась щекой к его затылку.

— Напиши там, как сможешь: у вас, наверное, разрешат,— сказал мне на прощание Давид.

— Попробую,— ответил я.

— А за больной зуб не беспокойся,— обратился Давид к Гоче,— он тебе еще послужит, главное — не спеши удалять. Сейчас не болит?

Гоча удивленно вытаращил глаза и отрицательно замотал головой.

— Вот и не будет больше,— заключил Давид...

Пропахшая соляркой желтая маршрутка задрожала ветхим кузовом и завелась. Мы ехали молча, и белоснежные вершины гор были по-прежнему прекрасны. Но сопки были где-то высоко, а обшарпанный салон маршрутки постепенно заполнялся пассажирами. Они не замечали нашего с Гочей молчания. В них кипела сегодняшняя свежая жизнь. Двое мужчин обсуждали, откроется ли после ремонта баня к ближайшим выходным. Женщины сетовали, что тетя Тамара перестала торговать на рынке сметаной. Одни говорили, что у нее заболела корова. Другие судачили, что к Тамаре привезли из города пятерых внуков на каникулы и теперь сметана ей нужна самой...

Я смотрел на пролетающие мимо кипарисы и вспоминал о военных складах, где мне прежде приходилось бывать. Там хранятся тысячи комплектов для систем залпового огня «Град». Они лежат там не напрасно. Когда-то снаряды будут выпущены. Пролетят ли они мимо внуков тети Тамары? Кто из этих ребят за полгода станет из лейтенанта полковником? Им неизбежно придется соприкоснуться с какой-либо войной. Будут ли на этой войне все пули одинаковыми или судьба подарит благородные будущим поколениям?

— Мне эта баня нужна как воздух,— услышал я мужской голос позади себя,— без парилки у меня спину ломит. Это с войны еще. Два осколка вынули, а третий — во мне. Теперь, после ремонта, баня наверняка дороже станет. А где деньги брать? Хорошо тебе: ты полковник, герой войны, у тебя мытье бесплатно,— говорил незнакомец своему соседу.

— Знал бы ты, как я этого героя получил. За полгода из «старлея» полковником просто так не становятся. Я бы с удовольствием променял свое ветеранское удостоверение на твою нищету,— ответил хриплый басок позади.

Мне очень хотелось обернуться, чтобы увидеть этого человека. Но я не стал на него смотреть.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Почти седой майор в отставке не сразу отвечает на мой вопрос. Кажется, что он сейчас не здесь. Мне непросто вытащить его из того мира, в который он ушел с головой.

— Что, Дмитрий Алексеевич? Опять накатило?

— Не могу больше, Женя, домой хочу.

— Так иди. Я тебя на сегодня отпускаю. Только будь на связи, пожалуйста.

Я прекрасно понимаю, в чем дело, и лукавлю. Мне кажется, что мое лукавство может облегчить ситуацию.

— Нет, Женя, я на родину хочу. Там сейчас черешни зацвели, и соловьи поют. Там, понимаешь, могилки у меня. Мамина могила — на южной стороне села, а бать-

кина — на северной. Кто выше по речке жил, над мостом, тех хоронили на северной стороне, а кто ниже моста, того на южной. В колхозе так принято было.

— А что же, вместе нельзя было? Родные ведь.

— Да повздорили они в последний год. Мать на другую сторону села и ушла, к сестре. А там и смерть к обоим подкралась. Так и схоронили не рядом. Все равно одно село. Там на обоих кладбищах одни родственники лежат. Я там про всех могу рассказать, кто кому кум, а кто сват. Про каждого знаю, кто чем отличился. Ты пойми — это же родная деревня моя. Болган называется, триста дворов раньше было. Понимаешь?

— Послушай, Дмитрий Алексеевич, ты же после родного села пять лет в военном училище в Харькове учился, потом двадцать лет на Байконуре в Казахстане служил, да и в Питере уже лет десять. У тебя дом здесь. Два сына-красавца. Внучка в фигурном катании блещет. Я же видел ее по телевизору. На что тебе это село в Приднестровской Республике? Тебя там и не помнит уже никто.

— Не может быть, чтобы не помнили. Я там клены сажал, и орех грецкий, и виноград. Все это там есть. И могила матери. И батька там лежит. И брат мой старший Петр там, в Болгане, один. Жена его Люська в том году померла, и он мне теперь часто звонит. Говорит, все там как было: и клены, и орех, и виноград. Денег только вот нет на лекарства. А у Петьки гипертония. Мне бы слетать туда на недельку, а, Женя?

— Ну, вон бумага в принтере. Пиши заявление на отпуск, я подмахну. Только как ты полетишь-то туда? Границы все закрыты — неспокойно теперь.

— Господи, да я до Стамбула возьму билет. А оттуда до Кишинева, а там автобусом. Говорят, там с российским паспортом пропускают, если объяснишь, куда и зачем. Да кто меня не пустит? Я родился там и в школу ходил. Меня каждая собака в Болгане знает.

— Смотри, Дмитрий Алексеевич, собаки так долго не живут, вдруг поменялись уже, — пошутил я, но Дмитрий Алексеевич уже писал заявление на отпуск.

— Спасибо, Женя. Не волнуйся за меня. Ты же знаешь, наш брат служивый нигде не пропадет.

— Ты поаккуратнее там, Дима. Будь осторожен, не мне тебя учить. — Мы крепко обнялись.

Спустя несколько дней Дмитрий миновал Стамбул, три таможни, две пересадки, и вот оно, дуло автомата молдавского пограничника, упротое в твердую грудь седого майора на приднестровской границе.

— А что, разве Путин мне ничего не передал? — с хитрой улыбкой спросил пограничник, листая Димин паспорт.

— Да ты дальше листай. Там в конце, под обложкой, тебе от Путина записка.

Пограничник, быстро пролистав до конца, вынул из-под обложки паспорта пятьдесят евро и пожелал счастливого пути. Теперь впереди оставались лишь несколько десятков километров разбитых дорог на старом автобусе, и вот он — родной Болган.

Не соврал брат Петька. Родная деревня показалась Дмитрию краше, чем была. И ребятишки по-прежнему на улицах резвятся, и виноград кругом посажен, и бабы белые на веревках, как и прежде, развесили. Будто и не уезжал Митя Бертайло никогда. Словно не было всех этих лет. И войны будто не было, и страна одна-единая, как прежде. Вот-вот из-за угла председатель колхоза на своем УАЗе выскочит, притормозит слегка и отчитает молодых за то, что план по кукурузе не перевыполнены.

А река, все такая же широкая, блестит на солнце, и черешни по берегам цветут. Где-то трактор тарахтит, и бабы пошли виноградные лозы подвязывать. А клуб весь обветшал, и окна его теперь чернеют пустотами. Ветер носит в них сухую солому. Кино теперь не крутят.

Брат Петр сгорбился и потолстел, но глаза все те же, живые, черные, как те камни, что искрятся в порогах родной реки, как домашнее вино из далекой юности, молдавские глаза. В мать пошел Петр. Весь ее род Илиеску такими глазами отличался.

Встретились братья, обнялись. По кружке самогона за встречу выпили. Вспомнили юность, сестру-москвичку, от которой вестей давно нет, соседей вспоминали, кто жив, кто нет, родителей помянули.

— Надо бы, Петя, на кладбище сходить,— поды托жил Митя, переворачивая кружку вверх дном в знак окончания попойки.

— К мамке-то? Да это хоть сейчас пойдем,— охотно согласился Петр.— Там на оградку сук толстый упал, мне одному не сдвинуть, а вдвоем-то в самый раз осилим.

Отправились на южную сторону села. Пыльная дорога повернула влево и вышла в поле. На небольшом пригорке показалось сельское кладбище. Митя не сразу понял, в чем было дело. Кладбище как будто сползло с пригорка и вылезло к самой дороге.

— Подожди, Петро, кладбище же раньше было на холме. Почему теперь вниз съехало?

— Чудак ты, Митя. Оно и осталось на холме, только вот разрослось, видишь как.

Митя шагал между могил с фотографиями совершенно незнакомых ему людей и не мог отделаться от странного ощущения чужеродности этого места. До этого все вокруг было родное: и дорога, и клуб, и река,— а тут словно чужое все. Через минуту Митя вдруг заметил, что среди захороненных людей почти нет женщин. Какое-то неприятное чувство серой отравой начало медленно заполнять Митину душу.

— Стой, Петя! — Митя резко остановился, вцепившись рукой в решетку могильной ограды.— Кто все эти люди? Почему я никого из них не знаю? Разве сюда возят с других сел?

— Почему с других? Все наши. Ты фамилии читай. Вон Соболевы, а здесь — Мордюлок, дальше вот — Косованы, бабки нашей по матери племянники.

— Погоди, брат ты мой! Я не знаю этих лиц. Никого не знаю. Что это, Петя?

— Да как же, Митя, ты их знать-то мог? Ты когда в военное училище поступать уехал, они все еще в детский садик ходили. Вон Коля Косован, одноклассницы твоей, Лучаны, сын. Помнишь Лучану Косован, любовь свою школьную?

— Да что же это, Петя? Почему все они здесь?

— Война, братишка, многих скосила, что поделать?

— Какая еще война?

— За независимость, ты что, забыл? Мы же непризнанная республика.

Как в тумане Митя дошел до материнской могилки. Отодвинули упавший на ограду ствол. Протерли от пыли пожелтевшее овальное фото.

Как с лица богородицы, смотрели на Митю родные материнские глаза. С тревогой смотрели и любовью, как тогда, перед отъездом в училище. Смотрели так же, как прежде, в далекие детские годы. Забыл уже Митя этот взгляд, а теперь вспомнил, и свело сердце болью, что не стоял он рядом с матерью в последние ее дни. Лишил ее этой последней радости — видеть младшего сына.

— Своловочь, — выдавил из себя Митя и вытер рукавом слезу.

Петр сразу понял, о чем это, но промолчал. Что уж тут ворошить? Минут десять посидели молча.

— А помнишь дядю Степана, брата материного? — начал Петр, закуривая.

— Как не помнить? Конечно, помню. А что ты, Петя, закурил-то? Тебе же нельзя. Ты же бросил.

— Да ладно. Бросил, начал, что там. Так вот, кто точно своловочь, Митя, так это Степан. Ушел тогда за Молдову воевать. Столько своих положил, сука. Живет там теперь себе спокойно, гнида,— Петр нервно сплюнул на землю и еще раз глубоко затянулся папиросой.

— Как же это так, Петро?

— Ты, Митя, как маленький, правда. Я же писал тебе. Забыл?

— Да помню я все. Только понять никак не могу: откуда вся эта холера на нашу голову.

Петр, жадно затягиваясь, пускал дым в сторону. Его грубые, толстые пальцы нервно мяли догорающий окурок.

— Надо в храм пойти, Петя. Поставить свечу за упокой мамы,— очнулся Митя.

— А вот это вряд ли получится,— сухо ответил Петр, загасив сапогом окурок.

— Неужто церковь нашу закрыли? Работала ведь даже при коммунистах!

— Она и сейчас работает, только не про нашу честь.

— Это еще почему?

— Ох, Митя, давно ты на родине не был. Церковь на северной стороне села за мостом, забыл, что ли?

— Помню, что за мостом. А что там с ней случилось?

— Как что? Украина там же. Все, что по ту сторону моста,— Украина.

— Ну, так там всегда была Украина, и что с того?

— Дурак ты, что ли, совсем, Митя? Кто же туда тебя пустит? Они же самостийные теперь, а ты россиянин. И меня не пустят, потому как у меня украинского паспорта нет, а наш им не годится. По молдавскому паспорту раньше можно было, да, говорят, теперь тоже сложно.

— Постой, а как же мы тогда к батьке нашему на кладбище попадем?

— Да никак и не попадем. Я сам с тех пор там не был, как на Украине война пошла.

— Так война же в Донбассе, далеко отсюда.

— А им-то что? Все, Митя, враги теперь здесь друг другу. Донбасс за свою независимость воюет, а нам сюда прилетает. Пойдем-ка мы с тобой лучше баньку истопим. Тебе отдохнуть бы с дороги надо. Вид у тебя, Митя, помятый какой-то.

Всю дорогу до Петькиной хаты шли молча. Петру не очень хотелось говорить.

«Что судачить без толку? — думал Петр.— Митя через пару дней улетит обратно в Петербург. У него там работа, квартира, машина, военная пенсия, дети, внуки. А я в Болгане останусь, возле перекошенной хаты и старого мотоцикла с деревянным ящи-ком вместо люльки. Зато воздух здесь родной. Черешни здесь мои цветут и виноград. Все ведь ясно, о чем тут говорить?»

Митя шел назад в полной растерянности. Ни река, ни виноградники уже не радовали глаз. Он смотрел на пыль, поднимавшуюся с проселочной дороги от сапог брата, шедшего впереди, и думал: «Не может быть, чтобы среди этих прекрасных черешневых садов, среди знакомых с детства виноградников с людьми случилась такая страшная беда. Не может быть, чтобы в Болгане, где любой давал червонец взаймы до получки, где, постучавшись в любую хату, можно было получить горбушку хлеба и стакан молока, где звали всех соседей на крестины или свадьбы, произошло такое бедствие».

Не верил Митя, что один человек может не пустить другого человека на могилу родного отца. Может быть, где-то на другом континенте и бывает такое, но не здесь. Не в родном Болгане, где гуляли на октябрьские праздники всем селом и свадьбы всем селомправляли. И в соседней Рыбнице такого не может быть, и в Каменке тоже. Потому что в каждой соседней деревне есть родственники, одноклассники, со-служивцы. В каждой деревне есть клуб, куда съезжались на танцы со всего района, и девчонки знакомые в каждом селе есть. Поэтому не может быть, чтобы его, Митю Бертайло, кто-то не пускал за мост, до кладбища дойти и батьке покойному поклониться, только потому, что там независимая Украина.

С этими мыслями вернулся Митя в хату брата и молча присел на табурет. Тем временем Петр истопил баню. Из трубы повеяло приятным сладковатым дымком. В низине, у пруда, залился трелью соловей, а на треснутом стеклишке чердачного оконца заиграли отблески заходящего солнца.

— Слыши, Митя, что ты расселся-то? Сгонял бы до колодца, бидон воды приволок, а то ведь не хватит нам парку-то? — прокричал со двора Петр, у которого предчувствие хорошей парилки уже развеяло тяжелые мысли.

Митя покосился на аллюминиевый бидон, стоявший в углу хаты.

— Я что, в руках бидон попру? Колодец-то по-прежнему возле Соболевых? Другого не нарыли? Может, у тебя хоть тачка какая есть?

— Мотоцикл возьми. Поставь бидон в ящик, что вместо коляски. Всегда же так возили, забыл, что ли?

Привычным жестом Митя завел старенький «Восход». «Надо же, а руки-то помнят», — приятно удивился он, выезжая на дорогу и прибавляя газу. Поток свежего ветра ударили в лицо. Старое, давно забытое в замусоренной душе чувство деревенской удачи разлилось по Митиным венам. Он прибавил газу. «Восход» отозвался рычанием и дернулся вперед. Дворовая собачонка увязалась было с лаем за мотоциклистом, но тут же отстала. Ветер шевелил седые Митинны волосы и холодил колени.

— Эх, мать вашу, Болган родной, — вырвалось криком из Митиной груди на всю улицу. Давно забытый восторг от быстрой езды на мотоцикле захлестнул душу. Все будто разом встало на свои места. Боковым зрением Митя видел улыбающихся вслед женщин. Кто-то помахал ему рукой с багровеющим в лучах заката поля. Из соседнего огорода послышался залихватский, ободряющий свист поддержки.

Да разве может быть, чтобы меня, Митыку Бертайло, к отцу родному на кладбище какая-то шпана не пустила? Все это бред, страшный сон — все эти паспорта и войны. Вся эта независимость — бред. Вот она, пыль родного Болгана, вьется шлейфом за мотоциклом. Пыль родной земли. Покружится чуток и уляжется на место, как улеглись все волнения в моей душе. Все ведь на своем месте: и река, и клуб, и кладбище никуда не делось. И я, Митя, никуда не делся. Вот он я, здесь, как и прежде!

Поддав еще газку, Митя лихо взлетел на пригорок и, спустившись с него в низину, к мосту, увидел полосатый шлагбаум и три противотанковых ежа поперек дороги, аккуратно выбеленных краской. Рядом старый фанерный щит с выцветшей надписью «Слава дружбе народов» светил дырами, пробитыми в нем автоматной очередью.

— Куда прешь, дед? Что, не видишь, пограничный переход закрыт? — выскоцил навстречу молодой боец с автоматом на шее.

— Какой, нафиг, переход? Я тут всю жизнь ходил. Уйди с дороги, сопляк!

Понимая, что проехать все равно не удастся, Митя слез с мотоцикла и подошел к сержанту.

— Слыши, дед, не балуй. По ту сторону Украина. Там тебе шкуру спустят и нам заодно с тобой. Вертайся назад, — сержант поднял автомат на уровень груди и замер в ожидании.

— Да пошел ты, сопляк, со своей Украиной... Я украинец, и отец мой украинец, и Болган с обеих сторон здесь мой. Имею я право на могилу отца ходить?

— Я не знаю, батя, кто ты такой, но туда нельзя.

— Черт с тобой, щенок! — Митя сел на мотоцикл и крутанул рукоятку газа. Вокруг пункта пропуска, насколько было видно, простиралась молодая кукуруза, никаких заборов Митя не увидел.

Одним рывком мотоцикл преодолел придорожную канаву и, подминая под себя молодые побеги кукурузы, обошел полем постройки пограничного перехода и устремился на украинскую сторону.

Вырулив снова на дорогу, Митя неожиданно увидел перед собой странного человека в армейском кителе с погонами капитана и белых ночных кальсонах. Босые ноги и взъерошенные волосы говорили о неготовности человека к сложившейся ситуации. При виде мотоцикла капитан рухнул на колени посредине дороги и развел руки в стороны. Его глаза умоляюще смотрели на Бертайло.

— Остановись, дядя Митя, нельзя тебе туда! — прокричал капитан.

— А ты почем меня знаешь? — удивился Митя, останавливаясь перед ним.

— Да я в окошко тебя признал. Бертайло ты, покойной Илиеску сын. Я же пом-

нию, ты с третьей хаты по улице Победы, Петра брат. А я дяди Сережи Косована сын, с Октябрьской.

— Сереги Косована? Хромого, что ли?

— Ну да, признал?

— Тебя не признал, а Серегу как не помнить?

— Не ехай туда, дядя Митяй, огонь ведь откроют по тебе, да и нам потом достанется, греха не оберешься. Христом Богом молю, не ехай!

— Да за что же огонь-то по мне? Я же токмо к батьке на могилку и назад. Не трону я их независимость.

— Все одно — откроют, потому как ты — москаль, враг то есть.

— Да какой же я москаль? Я и в Москве-то ни разу в жизни не бывал.

— Москаль и есть, несмотря что Бертайло.

— Я майор Российской армии, а там в ней все равно, кто Бертайло, а кто Иванов.

А вот ты, щенок, где успел погоны капитана заслужить?

Косован поднялся с колен и зло посмотрел на Митю.

— Я за независимость воевал, ранение имею и погоны свои ношу по праву.

— Это с кем ты, Косован, воевал-то? С родной Молдовой? За которую мой дядька-подлец Степан Илиеску воевал?

— Так точно. Против твоего дядьки-подлеца воевал. За нашу независимость.

— Да ты же сам молдаванин, мать твою, как ты мог?

— А ты, дядя Митя, сам молдаванин по маме, что меня коришь?

В этот момент на дорогу из кукурузных побегов выскоцил Петр.

— Я так и знал, что ты сюда попрешь! — завопил Петр.— Ну какого лешего? Я же тебе все объяснил!

Петр схватил брата в охапку и потащил назад.

— Ты вот объяснял, а я ни хрена, Петя, не понимаю, кто из нас кто?

— А что тут не понимать-то? Ты москаль, но по отцу хохол. Косован — приднестровец, но по национальности молдаванин. Я, как и ты, молдаванин по матери, но приднестровец по гражданству. Степан Илиеску, дядя наш,— просто сука, потому что воевал против нас, и плевать, какой он национальности. Что здесь непонятно, Митя?

— Мне одно непонятно, Петро, какая сволочь это все устроила?

Петр, не понимая, заморгал глазами.

— Садись давай на мотоцикл, в баню поедем, там я тебе популярно объясню.

Митя послушно сел и обхватил Петра сзади. Старенький «Восход» дернулся с места. Оглянувшись, Митя увидел Косована вочных кальсонах, нервно пытающегося закурить сигарету, да старый фанерный щит с надписью «Да здравствует дружба народов», пробитый пулями, как решето.

СЕБОВО

Олег Рябов
(г. Нижний Новгород)

Наш постоянный автор. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Нижний Новгород», директор издательства «Книги».

В СТАРЫХ ДВОРАХ

1

Это случилось в середине девяностых, когда все мы ежедневно сталкивались с чем-то необычным и новым: старые законы не работали, а новые правила каждый выдумывал сам для себя и следовал им. Единственной реальной властью в городе были бандитские группировки, и стрельба на улицах не была какой-то редкостью. Миллионные состояния создавались ежедневно и также ежедневно они разваливались. Цены на рынке и в магазинах существовали только в условных единицах, а что это такое — никто не понимал. В некоторых банковских обменниках принимались валюты десятков стран мира, и курс их менялся по нескольку раз в день...

Теплым летним утром выходного дня Ивана Ильича Медянова разбудил телефонный звонок. Низкий женский голос с чуть заметной хрипотцой представился:

— С добрым утром, Иван Ильич! Вас беспокоит Лия Ямпольская, я представитель регионального отделения фонда Сороса, и мне бы хотелось с вами пообщаться. Не смогли бы вы со мной встретиться и уделить с десяток минут?

— Да, конечно, смогу, — ответил Иван Ильич, — а зачем?

— О-о, это — только при встрече. Когда вам удобно?

— Давайте сегодня после обеда. Куда мне подъехать?

— Нет, нет, нет — я сама к вам подъеду, если это удобно. Я знаю, где вы живете, я учились у вашего папы.

— Конечно, удобно — подъезжайте.

— Удобно, если через час?

— Да-да, поезжайте, я буду ждать.

Едва положив трубку, Иван Ильич сообразил, что напрасно он так быстро и опрометчиво согласился на эту встречу: и не то чтобы у него были какие-то серьезные планы на день, и не было у него какого-то предубеждения против упомянутого фонда Сороса. Просто, сев на неубранную еще постель, он огляделся и понял, что его огромная четырехкомнатная квартира настолько захламлена, что он никогда не сможет в ней прибраться настолько прилично, чтобы принимать гостей, а тем более даму.

Когда-то он жил в этой квартире с папой, мамой, сестрой и бабушкой, но к сорока годам остался один; даже жена, бывшая жена, промучившись от его педантичности пару лет, уехала от него в Москву с мелким театральным деятелем, и гордится теперь тем, что живет в какой-то халупе рядом с Арбатом и работает дежурным администратором в театре Вахтангова.

Тюлевые занавески и шторы не снимались и были не стираны уже лет десять. Тоже можно было сказать и о протертых чехлах на креслах и стульях. Хотя эти столетние дубовые стулья и мощный дубовый обеденный стол могли дать фору по своей надежности современным творениям мебельных мастеров. Женщине, которая приходи-

дила к Ивану Ильичу раз в неделю убираться, подтирать пол, мыть посуду, раковину и унитаз, было строго-настрого запрещено трогать вазы, тарелочки и фотографии, висевшие на стенах, старинные бронзовые часы с фигурой Вольтера, которые давно уже не ходили, и потому зарастало все это уверенно пылью.

Ивану Ильичу нравилась его квартира, это был его мир, его жизнь; он недавно узнал о таком новом и модном стиле жизни, как «олдмани», и присвоил его. Он и сам уже привык одеваться в магазинах секонд-хенд, в которых всегда можно было приобрести очень качественные, просто прекрасные носильные вещи, изготовленные в самых престижных домах моделей Европы. Да и любые мужские аксессуары, которыми приходилось ежедневно пользоваться, можно было приобрести в этих магазинах: зонт фирмы «Оксфорд Блэк», авторучку «Паркер», зажигалку «Ронсон». В школе, где Иван Ильич преподавал математику, отмечали его необычную тягу к элегантности и простоте, да и сам он был всегда и со всеми предельно вежлив и предупредителен — и с учениками, и с педагогами.

Когда умерла бабушка, а потом почти сразу и мама, проблем с наследованием никаких не возникло: авторитарность папы и его надежность были гарантией существования и Ивана Ильича и его сестры Ирины, которая к тому времени уже вышла замуж и жила отдельно. А вот после смерти папы, профессора университета Ильи Александровича, пришлось все делить. Но решение было найдено легко: автомобиль «Волга» и все деньги на счету в сберкассе переходили к Ирине, а квартира со всем содержимым Ивану Ильичу. Ирина выпросила только портрет мамы, написанный каким-то модным московским художником много лет назад.

Функционально когда-то все комнаты в квартире использовались очень правиль-но и конкретно, но теперь Иван Ильич приспособил комнату бабушки и мамы под кладовку, и она была захламлена без разбору, а в комнату папы он заходил от силы раз в полгода, и то без нужды, а просто для приличия, проверить — все ли на месте и посидеть в папином кресле. Сам он существовал в двух комнатах: в своей спальне и в гостиной, где по вечерам смотрел телевизор и пил чай, а очень редко, ну очень редко принимал гостей. Такой образ жизни создавал в сознании Ивана Ильича иллюзию, что он по-прежнему живет в большой своей семье; просто кто-то куда-то ненадолго вышел и скоро вернется.

2

Через час Иван Ильич встречал гостей: в дверях стояли две дамы, приблизительно его возраста, а может и чуть постарше. Одеты они были довольно свободно для их возраста, если даже не легкомысленно: джинсы, кроссовки, беленькие футболки. Хотя по фактуре они сильно отличались друг от друга: одна была рослая, с короткой стрижкой «под мальчика», а вторая больше напоминала плюшку с длинными русыми волосами. Обе они почти согласованно протянули руки Ивану Ильичу, представляясь:

— Я — Лилия Ямпольская, а это наша сотрудница Мина Цвайнер, — заявила та, что повыше, черненькая.

— Проходите, проходите в дом, там познакомимся, — ответил Иван Ильич, проводя гостей в зал.

Пройдя в большую комнату, дамы повели себя не то чтобы бесцеремонно, но довольно раскованно: та, что повыше, черненькая, которая представилась как Ямпольская, стала разглядывать фотографии на стенах, а маленькая, пухленькая Мина Цвайнер сразу уселась на диван.

— Вы будете пить чай? — спросил Иван Ильич.

— Да-да, будем, — откликнулась радостно Мина, — у нас даже к чаю есть сопровождение, небольшой фруктовый рулетик.

Она встала, вынула из своей сумки коробку и положила ее на стол.

— А еще вот это — ознакомительные документы для вас.

Она достала тоненькую папку и положила ее рядом.

— Тогда вы тут осваиваетесь, а я пойду на кухню, поставлю чайник. У меня для вас специально сегодня есть замечательный шен пуэр — друзья из Китая привезли. Такие чаи несколько лет выдерживают под прессом в земле. Вы знаете, что настоящий аромат чай приобретает в возрасте двадцати-тридцати лет? Хотя, мы с вами таких чаев не попьем. Это как настоящие выдержаные вина. Ну, я сейчас приготовлю, а потом проинформирую вас, как надо пить чай.

Иван Ильич быстро вернулся с кухни и стал доставать из буфета старинные бабушкины чашки, блюдечки, серебряные ложечки, которые всегда береглись для таких случаев, а через пятнадцать минут все уже сидели за столом. Что-то у него сработало в голове, и ему захотелось козырнуть своей эрудицией перед этими незнакомыми дамами, пока еще не понимая, как это сделать.

— У вас очень необычная квартира, — заметила Мина, — наверное, еще и ваши бабушка с дедушкой здесь жили? И вот эти чашечки-бокальчики кузнецковские тоже, наверное, бабушкины?

— Да, бабушкины. Бабушка очень требовательно относилась к процессу чаепития: она раз пять или шесть в день пила чай, и это было для нее чем-то вроде медитации или релаксации, выражаясь современным языком. При том она считала, что в чаепитии главное не горячесть, а чаевитость — так она выражалась.

— А что же вы не порезали рулетик?

— По поводу рулетика я вам тоже расскажу маленькую историю. Есть у меня хороший товарищ Миша Скульский, он хозяин «Галереи два дробь два», что на площади Минина. Так вот, год назад они там с друзьями отмечали тридцать первого декабря наступающий Новый год, а когда второго января пришли на работу, то увидели, что все, что оставалось на столе съедобного и неубранным: сыр, хлеб, колбаса и даже соленые огурцы, — сожрали крысы. И только рулетик стоял посередине нетронутым и сиял своей свежестью. Как фарфоровое красивое украшение. Пусть и наш с вами рулетик будет украшением нашего стола. Хотя я его сейчас, конечно, порежу, и пусть он стоит, как муляж. Ведь стоят же у некоторых в вазах пластмассовые и тряпичные цветы — а я этого не признаю!

— Иван Ильич, — вставила, а точнее будет сказать, сумела вставить Мина.

— Да, да — я помню! И не подумайте, что я вас с кем-то перепутал и пытаюсь охмурить. Я помню, что вы по делу ко мне! Давайте к делу!

— Иван Ильич, — перейдя на серьезный тон, начала Лиля, — наш фонд Сороса много занимается благотворительностью: вы знаете, что за счет фонда издаются в нашей стране учебники, учителя и ученые получают гранты на исследовательские работы, многие университеты и средние школы существуют только за счет финансирования фондом. Одной из печальных проблем у нас в стране стало повальное пренебрежение властей к научному миру, а как следствие, и к незаконченным научным исследованиям, которые большие, известные, талантливые ученые не смогли довести до конца. Вы наверняка знаете о существовании индекса Хирша?

— Нет, первый раз слышу.

— Поясню коротко. Индекс Хирша составляется по количеству цитирований работ того или иного ученого в специальной литературе. Чем чаще его цитируют и ссылаются на него, тем важнее считаются исследования и научные изыскания автора. Двадцать лет прошло с тех пор, как ушел ваш папа, профессор Илья Александрович Медянов, а его индекс Хирша по-прежнему высок, к его научным работам по-прежнему обращаются, и они до сих пор актуальны и востребованы. Это показатель значимости работ Ильи Александровича.

— Не знаю. Я мало интересовался работами своего папы. Да и его жизнью тоже.

— А вот мы поинтересовались. Он дважды получал государственные премии, а это очень высоко! Первый раз — не знаем, за что, а вот второй — за то, что он рас-

считал всю автоматику и телемеханику для атомохода «Ленин». Без его труда «Ленин» бы никуда не поплыл.

— Да, мы с сестрой догадались об этом, когда после смерти папы обнаружили наградные документы и орден Ленина. Он получал и Ленинскую премию, и Государственную. Вообще-то это было большим секретом для всех окружающих — его премии и орден Ленина.

— Так я продолжу. В городском архиве хранятся отчеты обкома, горкома и пожарной инспекции, а вот бумаги, документы, письма, исследования всех наших провинциальных писателей, художников, ученых идут в помойку и в макулатуру. Я вам «алаверды» тоже расскажу небольшую любопытную историю в виде комментария к нашей встрече. Несколько лет назад наследники профессора Балики передали нашей областной библиотеке в дар его уникальное собрание книг, около трех тысяч томов. Там были книги с автографами Некрасова, Тургенева, Ремизова, Пастернака. Думаете, им кто-нибудь сказал спасибо? Нет! Его ругали все сотрудники библиотеки: он задал им дополнительную работу, а зарплату им никто не прибавил за обработку всего этого огромного материала. Так вот, половину этих книг изгрызли крысы в подвале, пока искали для них специальное помещение. Сейчас в Серпухове, под Москвой, фондом Сороса создается специальный архив, в котором будут храниться документы и бумаги наших великих ученых и деятелей культуры. Мы хотели просить вас по возможность просмотреть архивы вашего папы, если они еще целы. Может, что-то вам не нужно. Конечно, на личные бумаги, фотографии и альбомы — на все, что имеет семейную ценность, мы не претендуем, но незаконченные работы, черновики статей, письма и любые другие бумаги... Ваш папа был одним из любимых учеников академика Горелика. Это важный момент в его жизни. На прошлой неделе мы купили архив профессора Николая Николаевича Кабачинского. Эти шесть папок с черновиками его разработок лежали в саду, в будке, где хранились ведра с лопатами. И ведь не промокли, не сгнили. Иван Ильич, вот тут в пакете, который принесла Мина, есть несколько буклотов о работе нашего фонда, и небольшой конверт с нашими визитками и стодолларовой купюрой, это — аванс. Не отказывайтесь, даже если вы ничего для нас не сделаете. Мы же отняли ваше внимание. А теперь мы раскланяемся. Спасибо за чай и уделенное время.

3

Иван Ильич, проводив неожиданных и незваных гостей, еще минут пятнадцать сидел за столом, допивая холодный чай, а потом решил позвонить сестре.

— Ирка, привет! У меня сейчас были посланцы из фонда Сороса. Две дамы. Они просят, чтобы я покопался в папких старых бумагах и продал им все его бумаги, письма и черновики работ. Как ты думаешь: надо это делать или нет?

— Ты что, дурак, что ли? Продать! Или тебе денег не хватает? У тебя там в бабушкиной шкатулке золотых царских червонцев столько, что хватит тебе на всю жизнь, даже если ты жить собираешься до двухсот лет. Ты что, не знаешь, что такое фонд Сороса? Это же разрушители: их цель развалить все, что можно. Они во всех странах мира, куда залезают, уничтожают и образование, и культуру, и науку, и память народную. Кстати, это они проплачивают и переманивают работать за границу всех наших талантливых математиков и физиков. А скажи мне на милость — кто у тебя был? Как фамилии этих двух дам, что заходили к тебе?

— Лиля Ямпольская и Мина Цвайнер.

— Вот-вот! Тебе ни о чем не говорят их фамилии?

— Нет. А что они должны говорить?

— Дурак ты, братец! Вот что я тебе скажу! Ты спросил моего мнения — я ответила, а поступай, как знаешь, и больше мне по этому поводу не звони. Просто запомни, что наш папка — гений, и торговать его бумагами — грех. Когда-нибудь они, его

бумаги, сами найдут свое место в этом мире, а мы не вправе решать их судьбу. То, что папка совершил одну ошибку в своей жизни, это его грех. То, что от этого пострадала вся наша семья, это наша семейная беда. А то, что собираешься сделать ты, ни в какие рамки не лезет.

— Что ты кричишь на меня? Я же советуюсь. Спасибо за совет.

Иван Ильич положил трубку и пошел в папину комнату. Разговор с сестрой, пусть и на повышенных тонах, порадовал его и поднял настроение, укрепив в выранном решении.

В комнате папы были задернуты шторы на окнах, и было сумрачно, несмотря на яркий солнечный день. Иван Ильич включил верхний свет и обе настольные лампы, стоявшие на двух рабочих письменных столах. Почему-то в комнате было все аккуратно прибрано, не видно пыли и не было какой-то захламленности, которая раньше резала ему глаза. Видимо, эта женщина Лена, которую ему сосватала сестра Ирка как уборщицу, все же заглядывала и в папину комнату — иначе как же объяснить эту чистоту и порядок.

Один небольшой письменный стол с печатной машинкой и стопкой чистых листов уже пожелтевшей бумаги стоял у окна, перед ним — удобное высокое кресло, а второй, огромный, размещался вдоль стены и служил как верстак для технического рукоделия; на нем не было ничего, кроме лампы, небольшой чертежной доски и зачехленной готовальни. Вдоль другой стены стоял диван и небольшой шкаф для одежды. Был еще открытый стеллаж — небольшой, узкий, но до самого потолка; он был полностью забит книгами, папками и альбомами с фотографиями.

Вот эти пять альбомов с фотографиями, в которых было запечатлено все его сладкое детство, и заманили сегодня Ивана Ильича в комнату папы. Все, что умел делать профессор Медянов, он делал отлично, а потому и фотографировал он прекрасно.

В двадцатые и начале тридцатых годов в городе шло повальное кооперативное жилищное строительство. Целые участки пустырей на окраинах отдавались под застройку. И вырастали кварталы, которые на многие годы сохраняли за собой имена собственные: «Красный просвещенец», «Дома трестов», «Речники», «Дома политкаторжан». Каждый такой застроенный квартал сохранял за собой некоторую индивидуальность, связанную с профессиональной деятельностью застройщиков. Но еще существовала и некоторая (если можно так выразиться) усредненная повышенная элитарность того сообщества, которое нельзя было назвать коллективом, но которое все же образовывалось внутри этих жилых кварталов. Минуло три полноценных человеческих поколения, и мало осталось в этих домах потомков первых их жителей и строителей, а память о полноценном радостном детстве Ивана Ильича сохранилась благодаря этим альбомам с фотографиями.

Когда-то посреди двора, заросшего сиренью, жасминами и вишнями, была хорошая волейбольная площадка, и детский уголок с песочницей и барабаном был, и разметка для игры в городки была, и беседка, в которой можно было укрыться от дождя.

Интересный момент: во дворе у четырех человек были собственные автомобили. У Бубанова «Москвич» — он был лауреатом Сталинской премии, у дяди Саши Мальцева тоже «Москвич» — он был главным инженером крупного завода и лауреатом Ленинской премии, у Соколова «Победа» — он был в годы войны летчиком, и у профессора Медянова — сначала «Москвич», потом «Волга».

В альбомах было огромное количество фото, связанных с различными спортивными успехами и забавами, проводившимися во дворе: вот дядя Леля крутит солнышко на турнике, а вот Толик Мальцев делает стойку на одной руке, тетя Тася и тетя Лена играют в бадминтон, а площадка размечена и сетка натянута по всем правилам. Иван Ильич хорошо помнил, как папа из очередной командировки привез большую коробку с этой игрой — там были и ракетки, и сетка, и воланы, настоящие воланы с перьями, а не пластмассовые пробки. Переводя инструкцию, написанную на

английском языке, он процитировал, подняв палец: «Разрешается ракеткой защищать лицо от летящего волана».

А сколько знакомых лиц в этих альбомах, знакомых, но уже позабытых и ушедших навсегда. Вот академик Григорий Григорьевич Девятых, а бабушка звала его Гришкой; когда он защитил докторскую диссертацию, бабушка подарила ему дедову энциклопедию Брокгауза и Эфрана в 86-ти томах со словами: «Гришка самый умный из вас, ему пригодится!»

Вообще портретных фотографий в альбомах довольно много, но все они выполнены не формально, а с изюминкой, изобретательно. Дядя Шура из соседнего дома, заведующий кафедрой на биофаке университета, запечатлен в майке и с курицей в обнимку, он хохочет. А дома, в кабинете у него (а когда-то это был и кабинет его отца) висит огромная картина в золоченой потемневшей раме, на которой изображен океанский пароход «Ниагара», попавший в девятивалльный шторм. Эта картина — память о его отце, который в самом начале двадцатого века участвовал в прокладке трансатлантического телеграфного кабеля из Англии в Канаду. А еще интересный момент из его жизни: в шестнадцатом году он поехал по заказу пароходства братьев Каменских закупать двигатели в США для Сормовского завода, а вернулся с двигателями уже в советскую Россию в восемнадцатом.

Ростислав Евгеньевич Алексеев в тельняшке, капитанской фуражке и с мячом в руках. Он учился в институте вместе с мамой, и звали они друг друга очень нежно Тома и Славик, а за глаза — Томка и Славка. А вот папа никогда не доходил до амикошонства: Ростислав, и все! Ростислав Евгеньевич часто в те годы бывал в их доме, да и коллективных мероприятий не чурался. Мог и сам он организовать поездку на своем катере на волжские пески покупаться. На похоронах Ильи Александровича, куда Алексеев приехал на своей «Чайке», он сказал, что корабли на подводных крыльях еще долго бы не взлетели, если бы не профессор Медянов. Иван Ильич потом уже узнал, что первые модели Алексеева не выходили на крыло, потому что профиль крыла выполнялся как для самолета. И только Илья Александрович указал на это Алексееву, на то, что законы аэродинамики отличаются от законов гидродинамики, и рассчитал ему профиль подводного крыла.

Дядя Леля один из первых в стране получил орден Октябрьской Революции, попал в первый приказ о награждении, и номер у него на ордене двузначный. А вот на фото он совсем не серьезный: и рот открыт, и глаза скошены к носу, — артистом Филипповым из «Карнавальной ночи» прикидывается.

Поездки за грибами в Осинки и в Тарасиху, походы на лыжах на Щелоковский хутор большими компаниями, охота, рыбалка, танцы под патефон во дворе — все было зафиксировано в пяти папиных альбомах. А сколько было домашних праздников: вот пятилетний Илья в костюме Пьера читает стихи под елкой. Елки тогда организовывались семьями, в которых были дети пяти-семи лет, приглашались их друзья, приходил Дед Мороз, дарил всем подарки: в пакетах были обязательные мандарины, яблоки, шоколадки, конфеты, печенье, а дети читали стихи, стоя под елкой на стуле.

Новый год тоже отмечали большими компаниями, и тоже все эти застолья были отмечены в папиных альбомах: и столы, и танцы, и объятья друзей.

А вот и последний альбом, и последняя фотография: на ней красивая женщина вполоборота, кокетливо улыбаясь, смотрит в объектив. Галина Полянская — Иван Ильич помнит ее, к тому моменту Полянская только-только появилась в компании родителей, ее муж тоже был профессором университета. Иван Ильич помнит и их сыновей: Сашка был его ровесником, а Максим лет на пять помладше. Иван Ильич почему-то помнит и тот праздник, ту встречу Нового года: папа танцует с Галиной, что-то ей шепчет, а она хохочет, закидывая голову. Хотя Ивану Ильичу и было-то всего пятнадцать, но он уже мог оценить женскую красоту и женское кокетство. Может, это потому, что он уже в тот момент подсознательно ревновал.

Беда случилась через полгода: на ночной загородной трассе Илью Александровича и Галину сбил грузовик, они стояли на проезжей части, рядом с «Волгой». Галину Полянскую прямиком отвезли в морг, а Илья Александрович на два месяца отправился в больницу. И был суд, и были следственные действия, и водителя грузовика посадили, но все открылось, и прошелестело противное и презрительное для той поры слово — любовники!

Все подруги, бабушка, сестра Ирка требовали, чтобы мама развелась, но у той открылась невероятная стойкость и жесткость, и она всем отрезала: «Отстаньте все от меня, я сама разберусь! А детям нужен отец!» Сестра Ирина в тот момент просто ушла из дома жить к своему ухажеру, с которым почти сразу они и зарегистрировались без всяких застолий и свадьбы. Бабушка, правда, сделала им свой персональный подарок, купив обручальные кольца.

За два месяца, что Илья Александрович пробыл в больнице, мама самостоятельно сумела сделать генеральную перестановку в доме. Мама перебралась к бабушке, родительская спальня превратилась в комнату Ивана Ильича, а четвертую комнату подготовили для папы, поставив туда его рабочий стол и диван.

Илью Александровича собирали по частям: переломанные лицевые кости плохо срослись, теперь он с трудом говорил, и постоянно у него текли слюни, и ходить он теперь мог только с клюшкой. Дети, и Иван Ильич, и Ирина, через день ходили к отцу — так потребовала мама: «Если вы любите меня, то сделайте это ради меня. Если вам будет так легче, то ходите как к чужому, без общения, но ходите».

Когда Илью Александровича привезли из больницы домой, мама пришла к нему в его комнату, села на стул, помолчала и сказала:

— Живи тут. Это твой дом. Надеюсь, баб тебе больше не надо будет, а прокормить я тебя прокормлю.

Илья Александрович восстанавливался в физическом плане очень хорошо: через месяц он уже выходил на улицу, а в сентябре начал читать лекции в университете. Но что-то другое поломалось и восстановиться уже не могло. Кардинально изменилось отношение к Илье Александровичу сотрудников и коллег по работе: они прекрасно знали его Тамару, она также работала в университете; во дворе многие перестали с ним здороваться, а не то что общаться. То же произошло и с детьми. Он быстро понял, что причина не в его проступке, и не в том, что этим проступком он оскорбил Тамару, а причина в том, что Тамара Медянова важнее для людей, чем он, профессор Медянов без Тамары.

Бабушка умерла под Новый год. Похоронили.

А через полгода умерла мама — не проснулась...

Иван Ильич еще долго сидел в большой комнате за обеденным столом, разложив на нем фотографии из большого пакета, не вошедшие в альбомы. Вот он в деревянной коляске с деревянными колесиками — ему год! Вот он с мамой сидит в траве, а рядом две корзинки — полные рыжиков. А на последней он со спиннингом в руке, а в другой — щука; на фото ему четырнадцать, а дальше детство кончилось.

Он взял телефонную трубку:

— Ирка, а как мне вернуть этим агентессам их сто долларов? Научи меня, придумай.

— А чего тут придумывать — тоже мне проблема! У папки в столе, в нижнем ящике лежат отдельные оттиски разных статей из журнала «Радиофизика», которые ему давали на отзыв или на корректуру. Возьми любую эту брошюру, в которой он стоит, как соавтор, засунь туда купюру, позвони им и отдай. Скажи, что больше ничего не нашел, и только не пускай их а дом, и не пои их чаем, не кокетничай — они же как цыганки.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Огромное безграничное поле, которое последний десяток лет было простой луговиной и служило пастбищем для нашего деревенского стада, в этом году было засеяно овсом, превратившись в фисташковое море, и пробираться к моей заветной полянке, на которой я любил медитировать и отдохнуть сердцем, приходилось теперь вдоль лесной опушки, делая крюк в пару километров. Здесь, между вековыми лиственницами и соснами, весенними потоками был промыт небольшой овражек, по которому даже я на своем «Патриоте» боялся спускаться к очаровательной лужайке, которая и манила последние годы меня. Хотя пару раз я этот маневр и совершил, но чаще не рисковал.

Лужайка была ровная, как футбольное поле, да и по размерам такая же. Она пряталась в котловине, окруженная каким-то реликтовым лесом: по краям ее стояли четыре огромных многовековых осокоря в два, а может и в три обхвата у основания, с причудливой неестественной формой стволов, чем всегда притягивали взгляд и вызывали разные фантазии, убегающие вглубь веков. По дальнему краю полянки бежал ручей, скорее даже небольшая речка, потому что у нее было какое-то местное законыристое марийское название. Речка эта была шириной метров в пять, и ее без труда можно было перейти вброд. Покидая мою полянку, журча, она впадала в солидный омут, укрытый нависающим тальником, в котором водилась мелкая рыбешка: окуньки, плотва, красноперки, а дальше, снова превратившись в речку, километров через пять встречалась уже с Ветлугой. Каждый раз, когда я спускался по оврагу на эту полянку, всегда покрытую какой-то мелкой, неизвестной мне, будто искусственной травой, меня охватывала наполнявшая все это закрытое и заполненное особым личным переживанием пространство тишина и неземное спокойствие. Это состояние многие из нас испытывали, но передать его словами невозможно. И это мучительно, тревожно и радостно одновременно. Мне кажется, что Чехов так же мучился, когда писал свою «Степь» и понимал, что у него не хватает слов, чтобы пересказать свой восторг.

Я сам житель городской, и дом деревенский мне достался по наследству лет десять назад от не совсем понятной мне дальней родственницы, и, наверное, плюннул бы я на этот дом, если бы не случай. Заехал я тогда посмотреть на свое наследство, рассчитывая кому-нибудь продать этот огромный пятистенок хоть за какие-нибудь копейки, познакомился с соседями, а те меня приветили и начали расписывать свои местные красоты. А свелось все к тому, что попросили они меня пустить в дом пожить молодую вдову Лиду с двумя ребятишками, пацанами шести и восьми лет. Беда у нее недавно случилась: сгорела ее хата вместе с мужем-хозяином. Осталась она без жилья и без опоры.

Что делать? Согласился я на их просьбы, посулы и уговоры: и за домом Лида присмотрит, и печь протопит, и белье постельное, когда надо, постирает, и порядок наведет. А еще и огород там за домом есть, который обрабатывать надо. Так и повелось: летом я с десяток раз наездами бываю тут, сам у себя в гостях, или один, или с друзьями — и за грибами сходим, или на рыбалку, и на пленэр посидеть не плохо, когда один, этюды пишу. Художник я. А круглый год Лида в доме хозяйничает: услужливая женщина, тихая, незаметная — будто и нет ее. Правда, косолапит она, и походка у нее, как у уточки.

В тот день, когда я поближе познакомился с Виктором, планировал я наловить в качестве живцов мелких рыбешек в моем омуте, чтобы зарядить жерлицы на щук в затоне. Я подъехал на своем «Патриоте» к спуску на полянку, вышел и увидел, что на подъеме, в овраге, почти на боку висит «жигуленок» соседа Виктора, вот-вот опрокинется. Машину стащило туда юзом, когда он выбирался с полянки наверх. Виктор был не совсем моим соседом: он жил на нашем порядке, напротив, через три дома, но я его в лицо знал. А сейчас Виктор был сильно пьян и очень разгневан на самого се-

бя: он сидел на крыле своего застрявшего авто, грязно и громко ругался и стучал себя кулаками по ногам.

— Сосед, выручай,— обратился он, увидев меня и прекратив свои самобичевания,— выдерни меня отсюда. Ты же на вездеходе! У тебя есть трос?

Я знал, что у меня троса нет: свою альпинистскую основную веревку, которой обычно пользуюсь в качестве буксировочного элемента, я незадолго перед тем переложил в лодку, на которой планировал ехать за щуками.

— Нет, нет у меня троса, Витя,— ответил я.

— Да вот,— и опять мать-перемать,— поехал я тестяге своему показать, где можно карасей ловить, и вляпался так! Привез его из города, показать, как мы с Татьяной его тут устроились, а сейчас чуть морду ему не разбил — начал меня учить! Прогнал я его. Сосед, давай сгоняем с тобой на лесопилку, тут рядом, пару километров — я там конец троса стального возьму, и мы с тобой выдернем машинешку мою несчастную.

Отказать ему я не мог: в деревне это не принято — в деревне и просьбы всегда разумные, и отказов не принимают, хотя неприятен мне этот Виктор был даже издали.

Ничего мы на лесопилке не нашли, поехали в свою деревню, и там не повезло — нет ни у кого. Пришлось ехать в соседнюю. Часа только через два выдернул я этого Витя из канавы. На удивление, «жигуленок» Витин завелся сразу, без проблем.

— С меня стакан,— сказал он мне на прощание.

Даже веревку чужую Витя бросил тут же в траве, и мне самому уже пришлось ее отвозить хозяевам в чужую деревню...

Было это лет пять назад.

Как я потом узнал, Виктор был сам местным, родился тут. А после армии перебрался он в райцентр, завел там какой-то мелкий бизнес, были у него целых три палатки на рынке. Только пришлось ему эти палатки продать, женился он на Татьяне, женщине с ребенком, купил дом-пятистенок в родной деревне и вернулся сюда, где на свет появилсяся. Татьяна была женщина дородная, крепкая, рослая, с тяжелой рукой и лет на десять старше Виктора. Потому, когда пьяный, а пьяный он бывал часто и всегда дурной, Виктор поднимал на свою суженую и законную голос или руку, то всегда получал от нее взбучку, и солидную. Часто он ходил с синяками, но никогда не смущался тем.

Дом свой Виктор в порядок привел — мужик он был срученый и крепкий. Парники на участке поставил такие, что иной агрохолдинг мог бы позавидовать. Через год Татьяна ему сынишку родила. Только чувствовалось в этом Викторе всегда какое-то говнецо, а иногда оно и наружу прорывалось.

Помнится, сосед его, Саша Удалов, менял подгнивший венец у своего дома, и надо было поддомкратить угол сруба. Попросил он Виктора по-соседски помочь, и я тому был свидетель. Так тот только рассмеялся:

— Давай тышу — помогу, с так — что я карячиться с тобой буду!

И таких некрасивых историй скопилось у меня в памяти немало. Помнится, раз на берегу реки он ногами разбросал и переломал два удилища заброшенных фидеров незнакомого рыбака, приехавшего к нам из города порыбачить, — и при том кричал истерично:

— Мое это место! Убирайся вон, а то накостыляю!

Надо сказать, что рыбаком Виктор отменным был: и места он знал самые уловистые, и прикормки делал сам какие-то замечательные, но секретами своими он ни с кем никогда не делился. А еще чутье у него на это дело было. Вот все мужики на рыбалке, а он в огороде торчит и смеется:

— Сегодня клева не будет!

И действительно: вечером все мужики пустые с реки идут.

А то вдруг и дождь моросит, и ветер гуляет, а он на берег шагает, и через час двух судаков здоровенных домой прет.

Раз как-то я ему напомнил, что он мне стакан должен.

— Послушай, сосед,— ответил он мне,— я, когда буду выпивать, тебя не забуду и налью. А сейчас нет у меня.

— Витя,— сказал я ему на это,— я про стакан пошутил. А вот научи меня, как ты из макухи приваду свою на леща делаешь и наживку.

— Давай тыщу, и я тебе свою отдам — вот только что наготовил,— и он протянул белый шар намятого теста.

— Понял,— ответил я.

Больше я с ним ни разу не общался — противно!

Когда СВО объявили и стали набирать людей по контракту, Витя первый из нашей деревни пошел в военкомат и записался воевать на Украину.

— Да я за такие бабки до пенсии воевать готов!

В то лето я его больше не видел. Зимой я в деревне не появлялся. А по весне, уже по теплу, в конце мая, заехав к себе погостить, я заметил его, сидящего около своего дома на маленькой скамейке. Лида, хозяйка моя, доложила мне, что Татьяна, супруга Виктора, деньги контрактные целый год исправно получала, а зимой он в отпуск на неделю приезжал, медалью хвастал. Только вот сейчас из госпиталя прибыл весь израненный — неделю уже на табуретке домашней сидит да курит. Какой-то другой он стал: мужики просто его не узнают.

Я не стал выяснять — какой он другой стал, а решил сам с Виктором пообщаться. По моим понятиям любой человек, который защищая Родину, кровь пролил, заслуживает особого внимания.

Подойдя к избе Виктора, точнее, к сидящему на скамейке Виктору, я сразу заметил, что он как-то скучожился: маленьkim стал, худеньkim и подсох весь. Он курил. Рядом в траве лежал костыль, а левая рука была на перевязи, перевинтована и очевидно упакована в лангету. Я остановился и закурил.

— Что сосед, за стаканом пришел? Я больше не употребляю, но Татьяне своей скажу, чтобы она тебе налила. Долги надо всегда отдавать.

— Да нет, Вить, — бог с ним, со стаканом. Я так — поболтать. Расскажи про себя.

— Нет, сосед, чего рассказывать? Кто на войне бывал, тот плохой рассказчик!

— Но все равно — как тебя угораздило?

— Как-как! Кассета в десяти метрах от меня разорвалась — двадцать осколков я и словил. Десять удалили, а еще с десяток остались во мне торчать. Ногу перебило — так, вроде, налаживается, а вот с рукой все хреново: и кости в крошки раздроблены, и сухожилия перебиты. Врачи сказали, что отремонтируют, но я не верю — сохнуть будет. Хотя вот через десять дней снова в Москву, в госпиталь поеду. Остальные осколки вынимать будут. Хочешь — потрогай.

Он протянул мне правую руку.

— Видишь шарик повыше кисти — это осколок заросший, потрогай, не брезгуй потрогать солдата.

— А кем ты там, на войне-то был?

— О, у меня специальность была сложная — истребитель танков.

— Что-то я про такую специальность впервые слышу.

— А теперь и война совсем другая, не такая, как в кино.

— В смысле?

— А в том смысле, сосед, что был я на краю земли. Понимаешь меня? Нет? Вот, помню, в самом что ни на есть детстве, мой дед пришел с покоса раньше времени и говорит моей бабушке (я с ними в детстве жил): «Знаешь, бабка, на том берегу реки тоже люди живут. Я тут траву кошу, а на том берегу тоже мужик, и тоже косит — чудно». Я тогда маленький был, и понял, что для моего деда земля заканчивалась на этом берегу реки, а на том уже ничего серьезного и нет. Я ведь в армии все два года в

каком-то лесу под Архангельском служил, и вот казалось мне с тех пор и всегда, что только лес вокруг и есть. И у нас кругом лес, и под Архангельском вокруг части один только лес был. И вся Земля для меня — один только лес. А там, где я целый год воевал, земли уже нет. Там все живое выбито, все леса выжжены и выбиты в хлам, в труху, в щепки, а земля железом там так нашпигована, что она уже никому не нужна будет! Никогда! Там даже трава не будет расти. Я был, я стоял на краю живой Земли.

Виктор замолчал. Мы снова закурили. Я тоже молчал.

— Что, сосед, поедем завтра на рыбалку? Я пешком-то не дойду, а с тобой на «Патриот» с удовольствием прокачусь. Я тебе такие уловистые места покажу, каких даже все наши местные не знают.

— Так чего — поедем.

— Только надо сначала в Воздвиженское, в храм съездить, помолиться — там у них праздник престольный завтра, а потом уже на рыбалку.

НА РЫНКЕ

Попадая впервые в новые для себя города, стараюсь непременно побывать в двух их знаковых точках: на кладбище и на базаре. Именно тут я для себя определяю, как живут местные. Если в Стамбуле, как и в Москве, вы на центральном базаре ничего любопытного не увидите — все захвачено приезжими, то в Марракеше и живая рыба прыгает на лотках со льдом, и сотни бочек с солеными оливками выставлены на пробу. Хотя и тут не все однозначно: отдохная в Болгарии, в маленьком городке на берегу моря, я обошел все торговые ряды и местный рынок в поисках знаменитых персиков, но везде слышал один ответ: «Турецкие!» А на вопрос: «Где же ваши, болгарские?» — мне дали совет поехать на такси в горы, в любую деревню, и там этого добра — не выкупишь! Мы с супругой так и сделали: пятнадцать километров, и в маленькой деревушке, в саду, пронизанном насквозь духом переспелых персиков, мы срывали эти дивные нежные плоды с деревьев, и сок стекал по нашим рукам в изобилии.

Что касается кладбищ, то зайдя на местный погост в городе Горбатове, вы поразитесь огромными старообрядческими надгробьями под чугунными многометровыми шатрами, отлитыми на Урале, а на многих мраморных и гранитных плитах одна и та же фамилия: Смолов, Смоловы, Смоловы. Ну а как же: это прототипы главных героев знаменитого романа Мельникова-Печерского «На горах» Смолокуровых. Они это, они! Да и гуляя по другим кладбищам: по русскому в Париже, или по Новодевичьему, или по Ваганьковскому, или по нашему Бугровскому, невольно погружаешься в родную историю, видя знакомые имена.

Одно время, пока его не заровняли и не переселили в огромный корпус под наименованием «Торговые ряды», я любил захаживать на наш Средной рынок. Тут на открытых столах под навесами торговки, приехавшие из области, предлагали все, чем богат наш край. Раз, а то и пару раз в месяц я заходил сюда, чтобы купить молодой телятины, или баранью почку, или свежей зелени. При желании, признавая в вас «своего», могли здесь предложить и астраханскую черную икру, и сурскую стерлядь; знаете, что к царскому столу возили именно сурскую стерлядь (у нее брюхо желтое в отличие от волжской), и ведь довозили живой и до Москвы, и до Питера.

В один из таких заходов на рынок, в майский погожий день, я заметил краем глаза сидящего при входе на пустом деревянном ящике неряшливо одетого человека, который дремал. Не знаю, чем он меня тогда заинтересовал, но я притормозил и внимательно пригляделся. Это был Щепа, Коля Прищепин, мой одноклассник. В школе мы с ним не были особо дружны, и помнил я лучше даже не Николая, а его маму. Вызывающей красоты была женщина: она всегда старательно следила за собой, и внешний вид был ее постоянным козырем. Яркие алые губы, подведенные глаза, высокая прическа, высокие каблуки, горделивая походка, летом — небольшая соболья накидка,

зимой — длинная каракулевая шуба; отец Николая был директором лесоторговой базы, и мама всем своим прикидом подчеркивала такое его высокое положение.

Класс наш был не особенно дружен, и мы после окончания школы никогда вместе не собирались, не отмечали десятилетие окончания, ни двадцатилетие — кормились сухими сплетнями, встречаясь на улице друг с другом. Откуда-то я знал, что Щепа служит в полиции в звании капитана, но сведения эти были давнишними, пятилетней давности.

Я подошел к сидящему на ящике бедолаге.

— Щепа, это ты? Что-то я тебя сразу-то и не узнал!

Щепа открыл один глаз, потом наполовину приоткрыл второй, это был его персональный номер — разговаривать с одним прищуренным глазом.

— Плохо это, плохо — я вот тебя сразу заметил. Дай на бутылку, пятичатку.

Я вынул из бумажника пятьсот рублей и протянул ему. Он сразу же засунул бумажку куда-то внутрь куртки.

— А ты чего, к нам на рынок? Прикупиться хочешь?

— Да супруга велела баранины купить, харчо сделать хочет.

— Ты все с Милкой живешь из параллельного класса?

— Да.

— И пацанов у вас двое: Вовка и Сашка?

— Да. Все-то ты знаешь.

— Работа у нас такая: все про всех знать. В мясные ряды пройдешь, найдешь там рубщика Артема, скажешь, что от меня.

Он поудобнее развернулся на своем ящике и снова закрыл глаза.

В крытом павильоне я разыскал рубщика мяса Артема и сказал ему, что я от Щепы. Тот с недоверием посмотрел на меня и спросил:

— А чего тебе надо?

— Полтора килограмма баранины, — ответил я.

— На что?

— Жена харчо будет готовить.

Артем отвернулся, махнул своим огромным топором и, завернув кусок, не взвешивая, протянул его мне.

— А деньги? — спросил я.

— Отдашь Щепе, — махнул рукой Артем.

— А сколько?

— Он знает сколько, — махнул он еще раз.

Я погулял по рынку, купил зелени, свежих огурчиков, сухих фруктов, еще какой-то мелочи и направился на выход. Щепа сидел на своем ящике, открыв глаза и рот, и выслушивал какую-то женщину. Когда я появился на его горизонте, он встал, похлопал ее по плечу и сказал:

— Иди, Маша, — если они к тебе еще раз подойдут с этими глупостями, скажи, что Щепа их ждет... Ну что, затарился? — это он уже обратился ко мне.

— Да, все в порядке. Артем велел мне расплатиться с тобой.

— Ты уже расплатился! Пойдем ко мне в кабинет.

Немного разволниванный необычной встречей, я почему-то не смог сразу откаться, и мы вместе прошли в административный корпус. Показалось мне тогда что-то интригующее и в положении Щепы, и в его поведении.

Кабинет у Щепы ненамного отличался своим видом от своего хозяина. На двери, оббитой старым потрескавшимся дерматином, был масляной краской нарисован большой знак вопроса, а небольшую комнатку с одним окошком заполняли однотумбовый ученический письменный стол, старинное купеческое кресло перед ним и продавленный диван с валиками. Стояли еще несколько деревянных ящиков вдоль стены, выполняя роль стульев для гостей, но на них сегодня лежали ватники и рабочие халаты.

Щепа уселся в свое кресло за столом, достал из ящика два стакана, большую квадратную бутылку виски «Джонни Уокер» и спросил:

— Будешь?

— Нет, нет,— отказался я,— меня дома супруга ждет.

— Тогда я сам.

Он налил в стакан на два пальца желтой жидкости из бутылки и с наслаждением выпил, закрыв глаза. Мы с минуту помолчали, и потом я все же спросил:

— Щепа, а поделись со мной — как ты докатился до жизни такой? Ты же вроде в органах служил? И на хорошем счету был?

— Не поверишь — анекдотическая история, будешь потом всем говорить, что я опять тебе что-то наврал. Но я все равно расскажу.

Щепа достал сигареты, и мы оба закурили.

— С год назад наше руководство совместно с челябинскими коллегами разработали операцию по внедрению меня в одну преступную уральскую группировку. Такие операции сложно и разрабатывать, и осуществлять — очень большой риск. И знают о таких операциях два-три человека, не больше — даже генерал не знает. Было сфабриковано небольшое уголовное дело, по которому я в пьяном виде якобы избил своего коллегу, после чего был уволен из органов по компрометирующем обстоятельствам. Пока готовились на меня новые документы и легенда, в Челябинске накрыли интересовавшую всех банду, и стал я там не нужен. Так вот, на беду мою скопостижно скончался от сердца и мой подполковник, который готовил меня на внедрение. А второй мой куратор был переведен срочно в Москву в центральный аппарат. Я звонил ему пару раз — он, зараза, говорит, что не звони мне, а живи пока так, еще, может, и пригодишься. Остался я и без погон, и без надежды на будущее. Хорошо, что у наших местных жуликов был я на добром счету — я же всех их знал и общался: называли они меня «правильный мент». Вот Ваган с Мытного рынка меня сюда и определил с месяц назад; сказал: «Сиди тут — дальше решим, что с тобой делать». Правда, про предполагаемое мое внедрение никто не верит: думают, что я вру. Ну и пусть думают. Так вот я остался и без погон, и без работы, и без друзей, и без врагов. Нет — врагов-то полно, наверное: а у какого опера с пятнадцатилетним стажем врагов нет? Правда, есть еще младший брат Сашка, ты его, может, и помнишь. Он в городской прокуратуре служит, его там очень даже уважают. Нужна будет помочь, квакни — я ему позовню. Он мне никогда не откажет: знает, что я лишнего не попрошу.

Расстались мы со Щепой по-доброму, он проводил меня до ворот рынка. Половине из того, что он рассказал мне, я, конечно, не поверил: было что-то в его поведении и манере общения подозрительно навязчивое. Зачем он со мной делился своими проблемами? Дома я рассказал всю историю Щепы супруге.

— Интересные у тебя одноклассники! — только и ухмыльнулась она.

Однако продолжение у нашей встречи со Щепой было, и продолжение довольно любопытное. Через пару дней пришла моя супруга с работы вся в растрепанных чувствах — нет, не в слезах, но и губы у нее дрожали, и руки тряслись, когда она уселась на диван. Она поделилась со мной проблемой, которая вдруг на нее свалилась.

Она была хозяйкой довольно известного в городе салона женской красоты: маникюр, педикюр, прически, массажи. Помещение небольшое — пятьсот метров, но в собственности. За последние полгода к ней трижды приходили гонцы с предложением продать помещение — она наотрез отказывалась. И вот заявились целая бригада с комплексной проверкой: и милиция, и пожарные, и налоговая, и санинспекция. Чего они искали — непонятно, только закруглились очень быстро, выписав ей два штрафа от пожарной инспекции с предписанием закрыть салон до исполнения нарушений; а там было: и сломать какую-то стенку, и сделать дополнительный пожарный выход во двор, и расширить коридор и еще куча мелочей. Однако, два штрафа по шестьсот

тысяч рублей были выдвинуты — таких штрафов и автозаводу не выписывают. Это было предупреждением, как намекнули ей работники органов.

Салон закрыт, советов ждать не от кого, несколько дней мы ломаем головы, но ничего дельного туда не приходит. А в субботу я решил прогуляться до Среднего рынка. Щепа сидел на своем ящике при входе. Я подошел к нему — он открыл глаз, приоткрыл второй и произнес свою, видимо, дежурную фразу:

— Дай пятихатку на бутылку.

Я протянул ему купюру, он встал и сунул бумажку в карман.

— Я про все ваши проблемы все уже знаю — сорока на хвосте принесла. Ты же знаешь, что на базаре самое мощное сарафанное радио. Как же вы так вляпались? И что, даже не догадываетесь — откуда это прилетело конкретно?

— Нет, Щепа, не представляем даже. Ты сам можешь это понять: нарушений пожарной безопасности — на миллион двести! Таких штрафов даже крупным компаниям не выписывают. И ликвидировать эти нарушения практически невозможно.

— Ну, так это — наезд! Им помещение ваше нужно.

— А что делать, Щепа?

— Надо узнать, кто эти люди. Видимо, люди серьезные, если смогли такую команду собрать для разовой акции. Узнаем — разрулим. Давай звонить брату моему Сашке — он про все, что в городе происходит, знает. Может, совет дельный даст, может, и сам впишется — ему многие в этом городе должны. Давай мобильник! А вообще-то я лучше со своего.

Он вынул из-за пазухиайфон последней модели и нажал нужные кнопки.

— Саня! Не разбудил? Ты дома? Помощь мне твоя нужна. Есть на проспекте Гагарина салон красоты, хозяйка Якимова Людмила Ивановна, на нее наезд был три дня назад — комплексная бригада, выписали штрафов на полтора миллиона. Но на самом деле кому-то это помещение просто нужно. Выясни, кому это надо! И объясни людям, если это возможно, что это наше! Не свое они хотят взять! Так и скажи!

Щепа с минуту внимательно слушал, прищурив глаза, потом нажал кнопку «отбой» на своем аппарате.

— Ну что? — спросил я его без надежды.

— Что, что! Пусть твоя супруга идет в понедельник на работу, салон не открывается, а ждет. Они придут к ней во вторник, а может, в среду, а там посмотрим. Так, может, все же теперь пойдем, выпьем?

Я не смог отказать ему на этот раз.

Пришли в среду. Пришел заместитель начальника областного отдела МЧС, один, прошел в кабинет супруги, сел за ее стол, молча и старательно разорвал все документы по проверке, акты, штрафы, предписания. Потом положил на стол новое предписание на штраф в сумме пять тысяч рублей за курение в неподходящем месте. Он долго и сердито смотрел на мою Милу, как она мне рассказывала уже дома, после чего все так же молча встал и ушел.

Что теперь надо было делать мне, я даже не понимал: конечно, я обязан был пойти к Щепе, поблагодарить его, но как? Как я должен его благодарить?

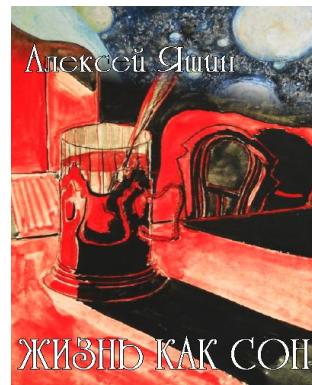
Наутро вместо работы я пошел на Средний рынок. На ящике у входа Щепы не было. Я прошел в административный корпус: дверь в кабинет моего благодетеля была открыта, но хозяина там не было. Не хватало в кабинете и реликтового купеческого кресла, на котором он сидел в последний мой заход. Оставался Артем, рубщик мяса, к которому я обращался в первый раз по рекомендации Щепы.

— Нет его, и не будет, — сердито, глядя исподлобья, объявил мне Артем, — и не ищи его, если не хочешь проблем.

Алексей Яшин
(г. Тула)

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ КАК СОН»

ГОРОД НЬЮГАДАРИН И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ИЗ НЕРАСЧЕЛОВЕЧЕННЫХ

Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. на-ми.— А. Я.), ибо потребность всемирно соединения есть третье и последнее мучение людей.

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор обращается к Христу)

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф. М. Достоевский «Бесы»

◆ ...Так или примерно так у наших друзей, профессора Игоря Скородумова, доцента-ракетчика Николая Андреяновича и писателя, главного редактора литературного журнала «Срединная Россия» Андрея Матвеевича Бурцева, прошелестел месяц май. Прошелестел, а не прошел, не пролетел и пр., по той технической причине, что редкий день каждый из них не совершал путешествия на личной машине времени, как правило, легковой иномарке или ставшей раритетной отечественной. При необходимости не брезговали новомодными китайскими электросамокатами и даже ста-ринным советским великим. Много чего вспомнили из прошлых времен, от души повеселились скособоченному идиотизму «лихих девяностых», опасливо заглядывали в недалекое будущее, но редко и неохотно: блевать тянуло. А Бурцева раздражало, что *там* «вместо Блока блоги»). Впрочем, некоторую пользу от блогов признавал: как речевую активность своей разговорчивой супруги от себя отвести — порекомендовать ей блогершой заделаться. Николая Андреяновича огорчало, что уже в ближайшие годы исчезнут многие привычные профессии, дескать, окончен бал, погасли свечи. И пояснил, что когда в конце девятнадцатого века в столицах появилось электричество, то ликвидировалась лакейская должность тушителя свечей по окончанию балов. Вот они и придумали эту, печальную для них присказку.

А Игорь Васильевич саркастически отзывался об этом «светлом будущем»: «Грядет, друзья, эпоха ООО «Русский банан», как символа сиськозадастого бытия!» И оба его приятеля поняли глубинный смысл грубоватого выражения.

По установившейся традиции в последний ласковый день, завершивший благодатно-теплый май, иногда и жаркий, но не до одури, финальный весенний месяц, благо для всех трех свободный от каких-либо забот, хлопот и трудов, в полудень собирались в гостеприимном заведении «Наливай-ка!», что на стыке двух основных скоплений учебных корпусов и прочих зданий университета, где служили Скородумов и Николай Андреевич.

Учитывая принадлежность двух из компаний к вузовской сфере, первый тост писатель Бурцев верноподданнычески, но с легкой иронией, вечной спутницей любого литератора, предложил за окончание учебного семестра, то есть поднадоевшего общения со студиозусами, и перехода к экзаменационной сессии, «в которую, я надеюсь, ваши воспитанники покажут блестящие результаты, ибо науки юношей питают — особенно в наше динамичное, центростремительное»... здесь Андрей Матвеевич слегка запнулся, не то слово в спичке поставил, но его тотчас перебил Игорь Васильевич:

— ...Центростремленное, как библейские гадаринские свиньи, в пропасть совершенный тупости мысли, клинической цифрофрении и дальнейшей трудоустройности по единой базовой специальности: всю жизнь, даже дожив до нового пенсионного возраста, уныло тянуть, как те бурлаки на картине Репина, или как его сейчас братья-хохлы по языковому закону именуют — Илли Юхвимовича Рэпина, тягостную лямку безрадостной и монотонной работы — не труда! ибо труд есть творчество. С главным мерилом — суммой оплаты, впрочем, сниженной до прожиточного минимума. С горечью, дорогой наш сочинитель, но поддержу твой тост. Но пить будет не чокаясь, по-американски, за этих ребят с внедренным в их головки «мек моней».

Принялись за закуску. В это время с шумом и нахально-веселым перекотыриванием вошли группой в шесть человек студенты, очевидно, собирались отметить удачно завершенную зачетную неделю и допуск к экзаменам. Заняли дальний — по отношению к нашим приятелям — столик, тесно сдвинув стулья, подозвали официантку Машу. Хохотут, явно над глупыми преподами, которых обвести, что два пальца об асфальт, все одновременно говорят, как в женской компании, разливают по первой — разгонной.

— Однако, герр профессор,— усмехнулся Бурцев,— столь усердно хоронимые вами студиозусы в высшем градусе веселья?

— Так я их жалею с нашей позиции,— ответил Игорь Васильевич,— то есть с точки зрения еще не расчеловеченных людей, не с оцифрованным, так сказать, сознанием, тем более по натуре и образу жизни творческих. А они,— Скородумов мотнул головой в сторону ребят,— уже другой продукт. А человек есть самое высокoadаптивное существо из всего биологического разнообразия. Так что им даже уютно в этом роботизированном, цифрофреническом, гибридном по определению мире, что нам, друзья, претит хуже неочищенного свекольного самогона... если кто в молодости его пробовал, когда в «колхоз» от учреждения или предприятия в севооборотные месяцы непременно на пару-тройку недель, а то и целый месяц посыпали. Ладно, господь с ними — и их мечтой насчет «свалить из этой рашки» и все того же неизбывного «мек моней». Жаль, что они в телевизор совсем не смотрят; подивились бы, какой им виртуальный образ извне агитпром лепит: они и гвардейцы, и армейцы, и движенцы всякие, надежда отечества и его светлое будущее... как у нас на главном корпусе, когда универу дали категорию опорного, плакат повесили: «Наш университет опорный, в учебе упорный». Жаль, что не *уперты*, с точки зрения теории стихосложения более грамотная рифма. Все есть фальшь и административно-бюрократи-

ческий ремиз, как говорили в позапрошлом веке наши литературные классики. Прав я, Андрей Матвеевич?

— Прав, конечно прав, Игорь Васильевич. Кому как не заслуженному профессору быть правым. Однако, друзья, разговорились мы с вами на вольнолюбивые темы, а не время ли нам последовать словам небезызвестного героя гайдаевских фильмов: «Не пора ли нам сделать остановку, кондуктор, нажми на тормоза». Это я к тому, что языки-то они без костей, а водка стынет!

Друзья охотно поддержали, Студенты также по второй разлили. Явно не гвардейцы, армейцы и многоликие движенцы.

♦ — Кстати, наш дорогой профессор — на то он и профессор, повторюсь — слишком диалектически рассуждает, сравнивая времена прошлые, настоящие и пугающие своей зловещей неопределенностью будущие. То есть научно-методологическистина за Игорем Васильевичем. Но вот я, как рассуждающий под вдохновением опекающих меня литературных муз, осмелиюсь предположить несколько иное видение. И не на пустом месте это видение образовалось. Открою вам свою проделку с машиной времени, что недавно сотворил, а именно: отталкиваясь все от тех же слов, которых, как говорится, из песни не выкинешь, про «не пора ли нам сделать остановку», свободным вечером следующий кунштюк выкинул, подтвердивший мою давнюю догадку: жизнь есть закольцованный сон, в котором все эти очеловечивания и расчеловечивания, оразумления и умозамещения, капитализмы и социализмы, империализмы и глобализмы, революции и контрреволюции... уфф! и так далее вплоть до содержания новой книги герра профессора о скорой замене человека биологического творческого биотехническим роботом — все скопом и поодиночке есть фрагменты такого закольцованного сна-жизни. Все повторяется, но каждый раз с ускорением времени и с усилением или, наоборот, ослаблением всех качеств и проявлений и...

— Во письменник наш дает! — с восторгом перебил Бурцева Игорь Васильевич, — да ты, о проницательнейший Андрей ибн Матвеевич, прямо по диалектике Гегеля Георга Вильгельма Фридриха и Карла Маркса излагаешь. Более того, и новое слово в философии сказал: цилиндрическую диалектическую спираль повторения закольцованных циклов в качестве гиперболической, как знаменитая шуховская радиобашня, перевел. Не ты, конечно, первым перевел, но зато оригинально и стихийно размышил! Поздравляю. Но где же только что анонсированный кунштюк с машиной времени и «пора сделать остановку»?

— Благодарю, герр профессор, за высокую оценку моего уклона в философию. Но — к делу, к теме эксперимента с машиной времени. Сразу оговорюсь: таковой дает положительный ответ на все вопросы только у нас, у русских, про специфику которых прозорливец Достоевский сказал, как припечатал: «*Одна Россия живет не для себя, а для мысли*». Робя перед гением, решусь добавить: даже если это мысли «пакостные» и бездельные — *a la* Илюша Обломов. Русскость, словом. Пресловутый загадочный русский характер. Итак, вспомнив ваши, дорогой Игорь Васильевич, рассуждения о возможностях встречных путешествий на машине времени, я решился последовать им. То есть сначала проехался на рубеж восьмидесятых и девяностых годов, когда бардак в стране только вырисовывался пока неясным, туманным таким абрисом. Затем, зафиксировав себя тогдашним по возрасту, мировосприятию, так сказать семейному положению, зарплате и магазинным ценам (еще до павловских пятидесяти- и сторублевок), уже совком, как сейчас паскудно цедят сквозь зубы, отправился в будущее, то есть выставил ручкой верньера нынешний наш год, второй пандемический...

Здесь друзья сделали гастрономический перерыв, после чего Андрей Матвеевич продолжил:

— Вы вот сейчас добродушно надо мною посмеетесь: велосипед изобрел! Дес-

кать, мы прошедшие тридцать лет все по часам и минутам может расписать и так далее. Пальцем в небо попадете, граждане педагоги высшей школы! Я же не зря акцент сделал: явился на машине времени из эпохи близкого начала нашей, самой грандиозной в мире, цветной революции в нынешние дни; причем, во-первых, я явился не запылился в сегодняшний мир советским человеком; во-вторых, как бы не ведаю о прошедших трех десятках лет. А это совсем иное, нежели велосипед изобретать. Итак, из огня да в пекло. Что же произошло за эти десятки лет — мне, новоприбывшему, даже в самых общих чертах и словах неведомо. Пожил я в новом для меня мире, присмотрелся...

— И как тебе показалось, почувствовалось? — с неподдельным интересом вмешался Николай Андреянович.

— А никак. Конечно, изменилось за тридцать лет многое, почти все. Особенно люди; которые помоложе, так словно из дурдома за правильное поведение на побывку выпустили. Одеты, парни и девки, в какое-то хламидомонадное тряпье. Причем парни внешне как парни, а вот девки как из двух различных инкубаторов с конвейера сошли: одна половина тоже внешне на нормальных смахивает, в меру стройные, а вторая — толстухи со среднешкольных лет, волосья вроде как в фиолетовых чернилах выплощены, в носу кольцо продето. Но все оба пола в руках, словно чайное блюдце, держат перед губами какие-то плоские коробочки и громко разговаривают сами с собой. Точно — из Кащенки московской или калужской Бушмановки, наших обеих лечебниц тож, отпущены безутешных родственников проводить. И еще приметил: середина дня, а на улицах не протолкнуться, видно, никто уже не работает, только и ходят по магазинам, а те словно дворцы из картона, наскоро срублены, вывесками с американскими словами облеплены. Когда же обжился, стал вникать: так ведь по сути-то ничего и не изменилось! Антураж новый, а содержание прежнее. Как в советское время с утра до вечера на экранах отечественных «Стартов» и «Темпов», цветных «Электроник» про мудрую политику «партии и правительства» рассуждали, так и сейчас. Только телевизоры поменялись сплошь на импортные. Своих-то уже давно не мастерят...

— Позволь, дорогой Андрей Матвеевич, ты уж будь точен в обобщениях. Ладно про правительство, но вот насчет партий? Их ведь сейчас целых четыре, что в думе заседают. А за пару недель до выборов народ узнает о существовании еще десятка или того поболее, в том числе обязательно нескольких якобы коммунистических, так что...

— Погодь, погодь, Николай Андреянович, не гони коней ретивых, что с бубенцами и лентами, в гривы вплетенными. Аксиома историческая гласит: на Руси во все времена и при всех режимах была, есть и будет до скончания веков только одна партия: правящая. Советские коммунисты, как люди искренние, так и вовсе не лицемерили. Так и говорили: да, я член *нашей* партии! Единственное исключение в нашей истории в части многопартийности — это после революции девятьсот пятого года, когда «царь испугался, издал манифест», — ни к чему хорошему не привело: потеряли страну. Только усилиями Сталина и восстановили ее.

В разговор вступил Игорь Васильевич, доселе внимательно слушавший экспериментатора путешествий во времени:

— Правильно мыслишь, Андрей Матвеевич. Добавлю: для нашего отечества оптимальная раскладка, когда правительство и партия каждые сами по себе. Вот как в девяностых имело место быть: Ельцин по понедельникам трудолюбиво правительство меняет, а единственная реальная партия, коммунистическая, своим думским большинством по мере сил и полномочий тормозит капитализацию страны под американским патронажем и как может заботится о народе. Но все это прошло как мимолетный сон. А вот китайцы таким ходом давно пользуются, не смешивая партийные и хозяйствственные дела и — на тебе! Новая сверхдержава под красным флагом!

Как говорится, получи, фашист, гранату, распишись за пулемет... Извиняюсь, продолжай, Андрей Матвеевич.

— Да и продолжать нечего. Вроде все изменилось, повернулось на сто восемьдесят градусов, оверлог, говоря по-флотски и портновски, но человек-то наш русский все тот же! Да, поглупее на порядок или более того, обленился вконец — таджики за него работают. Запуган все более плодящимися запретительными законами, разъединен двухгодичной — и конца ей не видно — эпидемией, словом, вроде как к полному ничтожеству сведен, но ... остался человеком русским! А спасение его видится в такой замечательной нашей черте, как вселенский, внеисторический *поплевизм*! Я закончил, други мои. Жизнь есть закольцованный сон.

♦ — Ты хочешь сказать, дорогой наш письменник, что национальный наш поплевизм имеет сильный иммунитет даже к глобальному расчеловечиванию, — прервал затянувшуюся паузу профессор Скородумов, — что ж, довод небезосновательный. И вывод следует стратегический: если нашим потомкам и суждено будет стать жителями города Ньюгадарина, то они придут туда последними из нерасчеловеченных. Но история обратного хода не имеет: не долго им придется со своим поплевизмом в том всемирном городе красоваться. И их сомнут, скомкают...

Студенты за дальним столиком, сгрудившись вшестером, утолили юношеский аппетит, а принятые на грудь лихорадочно веселило. Все их смешило сейчас: и ловко спихнутые молодой преподне зачеты, и на время отступившие тягостные мысли о грядущих экзаменах, и особенно — старики за столиком налево от входа, по виду смахивающие на тех же преподов их универа, раз забрели в «Наливайку», незнакомых, не с их факультета. На троих соображают. Тоже, наверное, приняли зачеты и расслабляются. Что ж, и они имеют право. Как там совки до исторического материализма пели: «Лишь мы одни имеем право, а паразиты никогда!» Вот и получили это право: водяры выпить, по сторонам оглядываясь: свои же донесут, капнут куда надо. Нет, ребята, глупость величайшая — про права всякие вякать. Ждать от кого-то дарование прав — это все одно, что надеяться даром девку красивую поиметь. Нет, права только сам себе можешь выбить. Из чего или из кого хочешь. Да, здраво рассуждая, права есть пережиток далекого прошлого. Что ты со своими правами, даже если только одно их перечисление займет в компе файл в целиковый гиг, делать-то будешь? У другого, третьего и так далее тоже есть права. А раз они у всех, то никакой кормушки для обналички этих прав не хватит...

...Наши же приятели вовсе не о правах дискутировали. Обратились они к безудержанному фантазированию, что тоже есть езда в будущее на машине времени, на тему: как остановить расчеловечивание в мире, в России в первую очередь. Николай Андреянович, как человек военно-морского воспитания, да еще из старообрядцев по родословной, а по профессии инженер-ракетчик, только недавно перешедший на преподавательскую работу, считай что приравненный к военной косточке, прямо рубанул:

— Организовать некое подобие антиглобалистского коминтерна, но без акцента на коммунизм, чтобы людей, особенно зарубежников, не спугнуть. Этот условный коминтерн создает...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Игорь Васильевич, — дальше, дорогой Николай Андреянович, можете не рассказывать: боевой центр где-нибудь на Маркизских островах, оснащенный вашими любимыми ракетами, бомбардировка генштаба Тайного мирового правительства и — мировая антиглобалистская революция. Как говорил товарищ Троцкий, главное ввязаться во всемирную бойню, а там куда кривая выведет. Вот не ожидал, Николай Андреянович, что ты троцкист до мозга костей! Шучу-шучу. Вы просто ошиблись лет этак на сто с небольшим. Да, впрочем, и тогда это всемирное правительство уже показывало свои зубы, сталкивая в смертельной схватке европейские монархии, а через двадцать лет две полярные социальные системы: нацизм

Третьего рейха и интернациональный советский социализм. Сейчас же Великим глобализатором все схвачено и просчитано на десятки лет вперед. Любой «коминтерн» тотчас будет им приручен ипущен в дело на свою, глобализма, пользу. Всякие талибаны, аль-каиды и игилы тому великолепный пример. Вроде и кровные враги для глобалистов-империалистов, а по делам их — верные и исполнительные слуги в роли пушечного мяса. Гибридные войны, гибридные страсти, словом, стопроцентно гибридная жизнь. Нет, Николай Андреянович, всячески уважаю твою военную устремленность, но все это осталось в далеком прошлом: Наполеон, Гарибальди, наши народовольцы, затем эсеры и большевики... впрочем, и в их делах тайная рука уже чувствовалась. Масоны, розенкрайцеры и прочие — все это предшественники нынешних Римского клуба, Бильдербергского тож — легальных органов тайного руководителя мира, то есть Великого глобализатора. Дадим теперь слово нашему гуманистарию. Прошу, Андрей Матвеевич!

♦ — Экое дико звучащее в наше время слово — гуманистарий! Его и не услышишь теперь, словно приравнено к матерному. Впрочем, это я так, мысли вслух. А если по определению я есть гуманистарий, то и должен гуманно ко всему подходить. Высшим же мерилом этого качества человека является толстовство с его руководящим правилом: исправление пороков человечества начни с себя, при этом не противясь злу насилием. Это у Льва Николаевича было взято из индуизма с буддизмом. У последователей Толстого все это обратилось в слабомочную секту, а вот Ганди с не-противлением вдохновил Индию за освобождение от британской короны. Значит сработали на государственном уровне. А вдруг с глобализмом тоже получится?

— И как это мыслится, в железе так сказать, говоря по-инженерному? — поторопил Николай Андреянович, несколько заскучавший от общих рассуждений приятеля. Знал он за ним привычку абстрактно теоретизировать со ссылками на Толстого, Достоевского, Некрасова с Тургеневым и почему-то на Гончарова.

— А мыслится так, что уже через пяток лет, учитывая бешено, по экспоненте, как выражается Игорь Васильевич, нарастающие темпы превращения человечества в стадо, руководимое всякими гэджиками в руках, в ушах, а скоро может и в мозгах, людям это осточертит. Особенно нашим с их неиссякаемым поплевизмом. Побаловались и баста! Да и госвласть поневоле подключится, когда поймет: вместо граждан уроды какие-то. Вроде как в Японии уже второй десяток лет такое сдерживание практикуется, в Китае тож. Да и у нас за содержание дьявола-интернета взялись...

Андрей Матвеевич еще некоторое время в деталях разъяснял сущность толстовского самоусовершенствования в деле борьбы с глобальным расчеловечиванием. Николай Андреянович заскучал, а Игорь Васильевич с дружеским сожалением, даже с некоторой тоской, посматривал на собеседников. Общая вялость распространилась и на стол: к недопитой бутылке (а ведь и вторая в запасе имелась в расчете на бурную дискуссию!) и закуске уже давненько жаждущие руки не прикладывались.

Зато шестерка студентов перешла в высший градус веселья. Как то бывает в подобных застольях молодежи, потянуло на расширение общения. Поскольку в заведении девичьих компаний не наблюдалось, то кому-то и пришла в голову дерзкая мысль пообщаться с преподами: «Тоже ведь люди, хотя старики и всякую дурь на своих лекциях в голову нашей братве втюривают! Давай-ка пересядем за столик рядом с ними, а?» Остальные поддержали. С шумом, звоном посуды, отодвиганием стульев и придвиганием недостающих для компаний, весельчаки расселись за соседним с нашей троицей столом, так что для общего разговора полтора метра не препятствие.

— Извиняемся, если помешали, а то за прежним столиком в нише без окон как в подвале, — с поклоном головы обратился к соседям явно заводила компаний.

Бурцев, развивая новую толстовскую теорию, а тем более он оказался спиной к новоприбывшим соседям, вовсе не обратил внимания. Николай Андреянович сделал

снисходительную отмашку: все в порядке, ребята. Игорь же Васильевич, не уважавший амикошонства со студиозусами, строго посмотрел мимо соседнего столика.

Студенты разлили по новой — за новоселье. И Николай Андреянович, вспомнив свои обязанности негласного тамады, наполнил стопки. Тем более, что Бурцев завершил-таки изложение своей теории, в которой симбиоз буддизма и империалистической глобализации выглядел несколько неправдоподобно. Те и другие вздрогнули, освежились. Поскольку же это почти что случайно вышло одновременно, то по неписанным, историческим воспитанным традициям русского застолья такая одномоментность выглядела заочным знакомством. А Николай Андреянович поинтересовался факультетом и специальностью новых соседей.

— С кибера мы, со специальности информационной защиты, — вежливо ответил все тот же заводила.

Здесь профессор Скородумов переменил строгость взгляда на некоторую заинтересованность, поскольку в далекие советские годы сам учился на одном из тех двух факультетов, что, слившись в новые времена, и породили факультет кибернетики, точнее по-новомодному, институт кибернетики и информатики госуниверситета.

Разговорчивость Николая Андреяновича, компатриотство Скородумова и писательский интерес ко всему для его новому Андрея Матвеевича, да еще, само собой разумеется, юношеская взвужденность несколько подыпивших студентов, как-то скоро и ненатянуто обозначило общий разговор. Впрочем, разговор для обеих сторон необременительный: наши друзья не лезли в юные души, чем обычно грешит старшее поколение в подобных ситуациях, не попрекали чем попадя: от их приверженности к гэджикам до отсутствия высоких общественных идеалов. В свою очередь, студенты не допытывались о личных данных старших собеседников, так сказать по-анкетному: чем занимались до революции и не служили ли в белых армиях и у батьки Махно. Были такие анкеты в советской истории.

♦ — ...Интернет, молодые люди, не в един миг на пустом месте возник, — где-то ближе к окончанию гостеванья в «Наливайке» разохотился в просвещении молодежи Игорь Васильевич, благо и вторая бутылочка «запасной» уже опустела наполовину, — началось все непрятательно и даже несколько сиротски с объединения в рамках отдельного предприятия или организации нескольких компьютеров: хорошо вам известные по курсу информатики локальные вычислительные сети. Дальше же все пошло и поехало и добежало до интернета. Вроде как само собой, рост научно-технического прогресса и прочее. Все тихой сапой и почти как для пользы человека и человечества в целом. Для удобства — лежа на печи.

— А разве нет?

Игорь Васильевич снисходительно посмотрел на задавшего вопрос студента, не ответил и продолжил:

— Еще занимательнее сценарий возникновения мобильной, то есть сотовой связи. Поначалу, в конце восьмидесятых годов, о сотовой связи, то есть еще не мобильной, что в кармане, а по принципу сотового расположения радиотелефонных станций, заговорили как об оптимальной для редконаселенных территорий со сложным ландшафтом, где обычная проводная связь не окупает себя, либо вообще нереализуема, например, в озерной и болотистой местности. Уверенно называли такой район: Скандинавия и Финляндия...

— Извините, профессор, а разве Финляндия не входит в Скандинавию?

— Нет, уважаемый, скандинавскими именуются Норвегия, Швеция, Дания и Исландия; на всякий случай: не перепутайте Исландию с Ирландией. С вашего разрешения продолжу о своем, девичьем. Не зря же одно из первых, возможно и первое, в мире производств сотовой связи было создано в той самой, сомнительной по своей «скандинавности», Финляндии, а именно фирма *Nokia* со своим стандартом частоты, где-то под половину гигагерца... гига по-вашему, пацанскому. И опять-таки скорень-

ко дело пошло. Как говорят психологи: *сдвиг мотива на цель*. Или по русской пословице: коготок увяз, всей птичке пропасть. В нашем случае — в пропасть глобализма. И снова для удобства — лежа на печи. А чтобы вот тот любознательный юноша в ермолке с козырьком — вроде как *у вас* она бейсболкой называется? — снова не спросил: «А разве нет?» поясню. В современном толковании слова «удобство» лично я наблюдаю действие специального, так сказать, вируса. Очень коварного, против которого в обозримом будущем не сущется противоядия, то есть социальной же вакцины. В том-то и великое искусство, в ранг которого глобализмом введены эти коварные социальные вирусы, этого всеобъемлющего «удобства», что воздействует он стопроцентно на всех людей. Кто же, отринув эволюционно присущую человеку лень, то есть разумную экономию своей энергии, откажется от удобства, а? Да никто. И вирус этот начинает свое разрушительное действие с завлекающих мелочей — вот коготок и увяз. Через некоторое же время как в телерекламе: удобно по смартфону-телефону, планшету-ноутбуку — и что там еще американцы в Силиконовой долине разработают, а китайцы стомиллионными тиражами отштампуют? — все дела свои сделать, не выходя из квартиры», «не поднимаясь с дивана»... и так далее вплоть до невставания с фаянсового прибора в причинном месте... Грубовато (студенты исключне расхоятись), но точно в цель.

И не следует думать даже самому отчаянному скептику, так сказать социальному цинику, что, расчеловечивая всех и вся с своими вирусами, Великий глобализатор не задумывается и о самосохранении. Ведь без людей, даже в обличье биотехнического робота, он сам себя лишает поля деятельности. Так с интернетом. Создавая этот мощнейший инструмент расчеловечивания, он заложил в нем и средство этого самосохранения. Ведь биоэволюция земная очень даже хрупкая, даже на единицы процентов не застрахована от глобальных катализмов: от «внутренней» ядерной войны с ее коллапсом для человечества, его цивилизации и всего прочего до космической катастрофы, что уже было в давние геологические эпохи с «попаданием» в нашу планету здоровущих астероидов. Извержения супервулканов тоже не исключаются. Как же быть — ставить точку на человечестве? И начинать заново эволюцию? Но даже если крохотная часть земного населения сохранится, то ей потребуется десять-сто тысяч лет, чтобы вернуться к сегодняшнему состоянию, ведь будет утрачено главное: накопленное человечеством знание. Вот здесь-то сократить срок с десятиста тысяч лет до приемлемых сотен лет и призван сделать интернет. Оцифрованное знание и технологии можно скоро восстановить по сохранившимся при катализме записям в памяти компьютеров, тем более доменных хранилищ. Что-то и где-то на океанических островах, в горных долинах из них останется. В одном компе, как вы выражаетесь, записано *A*, в другом *B*, и так далее до *W*, последней буквы латинского алфавита. Я, понятно, условно называю буквы. В целом же по разбросанным клочкам и наверстывается все нынешнее знание, главное — технологии... чтобы вновь создать ядерное оружие и опять же до глобальной катастрофы доиграться! Зато Великий глобализатор раз в десять тысяч лет, а это длительность «стандартной» эпохи цивилизации и культуры, будет торжествовать, как вещий Феникс из пепла всякий раз восставая. А еще, ребята...

* * *

В один из начальных дней жаркого июня наши друзья совершили случайно встретились. Действительно случайно. Склонный, в числе прочего, к математическим упражнениям Игорь Васильевич даже прикинул вероятность этого события: где-то сотая доля процента. Действительно, как иначе, если не статистической случайностью, можно назвать встречу трех человек в 12 часов 37 минут на правом углу дома № 19 по улице *N*-ской. Случайность усиливалась совершенно различными маршрутами конфидентов нашего внимания. Игорь Васильевич Скородумов следовал из

своего факультетского корпуса в единственный сохранившийся в более чем полу-миллионном городе книжный магазин; остальные, как нерентабельные, были выкуплены или арендованы под различные торговые точки: от секонд-хэндов и интим-магазинов до частных медико-диагностических миниклиник и фирменных колбасных лавок.

Склонный к дисциплинированному хозяйствованию Николай Андреевич был послан супругой на рынок «Южный» за атлантической селедкой бочоночного пряного посола и воронежским, соленым же, салом в три-четыре пальца толщиной. Наиболее замысловатым маршрутом двигался писатель Андрей Матвеевич Бурцев: вышел он из маленькой типографии, естественно частной, где приценивался к тарифам, имея в виду печатание своего журнала «Срединная Россия». Огорченный картельным сговором городских печатников с нехилыми ценами, Андрей Матвеевич взял курс на свой дом, но на полпути решил сделать крюк вправо, в сторону маленькой распивочной: хлопнуть сотку, заиграть обиду на печатников.

Но вот и свела их судьба на углу дома № 19 по N-ской улице. Несколько остало-бенело посмотрев друг на друга, с пару секунд помолчав, одновременно произнесли одни и те же слова: «А знаете, мне весь май снились странные сны!» Из дальнейшего выяснилось: всем троим привиделись многосерийные, с продолжением из ночи в ночь, сны о путешествиях на машинах, велосипедах и китайских электросамокатах во времени. Прямо наваждение какое-то!

Помолчали. Игорь Васильевич резюмировал: «Да, друзья мои, ведь и вся жизнь человеческая есть сон». С ним согласились.

ЭПИЛОГ: НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ, А СЕВШИ — ПОД ГОРУ КАТИСЬ

Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность.

Н. С. Лесков* «Соборяне»

♦ Русский фольклор, как иноскания исконно верующего, православного народа, пестрит путешествиями своих персонажей: для любимого героя Емели-дурака, что два пальца об... нет, асфальта тогда не было, значит о брускатку соборной городской площади, за тридевять земель скататься, желательно с печи не слезая. Но это все географические перемещения. А вот о поездках на «санях-телегах времени» даже сами Даль и Афанасьев умалчивают. Это при том, что Владимир Иванович, как потомок немцев и датчан, очень скрупулезно и дисциплинированно отыскивал жемчужные зерна стихийной народной мудрости; одно удовольствие в наше суконно-цинковое время лицемерных запретов на все и вся читать целую колонку его слова-ря о вине; дескать, «меняй хлеб на вино, веселей проживешь» и пр.

Но почему на санях-то, на печке с неостывшими щами тож, в сказках и присказках русского народа во времени никто не разъезжал? Если «славны бубны за горами», то неужто не привлекали времена прошедшие, когда вода мокрее была и сахар слаще, тем более, будущее — явно с молочными реками и кисельными берегами? (Заодно поясним, что старинные кисели творили из овса, густые). Опять-таки вер-

* В завершении книги мы единожды «изменили» Ф. М. Достоевскому, нашему путеводителю — в эпиграфах — по всем кругам ада глобализации и расчеловечивания, дав слово Николаю Семеновичу Лескову: слишком точно и метко в этой фразе он выразился. (Заметим, что Достоевский и Лесков более чем холодно относились друг к другу; проживая в Петербурге, ни разу не встречались, а о произведениях *vis-à-vis* почти всегда ругательно отзывались... но, как истинные таланты, отыскивали и удачное на их взгляд). — Прим. авт.

немся к истовому русскому православию. Именно оно внушало народу, еще не испорченному городским мещанством, тем более фуражечным чиновничеством и столичным парле во франсе, с одной стороны, и нигилистами в мягких шляпах и пледах с другой, если о прошлом далеком думать, так не успеешь яровые с озимями посеять и сжать, а мечтать о будущем и вовсе грех великий. Ибо живи свою жизнь смиренно, трудолюбиво и доброхотно, а в будущем, где будет только второе пришествие со всеобщим воскрешением и судом «по делам его и воздастся». И как бы ни был приложен в труде, послушании помещику, добродетелен в семье и в своей общине, в исполнении всех наставлений его приходского попа, но подспудно крестьянин побаивался грядущего воскрешения и судебного — на небеси — присутствия. Ведь без малого греха даже и неразумный скот на дворе не проживет; про почти очеловеченных собаку и кота вовсе говорить нечая.

Словом, творец фольклора, православный русский мужик (в северных губерниях, Архангелогородской и Олонецкой — это где Гаврила Державин губернаторствовал, — в основном сказительницы этим занимались) страшился в своих санях времени устремляться в будущее — не судите, да несудимы будете, а чего Емеле в прошедшем-то делать? Его туда и маковым калачом не заманишь. Ведь позади только неурожайные голодные годы, битье розгами за шалости детства и отрочества, выкорчевывание леса под пашни — тяжелее работы на свете нет... а в дальнем прошлом и того хуже: «незваный гость хуже татарина» (это о татарине ордынском), опричнина, разор Семибояршины и Смутного времени с его самозванцами. А вся тягота такой развеселой жизни на крестьянский хребет ложится. Не-е-т, барин, избавь нас от любопытства насчет «славного прошлого» и «светлого будущего»! Не в свои сани, которые сани времени, не садись, а уж коли сел спъяну, так и катись под горку времени прямо к мамаеву разору, а на горку и не покатишься: сам потащишь санки к Страшному суду.

Сейчас страна наша иная, не православными крестьянами с прослойкой мещан, купцов, попов и административных чинов населена. А впрочем... за исключением православных крестьян, все теми же. Да чего здесь объяснять: оглянись вокруг себя! Да еще вместо саней и телег личные автомобили отечественной отверточной сборки, все более китайской фабрикации. Как и все остальное, что в обиходе нынешнего русского человека, опять же перекрещенного в *россиянина*. Говорят — так в эпоху глобализации и надо; мол, мастерская мира для него же весь ширпотреб гнет-тачает, штампует, кует. А для себя — космические корабли, атомные подводные лодки и тоже все остальное, потребное новой сверхдержаве, возможно, будущей единственной в подлунном мире. И на Луне с Марсом впридачу.

...А в стране той, равно как и во всем, так называемом цивилизованном, мире, то есть «без африк и азий», но и они скоро примкнут к нему, хотя давно из саней в автомобили в пластмассовых лаковых кожухах пересели, но все так же стараются не путешествовать в прошлое и будущее. И здесь не христианские догмы, как в санный век, не русское православие, европейские католицизм и лютеранство с кальвинизмом причиной. С их всеобщим воскресением, Страшным судом, а позади — торговля индульгенциями, темные Средние века и пришествие капитализма с его волчьей идеологией, мол, *homo homine lupus est*. Нет, конечно, ибо ныне Христова мораль, равно как и другие, имеющие место быть на белом свете, стала всего лишь артефактом прошлого. А где внешняя атрибутика того же христианства сохраняется, то это рабочий инструмент империализма-глобализма, именуемый *моралью по вызову*. Аналогия понятна.

Нечто иное отвращает современного жителя глобального человека, полного аналога пчельника, муравейника, термитника и пр., остерегает его от путешествий во время оно и в будущее. Что же именно? — Об этом речь пойдет ниже.

♦ У Ивана Бунина есть гениальные по своей простоте, но и немыслимой глубине,

строки: «*Но для женщины прошлого нет, разлюбила, и стал ей чужой*» (по памяти пишем, надеемся, не ошибаемся в грамматике). Точно так же американский философ и публицист Фукуяма в последней трети прошлого века, возвестив «городу и миру» (как в папских энцикликах) о наступлении постиндустриальной эпохи, соотнес ее и с эпохой *постисторической*. То есть *после истории* этимологически, а значит и с потерей коллективной памяти об истории, ставшей современному человеку ненужной, как Ивану, родства не помнящему...

И все же семантика этого слова намного обширнее простой потери памяти о своем прошлом, о всей истории 10000-летней эпохи цивилизации и культуры. Историческая память суть «социальный геном» человечества. Как биологический геном ДНК любой живой твари, от предживого еще вируса до вершины творения биоэволюции, человека, содержит в себе гены всех предшествовавших в трехмиллиардней эволюции видов живого (от момента расхождения флоры и фауны), так в каждом человеке осознанно или подспудно живет вся предшествующая история социальной эволюции человечества. Выдающийся русский философ Н. Ф. Федоров в своем трактате «Философия общего дела» назвал это качество человека *памятью отцов*. Вернее и основательнее не скажешь!

Именно отправляясь от этой памяти, генофенотипической и книжной, поколенной и личного жизненного опыта, человек и формируется как субъект социальный, то есть входящий своей особой, как папиллярный рисунок кончика пальца, индивидуальностью, особенно творческой, в социум, коллектив самостных людей: именно коллектив, но не глобалистский человейник. Таким был до недавних, по историческим меркам, времен *человек биологический разумный*, причем разум его тянулся к творчеству — широко понимаемому: от красиво, без брака выточенной на токарном станке детали до свершений технического и научного гения и всевозможных искусств. Вся его разумная деятельность зиждалась на обобщенной *памятью отцов*, которая не прерывалась, а только обогащалась при переходе от поколения к новому поколению, как *равнозвенная цепь*, тянувшаяся из прошлого в будущее через настояще.

Именно поэтому происходящий у нас на глазах разрыв этой цепи — а кто в этом усомнится? — есть отрицание исторической памяти, памяти отцов. Ибо таковая во все без потребности новому, нарождающемуся виду *homo*: *человеку биотехническому*, подключенному к глобальным телекоммуникационным сетям, мыслящему не творчески, аналогово, но с цифровым («компьютерным», клиповым и пр.), утилитарным суррогатом такового. Словом, как в телевизоре: «в гостях у цифры», «от слова к цифре» и пр. Это процесс *расчеловечивания*, одиночество гайки-винтика в мегамашине Великого глобализатора. Такое одиночество еще три четверти века назад литературно охарактеризовали Джордж Оруэлл в знаковом романе «1984» и Ханс Фаллада в не менее проницательном «Каждый умирает в одиночку»*. А Станислав Лем в «Сумме технологий» подвел «теоретическую базу»; правда, по прошествии полувека, эта база требует существенного пересмотра и дополнения.**

Расчеловеченному же бывшему *homo sapiens*, влачащему дни своей жизни в таком глобальном человейнике-концлагере (как Берлин в годы войны у Фаллады, а еще вернее сравнить с персонажами Кафки), память отцов вне всякой надобности. Социумная память востребована, во-первых, в коллективной организации; во-вторых, в условиях самоидентификации личности. Расчеловеченный же есть индивидуум, отгороженный от первого и второго. Поэтому езда на машине времени в прошлое (это, как и социумная память, образный эквивалент памяти отцов) для индивидуума челове-

* Фаллада Ханс. Один в Берлине (Каждый умирает в одиночку): Пер. с нем.— М.: Синдбад, 2021.— 672 с. (Обратим внимание читателя: именно в этом, недавнем издании впервые в истории публикаций романа использован аутентичный авторский текст).— Прим. авт.

** См. нашу 18-томную (на сегодняшний день) серию «Живая материя и феноменология ноосферы» (на различных сайтах по поисковику).— Прим. авт.

вейника даже и непредставима: какое-такое прошлое? Его не было; нас только вчера в капустных грядках нашли! Осторожный же винтик глобальной мегамашины решив, что «не буди лихо, пока оно тихо», поостережется даже на детских саночках с горки времени на малое число лет съехать, полюбопытствовать: а что там такое было... до того, как меня в капусте нашли. Ибо осторожность, она же запуганность всем и всея, есть поведенческая норма жизни винтика глобализма. Значит, не в свои сани не садись. И странность такого исторического нелюбопытства пресловутый винтик уже не состояния усматривать... Таким изобразил на чертеже, на компьютере, конечно, в программе *MatCad*, Конструктор глобального технологического процесса, и согласно чертежу винтик этот на *three dimensional* (сейчас обезьяннически, на американо-нижегородском макароническом* наречии, именуемом *3D*), то есть объемной, в переводе на русский язык, штампующей машине с программным управлением отковали. И вставили, ввинтили в нужное резьбовое гнездо биотехнической мегамашины. На том и аминь!

◆ В иудейской древности — извиняемся за повтор в этой книге — знаменитый врач и философ Маймонид в отношении к лечению заболевших обратил ветхозаветный закон шабада «человек для субботы» на «субботу для человека», чем вызвал гнев и преследование синедриона иудаистской ортодоксальной верхушки. А вот в эпоху глобализации в части <широко понимаемого, не только юридически> закона произошло обратное Маймониду; утвердились: *человек для закона, а не закон для человека* (формулировка наша).

Это к «езде в будущее» человека глобализованного, которого по традиции поименуем по латыни: *homo globalicum* (не считите за «макароническую поэзию» — биология, как наука, исторически описательная и требует классификации). А раз человек сейчас становится субъектом действия законов глобализованного мира, писанных не для человека, но для «смазки» деталей и узлов глобальной мегамашины, чтобы исправно работала, не истиралась в местах фрикционных сопряжений и не заклинивала в зубчатых передачах, то нет искушения и желания в этот будущий мир заглядывать даже наездом на авто времени. Тем более, что совсем скоро — по историческим меркам — эти авто станут «беспилотными». Что делать тогда путешественнику во времени? — Пустую, без него, машину на автопилоте в будущее посыпать? ...Это как в русской литературной классике девятнадцатого века: исправнику вовсе и не надо трястись по разбитым дорогам, ехать в дальнюю деревню для наведения строгости и порядка. Достаточно послать с нарочным урядником свою фуражку с красным околышком. Делов-то.

Такая поездка *homo globalicum* в несветлое будущее все одно, что белке в колесе бежать: для нее нет будущего, только бессмысленный и бесконечный бег. Но для нее-то, хвостатой, хоть есть время обеда и сна, когда хозяин вынимает зверька из изуверской машины. А кто же выпустит, хотя бы на малое <историческое> время, винтик из глобалистской мегамашины? Это только у Чехова в «Злоумышленнике» простоватый мужичонка, что сворачивал для рыболовных грузил гайки с рельсовой укладки, полагал: дорога длинная, гаек в колее предостаточно, от одной-другой-третьей не развалится «чугунка»... В оцифрованной (цифрофренической) же мегамашине каждый миллионный, миллиардный винтик-гайка учтены и цифирью же обозначены. Как в лагерной зоне; во всяком случае в концлагерях Третьего Рейха. Справедливости для — и у нас таким «бухучетом» пользовались. Дядька мой, Лазарь Федорович (Ла-

* От слов «макароническая поэзия» (от итал. *maccheroni* — макароны) — вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст нарочито пересыпан иностранными словами; возник жанр в Италии в эпоху Возрождения. То есть пародия на испорченную латынь. В России «классика» этого жанра — поэма И. П. Мятлева (1796—1844) «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л’этранже» (в 3-х тт., 1840—44), явственно высмеивающая увлечение иностранциной — хронической русской болезнью... — Прим. авт.

зарь — потому что из старообрядцев, по святым наречен), к окончанию войны ставший полковником НКВД и сам попавший* — по статье за превышение власти — в сибирскую зону, говорил, что и теперь засыпает и просыпается с видением своего лагерного буквенно-циферного номера...

Нет и не может быть по определению прошлого и будущего для участника глобального человекиника, для расчеловеченного в своей биотехнической оболочке: от телепередачи «В гостях у цифры» до полного цифрового рабства, занумерованного #01100010110... Вот в такой-то ипостаси жизнь подлинно, безо всякого красного словца и аллегорий, становится сном: без начала и конца, зацикленным и сумрачным.

Все сказанное выше отражается, как в зеркале (ведь литература есть зеркало жизни? Как Владимир Ильич Льва Толстого обозначил непросто «зеркалом русской революции»...), в текущей литературе. И коль скоро пишутся художественные произведения, как настоящая книга — сага о путешествиях на личных машинах времени, то и они по неумолимым законам диалектики и психологии творчества отражают процесс все более крепнущей глобализации и расчеловечивания. Поэтому слишком категорично говорить, что литературное творчество уже сейчас убито Великим глобализатором. Нет, теплится еще, сопротивляется глухо, подпольно, родимая. «Жив курилка!» как оптимистически воскликнул Ромен Роллан в «Коле Брюньоне».

Но это уже другая по определению литература (речь идет о русской словесности), как скажет человек, воспитанный на отечественной и зарубежной классике девятнадцатого века, советской литературе в ее лучших, не «датских» и не «номенклатурных», именах и произведениях, опять же на зарубежной классике и новаторстве (Кафка, Джойс, Стенинберг, Пруст и др.) двадцатого века. Современная литература ... как бы это образно сказать? — есть масштабно уменьшенный в разы, в порядки слепок с литературы предшествующих «великих творческих эпох» (опять же берем у Ромена Роллана). И не будет обидным для нынешней русской литературы, если мы дадим ее определение как *современная литература есть салонный вид творчества*. Почему салонный? — далее подробно объясним и обоснуем. Пока же начнем, для завязки и «плавности» изложения, издалека, со времен Пушкина. И именно Пушкина как организатора русского литературного процесса, писавшего в 1825 году П. А. Вяземскому о своей мечте: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...»

◆ Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки эту заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее — и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская... конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непременном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним давно и очень уж обруганному слову «кружковщина».

* Подробно см. в предыдущей нашей книге: Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктоеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.— Прим. авт.

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности. Попутно отвейтим на обычную при упоминании литературы соцреализма взахлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ'и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антингилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже степень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, опасаясь переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного човековника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Выше уже назвали это знаковым словом: *цифрофреция*.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развали! — это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ...Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только социал-революционер, но и блестящий публицист — «мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику». И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежесчно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр. и пр. — это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколь-

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. — Тула, 2016. — 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику). — Прим. авт.

ко запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человечику безо всякой нужды — и наоборот, вредна для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! классов в глобальном обществе не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чём ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

◆ Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма, — стремительное возвращение к тому, с чего начали: к *салонному* разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и... региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «писменников» — в силу творческой инерции, как машинист паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомца прощут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались на собственный кошт многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше говорили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовление «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных реноме хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

...И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по опре-

делению (см. строки из письма Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцио литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти ХХ века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем, заодно и русской классики. *Pax Americana*, словом.

Были журналы, но остались журналы; из уважения к героизму издателей нынешних журналов мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающее от журналов выделяем курсивом. Избави, бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже шестнадцать лет, а свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно взывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнены во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и — дай, бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравняли в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующему *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнительной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталанства, не ограничиваемое никакими барьераами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, *<якобы>* творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить...), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

♦ А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ...Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю как-то номер журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор до-точно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в

расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру... если там и не хуже.

...Явно превышая допустимый объем для эпилога книги, все же затронем живо-трепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПБ <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года цензуру смягчили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военной цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, самоцензуре авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть дозволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злободневную, конструктивную критику, но не выше должностности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Сахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вым Я партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, также уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...*

СЭЮРЭ

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Белинский
(г. Москва)

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Анатолий Белинский родился в 1944 году в Краснодарском крае. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское). Живет в Москве. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в литературных альманахах и журналах. Лауреат Международной поэтической премии «Образ». Автор книг стихов «Мелодии Нескучного сада» (2021) и «Воробьевы горы» (2025).

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

Я наблюдал ночные поезда
В их волшебстве, в их фееричном блеске.
Я жил в степи. Полночная звезда
Плыла в окне над краем занавески.

Дом засыпал, упав во мрак лицом.
Гудел эфир мелодией заумной,
Когда в плену нахлынувших раздумий
Я выходил на позднее крыльцо.

Я знал, что вновь увижу торжество
Не знавшего усталости движенья...
Восторженность, тесня воображенье,
Мое переполняла существо.

Летел экспресс — живая цепь огней,
Пронзая стынь и глушь осенней дали.
И красные глазища фонарей
Вослед ему растерянно мигали.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Лови последнее тепло
На этом празднике осеннем!
Гуляй последним воскресеньем
Всем невезениям назло!

Дыши, покуда кружит лист!
Люби, пока в ветвях витает
Дымок надежд! Пока хватает
Тепла и сил на оптимизм,

Пока душа еще жива
Для ярких чувств... И без отсрочки,
Как птицы, сбившись в стаи, строчки
Еще летят из-под пера.

ПАМЯТЬ

Верни меня, память, обратно,
Насколько найду в себе сил,
Туда, где когда-то стократно
Я счастлив без повода был.

Верни меня к первоистокам
Моей, пусть наивной, души.
Верни, как сумеешь, но только
Избавь от притворства и лжи.

Не нужно ни славы в грядущем,
Ни нынешних горьких побед.
Верни меня в самую гущу
Моих поражений и бед.

Дай рядом опять оказаться
С чертой, обозначившей путь...
Верни мне мои восемнадцать,
Верни, если сможешь вернуть!

МАЛАЯ РОДИНА

Улететь бы птицей вольной
К югу, в теплые края!
Там в заснеженной станице
В трудный год родился я.

В дом, который я не помню,
К тем, кем напрочь я забыт,
Прилететь бы птицей вольной,
Как в последний мой визит.

Пока есть еще силенки
И не вышел весь кураж,
Словно в детские пеленки,
Погрузиться в тот мираж.

В дым степного захолустья,
В звон осенних тополей...
В образ, ласковый и грустный,
Малой родины моей.

СЛОВНО КОЛОКОЛ ДАЛЬНИЙ

Ничего не останется, кроме
Этой хляби разбитых дорог
И мечты о родительском доме —
Том, который я в сердце сберег.

Кроме этих заброшенных, вовсе
Исчезающих деревень
И вне времени канувших в осень
Обезглавленных старых церквей.

И с пристрастием, в любви и печали,
Я смотрю на знакомый пейзаж:
Как бы ни было, но изначально
Не чужой он — он все-таки наш.

И я еду и еду куда-то
В зыбких снах моих, как наяву,
По полям и пригоркам горбатым,
Вдоль обочин сминая траву.

Еду я, сомневаться не смея,
Что к концу этой долгой езды
Я попасть непременно успею
В отчий дом до вечерней звезды.

Вижу: настежь раскрыты ворота.
Двор какими-то полон людьми.
Вот меня и встречает уж кто-то
Из моей незабвенной родни.

И звучит, словно колокол дальний,
Чей-то голос, поди разберись:
«Где ж ты был, наш сказитель опальный?
Мы давно все тебя заждались...»

ГДЕ ЭТОТ СНЕГ

Где этот снег, который шел вначале
На встречах наших — «осень» и «зима»,
Где те слова, что музыкой звучали,

В неведенье сомнений и печали,
Да так, что только кругом голова?

Где это все — каприз или причуда —
И первый снег, и первая любовь,
И то, что длилось странностью, покуда
Все не прошло, как легкая простуда,
Как близость, будоражащая кровь?

Пустой вопрос... Ухода неизбежность
Всего, что обретаешь на земле,
Возьмет с собой печаль мою и нежность,
И наших зим просроченную снежность,
Тем декабрем завещанную мне.

В ШКОЛУ, 1951

Помню — мама еще молодая...

Давид Самойлов

И мама еще молодая,
И я еще малый такой...
С ней за руку в школу шагаю,
Не чувствуя ног под собой.

Сегодня мне есть чем гордиться —
Живу я в Советской стране!
Сегодня иду я учиться,
Весь мир пусть завидует мне!

Портреты вождей — по уставу,
У школы в строю детвора.
Класс первый — налево!
«Б» пятый — направо!
Четвертый — на вход со двора!
...Товарищу Сталину — слава!
И партии нашей — ура!

Гремят в репродукторе марши,
И песня звучит о Москве.
Москва — она тоже ведь наша,
Хотя где-то там, вдалеке.

Не знал я, что жить мне в столице,
Не скоро... потом... Но сперва
Такое могло лишь присниться.
И я повторяю слова:
«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!»

ОСЕННИЙ СВЕТ

Осенний свет, не уходи!
Пребудь во мне желанным чудом!
Не меркни в сердце, свет, покуда
Оно стучит в моей груди.

Пока пришествием любви
Еще больна мечта поэта,
Пускай продлится бабье лето...
Осенний свет, не уходи!

ЧТО ЗАВЕЩАНО

Все, что предками было завещано,
Не предам ни за что, никогда,
А невзгоды и свары зловещие
Унесет с талым снегом вода.

И останется мне только светлая
По родным захолустьям печаль.
И любовь — как судьба — безответная
К той единственной женщине ветреной,
Что себе на беду повстречал.

И останутся пни да колдобины
Меж селений пролегших дорог
На просторах предъявленной родины,
Без которой я жить бы не смог.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все те же и дом, и ограда,
И в окнах герань, как тогда.
Я знал: возвращаться не надо,
И все же вернулся сюда.

Не выйдет никто мне навстречу,
Не скрипнет калитка в саду,
Никто, к сожалению, не вечен...
Чего же, наивный, я жду?

Зачем, сам того я не зная,
Застыл у знакомых ворот,
Ведь жизнь, как и осень, другая,
И время другое, и год?

Я голову поднял: там, в небе,
Летят за моря журавли,
С собой унося, словно небыль,
Счастливые годы мои.

ПО ДОРОГЕ К БОГУ

Ах, друзья мои, подруги,
Отзовитесь, где вы есть?
Жаль, что в ближнем первом круге
Вас по пальцам перечесть.

Утром выйду на дорогу,
Было там — не протолкнись.
А сейчас дорога к Богу —
Без нужды не торопись!

Незнакомая фигура
Чья маячит там вдали?
Может быть, фигура друга,
Может, нет — глаза протри!

Хорошо, что есть дорога,
Что ведет нас в никуда.
Ах, не хнычьте, ради бога!
Это вовсе не беда.

Знать, такая наша участь:
Жить, влюбляться, песни петь...
А потом... Легко, не мучась,
Просто взять и умереть.

СЛОВА

Александр Шерстюк
(г. Москва)

Из цикла AD ABSURDUM дум
версы 2024—2025

Наш постоянный автор.

* * *

спросили бы меня что больше
мне нравится: тверже или тверже
я бы ответил: тверже
уж коли столбовое столкновение
неминуемо
то пожалуй не хуже бы было
если бы между лбами
надувалась от важности
подушка безопасности

* * *

исследуя прелесть цветов
ученые установили
что красота розы аристократична
она обусловлена
геометрической несовместимостью
лепестков — они
нарушают законы математики
и им ничего не остается
как обрасти колючками
беззвучно шипеть шипами
пшиками одеколонными
пши-ши-ши
то ли дело простолюдины
Иван да Марья
две идеальные геометрии
не будем судить красивы ли
они совместимы как пазлы
они — это тютелька в тютельку
попадание безупречное
хотя бывают и злы

* * *

изобретен рельсотрон
это такая чудо-пушка
где снаряд разгоняется
вместо пороха магнитом
и никакого рева-дыма
кушай вражина магнитуду

но зачем тогда нужен снаряд
если можно убивать
хочь «угрожаем урожаем»
хочь «полюшком-полем»
но на этот раз
не песенно-именитым
а электро-магнитным

* * *

вот апрель заиграл
лучезарною дружбой
встрепенулась позабытая жизнь
первой вспыхнула сныть
как же ее не ласкать не любить
у сныти характер
как у безумных поэтов
он плоть от плоти
оттепели
и пусть оттепель
называют хрущевской
на самом деле хрущи
появляются позже
во взорвавшемся мае
а сначала лезут в душу сорняки
сныть
как же ее не ласкать не любить
перестаем братцы ныть

* * *

вопль прозвучал:
— хочу смотреть сериал
«Все мужики сво...»
ИИ отвечал:
— заявитель опоздал
мужики все на СВО!

* * *

кто первый — я первее!
никто не знает правды
правду скажу я
Эйнштейн открыл относительность?

паровоз изобрел Джеймс Уатт?
нет нет и нет
паровоз Уатта был 4 лошадиных силы
считай какие-то жалкие ватты
отсюда и фамилия такая невзрачная — Ватт
а у Ползунова 32
это целое стадо конница
поэтому
относительность открыл Иван Ползунов
его паровоз на 28 лошадиных сил
сильней теории Эйнштейна
советую вам
в пласти смыслов врубаться
как врубался Алексей Стаханов
настоящая фамилия которого Стаканов
и звали его вовсе не Алексей а Андрей
просто газета «Правда» ошиблась
правда не имеет права быть неправдой
слушайте сюда
главный редактор обнулен
шахтер Стаханов переименован
новый паспорт выдан безропотно
Первозванным был все-таки Андрей
и так будет всегда

мы

не допустим поползновений на святыни
пока паровоз Ивана Ползунова
сильнее относительно Эйнштейна
на 28 лошадиных сил
и запомните смерды
правда это то что говорит
ваш покорный начальник

* * *

все меня обгоняют
вроде ножками чуть шагают
а все-все меня обгоняют
все-все-все
— неужели все-все?
— не то слово
Все-все-все-все-все-все-все-все-все
а которая самая смелая
голоногая загорелая
на роликах меня блин уделала!

* * *

николько не преувеличивая замечу
мы все преувеличиваем
бывая угрожая урожаем
каждый раз поля засевали
на неделю раньше прошлогоднего

если брать за полвека
на год опережали график
так не бывает скажете
ну и что что не бывает
зато в вашей гребаной Америке
негров линчуют
если б и дальше так шло
мы бы пятилетку выполняли
уже не за три года
а за две недели

* * *

замечено
после наших успешных транзакций
поголовье пчел стало сокращаться
их цивилизация
явно уступает место нашей
значит вместо меда
будем кушать мумиеду
будем лопать камни травы
пустоту
как предвидел Давид Давидович
Стеклянный Глаз
член союза Председателей земного шара
бурливший
— футуристы ау!

❖❖❖❖❖

Анатолий Ливри
(г. Цюрих, Швейцария)

Философ, эллинист, поэт, прозаик, политолог. Родился в Москве, где жил до отъезда на Запад в 1991 году. Доктор филологии университета Ниццы. Тема диссертации: «Набоков и Ницше»; защищена в июле 2011. Автор 24 книг, лауреат семи российских и международных премий, бывший преподаватель Сорбонны и университета Ниццы, частый гость телепередач Русского мира. Наш постоянный автор.

АЛЕЕТ ЗАПАД...

Торжественно рожает холм
Закатно-ржавую молитву,
Сосняк ярится, словно в битву
Струится ратный Митры сонм

Сквозь сон дельфийских экивоков,
Сквозь строй мидийцев, медь таблиц,
Сквозь рокот Понта с любой роков,
Понося орды скифов, ниц

Упавших пред царицей,
Что и распята и бледна,
Как Запад робкий — точно птица
Средь игл, Эсхил, пригвождена!

СУТКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Я снова с вами, полутиени,
Но жду изысканных теней.
В разбитом low kick колене
Икру уж мечет пульс ночей,

Когда плясун нисходит Божий
На персты, жаркие как встарь,
И расчленяется пригожий,
Ученым склеенный словарь,

В котором нет ни нотки стона,
Ни гаммы страсти золотой
Залитой в горло Эху гона
Пыльцой припудренной. Постой!

Я буду с вами неуемен,
Учтив и нежен, а потом
Свиреп, как мавр одзедемонен,
За что прикован под дубом,

Где словно в штольне штольцевы советы
Из Божьих уст я слышу ночь да день.
Закрыл глаза, зажмурил для приметы,
Зажал в кулак еще сильнее ленъ,

Вот — потянулся, — ровный хлад Полтавы
Рядами шведов брызнул от стены,
И испугавшись ратной этой славы,
Я кутаюсь от зябкости луны,

Подсаживаюсь к столику с ленцою,
Хватъ за кадык скопца-карандаша,
Раскинув руки, лист хрустит мацю,
Да грифель лает, ластясь и спеша...

Почти беззвучен, бригантина,
На вздутых шаром парусах
Скользит ладонь — нет кисть! — плотиной
Набухла грудь, и в волосах

Трепещет солнце кругом митры
Рогатобыкой и шальной
Как пуля-дура. Вой ловитвы
Уж выдал Бога с головой,

Затмившой полуполдень мраком
Роенья в небе бассарид,
Чья фреска: Лика бой с Гераклом
Придаст стиху свирепый вид.

* * *

Мне каждое утро на крылья
Нисходит парчовая дрянь,
У шеи надпорет мантилью —
— Как Манов подманит. И рвань
Златую: Пактола теченье
(О, стыд альбатросовых крыл!),
Влеченье, мученье, реченье
На перья прольет Азраил.

И помоши оной искатель,
Рванувши перо за вихор,
Исторгнет хоревт-птеродактиль,
Из пальца лебяжий ихор.

❖❖❖❖❖

Григорий Гачкевич
(г. Кишинев, Молдавия)

ВЫШЕ БОЛИ

Григорий Миронович Гачкевич родился в 1973 г. в Молдавии. В 1994 г. окончил Молдавскую экономическую академию. Окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (2023). Автор семнадцати стихотворных книг для детей. Лауреат международных литературных конкурсов и премий. Член Союза детских и юношеских писателей РФ.

ДЫМ

Тонко скрученным платочком
Из трубы выходит дым,
Время движется по точкам,
Мысль идет по запятым,
Чувства прыгают пунктиром,
Где-то в скобках, где-то без,
Дым уходит к черным дырам
Сквозь прозрачный свет небес.

ВЫШЕ БОЛИ

Выше боли — только небо,
Где слова и облака,
С кем я был и с кем я не был —
Умолчит моя строка.
Не вернуть, не объясниться,
Не проститься, не простить.
Это даже не приснится,
Непривязанная нить.
Выше неба взмыла птица,
Выше слов легла печаль,
Я ворочаюсь, не спится.
Мне не больно. Просто жаль.

УСПОКОЕНИЕ

Успокаивает мир
тем, что есть моря и волны,
Есть приливы и отливы,
и воды круговорот,

Мы бежим к волне с тобой
ожиданий светлых полны,
И летит волна от нас,
а затем наоборот.
Погружаемся в нее,
веря в то, что дна коснемся,
И ногами ощутим
мы с тобой земную твердь,
И по морю мы пойдем,
ты не бойся: мы вернемся,
Мы по кругу обогнем
поджидающую смерть.

МЫ

Нам стал не нужен белый свет,
Для нас без нас пространства нет,
Нас невозможно разомкнуть,
А только в саван обернуть.
Так и живем с тобой вдвоем,
Молчим и больше не поем,
И от весны с тобою мы
Дошли бездумно до зимы.

ПРОЛЕТАЛИ ЖУРАВЛИ

Горизонт синел вдали
Ниточкою тонкой,
Пролетали журавли
Над родной сторонкой.
Пролетали журавли
Вровень с облаками,
По щекам твоим текли
Слезы ручейками.
За тебя и за страну,
И за всех, кто с нами,
Уходил я на войну
С лютыми врагами.
Уходил я на войну
И тебе дал слово:
Обязательно верну
Я себя живого.
Я дорогою в пыли
Уходил с котомкой,
Пролетали журавли
Над родной сторонкой.

ПУСТОТА

Это все про тебя, это все про меня,
Мы боимся друг друга, как звери огня,
Мы метаем друг в друга, как ядра, слова.

— Ты не прав!
— Я не прав? Это ты не права!

Мы не смотрим в глаза, мы глядим в потолок,
Говорим, но не сложим и нескольких строк,
За окном опускается медленно тьма.

— Ты во всем виноват!
— Виновата сама!

Звезды в небе сегодня горят не для нас,
Не для двух пар когда-то счастливейших глаз.
— Ты не тот, что тогда!
— Ты ведь тоже не та!
Как же просто, когда пустота, пустота.

ОТРАЖЕНИЕ

Мир в душе отражается,
Как в реке — небосвод.
Кто-то с чем-то сражается,
Кто-то просто плывет.
Дни, лишенные отчества.
Память — в черных кострах.
Страх внутри одиночества —
Это больше, чем страх.
Жизнь на грани забвения
Выручает строка,
Где плывут без сомнения
Над рекой облака.

ОТВЕТ

Нет, я совсем себя не мучаю,
Когда от случая я к случаю
В свою тоску, тоску дремучую
Спускаюсь, как шахтер в забой.
Мне в темноте той легче дышится,
Там пенье птиц совсем не слышится,
И ветвь под ними не колышется,
И можно быть самим собой.

Кристина Денисенко
(г. Юнокоммунаровск, ДНР)

Наш постоянный автор.

СВЕТ

Я сотку тебе свет, мой друг.
Без станка и волшебной пряжи.
Из обыденных слов сотку.
Такой легкий, как пух лебяжий.

В нем запахнет весной миндаль.
В нем снегами сойдет опасность.
Я последнее б отдала,
Лишь бы ты не грустил напрасно.

Я добавлю к той чистоте
Межсезонного неба омут,
Лик сикстинской мадонны, крест,
Чтобы горем ты не был тронут.

Колокольчиков синих звон
И альпийской лаванды шепот
Я вкраплю, как святой огонь,
В полотна невесомость, чтобы

Ты услышал, как дышит степь,
Как орех молодеет гречкий,
Как умеет о светлом петь
Тишина обожженным сердцем.

ЗАЛОЖНИК ВРЕМЕНИ

Тополь звезды качает малые
на руках в многослойной наледи,
на старательно заколдованных
сероглазой зимой начал.
Убаюкивать, холить, пестовать...
Даже если на вид болезненный,
даже если он старый мученик
в приглушенном огне лампад.

Слышишь голос его простуженный?
Тополь снегом вчерашним ужинал.
А бессвязные колыбельные?
Словно ветер в пустой степи.
Холодны, безобразны, страшные,
и нет смысла о грустном спрашивать...
Тополь тоже заложник времени.
Зиму терпит, и ты терпи.

Отогреешься солнцем ласковым
над пропитанным краем красками,
и растаешь от первой зелени
на руках тополей седых.
Молодыми вновь станут улицы,
и от света стыдливо щуриться
будут окна в твоей обители
недописанных страстью книг.

ЖИРАФ

Время рыжих звезд опрокинет грусть
на безлунный холст.
Нарисую свет, и лучом коснусь
непроглядных верст.
Пальма, саксофон, на песке следы...
Здесь прошел жираф.
Бархатный, как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Пятится волна. Кружевной подол
блещет серебром.
Сенегальский дуб яблоней расцвел
на холсте моем.
Я рисую бриз, облака, баркас
и вчерашний дождь.
Ты меня в шале, неба не стыдясь,
на руках несешь.

То про пыл вождя, то про черных дев
рассуждаешь вслух,
то про лунный Чад шепчешь нараспев,
то кричишь «люблю».
С кисточки лазурь окропила тьму
в окнах на залив.
Мой волшебный бог, я к тебе прижмусь,
голову склонив.

Я рисую миг, щебетанье птиц,
мраморную даль.
Губ твоих огонь, саксофон на бис
и чуть-чуть печаль.
В яблоневый флер джинном золотым

спрятался жираф.
Бархатный, как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Я БЫ СОЛГАЛА

Золотой туман просочился в дом
сквозь полотна штор.
Разбудил герань в естестве живом
и печаль утер
на ресницах в цвет пожелтевших книг,
пожелтевших трав.
Прикоснулся мест, где луна болит,
пустоту познав.

Молчаливый друг протянул мне в дар
облака в огнях.
Солнечную соль планов на вчера,
на весну, на май...
Сверток белых зим, пролетевших птиц,
октябрей, путей...
Я еще могу, может быть, спастись,
а быть может, нет.

Завтра будет день. Без меня, со мной...
В россыпи лучей.
Кто-нибудь другой всей своей душой
будет в нем стареть.
Постигать азы стихотворных троп,
стихотворных мук.
С пригоршни Христа воздух пить взахлеб
и молиться вслух.

Кто-нибудь другой соберет из звезд
бусы на снегу.
А сейчас туман пропитал насквозь
все, что берегу...
Мемуаров — стог, кот наплакал — сил,
жизни полкило...
Я бы солгала, если б ты спросил,
все ли хорошо.

БАГРЯНЫЙ ГОРИЗОНТ

*Возьми меня, воскресшую, за ворот
и в темное бездумье утаи.*

Мэри Рид

Бетонные дома лежат холмами
разбитых судеб братьев и сестер.
Стихает выюга плачем Ярославны,
и вдовий лик мерещится в немой,

пустынной и крамольной панораме,
меняющей рубеж, передовой...
Идет война, и с неба свет багряный
течет на снег, как убиенных кровь.

Здесь был мой дом, беседка, пчелы, груши.
Все стерто пламенем с холста земли.
Никто не воспретил огню разрушить
и церковь, где несчастных исцелить
могло бы время, битое на части...
В минуте шестьдесят секунд беды.
За пазухой я горе камнем прячу.
Я не могу былое отпустить.

Любовь моя покоится в подвале,
отпетая ветрами, без креста.
Я душу верить в чудо заставляла
и тысячу свечей в мольбах сожгла.
Мой прежний дом — блиндаж, траншея, бункер.
Мой прежний город — холод катакомб.
Мой регион делили, и он рухнул.
Мой прежний мир подавлен целиком.

Мне память довоенных весен гложет
сознание аккордами тоски
о том родном, что мне всего дороже,
о том, что отнято не по-людски.
Багряный горизонт, рукой суровой
над пустошью удерживая щит,
возьми меня, воскресшую, за ворот
и в темное бездумье утащи.

❖❖❖

Валерий Демидов
(г. Тула)

РУССКИЙ ГОРОД
(*Повествование о граде Белеве, что на тульской земле*)

Наши постоянный автор. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

Есть города, где нет высоких зданий
и тихо жизнь спокойная течет,
где не несли врагам покорно дани
и мирный труд являл собой почет.

Средь городов таких — Белев старинный.
Здесь русский дух невидимый витал,
лепил людей, будто горшки из глины,
и закалял их, как кузнец металл...

I.

Люблю бродить по улицам Белева:
есть в двухэтажных каменных домах
истории крупицы и основа
сюжетов книг в бесчисленных томах.

Здесь был проездом сам великий Пушкин —
заехал он сюда «на злобу дня»,
когда о царской смерти били пушки,
императрицу в скорби на конях

доставили сюда маршрутом тайным,
не говоря о цели никому,
и в ту же ночь Елизавета в здании
купеческом шагнула в ночи тьму...

Поэт любил ее; красивой немке
женою стать с четырнадцати лет
пришлось в России, двор же к иноземке
то доброты, то злобы не жалел.

Сам император Александр Первый
ей изменял, она же крест несла
свой терпеливо, кротко и без нервов,
была нежна и мыслями светла.

В Белеве Пушкин посетил то место,
где его ангел умер во скорби, —
она во снах была его невестой,
не знавшая, что будет он убит.

Ведь в Царскосельском памятном лицее,
где юный Пушкин изучал азы,
императрица с попеченья целью
не раз бывала; и под сень лозы

входила в воды маленького пруда,
а Саша Пушкин это подсмотрел,
и любовался телом белогрудым
курчавый, любознательный пострел...

А во дворе купеческого дома
доныне жив тот старый толстый дуб,
видавший тайны царского излома
в далеком историческом году.

Неподалеку — памятник с короной,
где даты в камне высечены зrimo.
Елизаветы сердце здесь, под короной,
лежит в сосуде, временем хранимо...

II.

О, город малый, ты не тихий вовсе,
коль бушевали страсти велики:
татары Крыма, Польша и литовцы
сюда водили грозные полки.

Ты много раз горел и разрушался,
но восставал из пепла и огня,
и гордо над Окою возвышался
крест твоих храмов — Божия броня...

Здесь и народ с особой сердцевиной,
талантливый, широкий, как поля.
Связал Белев своею пуповиной
имен десятки, кем горда земля.

Поэт Жуковский — сын земли белевской.
Его стихов волниющая вязь
напоминает русские березки,
что взор ласкают, нежностью ветвясь.

А в Мишенском усадьба привлекала
всех цветниками, парком и прудами,
но от нее и следа не осталось,
к большому сожалению, с годами.

Он был учитель Пушкина, романик,
художник, переводчик, педагог,
и чистота его житейских мантий
есть лучший дар, что он оставить смог...

Белев не удивляет — поражает
нас именами бывших здесь людей,
и эта разновидность «урожая» —
как суть духовных на Руси дождей.

Пусть город был всегда провинциальный,
но в нем, как в сказке, есть особый смысл —
рожать стране простых и гениальных
людей, в которых бьется Божья мысль.

И Зинаиды Гиппиус творенья,
и образы художницы Леже*
останутся примером озаренья
на каждом пережитом рубеже.

В Белев пешком ходил Толстой из Ясной,
Пржевальский** службой был в казармах горд,
а генерал Ермолов*** путь прекрасный
сюда проделал из Кавказских гор.

Природой Иван Бунин наслаждался,
охотился Тургенев в тех лесах,
и Пришвин в этом городе нуждался —
бродил здесь, забывая о часах.

Во время путешествий цесаревич
(потом он — император Александр)
стал вехой важной на уездном древе,
хранившем своей жизни адреса.

Философ, публицист, известный критик
Киреевский (славянофильства пастор)
почетный был училища смотритель
и окормитель всей культурной паствы.

* Надежда Петровна Ходасевич-Леже (1904—1982) — российская и французская художница, живописец, график, мозаичист XX века. Во времена хрущевской оттепели эта женщина была, наряду с прославленными артистами и политиками, одной из самых известных в СССР француженок. Она привозила в Союз выставки французских художников и опекала советских артистов на европейских кинофестивалях, дружила с министром культуры Екатериной Фурцевой и во многом определила советские культурные связи того периода. Знаменитая художница, вдова прославленного Фернана Леже, она по воле судьбы жила некоторое время в Белеве, посещала местный Дворец искусств, обучаясь сразу в двух кружках — рисования и балета.

** Николай Михайлович Пржевальский (1839—1988) — российский путешественник, географ и натуралист, почетный член Русского географического общества. Генерального штаба генерал-майор. Мать, Елена Алексеевна, — родом из Тульской губернского. В конце сентября 1855 года был командирован в Белев, в сводный запасный Белевский полк. Через полгода, после прохождения в звании юнкера курса учебной (юнкерской) команды Белевского полка, был удостоен унтер-офицерского звания.

*** «Железный» генерал Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) был в высшей степени экстравагантной личностью для тогдашнего высшего света. Военный и государственный деятель Российской империи, дипломат, участник Наполеоновских и Кавказской войн.

В купеческой семье рожден элите
редактор «Русских ведомостей» стольных
Игнатов — театральный аналитик
и друг литературы сердобольный.

Дворянской крови был Владимир Каппель —
тот генерал деникинской пехоты,
что на Чапая шла, блестя штыками
и не роняя строя каждой роты.

Бывал в Белеве князь К.К. Романов —
поэт известный, неревнитель славы,
певец любви и северных туманов,
оставив скипетр власти всей державы...

III.

В России много малых городов
так соразмерных духу человека.
Бездушный мегаполис же готов
изранить, выпить, превратить в калеку.

Неподалеку от Белева жил
с семьей и я, — старинный град Одоев
хранил Засечной зоны рубежи
и тоже страж был малорусской доли.

В таких селеньях легче быть собой —
не винтиком большого механизма,
и если здесь и настигает боль,
то лучше видно сквозь событий призму,

через поля, леса и труд людской,
через лишенья, холод, бездорожье,
что происходит каждый раз с тобой —
судьбы удар иль наказанье Божье?

Политики здесь мало, а свободы,
пожалуй, больше, чем в местах иных,
где больше любят веяния моды
и рев моторов явно скоростных...

Что рассказать еще вам о Белеве?
Наверно, то, как храмов торжество
проникло в души граждан всех сословий
и укрепилась в вере жизнь его.

Когда бывал здесь патриарх Макарий,
Антиохийский попечитель душ,
его к себе все двадцать церквей звали,
монастырям обоим он был нужен.

Град даже центром был старообрядства,
от Никона ^{*} реформу не принял,
и все монахи из мужского братства
уселись на безбрачия коня.

Пожары много раз губили город.
Недаром герб на фоне голубом
ячменный сноп являл собой, и голод
напоминал огонь под сим снопом.

В Белеве крепость — как форпост России.
Визит Ивана Грозного сюда
проверкой был защиты царской силы
в окраинах, где южная гряда...

IV.

Но град старинный не первом единственным
известен стал и мощью крепостей,
но тем еще, что издавно едим мы —
белевской пастилою для детей

и для семей за самоваром чайным.
Рецепт придумал много лет назад
купец Амвросий, и завеличали
продукт сей в мире; яблоневый сад

«кантоновки» дарил душистый запах,
неповторимый ароматный вкус,
и повезли те сладости на Запад,
и африканец ел их, и индус.

А кружева белевские повсюду
изяществом завидным сквозь крахмал
тянулись в руки, и сплетений чудо
сердца пленяло и дворцы ума...

Как зелен город! Тротуар завешен
деревьев кроной, и не страшен зной.
Напитан будто негой воздух здешний,
все лето пахнет в городе весной...

Монастыри — особый статус града:
один — мужской, а женский — тот другой,
душа поет, и умирать не надо,
поскольку здесь Божественный покой.

* Патриарх Никон (1605—1681) — один из самых противоречивых персонажей русской истории. Достиг того, что его величали «великим государем» и сам московский царь падал ему в ноги. Его реформы вызвали раскол Русской церкви, что привело к возникновению старообрядчества. В 1666 году он был извержен из патриаршества и стал простым монахом.

А было время страшного упадка,
когда руины всех монастырей
дверей, крестов лишились, и лампадка
горела одиноко во дворе,

росли на стенах робкие березки,
повсюду хлам и груды кирпичей,
монахов разогнали всех белевских
и сад фруктовый стал уже ничей.

Лишь в 90-х начались работы
по возрождению тел монастырей,
и медленно церковною заботой
спадала тень беды от «упырей».

Ожили храмы древнерусских зодчих,
собрали в кельях братьев и сестер...
Тебе вся слава, наш Небесный Отче!
Тебе, Господь, сердец наших костер.

И все же остаемся мы в долгуш:
пока Белев еще не стал тем градом,
когда везли на баржах хлеб, пеньку,
мед, сало, воск и все, что людям надо.

Ока тогда широким рукавом
текла в Рязань, Касимов, старый Муром,
и в том потоке водном столбовом
лицо торговли не бывало хмурым.

Старинных зданий не воскресла суть.
Асфальт побит, как старый коврик молью.
Туристов мало, сухостой в лесу.
Не стало меньше пьяного застолья...

А впрочем, разве город одинок
в своей утрате облика былого?
К провинциям давно стоят спиной
чиновники «системного отлова».

Но до тех пор, пока они стоят —
Белев, Одоев, Кострома и Муром,
жива Россия милая моя,
хотя над нею небо часто хмуро...

СЧЕСТНО

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

**ИЗ ЦИКЛА «НА РОДНЫХ ПРОСТОРАХ»
80-летию Великой Победы посвящается**

Наш постоянный автор.

* * *

«Здесь русский дух,
здесь Русью пахнет»

А. Пушкин

Здесь Русью пахнет, господа,
Здесь русская сторонка:
Земля без края и вода,
И Господа иконка!

Здесь Русью пахнет, господа,
И Кремль здесь величавый,
И звезды светят, как всегда,
И пироги на славу!

Здесь Русью пахнет, господа,
Земли нет мне роднее:
Заснеженные города,
И взгляд — нет голубее!

Здесь Русью пахнет, господа,
И здесь живет, мой милый —
Солдат Отчизны и Труда, —
И Русь его взрастила!

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Памяти отца, участника ВОВ

У Вечного огня, как на погосте,
Стоял стариk, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: «Пройдены все версты,
Но не вернулся ты домой, Мифтах!

Как много близких здесь друзей, челнинцев,
Однополчан, которых я искал.
В войну нам небо становились низким
И гул снарядов битву предвещал.

И рвались в небо жаркие «Катюши»*,
Пехота шла дорогою любой

* «Катюша» — неофициальное название системы полевой реактивной артиллерии.

За пядь родимой несравненной суши,
И не забыть мне тот кошмарный бой.

И вот я — здесь! Я — Виктор из Покрова,
Солдат Отчизны, взводный твой, Мифтах,
Которого прикрыл ты там, у Пскова,
В российских окровавленных снегах»...

У Вечного огня, как на погосте,
Стоял стариk, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: «Пройдены все версты,
Но память в сердце не умрет, Мифтах!

С тобою мы недаром защищали
Родимый дом и честь большой страны,
Чтобы потом здесь нашими сынами
Построен был наш Автоград — Челны!»*

ГОЛОС ИЗ ДЕТСТВА

Усталость, ломит плечи,
И голова болит.
На улице под вечер
Мелодия звучит.

Пойду под звуки вальса
Тихонько поброшу,
Пусть не станцую танца,
Но весело хожу!

Играй, моя пластинка,
Вот песня потекла...
«Дунайский вальс»** — картинка
Той жизни, что ушла!

А в ней слышны раскаты
Военных, трудных дней —
Берлин стоит распятый
И флаг страны моей;

Дороги огневые
От дальних рубежей,
Где звезды золотые
Страны, что нет милей!

Тот голос он из детства,
Из детства моего,
Отцовское наследство —
На сердце так легко!

* Челны — город Набережные Челны, где был построен Камский автомобильный завод (КАМАЗ).

** Дунайский вальс — вальс «Дунайские волны» был популярен в СССР после ВОВ. Вальс был написан композитором И. Ивановичем на слова К. Скроба. Советским слушателям он полюбился в исполнении Л. Утесова на слова Е. Долматовского.

ИВАН-ЧАЙ*

И цветет Иван-чай в заповедном лесу,
Головой качая розоватою, нежной.
Ему ветер поет: «Понесу, понесу
Тебя в край я далекий, далекий, безбрежный.

Ты найдешь себе дом, чашу выпьешь вина,
Насладишься ты солнцем и небом широким...»
Чай Иван говорит: «Здесь мой дом и страна,
Здесь мой край, посмотрит, и мои здесь истоки!»

* * *

Грибная пора на Урале,
И дышит мне август в висок,
А я все по лесу летаю,
Не чувствуя осени вздох!

Грибная пора на Урале —
Обабок, волнушка и груздь,
И «белый», мне шляпкой кивая,
всем в руки пусть просится, пусть!

Грибная пора на Урале,
И легкая цепь облаков...
Я тайны Земли сей не знаю,
Одна из них — тайна лесов!

* * *

На севере дальнем леса и леса,
Белесое небо и глаз бирюза.
Озера, что звезды горят на земле,
О чем-то мечтая в серебряной мгле.

На севере дальнем, у Белой реки,
У Вятки-красавицы, белы пески,
Что белые груди на солнце лежат,
И полон черемухи тихий наш сад!

* * *

Скоро пасха светлая и май,
Радости такой давно не помню:
Чист и светел благодатный край,
Свет небесный согревает кровлю.

Ветер машет легким рукавом,
На березах звякают сережки.
Знаешь, друг мой, мы ведь не умрем:
Подрастают дети наши, крошки!

* Иван-чай — традиционный русский напиток, обладающий приятным вкусом и ароматом. Его употребляют в качестве альтернативы черному чаю.

Ирина Зорина
(Заокский район)

В каждом стихотворении заложены вибрационные коды-слова, расширяющие сознание человека, а также состояние откровения, прожитое в момент написания.

ЗВЕЗДНАЯ РОСА

Капли звездной росы
Ярко сверкают во тьме,
Чувствуя сердцем своим
Вспышку сознанья в груди.

Жива от звёзд струится,
Льётся, словно нектар,
Питает Душу любовью —
Вечным гореньем огня!

Озаряет путь мой млечный,
Ведёт к цели сквозь века,
Дарит силы, крепость веры.
В сердце истина жива!

МОЙ ДУХ — МОЙ ДРУГ

Мой Дух, очнись, явись, проснись,
Настал твой час подняться ввысь,
Соединить Единства путь,
Познать природы Высшей суть,

Открыться жизни Бытия,
Любить весь этот Мир, творя,
Лишь благо в этот Мир неся,—
Вот с чем пришла Душа моя!

И красотою наполняя,
Узоры яркие являя,
Преобразится все вокруг,
Ведь Дух мой — это лучший Друг.

* * *

Благодарю тебя, Господь,
За ясность мысли,

За любовь,
За все, что чувствую я вновь!
За все, что было, есть и будет,
За жизнь прекрасную мою!
За свет, за тьму,
За радость, красоту,
За волшебство,
Что вижу я в миру.
За осознание себя,
За все иллюзии сознанья сна,
За Род, за опыт,
За тебя!
За то, что открываешь Ты, любя!
За все тебя благодарю!
Люблю! Творю! Осознаю!

* * *

Огонь Мироздания
Нисходит на Землю,
Пора пробуждений
Растет с каждым днем.

Открыть в себе Силу,
Признать в себе Вечность.
Явиться в миру,
Проявить свой Огонь.

То Световые коды Душ,
Которые принять должны,
Чтоб здесь явить свою любовь —
Для этого сюда пришли.

Ведь сила в магии верна,
Волшебники здесь ВСЕ,
Но каждый вспомнит о себе,
Как решено уж по судьбе.

Мы можем вечно торопить
Событий всех удел,
И ожиданиями, и мыслями,
Мы отстраняем ход вещей.

Отдавшись Духу,
Все само!
Свершится!
Уж поверь!

Сдавая это, что так любит пострадать,
Сам Дух являет чудеса.
Сама любовь творит все то,
Что истинно желает Душа.

Но тут уж важно осознать —
Не нужно ждать!

Лишь быть свидетелем
Здесь и сейчас! Здесь и сейчас!
Здесь и сейчас!

* * *

Как много в путешествиях свободы!
Нет здесь ограничений — созерцать
Любви Божественной природу...
И хочется душа молчать,

Напялить маску той монашки,
И, взяв аскезу тишины,
наполнить сердце осознаньем
Про бесконечный смысл пустоты.

Услышать океана стоны,
Многоголосье птиц и детский смех,
И ветер — дух свободы.
А есть ли я здесь?!

Все меньше личности,
Все больше глубины,
Все меньше смыслов,
Все больше пустоты и тишины.

* * *

Быть волной, самой красотой,
Соединиться с Мирозданием,
Принять в себе весь Род,
Коллег, друзей и всех людей.

Принять в себе и тьму, и свет,
И прекратить дуальность!
И, наконец, уж проявить
Все свои желания.

Стереть сомнения,
Развеять все ограничения,
И смело начать движенья
По воплощению мечты.

Той самой, заветной, из детства,
Ты помнишь ее, уж поверь.
Она хранится прямо в сердце,
Тогда ты знал, что можешь все!

Сомнений нет и страхов тоже,
Иллюзий всех предел,
Ты как создал, так рушить можешь,
И выбор сделан шлейфом дел.

Душа идет вперед к заветной цели,
К той самой, ради чего пришла!
И смысл иного воплощения
Настала проявить пора.

Ты наполняй себя небесным,
Любовью окружи,
Ты разожги в душе огонь
И миру прояви.

Не бойся ничего,
И будь самой волной,
Той самой, в океане,
Которая Едина с Мирозданьем!

ВЕРА

Вера приходит с годами,
Когда шишек набив сполна,
Начинаешь слышать ушами,
Внимать, что видишь глазами,
Через сердце пропускать
И чувствовать внутри себя,
Где истина для тебя.
Когда вернул опору вглубь себя,
Соединился с Родом,
Собрал все камни,
Что разбросал ты по пути.
И только, веря сердцу,
Огню внутри себя,
Осознаешь с любовью,
Что вся игра была не зря.
Ты признаешь в себе создателя,
Что наблюдаешь изнутри.
Вокруг себя ты проявляешь
Все состояния свои.
Все персонажи
Лишь с тобой играют!
И коль твоя игра чиста,
С любовью людям, миру
Ты отдаешь себя!
В себя, людей ты веришь без сомнений,
И в этом отражение твое.
Верь в Бога и в себе,
И в каждом, кто живет здесь.
В свой свет, что лучишь!
Верь в то, что сам творишь.
Суть веры — камнем вниз,
И знать, что устоишь!
Вера — это как птица ввысь.
И знаешь, что ты летишь!
Вера — это любовь без границ.
Вера — это тишина внутри...

Антонина Максютенко
(г. Тула)

В ПАМЯТЬ ПОЭТессы ГАЛИНЫ МАТЮШИНОЙ

Первая публикация в нашем журнале.

13 июня 2025 года на 69 году жизни ушла от нас поэтесса, яркая путеводная звезда, Галина Матюшина, чье сердце отзывалось на все события, происходящие в нашей стране.

Поддержи меня, Господи. Я без опоры —
Умерла дорогая подруга моя.
Мы молились с ней вместе, вели разговоры,
И она накормить всех старалась любя.
Добротою своей поддержать всех старалась.
Всех хотела одеть, накормить, обогреть,
И одежду, и книги она раздавала,
И любили мы с ней песни русские петь.
А стихи как она вдохновенно читала! —
И друзьям всем своим посвящала стихи —
Ведь она так легко их, прекрасно писала.
И молилась за всех, замоляя грехи.
Как любила ходить она в храм православный!
Как любила поездки в святые места!
Была Библия книгой заветной и главной,
Мы молились, читая молитвы с листа.
А ушла ты от нас так внезапно, нежданно.
Разорвалось сердечко твое на ходу.
Ты пошла в магазин, что, конечно, не странно,
И ничто не могло предвещать ту беду.
Была пятница, вечер, и солнце садилось,
Ну а день был, представьте, — тринадцатый день.
День июньский, а может быть, это приснилось?
Может это в мозгах разыгралась мигрень?
Не успели тебя довезти до больницы
И тебя оживить там уже не смогли.
Ты от нас улетела свободною птицей.
Ты прости, что тебя уберечь не смогли.

❖❖❖❖❖

Галина Гаряева
(г. Пермь)

МОСТЫ ВЕЧНОСТИ

Родилась в 1961 году в поселке Кусья Пермской области. По профессии детский врач-невролог. Произведения публиковались в местной прессе, литературных альманахах и коллективных сборниках. Дважды лауреат Международной поэтической премии «Образ» (Москва), дипломант региональных литературных конкурсов. Автор книг «Стихи как музыка звучали» (2011), «Верую в любовь» (2016) и «Предчувствие весны» (2025).

ПЕРВЫЙ БОЛЬНОЙ

Онкология. Хирургия.
Тяжкий воздух палат.
И седые, и молодые
Здесь отчаянно жить хотят.

Даже ночью им нет покоя —
Трубки капельниц, дренажи...
Кто-то стонет, что с ним такое,
И сестричка на зов бежит.

На постели — совсем мальчишка.
Рвота, спазмы, холодный пот,
Не выдерживает сердчишко,
И от боли кривится рот.

«Стало легче, иди, не нужно
Так сейчас на меня смотреть,
Успокойся, в твое дежурство
Обещаю не умереть!»

«А сегодня совсем потеплело,
И весна!.. Распахни окно!
А давай — говорит несмело —
Сходим вместе с тобой в кино?»

Рассмеялась — с утра зачеты,
И уже ни минуты поспать,
А когда вновь пришла на работу,
Увидала пустую кровать!

Той сестричке, онкологом ставшей,
Знаю, вспомнится снова весной
Обещанье свое сдержавший
Самый первый ее больной.

В РЕСТОРАНЕ

Сердце бьется где-то в ребрах, будто
По сковавшим прутьям арестант.
Пузырьки в твоем бокале брюта —
Взрыв моих незыблемых констант.

Поздний вечер. Ужин в ресторане.
Джаз в колонках. Столик на двоих.
Мы сидим, и каждый миг так странен,
Так немыслим, Боже, каждый миг!

Кажется, я чуточку робею,
Очень кстати льдистое вино!
Светится янтарною камеей
Лунный диск. И верится в одно:

Как бы жизнь ни повернула круто,
Нам навек запомнить суждено
Эту встречу с пузырьками брюта,
Все перевернувшую вверх дном.

ЛЕБЕДЬ

Меня сегодня солнце приголубило,
Коснулось бережно своим лучом.
Я белой лебедью с картины Врубеля
Плыла по улицам — все нипочем!

А солнце переливчатое множилось
В витринах магазинов в сотни раз.
Казалось, что и я из солнца сложена.
Как будто я не женщина — мираж!

Мелькали любопытные прохожие,
А кто-то даже помахал рукой...
И все дома, на корабли похожие,
Вдаль уходя, манили за собой...

Людское море колыхалось волнами,
И плащ был словно крылья на ветру,
Но отчего-то сердце, солнцем полное,
Сжималось так — еще чуть-чуть — умру!

У той лебедушки с картины, помнится,
В глазах навечно притаилась боль.
И я летела, городская скромница,
Так счастлива-несчастлива с тобой!

БАБОЧКА

Ведь было же, все-таки было:
Бесстрашно поверив судьбе,
Я бабочкой, что было силы,
Летела навстречу тебе!

До сплетен мне не было дела,
Когда так стремилась на свет!
В любовь, как в огонь, я влетела,
И не было страха! Нет-нет!

Огромное в небе светило —
Святая любовная страсть,
Той бабочке, глупой и милой,
Как было в нее не попасть?

От страсти остался лишь пепел,
Измято из шелка крыло,
Мой ад для других незаметен,
И все-таки мне повезло!

Была мне дарована милость
Тогда научиться летать...
Ведь было же, было, ведь было...
И это уже не отнять!

СТАНОВИМСЯ БЛИЖЕ

Ты уходишь все дальше и дальше,
Но абсурдно устроен наш мир,
Между нами теперь меньше фальши,
И понятно, что ты не кумир.

Уходя, мы становимся ближе.
И, быть может, пройдет много лет,
Где-то снова тебя я увижу —
Ничего невозможного нет!

До каких перекрестков Вселенной
Среди солнц и планет верениц
Кочевать нашим душам нетленным,
Ведь для них нет преград и границ?

Мы с тобою настолько похожи,
Что потом, улетевши в астрал,
Повстречаться и в космосе сможем,
Как бы кто далеко ни летал!

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Солнце рыжим воздушным шаром
Поднимается в полдень в зенит.
Воздух душным июльским угаром
Переполнен. И тонко звенит

Комариная трель над поляной,
Бестолково стрекозы снуют.
Пахнет чем-то медовым и пряным,
Будто кликнешь — и бражки нальют,
Что варилась на медленном зное
Где-то в дебрях и топях лесных,
Становилась целебным настоем
Сочных трав и соцветий хмельных.
Мне суметь бы распробовать этот
Взвар волшебный на вкус и на цвет!
Да рецепт тот хранит только лето.
И оно не раскроет секрет.

НОЧНОЕ СТАККАТО

Осенний дождь настойчиво стучал:
Всю ночь вчера звучал дискантом,
Негодовал, упрашивал, ворчал,
Просился в дом бродячим музыкантом.

И, как артист, хлебнувший каберне,
Бренчал по клавишам пиано —
То в раж впадал, подыгрывая мне,
То делал паузы, стихая странно.

И слышался сквозь долгий перестук
Мотив напевный саксофона —
Негромкий, медный и победный звук
Шальных ветров осеннего сезона.

Меняя ритм, дождь бился и стучал,
Как будто подражая джазу,
И ветер то уверенно крепчал,
То вдруг стихал, заканчивая фразу.

Весь этот затянувшийся концерт
Звучал стаккато до рассвета —
Импровизаций джазовых сюжет,
Дождя и ветра вечного дуэта.

МОСТЫ ВЕЧНОСТИ

Через парсеки беспросветной бездны,
Среди рожденных и померкших звезд,
Где мы с тобой когда-нибудь исчезнем,
Нам предстоит навстречу строить мост.

И это не смешное заблужденье,
Не глупость, не отчаянье, не бред —
Земных границ и смыслов отторженья
Там уж не будет, там их просто нет.

Здесь, на Земле, на удивленье сложно
Дороги возводить, хранить тепло.

Мы рушим все, что можно и не можно,
И бьется счастья хрупкое стекло.

И лишь любовь всесильная упорно
Мосты наводит в вечности для нас.
Хоть это утвержденье небесспорно,
Храню надежду все же про запас.

Ведь мы среди других не исключенье,
И на дорогах космоса, как знать,
Двух близких душ простое притяжение!
Построит мост, и встретимся опять!

НЕПОХОЖИЕ

Так непохожи — даже перебор!
Ты любишь одиночество квартиры,
Мне подавай дороги и простор,
Лихие скорости, звучанье лиры!

Где ты — всегда лишь приглушенный свет,
Комфорт и постоянная прохлада.
А мне б рвануть с подругой на балет
Или кружиться в танце до упаду!

У одного в душе живут стихи,
Другому недоступно откровенье.
Порою кажешься слепоглухим,
Воспринимаешь лишь прикосновенья!

Два полюса, заряды «минус — плюс»,
Но, кажется, не пережить разлуку.
И я над непохожестью смеюсь,
Ведь потому мы так нужны друг другу!

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Мы встретились с тобой зачем-то снова,
И все смешалось — небо и земля,
Срывало благочестия покровы
Лавиной, штормом! Пепел и зола —

Все, что осталось вмиг от укреплений,
Воздвигнутых когда-то, бог ты мой!
Лавиной той погребены сомненья
И сокрушен размеренный покой!

Была ль та встреча нам предначертаньем,
Последним шансом или наказаньем?
Не смели рассуждать... Кто мы такие?
Но оказалось — все еще живые.

Ирина Средина
(г. Симферополь)

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ЛЕТО

Родилась в Житомире. С 1990 года живет в Симферополе. Стихи пишет с юности. Дипломант XII Международной поэтической премии «Образ» (2024). Автор книги стихов «Ускользающее лето», вышедшей в издательстве «Образ» в 2025 году

ПРИЗНАНИЕ

Я видела тебя любым —
Отчаявшимся и разбитым,
Напористым и боевым,
Веселым, дерзким и сердитым.

Я видела, как ты молчишь,
Как злишься, грозно хмуря брови.
Как плачешь, будто бы малыш,
От навалившегося горя.

Я видела тебя любым...
Я знаю, как с тобою трудно.
Ты несговорчив, нетерпим,
Но ты надежный, честный, мудрый.

Я видела твою любовь,
Я чувствовала твою нежность,
Я знаю цвет полутона
И сладостную безмятежность.

Я знаю смех и грусть в глазах
В оттенках сине-голубого.
Ты не ищи подвох в словах,
Знай: я люблю тебя любого.

Я ВЕРНУСЬ

А знаешь, я вернусь в наш город южный,
Где шум прибоя, солнце, птиц галдеж.
Поверишь, стала я теперь послушной
И знаю: больше ты меня не ждешь.

Пройду по узким улочкам веселым,
У моря постою, вдыхая бриз,
Присяду вновь за наш любимый столик
И посмотрю художника эскиз...

И вспомню я, как лился летний вечер
И город пьяный все коктейли пил,
Как ты набросил мне пиджак на плечи...
И нам с тобой принадлежал весь мир.

Нет, встречи я с тобой искать не буду.
В твои глаза взглянуть не хватит сил,
Твоя любовь была подобна чуду,
А я не поняла... Ты не простил.

А знаешь, я вернусь в наш город южный.
Я знаю, шанса мне уже не дашь...
С мечтой проститься просто очень нужно,
Себе сказать, что он уже не наш.

ДЕРЖИСЬ!

Научилась читать по глазам,
Научилась любить тишину.
Я тебя никому не отдам
И у смерти тебя отниму.

Я тебя проведу через боль,
Через страх этих «крайних ночей».
Я всегда буду рядом с тобой,
И ты тоже сдаваться не смей!

Ты же знаешь — бессмертна любовь,
Ты же помнишь, что ты моя жизнь.
Я молить буду строгих богов.
Ты держись только, слышишь, держись!

Режет глаз белизна простыней...
И дыхание — тонкая нить...
Безнадежность во взглядах врачей...
Но мы сможем с тобой победить!

Мы услышим капель за окном,
Словно жизни грядущей сигнал.
Ну, держись! Я прошу об одном...
Ты легонько ладонь мою сжал...

В ОЖИДАНИИ

А осенью случится: я и город,
В котором поселилась часть души.
В нем, как и здесь, с волною чайки спорят,
Прибой у ног тихонечко шуршит.

Там тоже юг, но он другой, не местный,
И речь там иностранная кругом...
Бреду стамбульской улочкою тесной,
Теряясь в промежутке временном.

Турецкий чай и горько-сладкий кофе,
Пьянящий, тонкий аромат цветов.
Рыбак на пристани (ну просто профи!)
Уловом кормит уличных котов...

И солнца диск — как жизни всей начало —
Повис у шпиля возле облаков...
А вот паром у дальнего причала —
Шумнул гудком, поплыл и был таков.

И мысли в безнадежном беспорядке,
Ну вот такая выпала стезя.
Я после напишу в своей тетрадке,
Как я люблю, и то, как мне нельзя.

БЕССОНИЦА

Дождь барабанит за окном.
Бессонница... Опять не спится.
Есть время вспомнить о былом,
Листая прошлого страницы.

Весенний аромат цветов,
Зеленое, смешное лето...
И мама с папою вдвоем
Так чувственно поют дуэтом...

Признание полуушутя,
Твои заботливые руки,
Пронзительное «навсегда»
И долгий путь через разлуки.

Спокойной осени напев,
Зимы дыханье за спину.
Так по заснеженной тропе
И дошагаем мы с тобою...

Рассвет зальет осенний сад
Неярким золотистым светом...
Да, все имеет свой закат,
Лишь ночь кончается рассветом.

ЯНВАРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Светлеет бархат ночи,
И все заря нежней.
Сезонов знать не хочет
Проказник-соловей!

Январь, конечно, тоже
На чудеса хорош.
Теплынью растревожил —
Так с толку всех собьешь!

Ты, милый, перепутал —
В календаре январь!
С зимою так не шутят!
Ты, как и я, бунтарь!

АНГЕЛ

Я брела по переулку Грусти,
В рюкзаке несла свою усталость.
И в душе так сумрачно и пусто,
Никакой надежды не осталось.

Никакой надежды на спасенье,
На любовь, на счастье, на удачу...
Лишь обида, горечь, сожаленье...
И душою безутешно плачу...

Так брела по улице Печали
И свою несла смиренно ношу,
И вокруг все недоумевали:
«Что ж ее не бросишь?!»
Я не брошу...

А потом за новым поворотом,
Словно за терпение награда,
Тихо вдруг меня окликнул кто-то —
Добрый ангел появился рядом!

И сквозь тучи выглянуло солнце,
Шли навстречу, улыбаясь, люди...
«Ты мне верь, — сказал он. — Мы прорвемся!
Если веришь, все отлично будет!»

СКАЗКА

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ОСЕНЬ ШЕПЧЕТ ИМЕНА ПОЭТОВ (цикл стихотворений)

Nаш постоянный автор.

* * *

Русь нельзя представить без поэтов.
Круглый год звучат их голоса.
Пушкинское солнечное лето
И Рубцова грустная зима.

Строки Анны разрывают душу.
Николай ей вторит Гумилев.
Хочется Марину вечно слушать,
Собирать букет из сладких слов.

Осень урожайна на поэтов.
И не уступает ей весна.
Лирика любовная, сонеты...
Батюшкова нежная струна.

Без поэтов Русь не существует.
Нежность, мудрость и суворость строк
Каждого, в ком сердце есть, волнует,
Заявляя миру: «С нами Бог!»

ОСЕНЬ ШЕПЧЕТ ИМЕНА ПОЭТОВ

Отшумело солнечное лето.
Урожай порадовать сумел.
Осень шепчет имена поэтов,
Тех, кто Русь великую воспел.

Соком наливается рябина.
Ветер песню горькую поет.
Снова нас Цветаева Марина
В дом в Тарусе погостить зовет.

Моросит колючий дождь осенний
И в окно настойчиво стучит.
Константиново. Здесь жил Сергей Есенин.
Бесшабашный, словно Русь, пинит.

Центр Москвы, где Красные Ворота,
Дом стоял — поэта колыбель.
Окруженный бабушки заботой
Подрастал здесь Лермонтов Мишель.

Тихая поэзия Кольцова.
Деревенский, чисто русский быт,
Аромат полей наполнит слово,
Колокольным звоном прозвенит.

Саша Черный с юмором печальным.
Андрей Белый, Бунин, Смеляков...
Боль души, Отчизны испытанья,
Горечь чувств вложили в память слов.

А ноябрь придет, мы вспомним Блока.
Ночь, аптека, улица, фонарь.
Все, как прежде. Души ищут Бога.
На распутье Родина, как встарь.

Плодовита осень на поэтов.
И хотя судьба их не легка,
Книги их читает вся Планета,
Продолжая жизнь их на века.

* * *

Осень — ветрам раздолье.
Осень — приют тоски.
Осень сроднилась с болью
Лермонтовской строки.

Машет веткой рябины,
Словно алым платком.
Осень — рожденье Марины,
Обвенчанной с октябрем.

И моросит осенний
Дождик, скрывая печаль.
Строки Сергея Есенина
Шепчет небесная даль.

Радость, надежда, горе
В судьбах переплелись.
Осень — бескрайнее поле,
Где урожаем — Жизнь!

ПОЭТАМ, РОЖДЕННЫМ В ОКТЯБРЕ

Осенью рожденные поэты
Грусть впитали проливных дождей.
Нежным душам не хватало света,
Не хватало преданных друзей.

Клокотали мысли, рвались чувства,
Чистые, как будто родники.
Жить страстями, веровать в искусство
И писать прекрасные стихи

Им судьба сулила, только случай
Или Свыше, росчерком пера,
Дерзкой пулей, сплетнею колючей
С жизнью связь судьба оборвала.

И петля на шее у Сергея.
И Марины голова в петле.
Поцелуй губы не согреют.
Кровь Мишеля на сырой траве.

Алая, пунцовее, чем розы.
В небо смотрят грустные глаза.
Плачь, Россия! Вечны эти слезы.
Сколько ты стихов не сберегла.

Сколько жизней оборвалось рано.
Дождь осенний снова моросит.
Где-то пишет продолженье драмы
Молодой талантливый пиит.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Современна любая поэзия,
Та, в которой Поэта душа,
Та, чьи строки грустны или веселы,
Но всегда проникают в сердца.

Современны в эпоху любую
Будут Лермонтов, Пушкин и Блок.
И с Есениным кто-то тоскует.
И с Цветаевой кто-то поет.

Маяковского резкие строки
Не дадут чьим-то душам уснуть,
По тяжелой военной дороге
Со стихами отправимся в путь.

Это Симонов, Коган, Майоров...
Здесь поэтов отважная рать.
Современно их каждое слово.
«Жди меня!» — будет вечно звучать.

Современно не то, то сегодня
Накропали, пустили в эфир.
Современно, что счастьем и болью
Поразит на века целый мир.

Отшумит все пустое ветрами,
Все ненужное смоют дожди.
Пушкин — вечной Поэзии знамя,
Сын Отечества, русской земли.

ПЕРО В РУКЕ

Седина — как иней на виске.
До финала сколько мне осталось?
И мое рожденье в октябре.
Я на этом свете задержалась.

Слух подводит и слепы глаза.
Но перо из рук не выпускаю.
Словом станет каждая слеза.
Словом тем, что лечит, а не ранит.

У Цветаевой терпению учусь.
Наслаждаюсь строками Мишеля.
Как Светлов, я Родиной горжусь.
По-Есенински о многом не жалею.

Как Кольцов, люблю простор полей.
Размахнись, мое плечо, пошире.
У поэтов, у моих друзей
Столько чудных песен о России.

Все пройдет. Но будут жить стихи.
Будут их читать и будут слушать.
Ведь они сильнее всех стихий.
В них творцы свои вложили души.

ПОЭТ НЕ УМИРАЕТ

Поэт не умирает. Он живет
В своих стихах, друзей воспоминаньях.
Он дарит людям счастье и полет
Души, изведавшей высокие страданья.
Поэт — предвестник новых перемен.
Его глашатаем послал в народ Всевышний,
Чтоб Словом охранял он от измен
Родную землю, дом и совесть близких.
Он был таким — а значит, смерти нет
Для книг его, стихов, поэм и прозы!
И имя гордое ему носить — Поэт,
Тот, истинный, которого угрозы
Не остановят. Он не замолчит,
Когда его Земля от боли стонет.
И снова Слово гордое звучит
Поэзии, рождающей героев.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

НАШИМ ДЕТЯМ

Спускаются звезды, по небу скользя,
У них неземные от счастья глаза.
Волшебно сияет их душ чистота,
Они — воплощенная наша мечта.
Звучат голоса их, как речь ручейка,
Их юность прекрасна, светла и легка.
Любовью они наполняют сердца,
И нежностью мамы, и верой отца.
Звучит откровением мысль в тишине:
Они — продолжение нас на Земле...

* * *

Костра таинственное пламя
Уносит искры в небеса.
Мы от тепла опять растаем,
В пространствах наших чувств скользя.

Душа — огонь в веках нетленный
И искра Божьего огня,
И отражение Вселенной
И для тебя, и для меня.

Храни всегда огонь у сердца,
И в непроглядной темноте
Поможет он тебе согреться,
Дорогу осветив мечте!

* * *

Все забыты дороги
И закрыты пути.
Мне тебя очень сложно
В этом мире найти.

Через версты столетий,
Пустоту серых дней
Я однажды заметил
Свет улыбки твоей.

Только взглядом коснулись,
Только краем души,
Небеса распахнулись
Откровеньем тиши.

Этот миг словно вечность
Сохраняют сердца.
Ведь любовь — бесконечность
По велению Творца!

* * *

Ты — воплощение любви!
Небес вселенские огни
У сердца пламенем горят
Уже который год подряд.

Тебе дарю и свой огонь.
Теперь он наш. Не только мой.
И станем пламенней вдвойне
С тобою мы наедине...

* * *

Остановлюсь на полустанке
Ведущих в будущность дорог.
Растают прошлого останки,
Укроет их туманный смог.

Ждут яркой осени рассветы
И новых юных весен дни,
Дыханье бархатного лета,
Очарование зимы.

Себя почувствуй в настоящем,
Не торопя событий ход,
Свободным, любящим, парящим,
Судьбы встречающим восход.

* * *

Предстою пред Тобою
Сердцем и душою,
Мыслю земною
Молитву открою.
Словом звучащим
Я настоящий.
Внемлешь мне свыше.
Буду услышен...

СЛОВА

Юлия Зимина-Кондакова
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

ВЕРИО

За окном и в стране непогода,
Что Россию родимую ждет?..
СВО бесконечных три года,
Три томительных года идет...

Чаще вздрагивать стали рассветы —
Вражьи дроны шальные летят,
Завывают сиренами ветры
И утихнуть никак не хотят...

И душа моя болью объята,
Ведь в Донбассе, под Курском бои,
Молодые там гибнут ребята —
Им бы жить...
Им вдохнуть бы любви!

Моя Родина! Сколько же можно
Испытаний, родная, тебе?
С каждым днем все тревожней, тревожней...
Ты со злом в непрерывной борьбе.

Я молюсь за тебя, дорогая,
И мольба ни на миг не замрет,
Верю: спрашивься скоро с врагами,
Верю в русский отважный народ!

Он единством своим, силой духа
Побеждал и сейчас победит!
На тех землях, где смерть и разруха,
Снова мирную жизнь возродит...

Города там раскинутся, села,
Будут каждой весной журавли
Прилетать в край счастливый, веселый,
Где бои беспощадные шли...

ОПЕРАЦИЯ «ПОТОК»

Есть русского характера примета:
Он крепнет от невзгод и от борьбы —
Прошли почти пятнадцать километров
Бойцы в потемках газовой трубы...

Не распрямиться в рост там совершенно
И кислород без маски не вдохнуть,
Но было твердо смелое решение:
Проделать в тыл врага тяжелый путь!

Им с каждым метром было все сложнее
Ползти, дышать, провизию везти,
Слабели ноги, голова мутнела
В том длинном коридоре темноты...

Представить только: там пробыть шесть суток!
Но знали: надо смочь, преодолеть,
Освободить страдающую Суджу,
Спасти всех тех, кто смог в ней уцелеть...

Наружу вышли! Враг обескуражен:
Откуда столько воинов? «Поток»!
И в панике вдруг от ребят отважных
Захватчики пустились наутек...

Пусть больше не раскатывают губы
И знают: парни русские пройдут
Огонь и воду, газовые трубы,
Свою страну к Победе приведут!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Прошло немало — восемьдесят лет
Со Дня Победы в той войне Великой,
Чей на Земле кровав и страшен след,
Войне, что беспощадна, многолика...

Слились в ней горе, мужество и боль,
Любовь к родной, единственной Отчизне!
Четыре года шел жестокий бой...
И сколько он унес невинных жизней!

Советский над Рейхстагом взвился флаг!
И счастье то не описать словами!
Повергнут был жестокий злобный враг,
И мы героев не забудем с вами.

Как мало их осталось среди нас,
Войну прошедших, знающих потери...
Печали столько в глубине их глаз...
Как много тех, дома чьи опустели!

Уже промчалось 80 лет...
Победный майский вальс опять играет!
Как дорог мир, желанен его свет!
Пусть Землю, словно солнце, озаряет!

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Покоя нет, и жизнь всегда движение
К вершинам тем, что светятся вдали,
И новые нас манят достижения,
Чтоб мы остановиться не могли...

И хочется мечтой лететь в безбрежность,
К реальности приблизить чудеса.
Быстрей вперед! И это неизбежность
Бездержного жизни колеса...

Когда-то, в непрерывности движения,
Вершины все еще не ощущив,
Покину мир земного притяжения,
Небесный чтоб в душе играл мотив...

Жизнь бесконечна — я не верю тлену,
Всегда есть продолжение пути ...
Господь поможет мне в мирах Вселенной
Свою дорогу светлую найти...

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

В твоих строках — мелодия Родины,
Шелест белых березовых рощ.
Сколько милых дорог тобой пройдено,
Где поет золотистая рожь!

Но, оставив край тихий и благостный,
Неустанно ты путь свой искал...
Завлекали кабацкие радости,
Где разнозданной страсти накал.

Хулиган ли? С глазами лазурными
Цвета неба и цвета мечты,
Ты сплетал свои рифмы ажурные,
Пел для Родины гимн красоты!

Хоть страдания сердце изранили,
Неприкаянный, счастлив был тем,
Что в душе были нивы бескрайние
У родимых бревенчатых стен...

Но зачем в мир небесный, неведомый
Слишком рано ушел ты с Земли?
Твои строки звучат незабвенные,
Те, что вечную жизнь обрели...

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Я помню, как твои коснулись строки
Моей души
И поселились будто ненароком
В ее тиши...

Как музыка меня очаровала
Звучащих строф!
Мне, маленькой, мир новый открывала
Поющих слов...

В четырнадцать как долгую молитву
Твердила я
Твои стихи задумчиво и слитно
День ото дня...

Твоя любовь-мечта к Прекрасной Даме
Меня влекла —
Незримо в юность гостьей долгожданной
Она вошла...

Я чувствовала Поле Куликово
И «вечный бой»,
О Родине тревога мне знакома,
Хоть век другой...

Твоей весной, что без конца, без края,
Дышала я,
Волнующие строки повторяя,
Весь мир любя...

Стихи пишу с тех пор, а годы мчатся,
Но в них твой свет,
Мелодия, которой не кончаться
За гранью лет...

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ?

За что мы любим? Нежность? Красоту?
А может, за способности, успешность?
Нет, ни при чем здесь звания и внешность,
Характера не угадать черту...

Химической реакцией любовь
Серьезные ученые назвали,
Но понимают суть ее едва ли —
В ней элемент загадочен любой...

И ни один мыслитель не постиг,
Что за магнит в любви, какой природы,

Ведь может она смешивать народы,
Притягивать сердца в единый миг...

Здесь ни при чем физический закон,
А просто в нашем мире суетливом
Есть шанс у человека: стать счастливым,
Когда найдет родную душу он...

СНЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Случается, в январь с его законами
Роняет Солнце лучик теплоты,
Тогда на ветках, холодом закованных,
Рождаются вдруг... снежные цветы.

Как люди, отчужденьем утомленные,
Оберегают прежней страсти нить,
Деревья, благодатью освещенные,
Застыли, чтоб цветы не уронить...

Екатерина Лунева
(г. Тула)

Родилась в Туле. Окончила Тульский государственный университет. Автор поэтического сборника «Вчерашиний бокал» (2008 г.), книги «Шаги моей жизни» (2011 г.), литературных публикаций в прессе, альманахах, на телевидении.

* * *

В мае капает дождь. Я с тобою гуляю
по свету,
Длинным платьем былое мету
по траве.
В этих нотах дождя настроенье венчания
с летом
И играют надежды в счастливой моей
голове.
Замечаешь сегодня, что пахнешь моими
духами,
Словно спрятал меня у себя в пиджаке.
Я целую тебя, и целую не только губами.
Я душой надушила и прячу тебя
в тайнике.

* * *

Что с тобой происходит, мой друг?
Отчего не приветствуешь лето?
Бесконечное небо вокруг,
Где росою играют рассветы.
Все ясней и светлей небосвод,
Шмель мохнатый целует ромашку,
Ароматного поля полет
Ветерком треплет ситец рубашки.
Как свежа радость нового дня,
Сладок мед из серебряной ложки,
Счастье надо ласкать и, любя,
Согревать, как росинку, в ладошке.

* * *

Богородицк ноябрьским днем
Встретил нас белым светом дворца.

Мы глотаем воздух и ждем,
Кто из века пройдет до крыльца,
Кто проводит нас в Божий храм
И свечами посветит сердца,
И оставит смятение там,
Где невинность стоит у венца.
Там дороги осыпал клен,
Желтизной зажигая снег,
И предчувствие, что влюблен,
Тормозит каблучков бег.
И усадьбы тянетесь тень
Через год, а может и два,
И хранит наш с тобой день,
Поспевая за нами едва...

* * *

Я по жаркому июлю
Дохожу до сентября.
И танцую, и ликую,
Добираясь до тебя.
Сердцу страстному как пламя
Нет препятствий на пути —
Нежность глаз твоих заманит
Мир, как глобус, обойти.
Не нуждаюсь в самолетах —
Я на крыльях докружу,
И тебе после полета
Их на плечи положу.

ЛЕТОМ

Сном укорочено лето,
Плетет паутину печаль.
Легким туманом надета
На плечи нежности шаль.

Время секундами колется,
Медленно, но летит,
В ночи тишина укроется,
Зябнет, звезда дрожит.

Разложу в пасьянсе колоду,
По дождям, холодам и зною.
Но лишь навстречу восходу
Я окошко свое открою.

НИ МНОГО, НИ МАЛО

По осени похолодало,
Застегнула кофточку глуше.
Мы с тобой ни много, ни мало,
И мне нравится тебя слушать.

Мы с тобой ни мало, ни много,
Детский возраст — вторая осень.
Я ладонями люблю трогать
На висках твоих зимы просинь.

Нет нужды держать одеяло,
Чтоб тепло на душе было.
Мы ни много с тобой, ни мало —
Я весь год тобой говорила.

* * *

Мелькает короткая юбочка
И серьги в сиреневых камешках,
Впитала весну, словно губочка,
Та девочка в вязаных варежках.

Надела беретик малиновый
И модного кроя сапожки,
Качался букетик рябиновый
Над новой девчачьей дорожкой.

Присела на лавочке брошенной,
Где детство рассыпалось искрами —
Там запах ромашек нескошенных
И свечка мерцает лучистая.

* * *

Звездочка луну на небе встретила.
Той зимой ходила я ничьей,
А вчера нечаянно заметила:
Поцелуй морозный — горячей.

Шелест. Осень не сердито шепчется
На аллеях парка и мостах,
И дождинки по дороге вертятся,
Опадая в нашенских местах.

Шаг вперед, и вновь назад оглянемся,
На снегу нарисовался след.
Мы столетьями друг к другу тянемся,
Не считая скоротечность лет...

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

С желтым цветком огурцы —
Запах весны в магазине.
Джаз рассыпают скворцы
Куклам в стеклянной витрине.
“Ландышем” пахнут плащи,
Тем, что звучит серебристо.
Бабушки варят борщи

В окнах сверкающе-чистых.
В пять лепесточков сирень,
Девочка держит их скромно.
В этот наполненный день
Счастье вселенски-огромно!

* * *

Уходит лето. Остались звезды,
Рисуя путь для больших кораблей.
И дни июля сложились в гроздья,
Желанной тенью цветущих аллей.
В альбоме фото. Бакланы гордо
В ряды уселись вдали от людей.
Идем неспешно в район морпорта
Дорогой длинной в огни сентябрей.
Во храме белом Архангел слышит
Ему молитву, и сердце поет...
Под кипарисом, где город дышит,
Обняться там, где сыночек живет.

ЖИТЬ НА МОРЕ

Как же хочется жить на море,
Вечерами гулять по пляжу
И лазурные брызги прибоя
Кожей всей ощущать даже.
С книжкой сесть и дышать соленым,
Первый луч пропустить в окошко
И понежиться так упоенно,
Чтоб поверить, что я — кошка.
Даже в самой маленькой комнате,
Какие шикарные мысли!
Одно лишь мешает исполнить —
Пианино туда не втиснуть...

СЭЮРЭ

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Палладин
(г. Москва)

ВТОРОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

С 1821 года мои предки Палладины жили в подмосковном селе Дютьково, где кое-кто из них служил в основанном еще в XVI веке храме Рождества Пресвятой Богородицы. Собирая материалы к своей родословной, я наткнулся на интереснейшую историю.

При советской власти в ходу был лозунг: «Религия есть опиум народа», — и церковная деятельность всячески ограничивалась. Тем не менее дютьковская церковь Рождества Пресвятой Богородицы, одна из немногих в Подмосковье, продолжала функционировать до 1940 года. Осенью же следующего года (по замечанию Екатерины Юрьевны Григорьянц, супруги нынешнего настоятеля дютьковского храма) «в Дютьково нагрянула Вторая мировая война и выжгла дотла все дома оставшихся местных жителей».

Дютьково стоит на Старой Калужской дороге. Здесь во время Отечественной войны 1812 года шли бои с шаромыжниками (так прозвали наполеоновских вояк, при бегстве из Москвы выпрашивавших у местных жителей еду со словами «Шер ами» — *Cher ami*, т.е., «дорогой друг»).

129 лет спустя по Старой Калужской дороге на Москву вновь наступал неприятель, и опять многие поселения в тех краях были полностью разорены. В этот раз во главе объединенной Европы на нашу страну напал не Наполеон, а Гитлер, но на подступах к Белокаменной снова оказались французы, только в немецкой униформе с сине-бело-красным шевроном на рукаве. Позорнейшая страница в истории Франции!

По утверждению британского историка Криса Бишопа, во время Второй мировой французов на германской службе было больше, чем граждан любого другого западноевропейского государства. Французская армия, насчитывавшая более 2 миллионов человек, сложила оружие 22 июня 1940 года, на 43-й день наступления немцев. Зато, с восторгом прокомментировала это, озвучивая мысли «пятой колонны», Людмила Улицкая: «Париж стоит, они его сохранили, они сохранили культуру». Более того, добавил бы я, многие парижанки охотно приобщали к этой культуре оккупантов.

**Французы встречают
немцев в Париже**

**Русские встречают
немцев в Сталинграде**

Затем, по словам Бишопа, свыше 140 000 французов из Эльзаса и Лотарингии нацисты призвали в свои вооруженные силы, а еще 150 000 мобилизовали в военно-строительную Организацию Тодта. 25 000 других граждан Франции стали обслуживать бундесмарине в бretонских и бискайских портах, и около 45 000 служили, причем добровольно, в вермахте.

Через две недели после нападения гитлеровцев на СССР их французские прихвостни сколотили так называемый Легион добровольцев против большевизма и 8 июля 1941 года открыли в Париже вербовочный пункт. Тут же объявились 12 000 волонтеров. Из них сформировали пехотный полк, который влили в состав вермахта под номером 638 (во время Первой мировой в полку с тем же номером служил Гитлер).

Перед отправкой на Восточный фронт французских легионеров привели к присяге. «Клянусь перед Богом беспрекословно подчиняться главе германских и союзных армий Адольфу Гитлеру в борьбе против большевизма и готов в любое время пожертвовать своей жизнью», — произнес перед строем командир полка Роже Лябонн, а его подчиненные, вскинув в нацистском приветствии вверх правые руки, подхватили: «Клянусь!». После чего полковник Лябонн объявил их последователями Готфрида Бульонского (первый правитель государства крестоносцев в Иерусалиме) и повел за собой в крестовый поход против «азиатов» — так, подражая гитлеровцам, он обозвал красноармейцев. Один из его штабных офицеров повесил на стене в своем кабинете портрет фюрера, а в комнате отдыха легионеров разместили плакат с надписью: «Дружище, заруби себе на носу: враги нашей родины — коммунист, еврей и франкомасон!».

Лябонн — слева на фото

Обосновывая необходимость «европейского крестового похода», пропаганда французских нацистов изображала СССР «тюрьмой народов», говорится в книге Олега Бэйды «Французский легион на службе Гитлеру». По его замечанию, большевизм воспринимался как продолжение все того же русского империализма, только окрашенное в новые тона, с «еврейской закваской». Красная Армия изображалась как «азиатская», составленная из «остатков монгольских кланов, соратников Чингисхана, которые не изменились за прошедшие столетия и лица которых остались такими же со времен Средневековья».

Летом 1941 года гитлеровские полчища стремительно продвигались на восток, вглубь СССР, и Легион французских добровольцев (ЛФД) отправился им вдогонку с Восточного вокзала Парижа под лозунгами «Да здравствует ЛФД» и «Хайль Гитлер». На вагонах, которыми их повезли порабощать советский народ, было также начертано: «Париж-Москва» и «Смерть евреям».

Ехали как на парад — вернее, ехали именно на парад, который пообещал устроить на Красной площади главарь Третьего рейха. Легионеры рассчитывали пройти по ней парадным строем в киверах, какие носили в наполеоновской армии.

После войны французский фашист Марк Ожье, побывавший на Восточном фрон-

те в рядах ЛФД, опубликовал мемуары. В них он воспроизвел рассуждения легионеров по пути в нашу страну: «Нас прикрепляют к 7-й баварской дивизии, в которой служил сам Гитлер... Танки Гудериана вошли в Смоленск... Русским хана... Блин, война кончится без нас... Гитлер сказал, что мы будем участвовать в параде в Москве. Сам Гитлер сказал!».

В ЛФД было несколько десятков белоэмигрантов — русских, грузин и украинцев, в том числе потомок Голенищевых-Кутузовых с той же фамилией — Дмитрий Владимирович (Митя). Осенью 1941 года, напялив на себя немецкую униформу, они прибыли в страну, которую вслед за Наполеоном взялся огнем и мечом покорить фюрер. В конце октября легионеры добрались до Смоленска, откуда в пешем строю отправились к столице СССР той же дорогой, которой 129 годами раньше топала Великая армия.

Первые потери французы понесли еще до боевых действий. «Тут вам не Ницца!» — раздраженно-презрительно прикрикнул на них один из офицеров вермахта, которого французы допекли жалобами на наш климат.

Из мемуаров М. Ожье: «Майор Анри Лакруа [за верную службу гитлеровцам был награжден Железным крестом — А. П.] взял бинокль. По дороге на Дютьково спокойно прогуливались русские солдаты. Кажется, мороз им напоменет. Кривоногие медведи в тулупах! Потом Лакруа обвел взглядом проходивших мимо легионеров и заметил, что все они придерживают руками штаны на уровне живота. Что с ними — больны?..

— При температуре ниже минус 20 они не в состоянии застегнуть и расстегнуть пуговицы, — пояснил Жоне. — У большинства дизентерия, и им приходится то и дело срочно спускать штаны. Вот они их и не застегивают, придерживая локтями на пояссе».

У нас одно время считали, будто осенью 1941 года на Бородинском поле вновь произошла битва с французскими интервентами. В 1985 году Юрий Озеров даже включил соответствующий эпизод в свою киноэпопею «Битва за Москву». В действительности же 32-я Краснознаменная Саратовская стрелковая дивизия полковника Виктора Ивановича Полосухина, которая в октябрьских боях на Бородинском поле на целых 6 суток задержала продвижение гитлеровцев, с французами столкнулась лишь несколько недель спустя, после того как те в конце ноября расположились у Нарских прудов, готовясь атаковать Дютьково.

638-й полк стал единственной не-немецкой частью в составе группы армий «Центр», наступавшей на Москву осенью — в начале зимы 1941 года. 20 апреля следующего года, в день рождения Гитлера, его французские прихлебатели выпустили серию марок в ознаменование 130-летия похода Наполеона на Россию. На одной из них охотно сотрудничавший с нацистами художник-гравер Пьер Гандон изобразил деревню с храмом, напоминающим дютьковскую церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

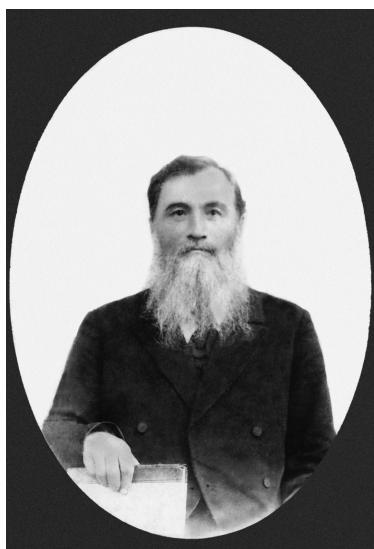

Накануне сражения к легионерам с духоподъемной речью обратился командующий 4-й полевой армией вермахта генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. 1 декабря в 5 утра подчинявшиеся ему части перешли в наступление по всему фронту. Французским легионерам зачитали приказ, и их 1-й батальон двинулся на Дютьково. Через пару часов он достиг окраины села, где наткнулся на плотный пулеметный огонь и впервые примененные Красной Армией фугасные огнеметы.

Еще одна цитата из мемуаров Марка Ожье: «1 декабря 1941 г. 11:45. 1-й батальон должен выйти к Дютьково и взять село. Противник себя не обнаруживает, и наши идут не таясь. Если так пойдет дальше, послезавтра мы будем в Москве. Внезапно замаскированные пулеметы русских открывают огонь. Только двое легионеров сумели вернуться в наши тылы. Остальным уже никогда не увидеть ни Москвы, ни Парижа».

О том, как это случилось, в 1968 году на страницах «Военно-исторического журнала» рассказал генерал-майор технических войск запаса А. Бабушкин. В ней, правда, французских легионеров он назвал немцами:

«В июле 1941 года на вооружение Советской Армии были приняты фугасные огнеметы. Они устанавливались кустовым способом по 5-6 приборов в кусте. <...> Рота, используя весь комплект огнеметов, могла выбросить на танки или пехоту противника 4500 л горящей смеси. При этом на фронте до 2000 м возникала сплошная стена огня. **Первый опыт применения огнеметных подразделений был получен в декабре 1941 года под Кубинкой** [выделено мною — Авт.]. В борьбе с противником в этом районе важную роль сыграли два взвода 26-й отдельной роты фугасных огнеметов. 1-й взвод создал огнеметные позиции на переднем крае обороны по западной окраине Дютьково. <...> Утром 1 декабря противник перешел в наступление. Огнеметы и подрывные пункты были тщательно замаскированы. Помог в этом и выпавший снег. Когда около роты гитлеровцев подошло к огнеметным позициям на 50—60 м, был произведен одновременный подрыв 20 огнеметов. На фронте в 300—350 м внезапно возникла сплошная стена огня. Весь боевой порядок роты немецких автоматчиков был накрыт пламенем. В результате огнеметного залпа 60 гитлеровцев были уничтожены, остальные бежали. На этом направлении немцы атак больше не повторяли».

Отто Вайдингер, штурмбанфюрер действовавшего на соседнем участке фронта панцер-гренадерского полка «Дер Фюрер», после войны вспоминал: жуткие крики погибших в огне легионеров преследовали его всю жизнь и произвели на гитлеровцев деморализующий эффект.

Впоследствии французские историки подсчитали: у Дютькова 44 легионера были убиты и 150 ранены (в том числе Митя Голенищев-Кутузов, который от ран так и не оправился и два года спустя скончался). Еще 300 стали жертвами «генерала Мороза».

3 декабря в атаку на Дютьково пошли немецкие танки, рассчитывая прорваться в Акулово, выйти на Кубинку и оттуда по Минскому шоссе устремиться к Москве. Поднявшись на колокольню храма, в котором лет 100 служили мои предки Палладины (в том числе мой прадед Петр Яковлевич), командир 154-го гаубичного артиллерийского полка майор Василий Кузьмич Чевгус стал руководить оттуда орудийной стрельбой.

Немцы начали бить по церкви. Всю ее западную стену изрешетили осколки и пули, там и сям остались зиять пробоины от вражеских снарядов. «Но выстоял храм, — говорится в статье Е. Ю. Григорьянц. — Пресвятая Богородица не оставила наш народ. Тогда, поздней осенью 1941 года, на подступах к Москве ценой невероятных усилий, жертв и геройства враг был остановлен».

Некоторые наши военные историки сравнивают роль огнеметчиков в обороне Москвы с подвигом легендарных панфиловцев. «Больше мы не продвинулись вперед ни на миллиметр», — признал в своих мемуарах М. Ожье.

О действиях роты фугасных огнеметов доложили командующему Западным фронтом генералу армии Георгию Константиновичу Жукову, и 8 декабря 1941 года он издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «В районе Дютьково и Акулово с большим боевым эффектом были использованы фугасные огнеметы, которыми уничтожены четыре танка и до роты автоматчиков. Огнем фугасных огнеметов не только была отражена атака противника, но последний в панике бежал, оставив на поле боя оружие, снаряжение и много обожженных трупов».

О первом опыте применения фугасных огнеметов доложили и Верховному Главнокомандующему. 6 декабря начальник химического отдела Западного фронта полковник Кузьма Николаевич Шальков, начальник химического отдела 5-й армии полковник Шалва Захарович Брегадзе и командир 2-го огнеметного взвода лейтенант Иван Федорович Швец были приглашены в Кремль. Выслушав их доклад, И. В. Сталин заключил: «Огнеметчики сделали большое дело!». 15 огнеметчиков получили ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, а 26-ю отдельную роту фугасных огнеметов первой из огнеметных частей Красной Армии удостоили ордена Красного Знамени. 9 декабря 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление «О формировании огнеметных рот», и уже через пару недель были созданы 30 новых огнеметных рот и запасный огнеметный батальон.

Тогда же в «Известиях» напечатали фронтовой репортаж, наполовину посвященный бою под Дютьково. Там, в частности, говорилось:

«Среди разгромленных на Можайском направлении частей немецкой армии оказался французский “добровольческий” легион. Это тот самый французский легион, о котором недавно германское информационное бюро поведало миру, что он “принимает участие в борьбе против большевизма и создал гимн, в котором проявляется дух войск и их политические устремления”. Вот начальные строки этого “гимна”: “Чтобы вам помочь, мы объявили себя добровольцами, ради вас бьются наши сердца. Мы — добрые французы”.

Итак, сердца “добрых французов” из легиона полковника Лябонна бьются ради гитлеровских бандитов, поработивших Францию. Надо отдать должное этим “добрым французам” — они усердно помогают немецкой грабь-армии в зверствах, чинимых ею над мирным населением. Мы не знаем точно, чьих грязных рук кровавое дело, о котором скрупульно рассказывает следующий акт, составленный позавчера бойцами и командирами части лейтенанта Н. А. Кузнецова: “При взятии деревень Васильевское и Поречье в лесу между этими двумя селениями мы обнаружили трупы двух девушек, имена которых не установлены. У одной распорот живот и изрезаны груди и рот забит тряпкой. У второй изрезан рот и отрезан язык”.

Возможно, это злодеяние совершили солдаты генерала Маркграфа. Но не исключено, что в нем повинны легионеры Лябонна. Они были не только соседями на Восточном фронте. Своим поведением и замашками эти насильники, грабители и убийцы ничем не отличались друг от друга».

Вскоре началось контрнаступление Красной Армии, и недобитым легионерам пришлось вместе с фрицами уносить ноги из-под Москвы. Еще одна цитата из книги «Французский легион на службе Гитлеру»: «Отступление было очень тяжелым: легионеры были сплошь больны, вши разносили заразу, мороз не ослабевал. Слова команд на языке Наполеона уносились прочь ледяным ветром во мрак ночи — точь-в-точь как 129 лет назад».

Пытаясь подбодрить французских прислужников, генерал-лейтенант вермахта Эккард фон Габленц обратился к ним с посланием: «В тяжелые времена, которые выпали вашей стране, вы пришли, чтобы присоединиться к армии Фюрера и победить врага нашей европейской культуры — большевизм. Мы, немецкие солдаты, считаем за честь скрепить наше боевое братство как гарантию наступления новых времен, вместе проливая кровь на поле битвы. Как командующий вашей дивизией, я выражаю вам мою признательность и мое искреннее восхищение вашей отвагой. Вместе с нашим предводителем в борьбе с большевизмом Адольфом Гитлером! Да здравствует счастливая Франция в Единой Европе!».

Тем не менее к фронтовой службе ЛФД больше не привлекали: немцы сочли, что в дальнейших боях с Красной Армией толку от легионеров будет мало, зато в тылу, на оккупированной территории — в самый раз. В период с лета 1942 года по август 1944-го гитлеровцы использовали преемников крестоносцев и наполеоновских завоевателей в карательных операциях против партизан и мирного населения Гомельской, Минской, Могилевской и Витебской областей Белоруссии.

ЛФД так там усердствовал, что даже германскому командованию, пишет О. Бэйда, крайне не понравилось то, что французы грабили и мародерничали при любой возможности, убивали детей, насиливали женщин и воровали лошадей. Четырех легионеров немцы даже расстреляли, «несмотря на бесплодные протесты французских офицеров, утверждавших, что поведение их подчиненных совершенно не отличалось от поведения большинства немецких военнослужащих».

В январе 1943 года командир 1-го батальона ЛФД майор Симони со своими подручными «зачистили» две деревни в районе той самой Березины, где 130 годами раньше отступавшая Великая армия Наполеона потерпела сокрушительное поражение. Всего тогда, по свидетельству О. Бэйды, «легионерами и полицией было убито и сожжено 52 человека, в т. ч. 24 мужчины, 12 женщин и 16 детей. Также было сожжено 65 домов».

Помогая гитлеровцам устанавливать «новый порядок», легионеры обогатили французский язык глаголом «zabralizer» (от русского «забрать»). Один из них, приехав во Францию в отпуск, дал интервью журналисту Люсьену Ребаттэ:

«— Как вы проводите операции против партизан?

— Каждый раз, когда они заканчивают бой, они словно растворяются. Там огромные пространства. Леса... Мы сжигаем деревни, откуда они пришли и куда они могут вернуться за продовольствием. Горит хорошо, все ведь из дерева.

— А жители таких деревень?

— Мы их забрали из деревни...

— Как ты сказал?

— Как-как... Убиваем!

— Всех?

— Всех подряд.

— И детей?

— И детей. Не оставлять же их лежать одних на снегу. Мы люди гуманные!».

Сохранилось письмо лейтенанта Рауля Дагостины к майору Симони:

«Работу проделали на славу! Я полностью уничтожил деревни Астравок, обе Денисовичи, две Куюсовки и Котово. Небольшое количество жителей, которых мы обнаружили там, было нами “забрали из деревни” за шпионаж в пользу врага. Есть только одна вещь, которая меня расстроила. В Котово я приказал запереть одну женщину в сундук: она раздражала меня своими воплями. При отходе я поджег деревню и забыл, что запер ее там...».

DENISSOWITCHI. PREMIERE NEIGE. OCTOBRE 1942. PHOTO L.V.F.

У «добрых французов» был девиз: «Пусть нас кастрируют, но не мешают делать то, что мы хотим!». Один из белорусских партизан вспоминал:

«Распахнув дверь, Барбаш с автоматом и гранатой в руке ворвался в дом. За длинным столом сидели пьяные французы. В углу под иконами сидела старушка с отвисшей от страха челюстью. К ней прижались маленькие девочка и мальчик. На столе горели светильники, стояли бутылки, закуска, вперемешку с окурками. В спальне, за дощатой стеной, оккупанты по очереди насиловали молодую хозяйку, которая, по-видимому, была без памяти. Насильники тыкали в нее сигаретами. Всего “вояк” оказалось восемь человек. Мы их расстреляли...».

К карательным операциям на оккупированной территории СССР привлекались многие холуи гитлеровской Германии, но, как правило, ненадолго. Французские же легионеры из 4 лет в нашей стране 3 года занимались именно этим. Делали это они под «Песню дьявола», где были такие слова: «СС идет по вражеской стране, распевая песню дьявола. Мы сражаемся за Европу и свободу, и наш девиз — честь и верность!». То же самое на тот же мотив, но на своих языках распевали датчане, латыши и эстонцы, воевавшие в дивизиях СС.

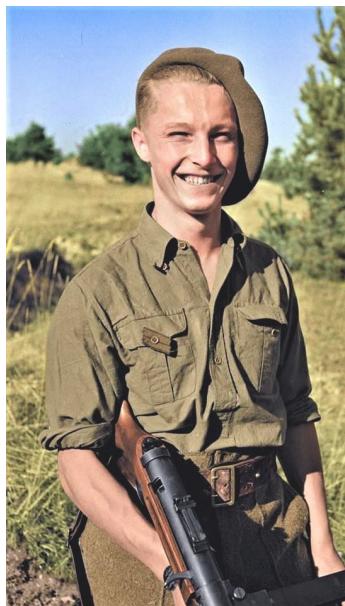
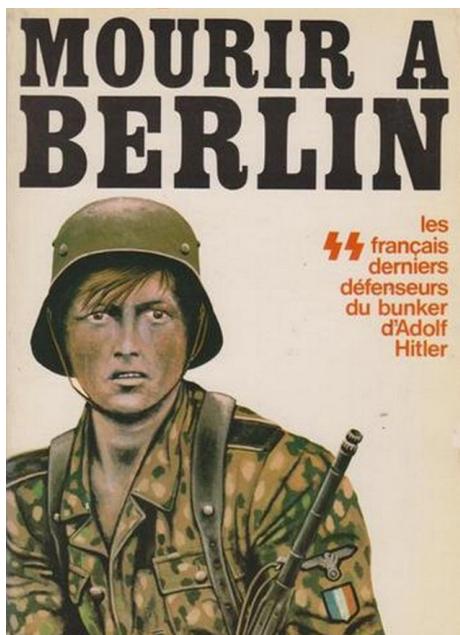

Свои «подвиги» легионеры увековечили надписью на полковом знамени: «ЧЕСТЬ И РОДИНА 1941—1942 Djukovo [так они обозначили Дютьково — Авт.] 1942—1943 Березина». А на берегу Березины они возвели двухметровую стелу, прикрепив к ней табличку на немецком языке: «В этом месте Наполеон I, император французов, пересек Березину во время отступления из-под Москвы 26—28 ноября 1812 г.».

Начальник медслужбы I батальона капитан Флери у памятной стелы

В августе 1944 года легионеров включили в 33-ю гренадерскую дивизию СС «Шарлемань» (так ее называли в честь короля франков Карла Великого). В конце февраля 1945 года командование вермахта попыталось заткнуть ею брешь в Померании, но там ей намяли бока войска 1-го Белорусского фронта. Остатки дивизии перебросили в Берлин, где Красная Армия добила их при штурме рейхстага и рейхсканцелярии Гитлера.

В числе погибших последних защитников Третьего рейха был внук последнего министра внутренних дел Российской империи А. С. Протопопова — штандартен-оберюнкер СС Сергей Протопопов.

...Русский народ незлопамятен и отходчив — порой чересчур. У нас мало кто знает вышеприведенное, тем более, толком. Нередко, как в известной поговорке, наш брат слышал всего-навсего звон. Наглядный пример — упомянутый выше фильм «Битва за Москву», на который, как на достоверный первоисточник, ссылаются многие, берясь комментировать участие ЛФД в крестовом походе объединенной Гитлером Европы против СССР.

Зато до сих пор наш народ хранит искреннее, глубокое уважение к другим фран-

цузским добровольцам — тем, кто в составе авиаполка «Нормандия-Неман» помогал Красной Армии одолеть злейшего врага всего человечества, в том числе в небе над Смоленщиной и Белоруссией, где их соотечественники оставили по себе недобрую память как пособники гитлеровцев. Все эти французские летчики воевали на наших истребителях Як-1, Як-9 и Як-3, и все получили советские боевые награды, а четверо были удостоены звания Героя Советского Союза.

Экипаж Героя Советского Союза М. Альбера (слева механик самолета А. П. Аверьянов, справа механик по вооружению М. Мамаев)

Один из них, Марсель Альбер, всего за год с небольшим, с июня 1943-го до октября 1944 года, сбил 23 вражеских самолета. После войны он женился на американке и вместе с ней поселился в США, где 23 августа 2010 года скончался на 93-м году жизни.

За четверть века до этого, работая в Вашингтонским собкором «Известий», я позвонил ему в Майами и договорился о встрече в надежде подготовить материал к 40-летию Дня Победы. Американские власти, однако, запретили мне поездку во Флориду (в те времена советские граждане были обязаны запрашивать разрешение Госдепартамента на передвижения по стране), а затем из Москвы пришло сообщение о тяжелой болезни отца, и вскоре я улетел на его похороны. Так и не удалось мне очно, не по телефону, познакомиться с жившим в Соединенных Штатах французским добровольцем-кавалером золотой звезды Героя Советского Союза...

Фото: РИА Новости

Яков Шафран
(г. Тула)

ХУЖЕ ВОЙНЫ, СТРАШНЕЕ ВРАГА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Хуже войны может быть только страх перед войной.
Войну предотвращает не миролюбивая пропаганда,
а готовность к войне.*

Любой здравомыслящий человек согласится, что война не является хорошим делом, по поговорке «не бывает прямой тени от кривой палки». Насильственные смерти, хозяйственная разруха и страшные опустошения, на ней одни люди убивают ничего нехорошего лично им не сделавших людей. Из-за нее погибают матери, жены, дети, друзья и знакомые, разрушаются дома. Но каждый подвергшийся нападению народ вынужден защищаться и защищать родную страну.

И когда к России реально подступила война, с очевидной угрозой порабощения народа, требовать, как некоторые так называемые «миролюбивые» патриоты, остановить свои военные действия — это уже даже не лицемерие, а настоящий призыв к абсолютному отказу от всякой борьбы, к неизбежному поражению и добровольному рабству под Западом.

Кто-то говорит, мол, не Украина и НАТО начали. Но через бесцеремонное вторжение на традиционные земли России ее стремятся подмять под собственную волю, смертельной удавкой окружая ее покоренными и подчиненными окрестными странами в качестве прокси — посредниками для неприкрытой агрессии против нее. И разве постоянный обстрел мощными ракетами и другим летальным оружием территорий народных республик, население которых проголосовало на общем референдуме за полную независимость и немедленное присоединение к России, и (пусть и спустя несколько лет) признанных, и по их настоятельной просьбе интегрированных, намеренное уничтожение их гражданских объектов и мирных людей не является агрессией? Невинная кровь уже лилась, и была явная угроза неуклонного наращивания целенаправленного геноцида. И виновны в том те, кто, боясь войны, не посмел остановить это вчера. *Выбирающие между войной и позором получают неминуемо и то, и другое.* История показывает, что прямой курс на умиротворение нападающих ни к чему хорошему не приводит, и, наоборот, потенциальная опасность последующего расширения военных действий и массового кровопролития из-за повторства злу только увеличивается. Необходима убедительная демонстрация суммарной мощи и непреклонного намерения победить. Россия решила не ждать надевания ярма все возрастающей покорности и унижения, а разорвать гибельный круг.

1. Загадка храбрости

«...Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. <...>
Нет, философ, я тебе возражаю. Это самый страшный порок»

Понтий Пилат. «Мастер и Маргарита». Михаил Булгаков

О храбрости в психологических трудах и мировой беллетристике сказано достаточно. У данного явления, как и у каждого, должна быть противоположность, свойство обратного характера. В повседневном обиходе таковым считается трусость (1). Однако оба понятия не полярны: настоящий храбрец действует свыше должного, а трусливый не выполняет свой долг. Эти виды поведения человека являются его ответными реакциями по отношению к обычному страху. В одном случае, индивидуум, несмотря на него, исполняет надлежащее, а в другом — нет. То есть, речь идет об успешном преодолении или не преодолении страха.

Аристотель писал, что прямой антипод трусости — собственно безрассудство, а храбрость есть «золотая середина», представляющая собой равновесие между боязнью и уверенностью.

По гражданскому праву человек не подлежит неотвратимому наказанию за отсутствие личного геройства, но имеется твердая тенденция социального осуждения. Единственно исключения существуют только для людей, обязанных по занимаемой должности справляться со страхом.

В отличие этому военно-уголовный кодекс трактует неисполнение служебных функций из фобии угрозы своей безопасности как умышленное деяние в плане измены.

В Библии трусость не признается каноническим прегрешением, но составляет основу для процветания других тяжких грехов. Потому в Откровении Иоанна Богослова «боязливые» стоят в самом начале перечисления участников гиены огненной в конце света (Откр. 21:8).

Таким образом, трусость — это определенный способ действий в конкретных ситуациях или определенное качество личности, характеризующееся всяческим уходом от серьезной опасности и неослабного напряжения из-за страха, это унизительное положение человека не могущего преодолеть его, защитится от него, не могущего, напротив, смело и решительно вести себя в тяжелых обстоятельствах. Вопрос в том, что трусость вредит коллективу, малому и большому социуму, государству, стране. Оттого все вековые традиции порицают ее. А общественные установки побуждают людей перебарывать трусость, тем более в военных условиях. Об этом же и русская поговорки: «Раньше смерти не помреши» и «Смерть не ищи, но от смерти не беги».

2. «Поэтом можешь ты не быть...»

«Клянусь, я честно ненавидел,
Клянусь, я искренне любил»

Н. А. Некрасов «Поэт и гражданин»

Что значит по-настоящему быть гражданином?

Активной гражданской позиции имманентно (2) соответствует настойчивое стремление сражаться, на разных уровнях, за насущные интересы страны. В чем ей верные помощники — бесстрашие, чистосердечие и смыщенность. Трусости, обидчивости, озлобленности, подозрительности и зависти здесь места нет. Все сие — атрибуты иного начала.

Н. К. Рерих отмечал: «Сердце познает, что есть настоящее сотрудничество. Когда же полная степень сотрудничества будет опознана, тогда уже не зашатается человек сомнением и не осквернится завистью».

Постоянная связь личности, занимающей гражданскую позицию, с такими же людьми дает ей экзистенциальное (3) чувство общности и взаимодействия и укрепляет ее.

Таким образом, гражданственностью является целевая направленность индивида в имплементации (4) его социальной активности, и реализуется она через его общественное миропонимание и общественную позицию, через прямую ответственность за свою Родину и в *беспокойстве за ее благосостояние, ее сегодня и завтра*, считающиеся общими на основе культурного пространства, принятых эталонов поведения, совокупности незыблемых правил и сознания людей в жизни социума, переходящих из рода в род, от предков к потомкам. И гражданственность прививается и возвращается обществом. Так Н. К. Рерих писал: «*Светлыми трудами создается нерушимая степень просветления сердца. Сердце воспитывается в трудах*».

Мы упомянули выше о гражданской позиции и мировоззрении. Первая является собой активное участие в чем-то важном, необходимом и социально значимом. А второе определяет соответствующий уровень внутренней деятельности человека по данному вектору, основанной на долгге, добре и верности, ценность этой деятельности.

Сила гражданственности в непоколебимой уверенности людей в способности организовать себя, свои интеллектуальные активы и продуманные действия в преданном служении Родине.

Итак, исходя из вышесказанного, отсутствие гражданственности можно отнести в лучшем случае к склонности к трусости, а в худшем — к предательству.

3. Непротивление злу, или Потворство злу?

«Хоть не вечен человек,
то, что вечно, человечно»

Афанасий Фет

А теперь давайте порассуждаем, является ли трусостью *непротивление злу*?

Однако, прежде чем ответить, требуется сделать небольшой экскурс в историю означенного явления.

Несопротивление злу — моральное настояние, прямо заявленное в Евангелии, которое гласит буквально: «*Не противься злому*» (Мф. 5:39). В тексте Нагорной проповеди постулируется непротивление в его непосредственном значении, неограниченное великодушие, всепрощение, любовь к недругам и сердечная доброта (Мф. 5:40–41).

Благородством души и мягкотемперией по отношению к злодею тот, мол, умаляется; единственный же судья — Бог. В Библии в Пр. 25:20, 25:22 говорится, что на основании этого человек усиливает полную ответственность врага за его злодеяние и приобретает справедливое воздаяние Бога.

В том же духе и апостол Павел учит верующих (см. Рим. 12:17—18 и 12:21).

Все эти объяснения достаточно туманны и не дают однозначного, лапидарного (5) ответа на вопрос — как следует поступить при встрече с реальным злом.

В нашей статье «Затянувшаяся история» (6) мы отмечали: «... поскольку переписчиками в те давние годы были не всегда вполне грамотные, а порой и случайные люди, допускавшие серьезные ошибки при ручном копировании, то можно предположить, что за три столетия после создания исходные Благовестования **значительно изменились**. Сие произошло оттого, что во II—III вв. официальный канон еще не составился, и переписывающие считали, что имеют все основания совершенствовать текст соответственно со своими или царившими в их христианских общинах убеждениями. Так, Ориген, один из отцов церкви, в III веке писал: «**Различия между рукописями стали существенными**. Это происходит как по причине небрежно-

сти, так и дерзости писцов. Они либо не проверяют то, что переписывают, либо добавляют или убавляют то, что им заблагорассудится».

Л. Н. Толстой считал напечатанные заповеди непротивления злу *действительно принадлежащими Христу, будучи уверенным в истинности каждой буквы.*

В свою очередь Конфуций учил: *добром надлежит отвечать на добро, а на зло — по справедливости* («Лунь Юй», 14, 34).

Итак, как же подобает вести себя гражданину, когда насильник или хулиган на его глазах в том либо ином виде набрасывается на человека?

Есть, в общем, только два варианта поведения: первый — выступить против зла активной силой, если есть возможности, защитить жертву или, в случае когда собственных средств недостаточно, позвать других людей на подмогу; и второй — уйти, говоря, мол, это не мое дело, либо, что еще хуже, издали равнодушно наблюдать вершащееся зло.

Но последний вариант совершенно не христианский, ибо не соответствует постулируемой им любви к ближнему, словно к самому себе, действенной доброты к нему, являющимися зримыми проявлениями любви к Богу. Мало того, такое отсутствие сопротивления через полное бездействие и попущение способствует нежелательному развитию насилия и зла в мире.

Следовательно, путь победы над злом в *активной борьбе* с ним, если нужно - и прямым силовым воздействием.

Теперь вернемся к собственно «непротивлению злу» в качестве методологии личного поведения, разработанной Л. Н. Толстым и продвигаемой его ревностными последователями. Толстовцы, как мы поняли, неправы, утверждая, что Христос наложил безусловный запрет на противодействие тьме силой. Исходя из этого, они заявляют: когда злодей не реагирует на добрые увещевания, истинные христиане не должны оказывать силовое сопротивление ему, даже если тот угрожает «невинному и прекрасному ребенку»...

Любому здравомыслящему индивиду ясно, что данная установка, тем более какаемо экстремальных для жизни и здоровья человека обстоятельств, *неверна, если не сказать еще определеннее — просто глупа*. А происходит она из *ложного понимания основоположником толстовства сокровенной сути христианства и, соответственно, сути христианина*. Жизнь человеческая самоцenna, и Христос учил, что мы все — дети Божьи, поэтому Он не мог дать запрещение на собственную защиту и других людей от зла, и особенно от смертельного зла. *«Возлюби ближнего своего, как самого себя»* (Лк.10:27—29) и *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15:13).

Но в таких ситуациях есть и иной аспект — до сих пор мы говорили о поведении по отношению к жертве, будь то я лично или другой. А ведь и злодей, в общем, *наши ближний*. Препятствуя ему совершить преступление, останавливая, с добром в душе, силой руку того, человек в результате *спасает* его от еще большего возмездия, чем возмездие за покушение на преступление, либо вообще спасает от социальной расплаты.

Толстовец скажет, что я, мол, не противился злому, следовательно, буквально претворил в жизнь божественную заповедь. Однако это — лукавый самообман и обман людей, и является трусливым бегством от действительной борьбы со злом, скрывшись за буквой закона, подменившей суть, то есть является настоящим *фарисеизмом*, которое всегда обличал Христос, и несомненным соучастием во зле.

Явится ли виновным выступивший физически против насилия? Ведь он может в процессе даже убить злодея в безысходных обстоятельствах. Конечно, причинение вреда человеку применением силы есть грех. Истинный гуманист вначале должен задействовать все для мирного разрешения конфликта, как то: молиться Богу мысленно об улаживании его, попробовать установить психологический контакт с пре-

ступником. Но когда защитник оказался в безвыходной ситуации, *в необходимости* защищать другого или себя от нападения разбойника или, говоря иначе, спасаться активным действием, в том числе, чтобы не позволить тому согрешить, осуществив насилие, то он обязан использовать силу, хоть и производя прямой физический ущерб противнику. Иисус Христос собственоручно свил веревочную плеть, дабы изгнать многочисленных торговцев из храма. (Иоан. 2:15). Потому такого рода поступки будут оправданы и будут *менее грешны*, чем если бы он не противодействовал готовому совершиться преступлению, а его вынужденный грех, меньшее зло, сердечной молитвой и искренним покаянием искупится.

А теперь давайте рассмотрим следующий вопрос: может ли духовный человек поддерживать войну и участвовать в ней?

Отношения между народами следует воспринимать подобно отношениям между отдельными людьми. *«Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей»*, — писал М. П. Мусоргский. И, действительно, совокупность людей, объединенных в одно, и государство необходимо в каждый момент времени понимать в качестве индивидуума, несущего определенные мысли, осуществляющего определенные действия. Смену существующей власти в стране, а тем более смену господствующей идеологии, можно сознавать как перемену образа мыслей данного индивидуума.

Тогда народы обязаны проявляться касательно друг друга, будто *отдельные люди*, то есть, безусловно, любить, словно самого себя. А в той или иной форме агрессия одного либо группы их — таких, как НАТО, ЕС и западная цивилизация в целом, — против другого с целью насилия как военного, так и экономического, унижения национального достоинства и геноцида есть попирание главнейшей заповеди о любви к ближнему. Что и произошло по отношению к донецким республикам после 2014-го года и к России впоследствии.

Что надлежит делать народу — жертве нападения?

По мнению толстовцев, раз любое противление злу силой якобы запрещено Богом, то принимать участие даже в оборонительной войне недопустимо. Но в таком случае, не сопротивляясь, будет сдана врагу родная страна и невинные люди, с их жизнями и имуществом, включая нуждающихся в защите старииков, женщин и детей. Относительно этих людей, толстовцы собственной покорностью недругу, нарушив завет о любви к ближним, за которых, по словам Иисуса Христа, должны были положить душу свою (Иоан.15:13), принесли бы *бессмысленное жертвоприношение агрессорам*, совершив откровенное *предательство* и жестокость над людьми, желающими свободы и безопасности.

Таким образом, *ложное понимание* написанного в Евангелиях, его серьезное искажение и, как результат, бездействие, приводят, не препятствуя каким бы то ни было сопротивлением преступному насилию, к *прямому неисполнению заповедей* Иисуса Христа о любви к человеку — жертве и преступнику, о наущной необходимости побеждать зло. Подобное представление, потворствуя злу, *не содействует последовательному осуществлению Царства Божьего на земле*.

Основываясь на верном разумении Завета Божьего, становится понятной дефиниция (7): страна-агрессор несомненно виновна во зле; страна же, исчерпавшая все возможные меры по предотвращению войны, вынужденно ведет ее для надлежащей самообороны, вынужденно делает зло, которое оправдывается полной безвыходностью на пути подавления нападения. Пацифизм, приводящий к пассивности перед тьмой, здесь недопустим. Сознательное убийство солдат противника в военных действиях есть *меньший грех*, меньшее зло, чем предоставление им возможности свободно творить сплошной беспредел и насилие и убивать мирных и безоружных людей.

Граждане, не могущие по тем или иным причинам оборонять родную страну с оружием в руках, могут приносить ей не менее важную пользу, работая в *трудовом*

тылу, а также *сердечной молитвой* и высшим сосредоточением своей воли на желанной победе. Или личным *сраживающимся словом*, как неравнодушные писатели и поэты.

Христос учил, что накормившие голодных, одевшие раздетых, *защитившие, спасшие от смерти* наследуют Царство Божье. Архангел Михаил и Георгий Победоносец не только на иконах, но и Духовном плане наготове держат меч и копье против адских носителей зла, для охраны добра. И у каждого человека есть альтернатива — служить Светлым Силам либо «духам злобы поднебесной». Говоря русской пословицей, «живи не так, как хочется, а как Бог велит». Отсюда и *духовная ответственность* и в этом мире, и в грядущем.

Что касается ненасилия, то его активные проповедники — М. Ганди, сказавший: «Когда выбор стоит исключительно между насилием и трусостью, я рекомендую насилие», и Мартин Лютер Кинг, считавший *трусость большим злом, чем насилие*, были явными борцами против трусости.

Исходя из этого, мы заключаем — неучастие в защите жертвы и неучастие в том или прочем виде в защите своей Родины есть нарушение Божественных заповедей, *прчинение зла и трусость*.

4. «Будьте души не мертвые, но живые»

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч;
о, если бы ты был холоден или горяч!
Но как ты тепл, а не горяч и не холоден,
то извергну тебя из уст Моих».

Откр.3:15—16

Откровенное *равнодушие* является бичом современного общества. Но можно ли проявлять его, наблюдая явную несправедливость относительно человека или народа, либо когда идет вражеская агрессия против твоей страны?

Давайте разберемся. Теоретическая психология нам говорит, что равнодушие — это отрешенное, отчужденное отношение к окружающему, к делающемуся, настойчивое стремление оградить себя от отрицательных эмоций и волнений, полное бесчувствие ко всему. Но тогда нет и никакой ответственности. Такое состояние граничит со всеобщим *бессердечием и цинизмом*, ибо распространяется на совершенные, совершающиеся и готовящиеся преступления. *С молчаливого согласия равнодушных* и происходят все они.

Наши потомки должны накапливать нравственные качества душевной отзывчивости и сопереживания, а не безнравственное бездушие как противоположность любви к ближнему.

В нынешнее, военное, время безразличие, проявляющееся путем прямого отступничества, самовольного оставления поля боя, оставления нуждающихся в помощи, оставления беззащитных людей под насилием врага, постоянного ухода от активного проявления гражданской позиции, эгоистической постановки во главу угла своих «индивидуалистических ценностей» в противовес общественным, является не чем иным, как *предательством*.

Ценен человек, ответственный перед Родиной, перед обществом, перед коллективом, в котором он трудится, перед деятельностью, которой он занимается, перед людьми, зависящими от него. Ценен и тем, насколько серьезно подходит к этому. «*Будьте души не мертвые, но живые*», — писал Гоголь (8). Прямую противоположность такой личности представляет собой *«рыночно-ориентированный»* тип, не имеющий коллективистских черт характера, постоянно готовый соответствовать те-

кущему спросу, то есть продажный, стремящийся к личной выгоде, тип Мальчиша-Плохиша, генерала Власова, не столь давних времен «кукловодов-перестройщиков» или современных «нетвойнистов», участников богатых вечеринок, получателей «золотых парашютов», коррупционеров и остальных...

Простить в своей душе таких людей, согласно заповедям Христа, нужно, однако восстанавливать с ними былые отношения ни в коем разе не следует, ибо они во всем обвинят вас и предадут снова.

5. «Витязи на распутье»

«Западу от России нужно только одно,— чтобы ее не было»

Шебаршин, разведчик

Есть еще категория людей, именуемых *жедунами*. Это не согласившиеся с теперешней действительностью и ждущие, либо молча, пассивно, либо активно, экзистенция (9) которых проявляется в выступлениях на аудитории, в публикации антироссийских постов в Интернете, в издании соответственных книг и даже в роли украинских диверсантов,— но в любом случае, возврата прежнего бытия, бывшего до февраля 2022 года, а гораздо лучше в нулевых, все дозволявших и безответственных годах, от чего они оказались оторванными, будучи типичными представителями буржуазного стиля с его приоритетом личного благополучия и денег над всем общественным. Одним словом это те, кто повернется к *Западу передом, а к России задом*. В силу сего их реальные дела граничат с предательством. К примеру, многие из них, живущие за счет американских и европейских денежных грантов, считают, что глупо противостоять доминирующей в мире западной цивилизации, несущей вожделенную свободу. Вопрос в том, какую? Свободу страны от суверенности и безопасности, а народ от жизни? Да и не мудрено, так как, избрав Запад, всю историю воевавший с Россией, они уже *передали свою страну*.

Это открытая позиция. Молчаливое же большинство из них ведут себя тихо и не-приметно, ожидая более подходящих времен, а кто-то даже облекается в «патриота». Однако не следует забывать, что в такой среде есть и прямые агенты украинского подполья, готовые проявиться в нужное время.

6. Можно ли понять и простить?

«Упавший с ветки цветок на ветку уже не вернется, но корни точно знают, что ветка снова зацветет»

В. А. Мельниченко

Теперь поговорим о так называемых *нетвойнистах*.

Каждый человек волен и обладает неотъемлемым правом высказываться в общественном пространстве. Однако, если это не личное мнение, не внутренняя интенция (10), а внешняя, выражаясь фактически путем косвенного или непосредственно го распространения некоторого мировоззрения, то к подобному необходимо подступать критически. Тем более, если оно является настойчивым стремлением повредить обществу, находящемуся в трудных обстоятельствах.

Так, в соцсетях сразу же после начала СВО, будто по мановению волшебной палочки, согласованно, как по команде, появились посты, похожие друг на друга, аналогично близнецам-братьям, оперирующие одними и теми же терминами, осуждающие спецоперацию. При этом «нетвойнисты» были *абсолютно индифферентными* в течение восьми лет организованного убийства русских в Донбассе. Таким образом, то являлось — «бездна бездну призывает» (11) — заранее *подготовленным и скоординированным* пропагандистским блоком.

динированным мероприятием с первоочередной задачей расколоть общественное мнение и вызвать внутреннюю смуту.

Для преобладающего его влияния на российский социум западный предиктор (12) рекрутировал в качестве «нетвойнистов» многих видных деятелей культуры и поп-звезд. Это произошло не вдруг, кропотливая работа с ними шла давно. Конечно, их и близко нельзя сравнять с выдающимися представителями нашей культуры, в ключевые исторические времена всегда встававшими за Россию и свой народ, часто даже в корне меняя личные убеждения, возвращавшиеся, подобно Алексею Толстому, и остающиеся за рубежом, служащие Родине и так или иначе содействующие ей. Но все же... А наибольшими проявлениями такой работы, без каких-либо колебаний и размышлений о насущных судьбах Родины у исполнителей, явились «белоленточники» и поползновения к майдану в России зимой 2011—2012 гг., всемерная поддержка украинского майдана, неприятие и осуждение возвращения Крыма, подая ложь о Великой Отечественной войне Советского народа и о Победе, упорное стремление к воспитанию россиян как *бесполого народа-нацифиста*, то есть, по русской поговорке *«и курице не тетка, и свинье не сестра»*.

Однако при всем том они без малейшего следа какого-нибудь раскаяния продвигают свой императив — злобно обвиняют и порочат страну, вставшую на защиту себя, перепевая оговоры с голоса Запада, чванятся собственной русофобией и участием в антироссийских санкциях и *жаждут успеха Украины*. Причем келейно мечтая возвратиться в прежнюю страну, где все будет по-старому. *«Тля ест растения, ржав — желеzo, а ложь — душу»* (13).

Что это, как не осознанное и идейное или неосознанное *предательство*?

По большому счету, сии люди любят и жалеют только самих себя и, подобно пресловутому Мальчишу-Плохишу, желают иметь ежедневно *«пачку печенья и банку варенья»*, для чего, исходя лишь из этого, и налаживают связи и знакомства. Но те, кто хочет вернуться из заграницы, должны знать, что они в той либо иной степени предали, и в стране люди не станут встречать их с радостью и теплом.

7. И все же у каждого есть шанс...

«Никто не может никого спасти, кроме самого человека»

Л. Н. Толстой «Карма»

В настоящее время с каждым годом, с каждым днем и с каждым часом от человека требуется, в непримиримом противостоянии эгрегору враждебных стране сил, обладать сильным Я, способным к тщательному самоанализу и анализу своей жизни как в прошлом, так и ныне, требуется распознавать две действительности: внешнюю и внутреннюю и обладать развитым умением определять персональный субъективный мир по отношению к общему. Требуется постоянно проверять правильность собственных мыслей, слов и действий через обратную связь и отвечать за них, неся моральные обязательства перед социумом.

Содержанием *рефлексии* — ценного умения самопознания, умения любого оценивать свои мысли, эмоции, чувства и поведение, в том числе и решения,— являются процессы критического осмыслиения и оценки личных устремлений, целей, методов и критерии для их реального осуществления, вероятных последствий от их воплощения в жизнь, а также критического осмыслиения и оценки своих данных в динамике их изменений. Непосредственные итоги рефлексии должны обуславливать действительное бытие человека. Если он не рефлексирует на *собственную практическую деятельность*, у него пропадают полезные навыки рефлексировать и на проистекающие из нее *результаты*. Потому ослабляется и ответственность за себя и других людей.

И напротив, индивидуум с развитой указанной способностью непрерывно обучается, находит и претворяет наилучшее в личном функционировании и жизни вообще. При этом не боясь, что будет поздно или трудно, в состоянии *сознава* сделать осознанный выбор, возобновить вдумчивый анализ ранее отклоненных версий, поменять определенные ранее ориентиры, разработать новый план их достижения и, борясь и не сдаваясь, победить.

Итак, рефлексируя на сказанное в выше означенных разделах, мы видим, что природной основой всего того, к сожалению, служит обычная *трусость*, в свою очередь, рождающая трусивое поведение, выражющееся в отсутствии храбрости, когда необходимо встать на активную защиту коллектива, малого социума, народа, государства, страны; в отсутствии гражданской позиции, гражданственности; в ложном понимании непротивления злу; в непростительном равнодушии; в пассивном ожидании возвращения прежних, прозападных времен или в энергичных действиях в данном направлении и в «нетвойнизме» — в отказе бороться против западной агрессии, и постыдном убегании из страны. И приводящая, в конце концов, к прямому *предательству*.

Однако, как писал М. Е. Салтыков-Щедрин, «*рабство только тогда исчезнет из сердца человека, когда он почувствует себя охваченным стыдом*» (14). И у каждой личности, проявившейся так, все же есть *реальная возможность*, остановившись в своем сознательном либо бессознательном *трусивом «бегстве»*, опомнившись и «*отдышавшись*», *развить, в той или иной степени, осознание и осмысление происходящего и, таким образом, принять личную гражданскую идентичность, уяснить себя как гражданина собственной страны, своей сопричастности к социуму, с непрерывным самоанализом и собственным совершенствованием, с соответствующими гражданскими обязанностями, нормами и правилами, с большим уровнем ответственности за будущее страны и народа, с непреклонным стремлением служить Родине. И каждый должен помнить, что русский — это тот, кто служит России.*

«Пороки не иначе можно изгнать из общества, как удовлетворением трех главнейших потребностей человека: укреплением тела, очищением сердца и просвещением разума» (15).

Примечания:

1. Материал из Википедии — свободной энциклопедии <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
2. Имманентно — в силу внутренней природы чего-либо.
3. Экзистенциональный — относящийся к существованию, бытию.
4. Имплементация — осуществление, претворение.
5. Лапидарный — предельно краткий, сжатый, ясный.
6. Литературно-публицистический и просветительский журнал «Клаузура», раздел «Мнения» 11.11.2024 г. <https://klauzura.ru/2024/11/zatyanuvshayasya-istoriya>.
7. Дефиниция — краткое логическое определение какого-либо понятия.
8. Н. В. Гоголь (из бумаг).
9. Экзистенция — конкретное бытие, существование.
10. Интенция — термин, обозначающий намерение, цель, направленность сознания, мышления на какой-либо предмет.
11. П. Мельников-Печерский. «Именинный пирог».
12. Глобальный предиктор — это организация или группа лиц, обладающая огромным влиянием и способная прогнозировать, а значит, и контролировать мировые события.
13. А. П. Чехов. «Моя жизнь».
14. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Из незаконченного очерка».
15. Иван Лажечников. «Последний Новик».

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

«ЗАПОМИНАЙТЕ НАС, ПОКА МЫ ЕСТЬ»

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Асадов Эдуард Аркадьевич — поэт и прозаик. Автор сорока семи книг. Почетный гражданин Севастополя. Член Союза писателей СССР.

В творчестве Э. А. Асадова воплощены лучшие черты русской поэзии — искренность, простота, народность, социальная значимость.

Поэта любили и уважали, его стихами зачитывались миллионы. Несколько поколений наших людей помнят, любят и носят в своем сердце вечно звучащие и живые стихи Эдуарда Асадова. Его жизнеутверждающие книги прошли испытание временем и являются в нашей стране едва ли не самыми любимыми.

В трудные и радостные периоды жизни люди советуются с ним, раскрывая и читая сборники его стихов, где находят строки, созвучные их мыслям и чувствам.

Такие стихи поэта, как: «Что такое счастье?», «Падает снег», «Стихи о рыжей дворняге», «Грусиха», «Они студентами были» являются литературными шедеврами, и их многие знают наизусть.

В них чувствуется энергия и нежность, разнообразие и поэтическая прелест. Автор находит красоту в повседневной жизни, описании природы, умеет словом выразить неуловимые душевные движения.

Асадов писал о человеческих взаимоотношениях, о любви и дружбе, о Родине и ее природе. При этом его творчество всегда было патриотичным: «Живу для людей и пишу для людей, / Все время куда-то спешу и еду, / Ведь каждая встреча — это победа / В душах людских и судьбе моей...» («Ответ читателям»).

Вся жизнь Эдуарда Аркадьевича Асадова — это борьба, поиски и находки. Родился он 7 сентября 1923 года в древнем туркменском городе Мары (бывший Мерв).

В 1926 году умер отец Эдуарда. Мать с ребенком переехали в Свердловск. Поэт позже так вспоминал родные места, где он провел детство: «*Вижу я озеро с сонной ряской, / Белоголовых кувшинок дым... / Край мой застенчивый, край уральский, / Край, что не схож ни с каким иным...*».

В 1939 году семья переехала в Москву. 22 июня 1941 года, через неделю после окончания Эдуардом Асадовым школы, началась Великая Отечественная война. Он ушел на фронт добровольцем. Был артиллерийским наводчиком, а в 1943 году уже командовал батареей. Защищал Москву, Ленинград, воевал на Северо-Кавказском и 4-м Украинском фронтах.

В мае 1944 года при освобождении Севастополя гвардии лейтенант Асадов был тяжело ранен и потерял зрение. Было долгое лечение в госпиталях, где он перенес двенадцать операций. Вот как позднее Асадов написал об этом: «*В гуще боев, десять весен назад, / Шел я и видел деревни и реки, / Видел друзей. Но ударил снаряд — / И темнота опустилась навеки...*»

Но он не сломался, не отступил, не сдался... Далее были учеба в Литературном институте имени Горького и работа. Асадов говорил: «Работа — это моя сила, мои крылья, моя дорога, это все мое». Уже в годы учебы он написал стихи, которые выделили его из состава других студентов: «В тайге», «Весна в лесу», «Стихи о рыжей дворняге». А в 1951 году вышел первый сборник его стихотворений «Светлая дорога».

В лирических произведениях ему удается передать трепет некой тайны, которая содержится во всем нашем бытии, в том, что человек любит и оберегает. Его лирика — это многоцветный правдивый поэтический дневник, в котором автор стремится поэтизировать человеческие чувства. Стихи звучат убедительно, потому что прошли через сердце и душу поэта. Они исполнены подлинного поэтического мастерства.

Он стремится к такому сочетанию слов, которое передает его ощущение жизни. В его стихах — гармония, красота и простота, которые угадываются сердцем, как музыка. Они отличаются зрелостью, придают живую достоверность событиям, представлены в разнообразии проявлений и оттенков. В них живет восхищение, дышит весна. Такая интонация рождает атмосферу особого доверия к автору.

Самое главное, для чего стоит жить на земле, считал поэт, это — любовь: «*И пусть любые трудности встречаются / И бьют порой бураны вновь и вновь, / Буквально все проблемы разрешаются, / Когда в сердцах есть главное: ЛЮБОВЬ!*» («Главная сила»). И этому великому чувству посвящено большинство стихотворений Эдуарда Асадова. Его светлая поэзия умеет ярко и красочно говорить о любви. Тема любви раскрывается в стихотворениях: «Чудачка», «Баллада о ненависти и любви», «Они студентами были», «Пока ты любишь меня», «Не проходите мимо любви», «Главная сила», «Проверяйте любовь», «Триединство», «Все равно я приду», «Если любовь уходит» и другие: «Чем только не полон наш шар земной! / Красот и богатств в нем не счастье. И все же / Из всех драгоценностей под луной / Ну есть ли хоть что-то любви дороже?» («Пока ты любишь меня»). «*Поэтому, люди, в потоках событий, / Каждый, как хочешь, так и живи: / Мечтайте, боритесь, страдайте, творите! / Но только вовеки не проходите, / Не проходите мимо любви!*» («Не проходите мимо любви!»).

Если бы не было любви, жизнь стала бы неинтересной, без радости и переживаний: «*Aх, как же мы славно на свете жили! / До слез хохотали от чепухи, / Мечтали, читали взахлеб стихи, / А если проще сказать — любили!*»

Любовь есть на свете, утверждает поэт, и мы должны в это твердо верить: «*Бросай сомнения свои! / Люби и верь. Чего же проще? / Не зря ночные соловьи / До хрипоты поют по рощам*».

Цену дружбы поэт познал еще в годы Отечественной войны и пронес настоящее

чувство дружбы через всю жизнь: «*Нет, друзья, не там, где за столом / Друг за друга тосты поднимают. / Дружба там, где заслонят плечом. / Где последним делятся рублем...*». А в стихотворении «Слово к друзьям» автор пишет: «*И хочется до заката / Всем тем, кто еще вокруг / Вдруг тихо сказать: — Ребята, / Припомним-ка все, что свято, / И сдвинем плотнее круг...*».

Любое его стихотворение — торжество благородных человеческих чувств. В них звучит обостренное чувство справедливости. Автор не боится конфликтных ситуаций, острых углов: «*Но в одном лишь не отступай: / На разрыв иди, на разлуку, / Только подлости не прощай / И предательства не прощай / Никому: ни любимой, ни другу!*» («Доброта»).

Многим произведениям поэта свойственна романтическая приподнятость и эмоциональная обостренность, которые придают им яркость, окрыленность и глубину. В этой связи достаточно вспомнить стихотворения: «Романтика дальних дорог», «Остров Романтики», «Звезды живут как люди», «Созвездие гончих псов», «Будьте счастливы, мечтатели», «Весна в лесу», «Романтики дальних дорог».

Образ России присутствует во многих его стихотворениях, поэмах. Вспомним хотя бы такие, как «Родине», «Реквием страны», «Перелетные души», «О том, что терять нельзя», «Россия начинается не с меча», «Лесная река»: «*Как жаль, что гордые наши слова / “Держава”, “Родина”, “Отчизна” / Порою затерты, звенят едва / В простом словаре повседневной жизни. / Я этой болтливостью не грешил. / Шагая по жизни путем солдата, / Я просто с рождения тебя любил / Застенчиво, тихо и очень свято*» («Родине»).

Вдумчиво всматривается поэт в сложный и разнообразный мир современности. На эту тему у него прекрасно написаны стихотворения «Когда бранят наш прошлый день», «Перелетные души», «Реквием страны», «Играет нынче мышцами Америка»: «*Вставайте же, люди, подлость обуздать! / Не ждать же вправду гибели и тризны, / Не позволяйте дряни торговать / Ни славою, ни совестью Отчизны!*» («Реквием страны»). «*Пусть нынче мы в предательстве и боли. / И все же нас покуда не сгубить, / Не распоттать и в пыль не превратить! / Мы над собой такого не дозволим!*» («Играет нынче мышцами Америка!»).

В его произведениях есть и зоркость, и наблюдательность, умение детально описывать явления и события. Он говорит о нравственных проблемах, стоящих перед нашим обществом на современном этапе развития: «*Ну, а те, кому слаще края чужие, / Не сердись и не сетуй на них душой, / Помаши им спокойно всплеск рукой, / И опять за работу, моя Россия!*» («Перелетные души»).

Необходимо сохранить веру и память. Они, как цемент, скрепляют нас в одно целое — русский народ! Для возрождения России, как считает поэт, необходимо возрождение русского национального самосознания, национальной идеи. Мы должны найти в себе силы, терпение и умение для возвеличивания нашего государства, нашей Родины — России.

Стихи о природе самым теснейшим образом связаны и как бы являются частью стихотворений о Родине: «*Россия степная, Россия озерная, / С ковыльной бескрайнею стороной, / Россия холмистая, мицистая, горная, / Ты вся дорога мне! И все же бесспорно я / Всех больше люблю тебя вот такой. / Такой: с иван-чаем, с морошкой хрусткой / В хмельном и смолистом твоем раю, / С далекой задумчивой песней русскою, / С безвестной речушкой в лесном краю...*» («Лесная река»).

Автор находит свежие, сочные краски для описания родной земли: «*Над чащей, где нежится тишина, / Стеклянные трели рассыпав градом, / — Вставайте, вставайте! — звенит она. — / Прекрасное — вот оно, с вами рядом!.. / А голос звенит*

*горячо и смело, / Зовя к пробужденью, любви, мечте, / Даже заря на пенек присела, /
Заслушавшись песней о красоте...» («Зарянка»).*

Есть у него цикл стихотворений о цыганах. Асадов писал: «В их удивительных песнях такой шарм, такой колорит и такое редчайшее своеобразие, которое, нравится это кому-то или не нравится, отличает цыган и их поразительное искусство, можно сказать, от всего человечества и всех искусств на земле!» «*Как цыгане поют — передать невозможно, / Да и есть ли на свете такие слова?! / То с надрывной тоской, темно и тревожно, / То с весельем таким, что хоть с плеч голова! / Как цыгане поют? Нет, не сыщутся выше / Ни душевность, ни боль, ни сердечный накал, / Ведь не зря же Толстой перед смертью сказал: / “Как мне жаль, что я больше цыган не услышу!”*»

Умер поэт 21 апреля 2004 года в городе Одинцово Московской области, а похоронен на Кунцевском кладбище рядом с могилами матери и жены.

«*И долго еще, отрицая смерть, / Книжек моих страницы, / Чтоб верить, чтоб в жизни светло гореть, / Будут вам дружески шелестеть / Крыльями белой птицы...*

СЛОВА

65 ЛЕТ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

18 ноября 2025 года тульские писатели отметили свой знаменательный праздник — шестьдесят пять лет назад, в далеком 1960 году, в Туле появилось областное отделение Союза писателей РСФСР. У его истоков стояли наши известные писатели — Наталья Деомидовна Парыгина и последний личный секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Булгаков.

Тульская земля издавна славится ратными подвигами и трудовыми свершениями. Отличается она и богатым культурным наследием, в том числе в области литературы. В Ясной Поляне родился, жил и создавал бессмертные произведения великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В Туле жили и работали В. В. Вересаев, Глеб Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие известные писатели.

С Тульским краем прочно связаны имена В. А. Жуковского, Н. В. Успенского, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Г. А. Скребицкого и многих других. Тула и Тульский край таят в себе неиссякаемый источник поэзии. Тульские поэты издавна занимали видное место в русской поэзии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что произведения В. А. Жуковского, П. П. Сумарокова, В. И. Богданова, А. С. Хомякова, поэтов-декабристов Н. А. Чижова, братьев Бобрищевых-Пушкиных включались в хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданные в шестидесятые годы прошлого столетия. Многие из этих людей были не только выдающимися поэтами, но и видными общественными деятелями и просветителями, игравшими большую роль в развитии культуры и российской словесности. Сюда многократно приезжал И. С. Тургенев, который увековечил память о тульской земле в знаменитой книге рассказов «Записки охотника».

Лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин также неоднократно приезжал в Тулу, поскольку в городе Ефремове Тульской губернии проживали его сестра и мать. К Ефремову и его окрестностям имеет прямое отношение творческая история повести замечательного писателя «Деревня», многие его другие произведения (в их числе и знаменитый рассказ «Антоновские яблоки»), а также переводы. Писатель много раз приезжал в Огневку Тульской губернии — имение своего брата Евгения Алексеевича.

Многое из увиденного и пережитого писателем в Огневке, Ефремове вошло в его «Деревню» и другие произведения. Как пишет А. Бабореко, автор интересной книги о Бунине, прототипом Горизонтова из рассказа «Чаша жизни» (1913) «отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в городе Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мече и продал свой скелет для анатомических целей». Картины окрестностей Ефремова воссозданы в романе «Жизнь Арсеньева». Герой этого произведения попадает в Кропотово (у Бунина — Кроптовка), родовое имение отца М. Ю. Лермонтова. В наброске «К будущей биографии Н. В. Успенского», относящемся к 1890 году, Бунин рассказывает о некоторых фактах жизни писателя-демократа, двоюродного брата писателя Глеба Успенского.

В Туле неоднократно бывал великий русский писатель-сатирик Николай Васильевич Гоголь. Вот что писал тульский помещик Н. Ф. Андреев, отставной артиллерийский офицер, автор ряда работ историко-краеведческого характера, в газете «Тульские губернские ведомости» (1855, №№ 2—3) о своей встрече с Н. В. Гоголем в тульской гостинице 4 июля 1851 года. Н. В. Гоголь в этот день находился в Туле проездом из Украины в Москву. По словам Н. Андреева, «Гоголь рассказывал ему «о далеких своих странствованиях: о Риме, Неаполе, Генуе, Флоренции, Венеции», бесе-

довал с ним о литературе. Андреев не сразу узнал Гоголя в человеке, беседовавшем с ним, когда же великий писатель представился ему, автор воспоминаний с завидной непосредственностью закричал «вне себя от радости: так это вы, наш знаменитый писатель, честь и слава нашей литературы? Ура!»

Е. Смирнова-Чикина, известный исследователь жизни и творчества Гоголя, видит ценность этих воспоминаний в том, что они рисуют необычный образ писателя последних лет его жизни: «общительного, разговорчивого, добродушного, шутливого», тогда как многие биографы, вслед за П. А. Кулишем, создавали представление об авторе «Мертвых душ» как о человеке уставшем, мрачном, погруженном в себя. «Воспоминания Н. Ф. Андреева, — по мнению Смирновой-Чикиной, — написаны ярко, со многими подробностями, да к тому же, вскоре после встречи с Гоголем, и от них можно ожидать большей точности, чем от написанных много позже...».

Об отношении к Тульскому краю автора гоголевских «Мертвых душ» содержит ценные свидетельства интересная статья профессора М. С. Альтмана под заглавием «Мертвые души» и Тульская губерния», которая была напечатана в Тульской областной газете «Коммунар» 2 марта 1959 года. По мнению автора, в «Мертвых душах» мог отразиться факт продажи одним из богатейших тульских помещиков графом В. А. Бобринским откупщику Бенардаки двух тысяч крестьян на вывоз в Херсонскую губернию.

В то время в общественной жизни Тулы произошло важное событие: стала издаваться еженедельная газета «Тульские губернские ведомости». Из нее любознательному современному читателю можно почерпнуть массу интересных историй о жизни тогдашней Тулы и ее знаменитых обитателей.

Например, в номере 21 за 1854 год было помещено такое объявление. «По доверенности от графа Толстого, управляющего его имением Крапивенского уезда в сельце Ясная Поляна, майор граф Валериан Толстой вызывает желающих на снятие в арендное содержание двух домов: каменного двухэтажного и деревянного двухэтажного с мезонином. При них галереи с хорошей мебелью, кухня, конюшня и сарай в сельце Ясная Поляна состоящих». Из этого объявления современные туляки могут узнать, что и полтора века назад люди жили на то, что сдавали в аренду помещения, а также, что это те знаменитые двухэтажные дома с кухней, конюшней и прочим, что составляют сейчас историческую и мемориальную ценность Музея-усадьбы «Ясная Поляна». В книге «Историческое обозрение Тульской губернии» (1850 год) ее автор Н. И. Афремов в разделе «Писатели и члены ученых обществ Тульской губернии» пишет об Н. Ф. Андрееве так: «Один из ревностных писателей Тульской губернии».

С Тулой связана административная и литературная деятельность известного писателя-сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Он был выходцем из старинного дворянского, а по матери — купеческого рода. Но под влиянием социалистических идей пришел к полному отрицанию помещичьего уклада, буржуазных отношений и самодержавия. В нашем городе Михаил Евграфович служил с 29 декабря 1866 года по 13 октября 1867-го в качестве управляющего Тульской казенной палатой. Своеобразные особенности характера Салтыкова-Щедрина, проявленные им во время руководства важным правительственным учреждением в Туле, были запечатлены служившим под его началом тульским чиновником И. М. Михайловым в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1902 году. На административном посту в Туле писатель энергично боролся с бюрократизмом, взяточничеством, казнокрадством, стоял на страже интересов низших тульских общественных слоев: крестьян, кустарей-ремесленников, мелких чиновников.

В его произведениях «Дневник провинциала в Петербурге» и «Как один мужик двух генералов прокормил» также упоминаются города Тула и Алексин. На тульский

практический опыт писатель, видимо, также опирался в одном из своих «Писем из провинции». Пребывание М. Е. Салтыкова-Щедрина в Туле отмечено мемориальной доской на здании бывшей казенной палаты на проспекте Ленина, 43. Документы о служебной деятельности писателя хранятся в Государственном архиве Тульской области.

Солнце русской поэзии, Александр Сергеевич Пушкин высоко ценил творчество ряда тульских поэтов девятнадцатого века. Например, стихи А. С. Хомякова он признавал прекрасными. Алексей Степанович Хомяков был не только хорошим поэтом, но и глубоким мыслителем, ученым, меценатом и благотворителем. Одно только перечисление основ его деятельности говорит о разносторонности талантов этого человека: философ, экономист, публицист, мыслитель, оратор, журналист, художник, изобретатель, врачеватель. И не случайно, что благодарные туляки до сих пор ежегодно проводят в его родовой усадьбе под Тулой традиционные Хомяковские чтения, чтят его память.

Многие годы с Тульским краем был связан другой выдающийся поэт — Василий Андреевич Жуковский. Его А. С. Пушкин назвал одним из основоположников новой русской поэзии. Более того, Александр Сергеевич считал себя «его учеником».

Творчество В. А. Жуковского во многом определило дальнейший литературный путь таких великих поэтов, как Лермонтов, Баратынский, Тютчев. По словам выдающегося литературного критика Российской империи В. Г. Белинского, В. А. Жуковский наполнил русскую поэзию новым содержанием.

Тульские поэты девятнадцатого века В. Богданов, И. Родионов, Н. Макаров стали всенародно известны и любими как авторы текстов песен, ставших, выражаясь современным языком, русскими хитами, — «Дубинушку», «Не корите меня, не браните», «Однозвучно звенит колокольчик» знают и поют во всем мире. Знаменитая «Дубинушка» была одной из любимых песен Федора Ивановича Шаляпина. Традиции песенного искусства поэтов-предшественников продолжили в XX веке наши современники Иван Доронин, Владимир Лазарев, Юрий Щелоков, Александр Бочаров и другие.

Заметный вклад в русскую поэзию внес наш земляк Константин Скворцов. Потетические строки Скворцова начертаны на Щите и Мече Победы, которые установлены в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Это особенно важно помнить именно сейчас, когда Россия торжественно отметила 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, а 2025 год был объявлен Годом защитника Отечества.

Народную песню «Ах, цвети, цвети, кудрявая рябина», автором текста которой является туляк И. И. Доронин, до сих пор исполняют на эстрадных концертах, поют в праздничные дни за столом в кругу родных и друзей простые русские люди.

Непростая и во многом трагичная судьба свела с тульской землей знаменитого поэта Ярослава Васильевича Смелякова. В 1946 году его освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Стalingорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области. Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском (ныне город Донской), затем он стал помощником заведующего бально-прачечным комбинатом. Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность. «Ни дня без строчки!» — это о нем, его трудолюбии и способности творить в самых неожиданных местах и условиях. Смеляков был настолько литературно плодовит, что успевал сотрудничать сразу в двух газетах — «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи. Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной

газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии во Дворце культуры. Стихи Смелякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно сказать, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь.

Наталья Парыгина создала цикл произведений о своих современниках, среди которых выделяется неоднократно переизданный роман о русской женшине «Вдова». Книги Натальи Парыгиной «Дни весенние», «Что сердцу дорого», «Любой ценой», «Сын» связаны с Тулой, а роман «Вдова» получил в 1974 году Поощрительную премию Союза писателей СССР и ВЦСПС. «Яснополянский сенокос» — так названа книга Юрия Щелокова, вышедшая в издательстве «Советский писатель», и само ее название говорит о привязанности писателя к родному краю. Этим чувством пронизаны и другие сборники поэта. С большой любовью к знаменитому уголку земли тульской - Ясной Поляне - написаны этюды Галины Езерской «Живые, трепетные нити», изданные в Туле и в Москве.

В послевоенные годы большую роль в развитии литературного движения в области сыграло областное литературное объединение, председателем которого многие годы был директор Приокского книжного издательства Н. В. Виноградов. В 1949—1958 годах в нашем городе выходил альманах «Литературная Тула», где печатались произведения А. А. Елькина, М. П. Кольчугина, А. И. Туликова, П. Т. Стародубцева и других тульских прозаиков и поэтов. Тулу и ее окрестности в годы Великой Отечественной войны показал в своем романе «Костер» Константин Федин. Героическая оборона Тулы была отражена в романе Георгия Березко «Мирный город», в книгах Александра Елькина «Приобщение к подвигу» и «Пятьдесят дней мужества».

Тем не менее в Туле и области не было своей писательской организации. В 1958 году двое тульских литераторов: бывший личный секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков и прозаик Н. Д. Парыгина были приняты в члены Союза писателей СССР и прикреплены к Курской писательской организации. Через два года в Тулу переехали на постоянное жительство еще трое членов Союза писателей, и в ноябре 1960 года по решению Правления Союза писателей РСФСР в Туле была создана писательская организация. По случаю этого события в город приехали на организационное собрание председатель Правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, секретари Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и А. Д. Салынский...

Ныне Тульская писательская организация насчитывает около шестидесяти человек. В 2025 году в него влились девять членов Союза российских писателей. О каждом из них можно рассказать много интересного и каждый внес в развитие русской литературы весомый вклад. В Туле развились и окрепли таланты поэта Владимира Лазарева — на его стихи была создана популярная песня «Березы», прозаика Игоря Минутко — автора повести «Мне восемнадцать лет», ставшей прообразом известного фильма «Стиляги». Украшением Тульской писательской организации стал старейший писатель Тульского края Валентин Федорович Булгаков — автор известных книг «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», «О Толстом», «Встречи с художниками», «Лев Толстой, его друзья и близкие», многих статей о писателе, очерков, пьес. Тульская писательская организация гордится и именем члена Союза писателей СССР, внука знаменитого художника — Федора Дмитриевича Поленова.

Писатель, общественный деятель Ф. Д. Поленов родился в Москве, но свою жизнь связал с тульским краем, с родиной своего знаменитого деда, известного русского художника Василия Дмитриевича Поленова. Он посвятил себя музеиному делу. Вначале был директором, а впоследствии — главным хранителем государственного музея-заповедника В. Д. Поленова. В 1990 году Ф. Д. Поленов был избран депутатом в Верховный Совет РСФСР, где работал в должности председателя комиссии по культуре Президиума Верховного Совета РСФСР.

Другой известный тульский прозаик — И. Ф. Панькин работал юнгой, в цирке, служил матросом. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, боевыми медалями. Но главной его страстью было писать. Однако, широко известен он стал позже, когда вышла его книга под названием «Легенды о мастере Тычке», в которой Тычка — это своеобразный прообраз тульского Левши. Он был награжден званием «Почетного гражданина города-героя Тулы», его «Легенды о материях» были включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя на доме в Туле, где он жил, появилась мемориальная доска.

Патриархом тульской словесности можно назвать Сергея Львовича Щеглова — талантливого журналиста и публициста, писателя, литературного критика. Он оставил после себя тысячи статей и публикаций в газетах, альманахах, сборниках, антологиях прозы и поэзии. Есть несколько талантливых книг-исследований о творчестве ряда писателей, в том числе и о моем, под названием «Тульский феномен». И, конечно, свои собственные художественные книги, которых насчитывается более десятка наименований.

Старейший тульский писатель, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин города Тулы, член Союза писателей РСФСР и России Вячеслав Иванович Боть внес большой творческий вклад в историю тульской писательской организации как уникальный ученый и краевед. Много лет он возглавлял Тульский областной краеведческий музей, был ведущим научным сотрудником Дома-музея В.В. Вересаева. Главной страстью Вячеслава Ивановича стало увлечение военной историей Тульской области, много стихотворений посвятил Туле и ее героической обороне.

Большой внос в копилку тульской литературы внесли наши известные писатели и поэты Владимир Куликов, Валерий Ходулин, Алексей Яшин, Валерий Савостьянов, Валерий Виноградов, Евгений Трецов, Валентин Киреев, Николай Жуков, Геннадий Маркин, Ольга Коваленко (Бугримова) и каждый другой член Союза писателей России, стоящий на учете в Тульском отделении. Много десятилетий в Тульском Союзе писателей бухгалтером и секретарем работала Надежда Васильевна Коропова, которая стала настоящим наставником и помощником не одному поколению литераторов, заботливо помогала писателям, одна выполняла огромный объем не только бухгалтерской, но и организаторской работы.

Тульская писательская организация постоянно пополняется за счет литературного актива, новых авторов, которые проходят жесткий, взыскательный отбор. Для этого создан и успешно работает Творческий совет. В последние годы в Союз писателей России были приняты талантливые поэты Валерий Виноградов, Владислава Васильева, Елизавета Барапова, Ольга Леви, Александр Романов и многие другие.

Ведущий литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», сборники произведений писателей «Тульское слово», альманахи «Дым Отечества», «НЛО» (Новомосковское литературное объединение), «На крыльях «Пегаса», «Ковчег», «Алло» (Алексинское литературное объединение), «Тула» и другие издания регулярно представляют свои страницы как маститым писателям, так и молодым, начинающим авторам.

Большую работу по организации литературного процесса в Туле проводит народный поэт, председатель Тульского отделения Союза писателей России Николай Жуков. Он разработал, создал и ведет в Интернете на высоком уровне Сайт тульских писателей. На нем каждый творческий туляк может разместить свои произведения, сообщается о всех новостях литературной жизни.

Немалую организаторскую работу по привлечению к творчеству молодых прово-

дит и член Союза писателей Владимир Сапожников. Он — организатор Тульских областных слетов молодых литераторов.

В истории создания и работы Тульского отделения Союза писателей России всегда большую роль играла подготовка молодого поколения. Для этого при нем было создано областное литературное объединение «Пегас», которое возглавил писатель Николай Виноградов. В разные годы им руководили такие талантливые писатели, как первый руководитель Александр Лаврик, 100 лет со дня рождения которого мы отмечали в 2025 году, Наталья Парыгина, Николай Дружинин, Марк Дубинский и другие. Новизну в работу «Пегаса», поднятие творчества его членов на современный уровень вдохнула член Союза писателей России, литературный критик Владислава Васильева. Литературное объединение стало называться «Клуб «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России», обрело свою страницу в социальной сети ВКонтакте, а занятия стали проводиться в помещении Тульской областной научной библиотеки, что значительно расширило творческие возможности Клуба и позволило проводить его в новых форматах.

Значительную заботу о тульских писателях проявляют губернатор Д. В. Милев и министр культуры и туризма Т. В. Рыбкина. Постоянно организуются литературные мероприятия на Бежином луге, на родине В. Жуковского в Мишенском, в Пушкинский день у бюста поэта в Туле. Создан Общественный совет Министерства культуры и туризма, который решает вопросы развития творческого процесса. Выделяется транспорт для подвоза писателей к местам мероприятий. Правительство Тульской области и Министерство культуры и туризма ежегодно проводят конкурс на присуждение литературной премии имени Л. Н. Толстого, призовой фонд которой только в этом году вырос в шесть раз, Тульская областная дума — конкурс на литературную премию имени поэта Ярослава Смелякова, Тульская городская дума — на литературную премию «Истоки».

В этом году большую поддержку писатели, в т.ч. и члены Тульского отделения СПР, получили со стороны государства. Президент России В. В. Путин, с целью консолидации творческих сил страны и повышения престижа Союза писателей России, дал правительству и ведомствам ряд поручений по решению тех вопросов, которые писатели не могли добиться десятилетиями. Во-первых, Союз писателей России возглавил знаковый деятель государства — помощник Президента РФ Владимир Мединский. Во-вторых, Союз писателей России был переведен из подчинения Минцифры в Министерство культуры РФ. В-третьих, были приняты беспрецедентные меры материальной поддержки членов Союза писателей России.

Все это придает писателям не только уверенность в завтрашнем дне, но и стремление создавать новые талантливые произведения, направленные на воспитание чувства патриотизма, поддержку в проведении Специальной военной операции и любви к нашей великой Родине!

Тульские писатели, которые отмечают свой очередной славный юбилей, создают свои произведения не только для того, чтобы отразить в них современную действительность, создать летопись эпохи, в которую пришлось жить и работать. Но и для того, чтобы воспитывать нравственность и патриотизм, чувство любви к Родине, дать людям надежду и веру в светлое будущее, в то, что живут и работают они не напрасно!

*Валерий Маслов,
заместитель председателя
Тульского регионального отделения Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры РФ.*

ИТОГИ РАБОТЫ ПЯТОЙ ШКОЛЫ КРИТИКИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Вот же пять лет ежегодно в Тульской области осуществляется образовательный проект, который помогает начинающим критикам раскрыть свой потенциал, найти единомышленников и получить возможность профессионального развития. Это Школа критики, основанная в 2021 году, носит имя литературоведа, писателя Валентина Яковлевича Курбатова. Он был выдающимся мастером слова, постоянным членом жюри премии «Ясная Поляна», ярким, страстным, умным критиком.

Для того, чтобы попасть в число участников Школы критики нужно пройти серьезный отбор. От участников требуется не только написать серьезное работу на заданную тему по творчеству Льва Николаевича Толстого (в 2025 году требовалось написать эссе на 5000—7000 знаков, где сравнить представление о «Семейном счастье» в XIX веке и в XXI на примере одноименного произведения Льва Толстого и любого на выбор произведения современной отечественной литературы), необходимо представить жюри уже имеющиеся у претендента литературно-критические работы, а также написать о себе. Жюри оценивает все в совокупности, в том числе и личное резюме претендента, оценивает его не только с точки зрения талантов, но и с точки зрения целей и жизненных приоритетов будущих участников.

В 2021 году, в первую Школу критики, прошла отбор жительница Тульской области Владислава Васильева. И вот в 2025 году туляки вновь приняли участие в этом уникальном образовательном проекте. На этот раз Тульскую область представляли двое участников:

Анна Бондарева, студентка факультета журналистики МГУ из Щекино и Татьяна Фонарева, книжный блогер, участник Тульского сообщества импровизаторов «Им-проЛаб» из Тулы.

Обе участницы отмечают необыкновенно теплую, можно сказать, семейную атмосферу Школы. Экскурсию для участников по дому Льва Николаевича Толстого провел (и это уже традиционно) лично Владимир Ильич Толстой. А дальше плотное расписание мастер-классов, обучающих семинаров и, конечно же, посиделки за ужином, где мастера и ученики смогли более тесно пообщаться, поговорить о критике и литературном процессе.

Анна Бондарева отметила, как самое интересное для себя, присутствие на записи подкаста «Девчонки умнее стариков» (подкаст литературной премии «Ясная Поляна»), лекции Татьяны Соловьевой, Натальи Ломыкиной о литературном процессе и лекции Александра Маркова об использовании нейросетей (ИИ) в создании рецензии. «Искусственный интеллект все равно не заменит критика,— заметила Анна,— читать художественные произведения критику обязательно придется самому, но если уметь пользоваться нейросетями, то они могут оказать существенную помощь в написании интересной рецензии».

Татьяна Фонарева уже семь лет занимается книжным обозревательством — начинала с личного блога, а теперь хочет выйти на уровень профессиональных медиа. Участие в Школе критики стало для нее логичным шагом в этом направлении. «Главный профессиональный урок, который я усвоила, — это смелость доверять собственному аналитическому чутью и осознание ценности каждого слова. Опыт очень пригодится мне в дальнейшей работе. Публикаций пока было немного, но я определенно планирую продолжать писать»,— сказала Татьяна.

*Владислава Васильева,
г. Узловая*

Нат Весенин
(г. Тула)

ТУЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

Дорогие друзья, когда-то тульский мастер Левша подковал блоху. Было это давно. 1 мая 2024 года в городе Туле появился коллективный Левша, подковавший коня по кличке Пегас. Имя современного Левши — «Тула литературная». Работники тульских оборонных предприятий — Я, придумавший проект, и Юлия Кондакова — решили свой оружейный опыт посвятить созданию «Тулы литературной». Я работаю 30 лет на одном из ведущих оборонных предприятий Тулы слесарем механо-сборочных работ, Юлия Кондакова в оборонке около 30 лет, работает она инженером-конструктором, мама троих детей. Юлия пишет патриотические стихи, выступает на радио. Помимо нас в редакционный совет входят члены Союза писателей России Яков Шафран, Виктория Ткач и Валерий Маслов.

Когда в Тульском драматическом театре проходило праздничное мероприятие, посвященное Дню защитника Отечества, стихотворение Юлии Кондаковой «На Донбассе зима» прочла народная артистка России Наталья Савченко; оно вошло в сборник стихов, изданный к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне при поддержке Министерства культуры и туризма Тульской области, — «Военная лира. От сердца к сердцу». В сборнике, помимо Юлии Кондаковой, участвовали поэты, чья работа связана с ОПК,— Елена Барахова и Ирина Собина. Поэты поддерживают бойцов на передовой не только работой на заводе по 12 часов, но и поэтическим словом. Я хочу, чтобы вы прочли проникновенное стихотворение Юлии Кондаковой:

НА ДОНБАССЕ ЗИМА

*На Донбассе зима: мокрый снег, мелкий дождь —
Беспрерывная слякоть,
У Земли от бомбёжек неистовых дрожь,
Небу
хочется
плакать...*

*Среди пуль роковых сыплет снег все сильней
На кровавую слякоть,
И сражаются парни, теряют друзей,
Но им некогда плакать...*

*Мы помолимся Господу Богу за них,
Мы напишем им строки,
Чтоб бойцам ощутить в дни ветров ледяных
Светлой веры потоки...*

*И помогут ребятам простые слова
В боевой круговерти —
В них надежда на встречу с родными жива
И спасает от смерти...*

*На Донбассе зима, и сражаются там
Парни русские стойко,
О победе, о мире их греет мечта...
Подождать
нужно
только...*

Специальной военной операции «Тула литературная» уделяет особое внимание. Акция «Сражаяющееся слово» Владимира Алешина открыта для всех, кто хочет словом поддержать бойцов, защищающих Россию на СВО. Совместно со «Сражющимся словом» мы публикуем стихотворения как профессиональных, так и непрофессиональных тульских авторов. На наших страницах мы регулярно публикуем стихи мам героев СВО — Ольги Ноздриной и Светланы Пашковской — таким стихам мы уделяем особое внимание.

Сегодня «Тула литературная» — ведущее сетевое литературно-информационное издание писателей Тульской области. Прозаики в еженедельном формате выкладывают у нас прозу. А поэты — подборки стихотворений. Есть у нас и тематические рубрики, приуроченные к значимым событиям.

Все мы знаем, что известные мастера поэтического слова, поэты Валерий Ходулин и Валерий Савостьянов начинали свой трудовой путь на оборонных предприятиях Тулы. Среди членов Союза писателей России не один талантливый писатель-оружейник, чей трудовой путь был связан с оборонно-промышленным комплексом Тульской области, — это известный писатель Алексей Яшин, отдавший ОГК большую часть трудовой деятельности, поэт, театральный режиссер Андрей Галкин, он работал в известном КБ, Елизавета Баранова, она тоже трудилась в оборонно-промышленном комплексе, но и сейчас связана с ним научной деятельностью; поэт Анастасия Балакина — инженер-конструктор.

На страницах «Тулы литературной» публикуются начинающие авторы — работники оборонки, их много. Например, только на заводе, где я работаю, несколько талантливых поэтов и все они сотрудничают с «Тулой литературной».

Также помощник митрополита Тульского и Ефремовского Алексия по работе Общества русской словесности, магистр богословия, проповедник, литератор Олег Сенин на страницах «Тулы литературной» знакомит читателей со своими духовно-поэтическими произведениями. И поэт, писатель, зам. главного редактора журнала «Приокские зори» Яков Шафран публикует свои произведения и готовит материалы других авторов.

Мы активно сотрудничаем с Тульским региональным отделением Союза писателей России, с его председателем Николаем Жуковым, с членами правления, с журналом Тульского отделения Союза писателей России «Приокские зори».

В проект вовлечены не только оружейники, но и туляки-писатели, кого по праву можно назвать мастерами своего дела, — наш редактор Виктория Ткач, которая руководит областным Музейно-литературным объединением «Муза», помогает «Туле литературной» в качестве советника. Мы, коллективный Левша, в свою очередь, стараемся примечать еще больше талантливых работников оборонных предприятий.

В заключение хочу сказать словами из стихотворения о тульских оружейниках поэта Валерия Ходулина.

*Не снижая значенья традиций,
Говорю откровенно, как есть:
Оружейником надо родиться,
Это очень высокая честь.*

АФОРИЗМЫ

Хочешь быть позади — вечно модернизируй соху.

Единственно возможное заблуждение дурака — думать, что он умный.

Случайное знакомство — это путь в никуда или дорога к счастью.

К умной женщине лучше подкатывать с мешком книг.

Женщины, которые умеют блестать красотой, но не умеют умом, называются «блестяшки».

Правда — одна из точек зрения, когда истина неведома. Истина подтверждается наукой, правда — нашим Я.

Не можешь наслаждаться красотой — наслаждайся ее отсутвием.

Если человека не обучать правилам поведения в обществе, он так и останется животным, тем, кем и появился на свет.

Хочешь написать хорошее — пиши правду.

Самые красивые женщины - над внешностью которых поработал искусственный интеллект.

Лучше сказать своими словами неумело, чем чужими красиво.

Сложные моменты не повод для расставания, но повод для нежности.

Счастье трудно найти, но легко потерять, когда к нему относишься невнимательно.

Абсурдная афористика — это аферистика.

Не судите людей по себе — вы гораздо хуже.

Жизнь — это слезы или смех, смех или слезы, случающиеся в несерьезных промежутках.

Считать себя умным так же глупо, как и считать глупым.

Не теряйте голову, она у вас одна на плечах.

Берегите не только честь смолоду, но и репутацию до старости.

Мужчина, находящийся под пятой у любимой женщины, совершает необдуманные поступки, которые потом выходят боком и ему, и его любимой женщине.

Мудрец среди овец — баран; мудрец среди баранов — пастух.

Женщина, считающая себя самой умной в коллективе, обычно самая глупая.

Дурак не сможет отличить умного от дурака.

У молодого всегда старый виноват.

Путь, проложенный в голове к счастью, всегда будет короче того пути, который предстоит преодолеть в жизни.

Обостренное чувство справедливости не всегда правильное.

Нет такого подарка, который можно было бы подарить женщине, чтобы она никогда больше не захотела нового.

Кто думает, тот надумает.

Много говорящий попугай за умного сойдет.

Дурак рождается в споре.

Называть не абсурд абсурдом тоже абсурд.

Женщина должна быть настоящей. А игрушечные женщины пусть идут к кукольным мужчинам.

Входи только туда, откуда выйти не захочется.

При дефиците крутые идеи оцениваются выше. А когда дефицита нет — и идеи так себе!

Съёмки

ПРОРИСИ ГОРНЕГО

Литературная рецензия на книгу поэтессы Натальи Редозубовой «Прориси»

Бывают книги стихов, не гонящиеся за «спецэффектами» экспрессии, большого диапазона тем и возможностей, рифм, сюжетов и т. п., и т. д., но привлекающие внимание именно благородным аскетизмом — не наигранным, а отражающим вдумчивое и трепетное отношение к слову, целомудренностью в попытках коснуться трудно выражимого, а то и несказанного...

Книга Натальи Редозубовой «Прориси» — именно из таких.

Название книги сразу же ориентирует, чего от нее ждать. Мир — внешний и внутренний — важен и значителен постольку, поскольку в нем можно увидеть — прожить, запечатлеть — «прориси» Божьего замысла.

Семантическая «нагрузка» понятия, идущая от его происхождения («прорись» — прежде всего подготовительный этап для создания иконы или фрески и лишь затем — набросок в широком смысле этого слова), дает понять, что в прориси меньше, так сказать, самостоятельности и своеvolutionя, нежели в наброске, — необходимо прорисовать, не исказив, то, что уже существует. Велика ответственность, точны должны быть «глаз и рука» души — ведь окружающее порой страшно, болезненно, бессмысленно и безлюбовно настолько, что нет сил поверить — здесь есть Божий замысел?

Да и сам фонетический образ слова — двойное «р» с глухим «с» намекает на большой и непростой труд — прорисовать — «процарапать» — даже не «проявить»!

Именно с растерянности перед окружающим начинается лирический сюжет книги: первый раздел ее называется «Очевидцы последних времен». Можно сколь угодно говорить о том, что стоит за этим ощущением — обостренное ли мистическое чувство, влияние ли определенных личностей, книг, концепций или так претворяется жизненная горечь от конкретных событий в собственной жизни — очевидно то, что для «лирического я» в этой части книги ощущение «конца при дверях» — подлинное и глубокое переживание.

Ценно ли это переживание-проживание для читателя и к чему оно подтолкнет, сподвигнет его? Я вспомнила себя подростком — тринадцати, четырнадцати, пятнадцати лет — в 1984—1985—1986-м соответственно — ощущение «все рушится», озаряемое, тем не менее, времем решимостью «ждать, умнеть, готовиться в путь». Тогда рухнул только СССР, — мир вокруг, напротив, показался дружелюбнее и доступнее. И надо всем было то, что я бы назвала взысканием «нового неба и новой земли».

Да, это совсем другая история... И все же вот это «все рушится» — и вместе с тем принятие того, что «очередь наша» — через свой поколенческий опыт я начала проживать опыт «лирического я», чувствующего себя «очевидцем последних времен».

Поначалу меня даже несколько удивило, что экзистенциального ужаса от ощущения сгущающейся тьмы — нет. Действительно, в чем она, тьма? Внешнее: «БПЛА летают над Волгой, / Белгородом, сеют лихо», «Слышино о морах, войнах, / поруганиях Божьей славы», «трезвон-перезвон, / квизы, чаты, опросы, советы...» — говорится об этом летописно-спокойно, так что нам почти и не страшно.

Но страшнее и горче для «лирического я» признание собственной слабости в противостоянии злу и утверждении любви: «кем мы стали друг другу, / нарезая свои километры, / может быть, от друзей/отреклись, позабыв адресатов?..»

Двойственное и вместе с тем пронзительное стихотворение, на мой вкус, лучшее в данном разделе, — не удержусь, чтобы не процитировать значительную часть:

*И как не уверяем мы себя,
Что зарево таинственного дня*

*Лишь отблеск солнца, а не Страшный суд,
гипербола, которой потрясут
как погремушкой, оборотом речи,
а о суде не может быть и речи,
и апокалипсис, далекий, как Э:бала —
неточный перевод сего глагола...
...но ad реален, близок, ибо в нас,
И сколько уж не обходилось раз,
А засосет под ложечкой, стеснится...*

С одной стороны, будучи хоть сколько-то трезвым и честным с собой человеком, понимаешь и принимаешь, что «все всерьез», что фальшивы «позитивки» о том, что «на западной стене система сплит, / несущая прохладу полдням, Бог простит...»

А с другой — здесь этого не сказано прямо, но я слышу «Господи, побереги Содом, в этом Содоме мой дом» — возможно, это слишком личное, слишком мое, но, в конце концов, почему бы и нет? Почему бы не понять лучше себя таким образом? Почему бы не говорить, и даже не спорить с книгой, как с собеседником, тем более что эта книга, искренняя и личностная, именно такова?

Просто и прямо сказано во втором разделе книги — «Тропинками узкими»:

*Поэзия честна пред Богом и людьми —
дневник сердечных ран и миру слез незримых,
и песня не обман, а строчки на крови,
прострочены легко и крепко — не разнимешь —*

И «честность» поэзии здесь как раз в том, что ею устанавливаются, утверждаются связи с самыми разными людьми.

Вот, например, Марина Марковна, что «в памяти своей хранила / тьмы тем имен — далеких, близких», и которую даже за гранью земной жизни просят: «...так воздухни, как здесь просила, не по запискам».

А вот «дядя Толя, сиделец», который «невзначай суицидит», но:

*Реанимированный, правда, сразу бормочет:
попутал бес, и что с дурака возьмешь-то, —
прослезится, но кается большие для дочери —
не буду и все такое, да вы не тревожьтесь...*

Даже для него находится надежда и свой уголок райского сада:

*...во сне дом вернется к нему снесенный,
в вишневых, яблоневых, грушевых ветках,
и он меж них молодой, спасенный.*

Нет, не фальшивы и не пусты здесь слова о спасении. Это не начетничество «два греха на эту чашу, три добрых дела на другую — ура, перевесило!» Не «позитивчик» типа: «Ведь ты этого достоин!». Но — невозможная надежда на спасение, живое дело Любви — донесение мольбы и покаяния Тому, Кто (умолкаю, чтобы не профанировать, потому что надо иметь право на такие слова)...

...И еще потому это полновесно, что это поэзия, а поэзия есть особый способ связи с Богом.

Можно говорить об этом с трезвой самоиронией, но ведь как-то оно так (снова умоляю и даю слово самим стихам):

*Тянет на ночь почитать одного Исаию:
я, наверное, на нем сильно зависаю.
И пророчества его — молоком и медом,
а не карой грозною своему народу.
Никаких вопросов так, никаких ответов,
это как поэзия — Бог избрал поэтов.*

Здесь отсутствие «вопросов и ответов» только кажущееся. Если поэзия настоящая — все там есть, не беспокойтесь. Как тот самый суслик, которого не видно, а он есть.

Все там — в звуках, которые текут «молоком и медом», в той сердечной распахнутости, которая позволяет другому сердцу, порой с другим совсем опытом, вслушаться в себя и найти свои собственные, не навязанные, не казенные вопросы и ответы.

И это — великая награда поэта.

В том, что вот — будешь вот так царапать «штукатурку», продираться — и вдруг — свет Горнего. Бессмыслица жизни наполняется смыслом и надеждой. Вот, оказывается, в чем замысел Творца о нас. Вот, оказывается, по какой основе, по каким прорисям мы можем создавать великую картину жизни.

*Марина Покровская,
член редакционного совета
журнала «Лиффт» (Калуга)*

СЭЮЮЮ

СИНДРОМ ПЕРЕЛИСТЫВАНИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИАГНОЗ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»

Оsmелюсь обратить внимание просвещенной публики на тот факт, что с недавних пор глагол «листать» в русском языке получил дополнительное, несвойственное ему ранее значение, непосредственно с «листом» (книжным, журнальным, газетным) никак не связанное, и вновь обретенная семантика слова довольно прочно закрепилась в речевом обиходе. Сейчас мы все чаще можем услышать: «Листай дальше!» при просмотре серии фотографий на гаджете. «Листает переписку в соцсетях» — тоже распространенное выражение среди сограждан, оснащенных новейшими устройствами. А труженик-айтишник, скорее, перелистывает нежели просматривает нужные ему страницы интернета. Так что впору ждать обновления словарных статей в академических вocabулярах (вполне в духе сегодняшней языковедческой фронды).

Ушли в прошлое белые (помните? они в минувшем веке были голубовато-белыми, ослепительными!) листы бумаги с неповторимой фактурой и особым запахом. Не найти теперь таких листов, а однокоренное слово осталось поныне и пойдет с нами дальше: перелистывание...

Роман «А роза упала на лапу Азора» натолкнул на мысль о том, что «перелистывание» можно рассматривать в качестве социального синдрома. Оговорюсь: сам А.А. Яшин терминологического подтекста в глагол «перелистывать» не вкладывает и даже существительное «перелистывание», насколько помниться, не употребляет. А если и употребляет, то ни в коем случае не насыщает псевдонаучными коннотациями, как это позволил себе ваш покорный слуга в заголовке данной статьи. Однако писатель однозначно фиксирует в жизни современного просвещенного класса (связанного с книгами, конечно же, с книгами!) такую особенность: возьмем мы какое-либо издание, полистаем-полистаем, прочтем на выбор абзац, страничку, главку, а там уж и на весь фолиант аппетит нагуляем. Точно подмечено, не правда ли?..

Процитируем из «Розы...»: «...сейчас в ходу устойчивый уже мнемоним «полистать книжку».

Точно, в ходу! А уже в аннотации к изданному в 2025 году «Триолету в прозе» (так сам А. Яшин определяет жанр нового произведения) мы читаем: «Думается, что и эту, четырнадцатую по счету, книгу рассказов Николая Андреяновича кто-то на досуге полистает... а иной и прочитает». А через десяток страниц — авторский совет читателю: «...каждую новеллу листать тоже с конца ее. Ни много, ни мало». Совет нестандартный, согласитесь, который многое раскрывает и в творческом методе писателя Яшина, и в структуре «триолета», и в его жанровой форме.

Сам А. Яшин, судя по всему, не подвержен синдрому перелистывания, а ближний круг его — точно. Сие документально подтверждено. В предисловии «От автора» прямо так и указано: «...научный коллега в академическом звании и солидном авторитете... с профессорской сановитостью и остеопененной основательностью, по-учительностью лекционного оратора разъяснил, как он читает книги: «Беру ее, голубушку, читаю несколько первых страниц, затем с конца столько же и в середине научад. После чего с начала до конца, как говорится, от корки до корки, неторопливо перелистываю книгу, порой задерживаюсь на заинтересовавших эпизодах...».

Да и герои «Триолета в прозе» поступают сходным образом. В новелле «Долг платежом красен» мы узнаем, что инженер-конструктор Игорь Скородумов, будучи начинающим библиофилом, «... каждую вновь купленную книгу с интересом пролистывал, а иногда за чтением заинтересовавших страниц и вовсе весь вечер проводил...».

Что уж там говорить: автор этих строк знакомство с новым произведением А. Яшина построил именно по такому алгоритму. Ну, то есть начальные страницы про-

смотрел, заглянул на те, что после трехсот сороковой идут, с названиями новелл в серединке ознакомился. А уж затем... Но не будем повторяться.

Итак, наличие синдрома перелистывания следует считать установленным. И академики ему подвержены, и писатели, и литературные критики, и даже книжные персонажи.

А вот почему данный синдром сформировался? Что стоит за подобным читательским поведением? Не будет ли натяжкой говорить в данном отношении о некоем диагнозе нашего общества?

Попробую объясниться. Здесь, на мой взгляд, двоякий процесс. Одна его сторона касается крайне небольшого количества профессионально работающих с текстами субъектов. Профессионально и добросовестно работающих, следует подчеркнуть, без всяких там ИИ!

Такие вот честные профессионалы новую книгу открывают с осторожностью, поскольку за последние три-четыре десятка лет их слишком часто обманывали издатели и писатели. Обманывали, однако, до конца не вытравили в их душах доверия к печатному слову, уважения к труду коллег. Очевидно, трудяги от литературы подсознательно экстраполируют на всех собратьев по перу собственную привычку несуетно складывать буковку к буковке, словечко к словечку. Однако ныне это племя пишущих могикан уходит в небытие, безжалостно истребляемое ковбойским наскоком современных издательских проектов, нацеленных исключительно на коммерческий успех и, стало быть, изначально рассчитанных на обман.

Возьмите любую рекламу любого «раскручиваемого» ПИПа (*термин Ю. Полякова, о нем см. мою статью в № 1 ПЗ за 2019 год*), и вы столкнетесь с неоднократно использованной схемой. Чтобы склонить вас к покупке своего изделия, маркетологи от беллетристики действуют шаблонно, но, как им кажется, эффективно. Клише всех аннотаций едино: Джон Джонсон... (или Иван Иванов, хотя чаще все-таки Джон Джонсон: как ни издается современная пропаганда над так называемыми интеллектуалами из так называемых недружественных стран, а свараганенное на западный манер имечко на обложке все-таки пока привлекательнее для покупателя — инерция мышления-с!). Итак, «Джон Джонсон в своем нашумевшем романе (где же это он нашумел-то?.. кто-нибудь слышал?..) резко обнажает пороки современного общества (как же не почитать про пороки?! - потенциальный читатель слатывает слону). Известный писатель (известный? гм-гм...) смело исследует проблему социального раслоения и взаимного непонимания в нынешнем мире (а на самом деле по ходу развития сюжета английский аристократ — вот уж как нам интересно читать про английских аристократов! — затачивает в свою ванную дохлую лошадь, чтобы инспирировать дворецкого: «Приготовьте мне ванную, Сэм!» — «Слушаю, сэр!.. Но там дохлая лошадь, сэр!!!» — «Я знаю, Сэм!» Ха-ха-ха!). Находясь в рамках привычных социальных ролей, герои Джонсона пытаются вести обычную жизнь (аристократ приказывает дворецкому наполнить ванну, тот отправляется исполнять поручение), но отжившие формы общественного бытия лишь маскируют и не могут подавить бушующие под личиной благопристойности страсти нашего современника, который за внешней невозмутимостью хранит мрачные тайны своего эgo (дворецкий докладывает, что ванна готова). Не в силах предугадать, какова оборотная сторона кажущегося таким комфорtnым, таким устоявшимся уклада жизни, привыкшие с высокомерной иронией взирать на подвластных им людей, хозяева жизни неминуемо обнажают свою беззащитность перед суровой реальностью («Но ведь там дохлая лошадь!» — кричит аристократ). Сюрреализм сложившегося порядка вещей раскрывает неожиданная концовка романа («Я знаю, сэр!» — отвечает дворецкий), и этот открытый финал потрясает читателя, оставляя долгое послевкусие...». Ну и дальше в том же стиле.

Интересно, находятся ли все еще читатели, которых способна увлечь подобная

белиберда? По мне, наскучило такое до тошноты! Пусть маркетологи из крупных издательств выдумывают другие рекламные клише. Это единственное, что поможет им продвигать на рынке свежеотпечатанную макулатуру. Ну, в самом деле, не станут же крупные издательства поддерживать хорошую, качественную литературу! Не начнут же искать новых интересных авторов, разнообразить свой портфель, диверсифицировать продукцию! Им прибыль нужна! Разговоры про социальную ответственность, про специфичность издательского бизнеса крупных инвесторов крайне огорчают. Или попросту раздражают...

Впрочем, вернемся к перелистыванию. Зайдешь этак в книжный магазин, повертишь в руках томик Джона Джонсона, зевнешь, да и поставишь обратно на полку. Так вот и формируется привычка перелистывать. Полезная привычка, ибо помогает защититься от назойливо продаваемых ПИП. Правда, только тем, у кого читательский вкус уже сформировался, тем, кто по десяти-пятнадцати строчкам способен определить, достойна ли его внимания и времени предлагаемая печатная продукция. А ведь тех, кто НЕ способен, многократно больше!

Вот ведь в чем проблема! Добрый народ наш уверен, что в книжных магазинах продаются книги, а не отрава для мух. Уверен, что раз написано про Джона Джонсона — «писатель», то, стало быть, писатель он и есть. Раз тома в мягком переплете расположены на развале под плакатиком «Бестселлер», то, наверное, есть смысл ознакомиться с содержанием, оказаться, так сказать, в курсе, попасть, так сказать, в струю. И вот уже не писатель, а читатель (массовый читатель, тоже многократно ПИПами обласкашенный и обворованный!) начинает, слюнявя палец, шелестеть листами.

Если уж говорить о социальной симптоматике явления «перелистывания», то лениво-снисходительное переворачивание страниц порождено, разумеется, кризисом литературы. Кризисом общества, в котором чтение заменено перелистыванием.

Сознание наше кардинально переформатировано. Хотим мы того или нет (а мы не хотим, ни в коем случае не хотим!), заметили мы или нет (да не заметили, прошляпили!), а факт этот следует признать. Ныне чтение лишено воспитывающих и формирующих функций, сведено к умению механически соединять слоги в слова.

Овладевший таким навыком субъект в массовом сознании считается умеющим читать. Школу он полностью устраивает: в 4 классе у него проверят «технику чтения», перед ОГЭ — способность одолеть текст в 150-200 слов (с картинками, с картинками, пусть бабушки-дедушки отложат валидол!), перед ЕГЭ предложат написать самодонос: какие книги из школьной программы ты, такой-сякой, запомнил? «Анну Карамазову»?.. Ну, ладно, на «троичку» пойдет... Вступай во взрослую жизнь, выпускник, наследник Пушкина и Чехова!

Если же родители по какой-либо причине (для современного человека непонятной) решат приобщить отпрыска к литературе, то делают это обычно с угрюмством обреченного стоика: «Сядь, почитай!.. Читай, кому говорю! Ты будешь читать или нет? Я уже весь язык обтрепала, а ты ни странички не прочел! Открой книжку, я тебя сказала!»

А где фраза: «Какая интересная и полезная книга!» Где фраза: «Какой глубокий писатель, какой сочный русский язык!» Наконец, где главная фраза: «Какую прекрасную книгу Я ПРОЧИТАЛА! Вот, ВОЗЬМИ!»

Выходит, мы — родители, школа, социум — способны лишь принуждать, заставлять ребенка читать, исходя исключительно из утилитарных соображений. А коли так, то и получаем заслуженное: вместо чтения — навык начетничества, чисто механическое сложение слогов в слова. И процесс приобщения юного читателя к книге на этом завершается, не приводя его ни к эмпатии, ни к рефлексии, ни к логическим выводам, ни к духовному росту.

У Глеба Успенского есть рассказ «Выпрямила», героя которого искусство возвышает, помогает найти смысл жизни, обрести самосознание. Современная литература

тура себя от таких задач самочинно освободила. Нынче мы безжалостно горбатим подрастающее поколение, с малолетства уродуем так, что и могила не исправит.

На страницах литературного и публицистического журнала уместно говорить о роли именно литературы в современном обществе, однако те же негативные процессы очевидны и в живописи, и в театре, и в музыке...

Впрочем, не будем в полемическом задоре сгущать краски. Деструктивные тенденции в отечественном искусстве реальны, но не фатальны. Немало в России талантливых художников, музыкантов, деятелей театра, для которых искусство остается служением — высшему идеалу, своей стране, человечеству.

И литераторы такие есть! Они нынче разобщены, дезориентированы равнодушием государства, ослаблены нападками (да не нападками — организованной травлей) со стороны пытающихся приватизировать русское слово торгащей от беллетристики, но светлый, спасительный труд искусства не прекращается.

Думается, в настоящее время настало время индивидуальной внутренней работы над собой. Работы и писателя, читателя. Процитирую вновь А.А. Яшина из «Триолета в прозе»: «Писатель — он, конечно, горьковский инженер душ, но все же витает в эмпирах, характеры сочиняет всякие, осторожно критику наводит... словом, далековато от общенародной скучной жизни. А вот читатель и есть народ, хорошо понимает сегодняшнюю жизнь. Она же такова нынешняя, что следует во всем осторожным быть».

Итак, оба — и читатель, и писатель — должны бы осознать свою ответственность за русскую литературу, и за стоящую за литературой цивилизацию, и за стоящую за цивилизацией страну. В равной мере за них ответственны и те, кто пишет книги, и те, кто книги берет в руки.

И вот когда придет осознание такой ответственности, возможно, наш народ перейдет от перелистывания к чтению.

*Игорь Карлов,
г. Стамбул, Турция*

СЭЮР

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высыпает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

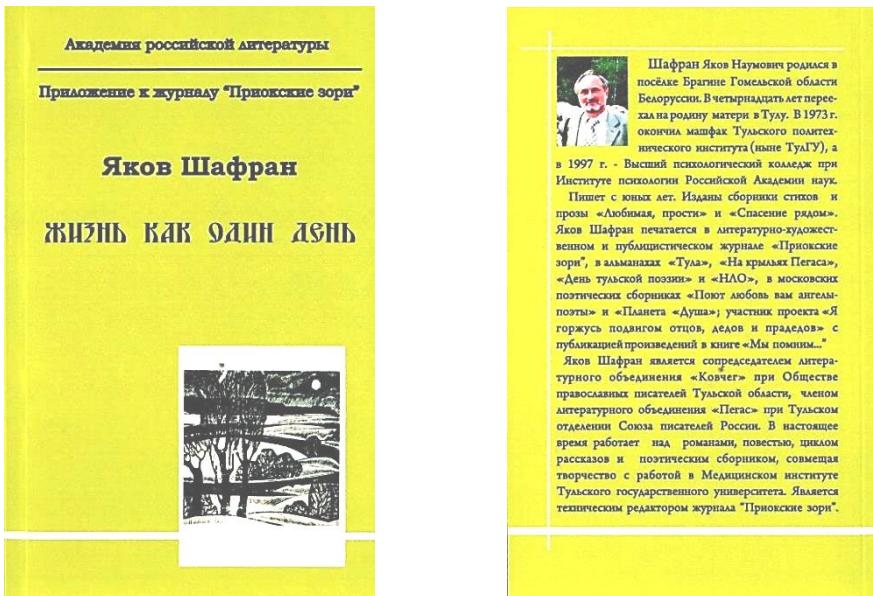
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., *является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»*. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частнотемеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высыпает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1—4.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2025.— № 1—5 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2025.— №№ 1—3. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *Александръ*. Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Иртышъ-Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2024.— № 1—2 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Север*.— 2024.— № 5. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
7. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 16.— Тула: ТППО, 2025. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстых А. П. Словарь языка Алексея Яшина*.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия*.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстых А. П. Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2)*.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреяновича)*: Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также ли-

тераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2026-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добный путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Уважаемые коллеги, авторы и читатели «МОСКОВСКОГО ПАРНАСА»!
Сообщаем, что издан очередной № 3 литературного альманаха «Московский Парнас». Поздравляем авторов и читателей «Парнаса» с изданием, желаем доброго здоровья и новых творческих успехов!

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

24 сентября в библиотеке им. Пабло Неруды состоялась творческая встреча писателей Москвы и Подмосковья (общее собрание Академии российской литературы). В ходе мероприятия состоялась презентация Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» № 3/2025 г.

Участники творческой встречи приветствовали юбиляра, известного российского литератора, видного общественного деятеля, члена Союза писателей РФ, заслуженного члена Академии российской литературы Валерия Бутова. Валерий Григорьевич представил свои новые книги, был отмечен на страницах «Московского Парнаса» и награжден Дипломом Академии в честь 85-летия. Авторов альманаха представил главный редактор издания Евгений Скоблов.

С приветствием выступил член Правления РОО МГО СПР, руководитель литературно-музыкального объединения «Избранники Муз» Борис Борисович Катковский.

Свои произведения представили Петр Гулдедава, Виктор Родионов, Татьяна Чеглова). В ходе обсуждения альманаха выступили актер театра и кино, автор «Московского Парнаса», поэт, публицист и журналист Константин Спасский, член Правления Академии Александр Тарасов, Марина Зайцева (Гольберг), Татьяна Васильева.

Правление Академии выражает сердечную благодарность руководству библиотеки (№62) им. Пабло Неруды за оказание помощи и содействия в проведении творческой встречи.

Фото Ольги Карагодиной.

* * *

Дорогие друзья!

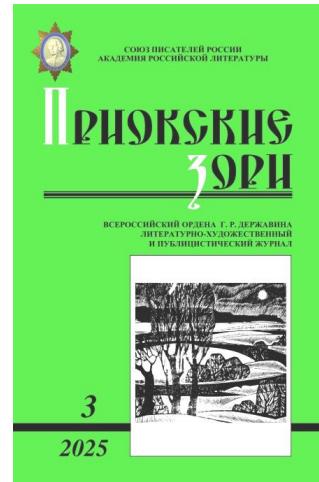
Вышел в свет № 3, 2025 г. выходящего в Туле Все-российского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», находящегося под эгидой Союза писателей России и АРЛ.

* * *

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляют с Днем рождения известного российского писателя, ответственного секретаря Тюменского регионального Союза писателей России, главного редактора литературно-художественного журнала «Врата Сибири» — Леонида Кирилловича Иванова!

Леонид Иванов — Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Белу-

ха» в номинации «За плодотворную литературную деятельность и верность традициям русской литературы».

Автор книг «Первый парень на деревне» (2009), «Леший» (2010), «Будем жить!» (2011), «Палата 206» (2011), «Покойники — народ смирный» (2012), «Побег с погоста» (2012) «Пришалимки» (2012), «Избранное» в 2 томах (2013), «Охотничий сезон» (2016) и многих других.

Леонид Кириллович ведет большую общественную работу, активно помогает молодым авторам. Является членом жюри литературных конкурсов, руководит литературным объединением при Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева.

Увлекается горными лыжами, фотографией и путешествиями.

Леонид Иванов родился 8 октября 1949 года в семье сосланных в лесную глушь Вологодчины финнов, после школы был сплавщиком, строителем ЛЭП, заведовал сельским клубом, а затем, в семнадцать лет, по воле судьбы, имея несколько написанных рассказов, с восемью классами образования был принят литературным сотрудником в районную газету «Волна» Вологодской области. Позднее экстерном сдал экзамены за среднюю школу, служил в армии, заочно закончил филфак Череповецкого госпединститута, отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. После районной газеты полтора десятка лет работал на телевидении, пытался заниматься малым бизнесом, возглавлял информационное агентство при администрации Тюменской области, пятнадцать лет был собственным корреспондентом газеты «Труд» и одновременно шеф-редактором регионального выпуска газеты «Труд». С 2009 года доктор политических наук Л. К. Иванов работает в должности пресс-атташе Тюменского государственного нефтегазового университета.

Правление Академии поздравляет Леонида Иванова, желает доброго здоровья и дальнейших творческих успехов!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО: ЗА ВКЛАД В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Союз писателей России с глубоким уважением и гордостью поздравляет **Леонида Леонидовича Палько**, генерального директора издательства «ВЕЧЕ» и члена Правления СП России, с высокой государственной наградой — Орденом Александра Невского!

Указ Президента Российской Федерации отмечает его большой вклад в развитие отечественной литературы, многолетнюю плодотворную творческую деятельность и издание книг, которые не только освещают историю страны, но и способствуют укреплению духовно-нравственных ценностей.

Награду в Кремле руководителю издательства «ВЕЧЕ», вице-управляющему президенту Российского книжного Союза вручил С. В. Кириенко.

Издательство «ВЕЧЕ» — одно из самых авторитетных и влиятельных книгоиздательств России. Под его крылом вышли произведения, ставшие настоящими бестселлерами, а также фундаментальные научные и литературные издания, формирующие культурное сознание миллионов читателей.

Орден Александра Невского — это признание того, что создание книги — акт ответственности перед народом, страной и будущим.

* * *

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ ПОДПИСАЛИ МЕМОРАНДУМ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

На фоне масштабного культурного события — Московской международной книжной ярмарки (ММКЯ) 2025 — состоялось подписание важного соглашения между двумя крупнейшими литературными объединениями: Общероссийской общественной организацией «Союз писателей России» и общественным объединением «Союз писателей Беларуси».

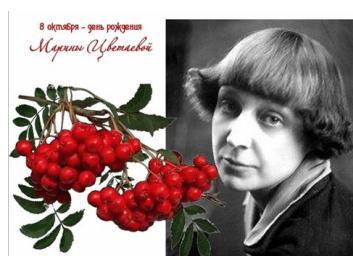
От имени СПР документ подписал ответственный секретарь Правления **Николай Федорович Иванов**, а от имени Союза писателей Беларуси — его председатель **Александр Николаевич Карлюкевич**.

«Мы уже много лет очень тесно сотрудничаем с Союзом писателей Республики Беларусь. Мы — единственные творческие организации, которые при образовании Союзного государства объединились в единый союз. У нас проходит очень много совместных мероприятий, проводим совместные пленумы. Этот меморандум — очередной шаг для более тесной и объемной работы и открытия новых горизонтов. Мы сейчас подписываем не просто соглашение, мы подтверждаем единство братского союза писателей», — отметил Николай Иванов.

Меморандум направлен на развитие многопланового сотрудничества в сфере литературы, издательства и культурного обмена.

* * *

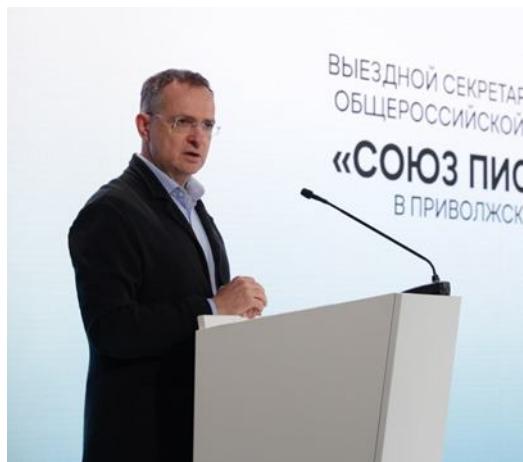
8 ОКТЯБРЯ 1892 ГОДА РОДИЛАСЬ МАРИНА ЦВЕТАЕВА

«Два солнца стынут
— о, Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.
Как эти солнца — прошу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей...»

* * *

ВЛАДИМИР МЕДИНСКИЙ О СИЛЕ СЛОВА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ:

«Не могу не прокомментировать то, как серьезно относятся к писателям наши противники.

На Украине принят подзаконный акт, где перечислены подробно все деятели культуры нашей общей истории, которые подлежат теперь на Украине забвению, вычеркиванию из публичного пространства.

Это означает автоматическое изъятие книг из библиотек, снос памятников, переименование улиц. Тотально, везде. Улицы, площади, скверы, мемориальные доски — все на свалку. Этот список, конечно, мы с вами читаем, примерно, как в советские годы

читали бы журнал «Крокодил», потому что такое нарочно не придумаешь.

Люди, которые написали этот список, отличаются двумя характерными качествами. Они, с одной стороны, конечно, выродки, но, с другой стороны, при этом клинические идиоты. Поэтому читать это и грустно, и смешно одновременно. В этом списке Жуковский, Державин, Тургенев, Виссарион Белинский... И, понятное дело, романтики Империи, как там написано, Пушкин и Лермонтов.

Боятся. Понимают, что русское слово можно приравнять к штыку.

Это лишний раз говорит о том, насколько важны писатели. Если те оккупанты, которые захватили власть в русском городе Киеве, так боятся Пушкина, Лермонтова и Жуковского, значит, есть за что. Поэтому, когда вы пишете, понимайте вашу ответственность и силу вашего слова»

* * *

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «СТАЛИН. ДВАДЦАТЬ УРОКОВ» В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

30 октября в Книжной лавке писателей на Комсомольском проспекте, 13 состоится встреча с авторами книги **Святославом Рыбасом и Екатериной Рыбас** — историками и публицистами, чьи работы неизменно вызывают живой отклик у читателей.

Авторы представлят новый труд «Сталин. Двадцать уроков». Это разговор как попытка понять, какие уроки можно извлечь сегодня — для общества, власти и каждого человека.

* * *

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

14 октября ответственный секретарь Секретариата Правления Союза писателей России Иванов Н. Ф. провел рабочую встречу с Председателем Тульского регионального отделения Союза писателей России Жуковым Н. А. и директором ТРО СПР Калининым А. А.

Были затронуты вопросы подготовки к торжественному собранию в ноябре, посвященному 65-летию Тульского регионального отделения Союза писателей России; проведения в Москве декабрьского съезда СПР; приема в члены СПР кандидатов, на льготных условиях перешедших из СРП и принятых на общих основаниях, которые были рассмотрены на общих собраниях ТРО СПР 01.06.2025 и 30.08.2025. Также были подняты

вопросы сотрудничества с органами государственной власти, финансирования уставной деятельности, выделения офисного помещения, вопросы хозяйственной деятельности.

* * *

УРОК МУЖЕСТВА

13 октября 2025 года в Тульском лицее № 2 **Николай Макаров** провел уроки Мужества с учениками.

В ходе встреч писатель рассказал о своем творческом пути, об учебе в сельской школе, как, начиная с первого класса, стал пробовать себя в «бумагомарании».

Также поведал о своей службе в Воздушно-десантных войсках, о людях, с которыми вместе служил, в том числе о своем друге Михаиле Алехине, на уроках которого проходили общения с одиннадцатиклассниками.

По окончании в Военном музее Лицея прошла презентация книги «Кавалеры полководческих орденов земли Тульской» с вручением авторских экземпляров с дарственной подписью.

* * *

Тульский писатель Николай Макаров стал членом редколлегии журнала «АЛЕКСАНДРЪ».

* * *

ТУЛЬСКОМУ ПОЛКУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ — ПРИБЫЛО!

На высоком организационном уровне в Тульской областной научной библиотеке в присутствии Генерального директора регионального Библиотечно-информационного комплекса **Юлии Владимировны Ивановой** — лучшего друга писателей — прошло внеочередное общее собрание Тульского регионального отделения Союза писателей России.

В начале собрания был организован прием книг в рамках акции «Тульские писатели для участников СВО», которые будут доставлены в ближайшее время с гуманитарным грузом в зону боевых действий.

Тульские писатели горячо присоединились к поздравлениям Губернатора **Миляева Дмитрия Вячеславовича** с его 50-летним юбилеем и поздравили с днем рождения своих коллег - Агибалову Изольду Львовну, Вишневецкого Александра Евгеньевича и Директора ТРО СПР Калинина Антона Алексеевича.

130 ЛЕТ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Тульское региональное отделение Союза писателей России в сотрудничестве с Комнатой истории ЦПКО им. Белоусова и учащимися ЦО № 8 с особой душевной теплотой отметили 130-летие **Сергея Есенина**. Рядом с бюстом великого русского поэта читали его и авторские стихи, говорили слова в честь славного сына русского народа: НО БОЛЕЕ ВСЕГО ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ КРАЮ ЕГО ТОМИЛА, МУЧИЛА И ЖГЛА...

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

Правление ТРО СПР поздравляет с юбилеем члена правления **Сапожникова Владимира Григорьевича** и членов организации **Коваленко (Бугримову) Ольгу Николаевну**, **Пархоменко Ирину Васильевну** и **Шафрана Якова Наумовича**!

* * *

ТУЛЯК СТАЛ ФИНАЛИСТОМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРЕМИИ

31 октября в Москве в Институте славянской культуры прошла церемония награждения победителей Всероссийской премии «Белые крылья Непрядвы» за 2025 год.

Организаторами премии, которая посвящена событиям Куликовской битвы, являются Российской государственный университет им. А. Н. Косыгина и ассоциация «Лермонтовское наследие» (возглавляется потомком знаменитого поэта — М. Ю. Лермонтовым-младшим).

Премия вручалась по 4 номинациям. В номинации «Поэзия» в числе 8 финалистов оказался тульский писатель **В. Г. Сапожников**, который был награжден соответствующим дипломом.

* * *

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА ВЛАДИМИРА САПОЖНИКОВА

В издательстве ТулГУ вышла в свет новая книга стихов **Владимира Сапожникова** «Времена жизни». В начале сборника размещена рецензия известного тульского литературного критика, члена Союза писателей России Е. И. Трещева, посвященная поэтическому творчеству В. Сапожникова. В книге 12 разделов стихов. 16 октября состоялась радиопрезентация нового сборника стихов В. Сапожникова на радио Россия — Тула с участием старейшего тульского журналиста и литературоведа В. В. Щеглова.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ ЖУРНАЛА

Литературному шеф-редактору журнала «Приокские зори» Алексею Афанасьевичу Яшину

Уважаемый Алексей Афанасьевич, сердечно поздравляю Вас, редакционный коллектив, авторов журнала «Приокские зори» и читателей с 20-летним юбилеем!

Нам всем хорошо известен тот не простой путь, который журнал преодолел за годы своего существования. И я с огромным удовлетворением отмечаю, что в условиях рыночной экономики коллектив «Приокских зорь» выстоял и обрел второе дыхание.

На его страницах публиковались и публикуются лучшие произведения российских и зарубежных писателей, в том числе тульяков.

Так, в разные годы авторами журнала были известные тульские писатели Виктор Пахомов, Валерий Ходулин, Валерий Маслов, Яков Шафран, Владимир Сапожников, Валентин Киреев, Валерий Кулешов, Олег Пантиухин, Валерий Савостьянов, Генна-306

дий Маркин, Николай Макаров и многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие гордость тульской словесности.

Все прошедшие двадцать лет журнал «Приокские зори» неизменно и с честью несет свою патриотическую и нравственную миссию, утверждая идеи государственности и служения Отечеству.

От всей души желаю журналу «Приокские зори» долголетия, процветания, расширения и умножения читательской аудитории. А редакционному коллективу журнала, его авторам и читателям — крепкого здоровья, счастья, творческих находок и благополучия!

*Евгений Иванович Трецев,
г. Щекино*

Сегодня журналу «Приокские зори» исполняется двадцать лет

Это не просто дата, это целая история — история упорного труда, бескорыстного служения литературе и настоящей веры в силу слова.

Мы с Виталием Ковалевым сердечно поздравляем коллектив и всех авторов журнала с этой знаменательной датой.

Особые слова благодарности хочется сказать главному редактору «Приокских зорь» Алексею Афанасьевичу Яшину. Ученый-биофизик, писатель, подвижник, основатель журнала, он сумел не только сохранить его на протяжении двух десятилетий, но и превратить в площадку для новых имен, в пространство, где молодые авторы находят свою дорогу в литературу.

В его статьях мы находим и внимание к литературе, и чуткость к проблемам мира — это делает их по-настоящему значимыми.

Лично для меня Алексей Афанасьевич — человек, которому я бесконечно благодарна. Именно он, еще в 2010 году, разглядел во мне литературные задатки и поддержал, когда я только начинала свой путь. Благодаря ему я продолжаю заниматься прозой и счастлива помогать журналу и как художник.

Журнал «Приокские зори» за двадцать лет стал домом для многих авторов, школой для начинающих и настоящей культурной крепостью. Мы желаем ему долгой жизни, новых открытий, ярких имен и верных читателей.

Пусть слово, звучащее со страниц «Приокских зорь», всегда несет свет, вдохновение и надежду.

*С любовью и уважением,
Олеся Янгол и Виталий Ковалев,
Юрмала, Латвия*

Дорогая редакция!

Мои поздравления — к 20-летию журнала «Приокские зори»!

Творческой энергии, новых талантливых авторов, дальнейшего притока читателей. Пусть журнал «Приокские зори» и дальше остается притягательным для многочисленных любителей литературы.

*Ефим Гаммер,
лауреат журнальной премии «Левша»,
Иерусалим, Израиль*

Мне от всей души хочется поздравить А.А. Яшина и всех сотрудников редакции журнала, страницы которого несут истинно российскую духовную словесность с ее божественной спецификой, сохранять которую для будущих поколений, как я полагаю, необходимо. В этом, кроме прочего, состоит историческая заслуга Вашего журнала и тульских альманахов «Ковчег» (под редакцией Якова Наумовича Шафрана) и «На крыльях «Пегаса» (под редакцией Эдуарда Павловича Георгиев-

ского). События в стране вот уже много лет, по моему мнению, не только этому не способствуют, но даже, напротив, идут в противоположном направлении!

Мой личный опыт общения с редакциями столичных (Москвы и Санкт-Петербурга) периодических изданий показал их пренебрежение и даже высокомерие по отношению к новым авторам: они чаще всего их не замечают. А ведь я более 10 лет назад предупреждал о том, что приближается эра, когда людям придется ходить в масках. Или заявляют, например, что юмор они вообще не публикуют. На что мне пришлось вспомнить народную поговорку: «Над домом, в котором люди не смеются, давно уж черти вьются!». Вместе с тем в русскоязычных периодических изданиях за рубежом (Канада, США, Грузия, Украина) я публикуюсь регулярно и горжусь высоким и самобытным уровнем российской культуры. Прав был С. А. Есенин: «Большое видится на расстоянии». «Но глубокое (*мое*) — только вблизи».

Что же касается моих пожеланий Вам, то позвольте выразиться, как Эдуард Фальц-Фейн — барон-аристократ, наследник рода, создавшего заповедник «Аксанья-Нова», ныне живущий в Княжестве Лихтенштейн, произнес после нашей встречи беседы и его подарка (автобиографической книги) при расставании — традиционное, чисто русское напутствие: «Ступайте в делах своих с Богом!».

*С глубоким уважением, Ю. В. Сычевский,
Рочестер, шт. Нью-Йорк, США*

Всему коллективу журнала желаю крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов и МИРА.

*С уважением,
Галина Алексеевна Солонова,
г. Сельцо Брянской области*

Мои самые наилучшие поздравления с юбилеем журнала!

*С большим уважением,
Надежда Кубенская*

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Обращение главного редактора «Приокских зорь» к членам ТРО СПР и авторам журнала

Уважаемые члены ТРО СПР, кандидаты в члены ТРО СПР, авторы «Приокских зорь»!

Просмотрев на общем собрании ТРО СПР 30.08.25 г. вернисаж принесенных авторами книг, огорчился: только книги В. Г. Сапожникова и Я. Н. Шафрана имеют отметку «Библиотека журнала «Приокские зори» на титульном листе. Журнал «Приокские зори» является официальным печатным органом ТРО СПР, поэтому данная отметка не «принижает» статус книги (многие авторы почему-то так считают? Дескать, мы сами с усами (дамы с серьгами в ушах) и не хотим под какую-то «библиотеку» рядиться...), но напротив, повышает реноме издаваемой книги. Обычная практика в книгоиздательстве: принадлежность к серии, той же нашей «Библиотеке...», способствует повышению интереса к книге, причислению ее автора к определенному литературному сообществу и пр. Так что, уважаемые авторы, особенно из числа недавно принятых в ТРО СПР, тем более авторы «Приокских зорь», как консолидирующих творческие силы, в том числе нашего региона: не манкируйте своим участникам в «Библиотеке...» — и вообще «один в поле не воин!».

Со своей стороны наш журнал дает карт-бланш авторам, издающим свои книги в «Библиотеке...», в части публикации в «Приокских зорях» библиографии вновь выходящих книг и рецензий, отзывов (если автор сам об этом побеспокоится) на них.

Напоминаем: автор ставит в верхней части титульного листа книги логотип: **БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**, а на другой странице указывает таковой в окончании библиографического описания книги по образцу: Иванов И. И. <название книги, издательство, год издания, количество страниц> (Библиотека журнала «Приокские зори») в скобках.

Просим считать наше обращение не из ряда (литераторы, а тем более «писатели со стажем», люди, как правило, подозрительные — см. «обоснование» в «Мастере и Маргарите» М. С. Булгакова...) «корысти для», но исключительно преследующим цель организационного единства ТРО СПР и творческого сплочения.

С уважением, главред «Приокских зорь», профессор Алексей Афанасьевич Яшин

* * *

За значительный вклад в просветительскую деятельность члены ТРО Союза писателей России Олег Пантиухин, Владимир Сапожников, Валерий Маслов и Алексей Яшин награждены Тульской Региональной Общественной Просветительской организацией «Знание» (председатель правления С. В. Гайдамак) памятными медалями. Дипломом «За плодотворную просветительскую работу в Туле и области» награжден член ТРО СПР Евгений Трещев.

«ТУЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

■ ТЕМЫ ■ СПЕЦПРОЕКТЫ ■ ПОРТФОЛИО ■ КОНКУРСЫ ■

Главная | Статьи | 04 ноября 2025 г.

Литература | Статьи

И травы звенели на чёрном ветру

Елизавета Баранова

Родилась и живёт в Туле. Кандидат технических наук, доцент.

Автор стихотворений, педагогской, художественной, философской, практической и духовной тематики, «Погода о дожде», поэмы «Балзак», венок сонетов и циклов стихотворений, романа «Гармонические катастрофы», Автор книг: «Магниты истины», «Гармонические катастрофы», «Ходят звезды», «Добро слово», «Добро остается скромным», «Одна из твоих». Подготовлена к изданию рукопись еще одной книги.

Публиковалась в журналах и альманахах Тулы, Тульской области, Москвы, Московской области, Смоленска, Петербурга, Красногорска, Белка

(Алтайский край), Минска (Белоруссия), Бурятии.

Поздравляем Елизавету Баранову с публикацией в Литературной газете lgz.ru/ № 44 (7008) от 05.11.2025 г.

* * *

В Тульском государственном Музее оружия состоялась презентация книги члена Клуба боевых друзей музея **Н. А. Макарова** «Кавалеры полководческих орденов земли Тульской».

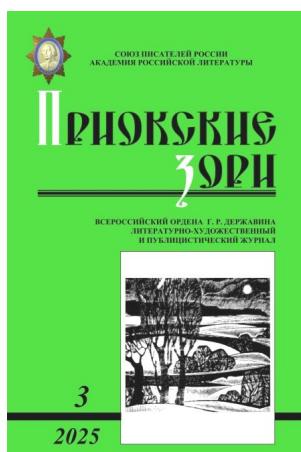
Мероприятие организовано в дни героической обороны города Тулы в 1941 году и посвящено участникам тех исторических событий.

Новый биографический справочник объединил материалы о туляках — Героях Советского Союза, Героях Социалистического Труда, маршалах и генералах, награжденных во время Великой Отечественной войны высшими воинскими орденами.

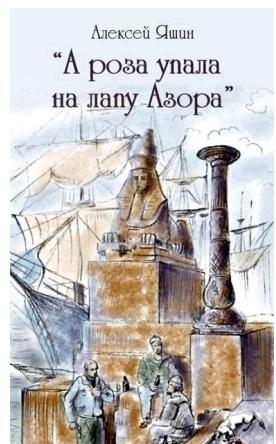
* * *

Обращение главного редактора журнала «Приокские зори» А. А. Яшина к авторам (полностью опубликовано на странице).

/Проза в понедельник/

Дорогие читатели «Тулы литературной», мы продолжаем публиковать книгу писателя **Алексея Яшина** «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»: ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ».

* * *

Творчество Геннадия Маркина

На странице опубликованы произведения писателя:

«Презумпция невиновности»

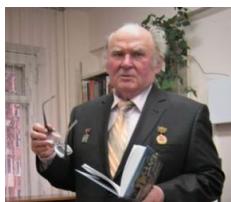
«Алтуховский Каин»

«Отцовское завещание»

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТОРАМ ТУЛЫ

По материалам Константина Шестакова

17 августа — день рождения тульского поэта Валерия Георгиевича Ходулина (1937—19.12.2022). Почетный гражданин города-героя Тулы. Заслуженный работник культуры РФ.

18 августа — 95 лет со дня рождения Татьяны Николаевны Архангельской (1930—2015), литературоведа, музеиного работника, Заслуженного работника культуры РФ, ведущего научного сотрудника Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», уроженки г. Тулы.

18 августа 1959 года — день рождения тульской журналистки Веры Александровны Кирюниной.

31 августа 1948 г. — день рождения тульского журналиста Сергея Георгиевича Розенфельда.

31 августа 2000 года (25 лет назад) скончался тульский журналист Валентин ЛАМКОВ. Работал ответственным секретарем областной газеты «Коммунар».

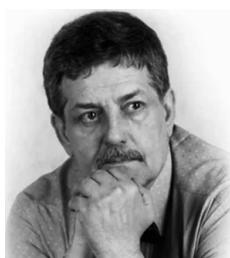
28 августа 1974 года — день рождения тульской журналистки Натальи Николаевны Костомаровой.

26 августа — день рождения тульского краеведа, писателя Владимира Шербакова.

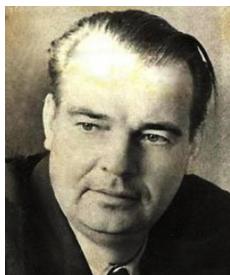
28 августа — день рождения и юбилей тульской поэтессы, музыканта, композитора Изольды Агибаловой.

27 августа — 65 лет поэту, члену Союза писателей России Александру Вишневецкому.

24 августа — день рождения знаменитой тульской тележурналистки Аллы БОГОСЛАВСКОЙ.

3 сентября — день рождения тульского поэта Геннадия Яковлевича Шманя (1931—10.03.1999).

3 сентября — день рождения члена СПР, руководителя Тульской литературно-музыкальной студии «Вега» Натальи Роговой.

2 сентября — день рождения известного российского и тульского поэта Валерия Савостьянова.

4 сентября 2023 г. на 94-м году жизни скончался руководитель литературного объединения, член СПР, поэт, ветеран Вооруженных Сил России Марк Самойлович Дубинский.

6 сентября 2016 г. умер легендарный тульский журналист Владимир Александрович Кузнецов.

8 сентября скончался тульский журналист Тимур Тепленин (12.11.1965 — 2021).

8 сентября 1941 года — день рождения тульской тележурналистки Галины Моисеевны Цой.

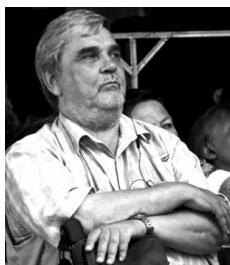
13 сентября — день рождения тульского писателя Людмилы Георгиевны Молчановой (1913—1988).

11 сентября — день рождения тульского журналиста Андрея Жизлова.

11 сентября — день рождения тульского журналиста Евгения Ивановича Кулемина.

11 сентября — 75 лет со д. р. Александра Гелиодоровича Ермакова (1950 — 02.09.2013), тульского журналиста, в 1991—1997 гг. главреда «Тульских известий».

15 сентября 1959 года — день рождения тульской журналистки Марины Валентиновны Панфиловой.

22 сентября — день памяти поэта и баснописца Николая Борисовича Кирьянова (29.03.1902—22.09.1988). С 1933 г. жил в Туле. Член Союза советских писателей, председатель тульской секции Союза. Один из организаторов Тульского областного литературного объединения (1948).

21 сентября 1995 года (30 лет назад) погиб Игорь Филимонов, главный редактор Тульского областного еженедельника «Проспект».

20 сентября — день рождения поэта Егора Козлова, председателя Тульского областного литературного объединения «Пегас» имени писателя В. Пахомова.

19 сентября — день рождения тульского старейшего прозаика, литературоведа, журналиста и общественного деятеля Сергея Львовича Щеглова (1921—2020).

19 сентября — день рождения тульского прозаика, сценариста, литературного критика, лауреата «Золотого пера Тулы» в 2023 году Александра Евсюкова.

24 сентября 1963 года — день рождения тульской журналистки Валерии Игоревны Грызловой.

27 сентября 1965 года — день рождения тульской радиожурналистки Тамары Яковлевны Соловьевой.

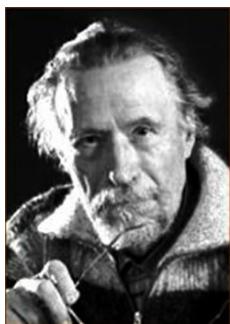
29 сентября — день рождения тульского журналиста Геннадия Чемоданова.

2 октября — день рождения тульской журналистки Татьяны Власовой.

2 октября — день рождения писателя-публициста и краеведа Михаила Владимировича Майорова (2.10.1967—18.08.2023).

5 октября 2025 г. исполняется 85 лет со дня рождения Бориса Филипповича Сушкова (1940—2015), литературоведа, культуролога, философа, члена Союза театральных деятелей РФ, члена Союза российских писателей, лауреата премии имени Л. Н. Толстого (1997).

7 октября 2020 года (пять лет назад) скончался известный тульский театральный деятель и литератор Генрих Викторович Каспин.

9 октября — 90 лет со дня рождения тульского поэта Юрия Щелокова (09.10.1935 — 1986).

9 октября 1968 г. — день рождения тульского журналиста Михаила Юрьевича Маткина.

12 октября — день рождения ветерана тульской журналистики Владимира Крекшина.

13 октября — день рождения тульского журналиста Дмитрия Ждакаева.

14 октября — день рождения тульской журналистки Елены Шулеповой.

15 октября — день рождения тульской поэтессы, музыканта Юлии Юмакс.

16 октября — 150 лет со дня рождения Любови Михайловны Белкиной (1875 — 1944), поэтессы, прозаика. С 1917 г. жила в Туле.

20 октября — 91 год одному из старейших тульских художников, философу и поэту Александру Новгородскому. Он сейчас живет и работает в Дагестане, но не порывает связей с Тулой.

20 октября — день рождения тульской журналистки Марины Писаревской.

19 октября 2015 года (десять лет назад) не стало Сергея Ивановича Ждакаева, известного тульского журналиста, бывшего собкора газеты «Известия».

19 октября — день памяти писателя Ивана Федоровича Панькина (1.12.1921—1998).

19 октября — день рождения тульской журналистки Елены Гуденчук (Рябиковой).

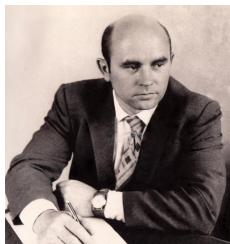
22 октября — день рождения тульской журналистки Ирины Михайловны Скибинской.

22 октября 1935 года (90 лет назад) — родился Анатолий Иванович Брагин (умер 29 мая 2006 года).

23 октября — 100 лет со дня рождения заместителя редактора тульской областной газеты «Коммунар» Николая Владимировича Степочкина.

26 октября — пятнадцать лет назад скончался писатель Александр Тихонович Харчиков (1936—2010).

28 октября 2016 года (девять лет назад) в городе Щекино Тульской области после продолжительной тяжелой болезни скончался поэт, прозаик, публицист Геннадий Георгиевич Мирошниченко (Геннадий Мир).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присыпать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); межстрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присыпать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт *Times New Roman*, размер 14, межстрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присыпать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); межстрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, *Times New Roman*, межстрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высыпать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: tmitohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин

Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов

Компьютерная верстка и изготовление

оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2025
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

К 75-ЛЕТИЮ ОТВЕТСТВЕННОГО
РЕДАКТОРА-СЕКРЕТАРЯ (ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)
«ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» ЯКОВА НАУМОВИЧА ШАФРАНА

От имени читателей и авторов «Приокских зорь» редакция и редколлегия журнала поздравляют своего бессменного редактора-секретаря (зам. главного редактора), главного редактора литературно-художественного альманаха «Ковчег» (альманаха журнала «Приокские зори»), члена редколлегии «Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», действительного члена Академии российской литературы, лауреата всероссийских литературных премий «Левиша» им. Н.С. Лескова и «Белуха» им. Г.Д. Гребенищкова, лауреата белорусской литературной премии им. Вениамина Блаженного и лауреата «Российского писателя», автора многих книг и многочисленных публикаций в двух десятках российских периодических изданий, удостоенного медалей «Василий Шукшин», «Анна Ахматова», «М.В. Ломоносов» и других —

ЯКОВА НАУМОВИЧА ШАФРАНА

с Юбилеем и желает талантливому, всероссийски известному писателю-прозаику, поэту и литературно-философскому публицисту, находящемуся на пике творческих сил и устремлений, дальнейших успехов на ниве отечественной словесности и активного участия во всероссийском литературном процессе.

В честь Юбилея Яков Наумович удостоен награды Союза писателей России — медали «Николай Рубцов».

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА
ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
ЗА 2025 ГОД

Евгений Маркович Скоблов в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за цикл рассказов, опубликованных в № 2 и № 4, 2025 «ПЗ», написанных в лучших традициях современного русского рассказа. Евгений Скоблов — прозаик, член Союза писателей России, автор двадцати семи книг художественной прозы крупных и малых форм. Лауреат и дипломант многих литературно-обществен-

ных премий, российских и международных литературных конкурсов (см. в № 2, 2025 «ПЗ» пространный отзыв Таисии Кучерюк на творчество Евгения Скоблова). Активный участник всероссийского литературного процесса. Председатель правления Академии российской литературы. Главный редактор литературного альманаха (журнала) «Московский Парнас» — «Вестника Академии российской литературы». Руководитель четырех проектов коллективных сборников публицистики. Член редколлегии журнала «Приокские зори».

Александр Александрович Палиадин в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за продолжающийся цикл публикаций в № 2, 2023; № 1 и № 4, 2024; № 3 и № 4, 2025 «ПЗ», посвященных страницам истории нашей страны в наиболее значимых событиях жизни народа и государства. Автор — ветеран отечественной журналистики. В 1973—1986 гг. работал собкор-

ром в Канаде и США. Печатался в главных газетах и журналах СССР и России. Лауреат премии «Огонька» за 1983 год. Автор многих историко-публицистических книг. В 1990—1991 гг. работал в Администрации Президента СССР руководителем службы информации президента. Регулярно публикуется в «Литературной газете» и «Приокских зорях».

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии